

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

А. М. ЩЕРБАК

ГРАММАТИКА
СТАРОУЗБЕКСКОГО
ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД

1 9 6 2

АННОТАЦИЯ

Книга содержит систематическое описание фонетики, морфологии и синтаксиса староузбекского языка. Анализируются также исторические обстоятельства формирования этого языка, дается обзор истории его изучения. Среди вспомогательных материалов имеется раздел о староузбекском стихосложении.

Издание рассчитано на научных работников — тюркологов.

Ответственный редактор
А. К. БОРОВКОВ

СОКРАШЕНИЯ

I. ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ РУКОПИСЕЙ, НАДПИСЕЙ И Т. П.

Абушка	— ابوجاشقا (Словарь джагатайско-турецкий. Изд. В. В. Вельяминов-Зернов. СПб., 1868).
Б	— بابور: رساله والديه دیوان (А. Н. Самойлович. Собрание стихотворений императора Бабура, ч. I. Текст. Пг., 1917).
БЛ	— تالى' خەرەبى: بىدائع اللغت (А. К. Боровков. Бада'и ал-лугат. Словарь Тали' Имәнй Гератского. М., 1961).
БН	— بابور: باپېر نامە (Бабер-намә, или Записки султана Бабера. Изд. Н. И. Ильминского. Казань, 1857).
М	— میرادج نامہ — Mirâdj-nâmeh. Traduit et annoté par A. Ra- vet de Courteille. Paris, 1882.
МА	— ناۋاڭ: ميزان الاوزان (Алишер Навоий. Мезонул авзон. Критик текст тайёровчи Иzzat Султонов. Тошкент, 1949).
Мах.	— ناۋاڭ: محبوب القلوب (Алишер Навои. Возлюбленный сердец. Изд. А. Н. Кононов. М.—Л., 1948).
МЛ	— مەھدىخان: مبانى اللغت (E. Denison Ross. The Mabâni'l-lughat being a grammar of the turki language in Persian by Mirzâ Mehdi khân. Bibliotheca Indica. New Series. Nr. 1225. Calcutta, 1910).
МН	— Ҳөрөзмүй: معجم چەنگىچىقۇم نامە — مەعجمە (A. M. Шербак. Огуз-наме. Мұхаббат-наме. М., 1959).
МХ	— میر ځایدار: مخزن الاسرار (Казань, 1858).
Мұх.	— ناۋاڭ: محاکمه اللغتین (Chrestomathie en turc oriental, par M. Quatremère, 1 ^{er} fasc. Paris, 1841).
ОШ	— Ярлык 'Омар-Шейха (П. М. Мелиоранский. Документ уйгурского письма султана Омар-Шейха. ЭВО РАО, т. XVI, вып. I, 1904, стр. 01—012).
Сан.	— Sanglax. A Persian Guide to the Turkish Language, by Muhammed Mahdi Xân. Facsimile Text with an Introduction and Indices by Sir Gerard Clauson. London, 1960.
ХШ	— Құтб: خسرو و شیرین (A. Zajaczkowski. Nai-

- starsza wersja turecka Ҳusrâv u Ӯrîn Quṭba, część I.
Tekst. Warszawa, 1958).
- ШН — Мұхаммед Җалих: شیخنی نامه (Мұхаммед Салих. Шейбани-намә (посмертное издание П. М. Мелиоранского, завершенное А. Н. Самойловичем). СПб., 1908).
- ЭД — Эмірі: دیوان (А. Н. Самойлович. Из тюгов чагатайда Эмири. ДАН—В, Л., 1926, стр. 75—77).
- ЯА — Ярлык Абұса'їда (А. N. Kurat. Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait Yarlık ve bitikler. Dil ve Tarih-Coğrafya Fakultesi yayılardan, Tarih serisi, I, İstanbul, 1940, ss. 195—200).
- ЯТ и ЯТК — Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга (В. В. Радлов. Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга. ЗВО РАО, т. III, вып. I и II, 1888, стр. 1—40).
- ЯШ — Ярлык Шәхруха (J. Deny. Un soyrgal du timouride Şâhrûb. JA, т. CCXLV, fasc. 3, 1957, pp. 253—266).

II. РУКОПИСИ И ФОТОКОПИИ РУКОПИСЕЙ

- А — Атā'ī: (ИВ АН СССР, В. 2456).
- Аҳ — Аҳмедій: ووجامه‌ذینک اراسیندرا مناظره و مباحثه (Брит. Музей, Add. 7914/XI, лл. 3216—328; фотокопия ИВ АН СССР).
- ДН — Эмірі: ده نامه (Брит. Музей, Add. 7914/VII, лл. 2286—272a; фотокопия ИВ АН СССР).
- Дж. — Джавхарі: ڦھم (Брит. Музей, Or. 8193; фотокопия ИЯ АН СССР).
- Қ — Қамбар оғлы: ڦھم سعے ڦھم (Брит. Музей, Or. 8193; фотокопия ИЯ АН СССР).
- Қас. — Қасим: ڦھم سعے (Брит. Музей, Or. 8193; фотокопия ИЯ АН СССР).
- Л — Лутфій: دیوان (Брит. Музей, Add. 7914/VI, лл. 158—227; фотокопия ИВ АН СССР).
- Л (I, II, III, IV) — Лутфій: ڦھم سعے ڦھم (Брит. Музей, Or. 8193; фотокопия ИЯ АН СССР).
- Мадж. — Нава'їй: مجالس النغائس (ИВ АН СССР, В. 270).
- Мб — Манչур баҳши: ڦھم سعے (Брит. Музей, Or. 8193; фотокопия ИЯ АН СССР).
- Мас. — ڦھم سعے ڦھم (Брит. Музей, Or. 8193; фотокопия ИЯ АН СССР).
- НДж — Нава'їй: نظم الجواهر (ИВ АН Уз.ССР, № 1743).

- НМ — Нава'їй: نسامح المحبة (ИВ АН Уз.ССР, № 5420).
- РК — راحت القلوب (Брит. Музей, Or. 8193; фотокопия ИЯ АН СССР).
- С — ساکای: دیوان (Брит. Музей, Or. 2079; фотокопия ИВ АН СССР).
- СК — ڦھم سعے ڦھم (Брит. Музей, Or. 8193; фотокопия ИЯ АН СССР).
- СН — سال نامه (ИВ АН СССР, В. 721, лл. 2036—2066).
- ТМ — ناریخ ملوک عجم (ИВ АН СССР, А.109/II).
- ТН — سیدی احمد: تعشیق نامه (Брит. Музей, Add. 7914/VIII, лл. 2736—2896; фотокопия ИЯ АН СССР).
- ХМ — نمسه المتحیرین (ИВ АН Уз.ССР, № 2242).
- ЧД — نہاد چهار دیوان (ИВ АН Уз.ССР, № 677).
- Э — ڦنکو جاغر اراسیندرا مناظره (Брит. Музей, Add. 7914/XII, лл. 3296—3376; фотокопия ИВ АН СССР).
- Я — یاق نیمنک مناظروسوی (Брит. Музей, Add. 7914/X, лл. 3146—321a; фотокопия ИВ АН СССР).

III. ПРОЧИЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АН — Академия наук.
- ДАН—В — Доклады Академии наук СССР, серия В, М.—Л.
- ЗВО РАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества, СПб.
- Брит. — британский.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения, СПб.
- Зап. — записки.
- ЗКВ — Записки Коллегии востоковедов, Л.
- ИВ — Институт востоковедения.
- Изв. — известия.
- ИЯ — Институт языкоznания.
- ОЛЯ — Отделение литературы и языка.
- Росс. — российская.
- Рукоп. — рукописный.
- СВ — Советское востоковедение, М.—Л.
- JA — Journal Asiatique, Paris.
- JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society, London.
- MS — manuscript.
- RO — Rocznik Orientalistyczny, Kraków.
- ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Leipzig.

„Когда я вступил в пору разумения и когда все-вышний Аллах возбудил во мне склонность к необыкновенным вещам и сделал естественным стремление войти в понимание тонких и трудных предметов, появилась необходимость поразмыслить и о тюркской речи. И вот тут-то перед глазами обнаружился мир, превосходящий 18 000 миров; вдохновению открылась такая роскошная сфера, которая больше девяти небес; представилась здесь такая сокровищница достоинства и величия, жемчужины которой сверкают сильнее бриллиантов небесных светил; встретилась лужайка, цветы которой раскрылись более, чем звезды“ (Нава'й. Мұхаммат ал-Лугатайн, стр. 21).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Грамматика староузбекского языка в том виде, в каком она написана нами, охватывает материалы определенного исторического периода (XIV—XVI вв.).¹ Она содержит описание и анализ фонетических особенностей, а также грамматических форм, встречающихся в текстах официального делопроизводства, исторической, религиозной и художественной литературы.

Учитывая, что грамматическое описание узбекского языка в принятом нами хронологическом плане постоянно связано с исследованием литературных источников указанного периода, мы предполагаем фонетике и грамматическому очерку краткое текстологическое описание последних, а также характеристику их языка вообще и, в ряде случаев, частных языковых особенностей.

Данная работа, будучи грамматическим описанием узбекского языка периода XIV—XVI вв., должна дать некоторое представление и о том, что в современной лингвистической литературе вкладывается в понятие „язык писателя“ (ср. например, употребление архаических форм в поэзии Бабура и создание особого языкового колорита в произведениях поэтов-суфиев). Правда, это представление в любом случае будет очень ограниченным и бледным, однако общий уровень наших

¹ Настоящая работа является продолжением „Грамматического очерка языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана“. За ней следует описание следующего периода и далее очерк истории узбекского языка, который будет составлен на основе всестороннего сопоставления трех синхронных разрезов, относящихся к разным периодам времени, и результатов их исследования.

знаний о творчестве классиков староузбекской литературы, с одной стороны, и своеобразие самого языка, постоянно испытывавшего унифицирующее влияние книжного штампа, с другой, таковы, что не позволяют достичь большего.

По возможности в грамматике приведены и подчеркнуты факты диалектного разделения узбеков, но и в этом случае необходимо довольствоваться более чем скромными результатами, так как проникновение диалектизмов в произведения художественной, исторической и религиозной литературы носило случайный характер.

Хотя в нашем восприятии система форм и звуков узбекского языка в период с XIV по XVI в. выступает как определенная статическая данность и историзм работы определяется главным образом тем, что берется не современное, а одно из древних состояний языка, мы, однако, учтываем внутреннюю соотнесенность разных элементов, их продуктивность, постоянство или неустойчивость, степень употребления и т. д., т. е. все, что так или иначе характеризует язык в его развитии.

При изучении и толковании поэтических текстов, составляющих основную группу источников грамматики, необходимо знание стихотворных размеров и особенностей тюркской пропсодии. Поэтому в заключительной части работы помещен специальный раздел под названием „Система староузбекского стихосложения“.

Второй специальный раздел представляет собой краткий словарь тюркских, персидских и арабских грамматических терминов, встречающихся в староузбекских грамматиках, словарях и разного рода трактатах. Он составлен в основном по текстам Мабани' л-Лугат Мехдий-хана, Мұхаммат ал-Лугатайн Нава'й, по словарям Абушка и Келюр-нәме и по словарю Фатх 'Али-хана Каджарского.

К грамматике приложен морфологический указатель.

Все примеры, использованные в работе, взяты из текстов. Большая часть их сопровождается указанием на источник и соответствующую страницу или стих. В случаях, являющихся типичными для староузбекского языка, примеры даны без ссылок. Во всех случаях мы пользуемся радловской транскрипцией,

внося в нее лишь небольшие изменения. Для слов арабского и персидского происхождения, о действительном фонетическом облике которых в староузбекском языке пока трудно говорить со всей определенностью, введены особые знаки, отражающие их графическое своеобразие: *с* (ص), *з* (ض), *т* (ث), *тъ* (ڦ), *зъ* (ڻ), *а* (ا), *ă* (اً), *ă* (اً), *ă* (اً), *ă* (اً). Таким образом, эта часть примеров транслитерируется.

ВВЕДЕНИЕ

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СТАРОУЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Изучение староузбекского языка имеет длительную традицию, которая зародилась в то время, когда в Средней Азии и за ее пределами стали широко известны произведения Навāй.

Первые труды, посвященные староузбекскому языку (XVI—XVIII вв.), были филологическими и преследовали чисто практические цели: в них объяснялись отдельные слова из сочинений Навāй и его предшественников и комментировались грамматические формы.¹

В прошлом столетии староузбекский язык привлек к себе внимание многих западных и русских тюркологов, исследовавших его с разных точек зрения и с разными целями.

Наиболее ранним описанием староузбекского языка в Европе является работа Г. Вамбери.² Однако автор ее, пользующийся наименованием „чагатайский язык“ и рассматривающий „чагатайский“ язык как непрерывную живую языковую традицию, существовавшую вплоть до времени написания работы, описывает главным образом современный ему узбекский язык и в значительно меньшей степени — староузбекский. Грамматический очерк в работе Г. Вамбери занимает 16 страниц, затем следует небольшой раздел, посвященный литературе, хрестоматии и словарь. Работа Г. Вамбери, особенно в ее грамматической части, сильно устарела и фактически утратила свою научную ценность. Г. Вамбери опубликовал также текст и перевод Шейбāйн-нāме.³

Почти одновременно с Г. Вамбери изучением староузбекского языка занимался Э. Катрмер, издавший хрестоматию по лите-

¹ См. ниже, раздел „Словари, грамматики, филологические трактаты“.

² H. Vámbéry. Cagataische Sprachstudien. Leipzig, 1867.

³ H. Vámbéry. Die Scheibaniade. Ein özbegisches Heldengedicht in 76 Gesängen von Prinz Mohammed Salih aus Charezm. Text, Übersetzung und Noten. Wien, 1885.

ратуре классического периода (на основе произведений Нава'й).⁴

Аналогичную работу в более широком масштабе проделал И. Н. Березин, первый том „Турецкой хрестоматии“ которого посвящен „чагатайскому“ языку и включает в себя отрывки из разных текстов.⁵ И. Н. Березин, кроме того, описал ряд староузбекских рукописей из хранилищ Петербурга⁶ и издал прозаический текст Шейбаний-наме.⁷

Изучением староузбекских словарей продолжительное время занимался В. В. Вельяминов-Зернов — издатель „чагатайско-турецкого словаря „Абушқа“⁸ и автор очерка, содержащего характеристику многих лексикографических работ тюрksких и персидских авторов.

Зачинателем исследования частных вопросов грамматики староузбекского языка явился Н. И. Ильминский,⁹ осуществлявший также издание текста Бабур-наме по рукописи Г. Я. Кера.¹⁰

Особое место среди исследователей староузбекского языка занимает А. Паве-де-Куртей, издавший ряд текстов и переводов (Бабур-наме, Ми'радж-наме, Таэкира-и авлия)¹¹ и значительный по объему словарь.¹²

⁴ M. Quatremère. Chrestomathie en turk oriental contenant plusieurs ouvrages de l'emir Ali-Schir. Paris, 1841.

⁵ И. Н. Березин. Турецкая хрестоматия, т. I. Казань, 1857.

⁶ И. Н. Березин. Описание турецко-татарских рукописей, хранящихся в библиотеках С.-Петербурга. Статья вторая — ЖМНП, ч. LIV, отд. III. 1847, стр. 33—56; Статья третья — ЖМНП, ч. LIX, отд. III. 1848, стр. 1—24.

⁷ И. Н. Березин. Шейбаниада. История монголотюрков на джагатайском диалекте. Казань, 1849.

⁸ В. В. Вельяминов-Зернов. Словарь джагатайско-турецкий. СПб., 1868.

⁹ Н. И. Ильминский. Материалы для джагатайского спряжения из Бабер-наме. Казань, 1865.

¹⁰ Н. И. Ильминский. Бабер-наме, или Записки сultана Бабура. Казань, 1857.

¹¹ A. Pavet de Courteille. 1) Mémoires de Baber, tt. I, II. Paris, 1871—1873; 2) Mirâdj-nâmeh. Publié pour la première fois d'après le manuscrit ouïgour de la Bibliothèque Nationale. Paris, 1882; 3) Tezkeréh-i Evlia. Paris, 1889.

¹² A. Pavet de Courteille. Dictionnaire turk-oriental destiné principalement à faciliter la lecture des ouvrages de Bâber, d'Aboul-Gâzi et de Mir-Ali-Chir Nevâî. Paris, 1870.

На протяжении последних трех-четырех десятилетий достижения в исследовании староузбекского языка в целом и в изучении отдельных источников были связаны главным образом с именами А. Н. Самойловича, А. К. Боровкова и К. Брокельмана. А. Н. Самойлович дал глубокую лингвистическую и текстологическую характеристику произведений Нава'й, Атâ'й, Эмирий и др., написал несколько очерков по „среднеазиатской“ литературе¹³ и издал ряд текстов.¹⁴ Что касается А. К. Боровкова, то им проделана большая работа по изучению древнейших памятников староузбекского языка и подготовлен к изданию ряд староузбекско-персидских словарей, например словарь Бадâ'й ал-лугат Җали Херевий и словарь Фатх 'Алî-хана Каджâрского. Несколько статей А. К. Боровкова посвящено творчеству Нава'й и других староузбекских поэтов.¹⁵ Наконец, в ряде статей рассматриваются частные вопросы фонетики и морфологии староузбекского языка.¹⁶

¹³ А. Н. Самойлович. Собрание стихотворений императора Бабура, ч. I. Текст. Пг., 1917; Мухаммед Салих. Шейбани-наме (посмертное издание П. М. Мелиоранского, завершенное А. Н. Самойловичем). СПб., 1908.

¹⁴ А. Н. Самойлович. 1) Четверостишия-туйуги Невай. Мусульманский мир, вып. I. Пг., 1917, стр. 3—15; 2) Из туюгов чагатайца Эмири. ДАН—В, 1926, стр. 75—77; 3) Чагатайские туюги Лютфи. ДАН—В, 1926, стр. 78—80; 4) Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе, IV. Чагатайский поэт XV века Атаи. ЭКВ, т. II, вып. 2, 1927, стр. 257—274; 5) Персидский тюроколог XVIII века Мирза Мехди-хан. Изв. Об-ва обследования и изучения Азербайджана, № 5, Баку, 1927, стр. 3—15; 6) Отрывок из „Та'ашшук-наме“ с игрою рифмующих слов. ДАН—В, 1927, стр. 36—38; 7) К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка. Сб. „Мир-Али-Шир“, Л., 1928, стр. 1—23.

¹⁵ А. К. Боровков. 1) Изучение жизни и творчества Алишера Навои. Сб. „Родоначальник узбекской литературы“, Ташкент, 1940, стр. 11—29; 2) Алишер Навои (к 500-летию со дня рождения). СВ, I, 1940, стр. 107—111.

¹⁶ А. К. Боровков. Ценный источник для истории узбекского языка. Изв. АН СССР, ОЛЯ, т. VIII, вып. 1, М.—Л., 1949, стр. 67—76; 2) Очерки истории узбекского языка, II. СВ, VI, 1949, стр. 24—51; 3) Из материалов для истории узбекского языка. Тюркологический сб., I, М., 1951, стр. 73—79; 4) К вопросам фонетического анализа стихов Навои. Илмий асараар (Ученые труды). Низомий номидаги Тошкент Давлат педагогика институти, Тошкент, 1959, стр. 5—12; 5) Произношение в стихах Навои. Изв. АН СССР ОЛЯ, т. XIX, вып. 3, М., 1960, стр. 211—221.

К. Броккельманом написана „Грамматика языка мусульманской литературы Средней Азии“, источниками которой явились памятники XI—XIII вв. (Диван Махмуда Кашгарского, Кутадгу билиг, Хибат ал-хақақа иқ, Қысағ ал-анбия и т. д.), сочинения классиков староузбекской литературы и произведения поздней суфийской литературы — XVII—XIX вв.¹⁷

Хотя в общем составе источников, судя по приведенным примерам, староузбекская литература рассматриваемого периода (XIV—XVI вв.) в грамматике К. Броккельмана занимает небольшое место, все же можно сказать, что эта работа является в какой-то мере и грамматикой староузбекского языка. Она включает краткое описание источников, фонетику, морфологию и синтаксис.

Отдельные вопросы, связанные с изучением староузбекского языка, в последние годы получили освещение в работах А. Н. Кононова, К. К. Юдахина, Дж. Клосона, К. Менгеса, Я. Эккмана, Э. Рустамова, Г. Ф. Благовой, А. Усманова, Х. Сулейманова, В. Д. Артамошиной, Ш. Шукурова и других.

Таким образом, написание данной грамматики было подготовлено и отчасти явилось итогом исследований, проводившихся в области староузбекского языка местными филологами, а также дореволюционными русскими, советскими и зарубежными специалистами на протяжении нескольких столетий.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА РАССМАТРИВАЕМОГО ПЕРИОДА

Узбекский язык рассматриваемого периода (XIV—XVI вв.) мы называем староузбекским.

Наименование „староузбекский“ является относительно новым. Старая тюркологическая традиция избегала его и пользовалась другим наименованием — „чагатайский“, особо подчеркивая при этом книжный, сугубо литературный характер последнего. О староузбекском языке, в отличие от „чагатайского“, говорили только в тех случаях, когда необходимо было противопоставить языку произведений узбекских классиков общий

¹⁷ C. Brockelmann. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatur-Sprachen Mittelasiens. Leiden, 1954.

разговорный язык, язык „простого народа“ или язык кочевников Приаралья. Таким образом, в традиционном употреблении понятия „чагатайский“ и „староузбекский“, как правило, имели неодинаковое содержание и резко противопоставлялись одному другому.

Где и когда, т. е. на какой диалектной основе и в какое время, возник „чагатайский“ язык, установить довольно трудно. Обращает на себя внимание то, что в произведениях классиков староузбекской литературы, исключая предшественников Навай, формы и фонетические особенности с ярко выраженной диалектной принадлежностью почти не встречаются. Очевидно, в эпоху Навай „чагатайский“ язык имел уже большую историю и оторвался от той или иной конкретной диалектной базы. Во всяком случае в XV в. он существовал в том виде, какой принято называть классическим.

Вопрос о литературной норме „чагатайского“ языка никем не ставился. Свообразным эталоном в этом отношении, начиная с XV в., служил язык Навай, а несколько позже и язык Бабура. Всякие же попытки поставить этот вопрос в конечном итоге выливались в борьбу за равноправие и простоту тюркской речи, глубоко отразившуюся у Навай (Мұхәкамат ал-лугатайн, Лайлай ва Маджнүи и др.), в наставлениях Бабура своему сыну Хумайдону, в „Шаджара-и тюрк“ Абү-л-ғәй и т. д. При этом борьба за простоту литературного языка не шла дальше теоретического обоснования ее необходимости: использование оборотов, не свойственных народной тюркской речи, и широкое употребление арабо-персидской лексики остаются характерными для литературного языка на протяжении нескольких столетий.

Изысканность, обилие персидских и арабских заимствований, своеобразная препарация оборотов живой речи и наличие уйгуранизмов дали повод некоторым крупным тюркологам считать „чагатайский“ язык искусственным. „Восточный тюркский, или джагатайский, язык, — пишет В. В. Радлов, — не есть язык Средней Азии, как нас уверяют султан Бабер и новейший исследователь его, Вамбери. Это такой же искусственный, литературный язык, как и литературный язык османский; образовавшись вследствие исторических обстоятельств, он теперь

служит литературным языком восточных тюрков, говорящих очень различными наречиями. Основанием его служил литературный язык уйгуров, выработавшийся до влияния на них мусульманского образования и до нашествия на них монгольских племен".¹⁸

Для доказательства искусственности „чагатайского“ языка и резкого отличия его от языка народа в широком смысле этого слова обычно пользуются следующими высказываниями Абӯ-л-ғāз̄ӣ, извлеченными из „Шаджара-и түрк“ и „Шаджара-и тарāқима“: „Чтобы эту историю знали все плохие и все хорошие, я изложил ее на тюркском языке и по-турски говорил так, чтобы было понятно пятилетнему ребенку. Ни одного слова из чагатайского түркӣ, из персидского и арабского языков я не добавляю بُر کیمە جختای ترکی سیندین و فارسیدین و عربی دین قوشماي (میں)¹⁹“ и „Да будет известно всем, что те, кто слагали до нас историю тюрок, чтобы показать народу свой талант и искусство, примешивали арабские слова, а также добавляли персидские слова, а тюркскую речь превращали в рифмованную прозу. Мы не делали ничего подобного, ибо тот, кто будет читать или слушать (чтение) этой книги, конечно, будет тюрок, а с тюрком надо говорить по-турски, чтобы каждому было понятно“.²⁰

Однако, из высказываний Абӯ-л-ғāз̄ӣ не следует, что „чагатайский“ язык был искусственным языком. Абӯ-л-ғāз̄ӣ говорит только о лексике, отбор которой в большой степени зависел от лингвистических вкусов и симпатий отдельных авторов. С другой стороны, необходимо отметить, что сам Абӯ-л-ғāз̄ӣ пользуется далеко не чистым тюркским языком и указание на отсутствие у него каких бы то ни было лексических элементов „чагатайского“ языка не соответствует действительности. При этом фраза „с тюрком надо говорить по-турски, чтобы каждому было понятно“ звучит странно, если учесть, что в оригинальном тексте она имеет — в части грамматической конструкции — явно выраженную персидскую окраску, ср.: түрк-lärgä түркänä ајтмак кёрәк тә уларнїң барчасї фахм кіл-

¹⁸ В. В. Радлов. Ярлыки Темир-Кутлуга и Токтамыша. ЗВО РАО, т. III, вып. 1—2, 1888, стр. 2.

¹⁹ شۇڭقۇرىش تۈرك رукоп. отдел ИВ АН СССР, В. 721, л. 236.

²⁰ А. Н. Кононов. Родословная туркмен. М.—Л., 1958, стр. 36.

бajlar bىزنىң ajtىan sözimىنى.²¹ Таким образом, и тот язык, который Абу-л-ғāз̄ӣ с большой уверенностью считает общедоступным тюркским языком, содержит изрядное количество иноязычных элементов. И это не удивительно, если принять во внимание широкие масштабы взаимодействия тюркского и иранского населения в Средней Азии и весьма распространенное двуязычие тюрок, о котором Навай писал буквально следующее: „Тюроки от большого до малого, от нукера до бека владеют языком сартов в такой степени, что могут говорить на нем о делах, относящихся к их повседневной жизни, некоторые (при этом) говорят даже вполне литературно“.²²

Безусловно, некоторые формы проникали в классическую узбекскую литературу не из живой речи, а исключительно книжным путем. Нельзя, например, рассматривать деепричастие на -бан ~ -бāн у Навай или Бабура как факт живой разговорной среды. По понятным причинам у последнего эта форма присутствует только в стихах и совсем не встречается в прозаическом тексте. То же самое можно сказать и о ряде других форм.

Несомненно также и то, что литературный (книжный) язык, в отличии от разговорного, характеризуется несколько индивидуализированным подбором лексики, с большим упором на арабские и персидские элементы и с использованием устоявшихся стилистических приемов.

В целом же староузбекский литературный язык не настолько отделен от разговорного языка, чтобы можно было провести между ними резкую и строго определенную границу. Нет, по существу, никаких оснований относиться с недоверием к сообщению Бабура, подчеркивающего связь и сходство литературного (книжного) языка с языком народа.²³ И прав, конечно, Н. И. Ильминский — первый русский издатель мемуаров Бабура, когда отмечает, что „Бабур, писавший без всякого притязания на литературное щегольство и имевший в виду сочинения Мир

²¹ Точный перевод фразы: 'С тюрками надо говорить по-турски, чтобы все они понимали сказанные нами слова'.

²² M. Quatremère. Chrestomathie en turc oriental. 1er fasc. Paris, 1841, p. 6.

²³ См.: Бобир-нома, I қ. Тошкент, 1948, б. 18.

Алишира, без сомнения, удержал в возможной чистоте язык родного ему Андикана".²⁴

Изложенное выше дает основание пользоваться одним наименованием — „староузбекский язык“. Охватывая последним всю совокупность проявлений живой узбекской речи в период с XIV в. по XVI в., мы, тем не менее, отдаляем себе отчет в том, что уже в XVI—XVII вв. авторитет классиков староузбекской литературы способствовал консервации их литературного языка, который, не будучи изменяемым, стал производить впечатление частично омертвевшей языковой нормы.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ОБРАЗОВАНИЯ УЗБЕКСКОЙ НАРОДНОСТИ И ФОРМИРОВАНИЯ СТАРОУЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Разделение каганата караханидов в середине XI в. на два обособленных государства: восточное — со столицей в Баласагуне, а затем в Кашгаре, и западное — со столицей в Узген(д)е, позднее в Самарканде,²⁵ положило начало образованию двух центров консолидации восточнотуркестанских тюрок, в то время как монгольское нашествие усугубило различия, вызванные первоначальным разделением. Бывший в течение некоторого времени относительно единым Чагатайский улус уже в последней четверти XIII в. распался на две части: Мавераннахр — центральную область между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей, и Моголистан, включавший территорию Восточного Туркестана и Семиречья.

Государственное, политическое и экономическое обособление среднеазиатских центров к концу XIV в. становится настолько значительным, что почти всякие связи с Кашгаром утрачиваются.

Формирование узбекской народности и развитие староузбекского языка в этот период определяются обстоятельствами, вы-

²⁴ Бабер-намә, стр. I.

²⁵ См.: O. Pritsak. Karachanidische Streitfragen, 1—4. Oriens, V. III, Nr. 2. Leiden, 1950, S. 228.—Бабур называет Узген столицей древней Ферганы, см. БН: ...ва Үзіңд кў каҳим Фарғанәнің пайтаҳт әкәндур (128).

текающими из специфики исторического процесса на указанной территории. В данном случае выступает обычное для Востока взаимодействие кочевнической и оседлой части общества. „У всех восточных племен, — отмечает К. Маркс, — можно проследить с самого начала истории общее соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся кочевничеством другой части“.²⁶

Оседание кочевников в Мавераннахре, Шаше и Фергане происходило в течение нескольких столетий как мирным путем, так и в результате ожесточенной междоусобной борьбы и набегов. В легенде, которая приводится в анонимном сочинении под названием „Шаджарат ал-атрак“ описан один из моментов передвижения кочевников в XIII—XIV вв. в Мавераннахр: „...а когда каждого из тех людей, которые вместе со святым Сейид-Ата и Султан-Мухаммед-Узбек-ханом выступили в поход и шли (в Мавераннахр), спрашивали, кто эти идущие, то они избирали (для ответа) имя предводителя и царя своего, которое было Узбек. По этой причине с того времени пришедшие люди стали называться узбеками...“²⁷ Нас в данном случае не интересует вопрос, касающийся истинности этих истоков для последующего этнического наименования тюркского населения юго-восточной и центральной части Средней Азии. Важен тот факт, что для историков XV—XVI вв., писавших на персидском и тюркских языках, представлялось достоверным и очевидным продвижение кочевников в Мавераннахр еще в начале XIV в., так как годы правления Узбек-хана относятся к первой половине XIV в. (1312—1342 гг.).

Особую роль в усилении натиска кочевников на земли оседлых тюркских и иранских племен сыграло образование государства Абӯ-л-ҳайр-хана, завоевавшего в середине XV в. область нижнего течения Сыр-Даръи с городами Сыгнаком, Узгеном и Сузаком.

О том, что этнический состав узбеков-кочевников и оседлых узбеков, называвшихся просто тюрками, частично совпадал,

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М., 1953, стр. 37.

²⁷ Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном. Сб. материалов, относящихся к истории Золотой Орды, II, М.—Л., 1941, стр. 206—207.

2 А. М. Щербак

свидетельствует список племен, представители которых принимали участие в возведении Абӯ-л-хайра на ханский престол, ср. тангут, кунграт, дурмен, найман, хатай, уйгар, карлук, ушун, мангыт и др.

Проникновение кочевников в оазисы в XIII—XIV в. и завоевательное движение Абӯ-л-хайра способствовали распространению в низовьях Сыр-Дарьи западнотюркских (кыпчакских) элементов. Следует сказать, что они изменили соотношение диалектных группировок, вызвали смешение некоторых диалектных явлений, однако не в такой степени, чтобы можно было говорить об их полном перераспределении. А. Ю. Якубовский справедливо отмечает: „...кочевники-узбеки застали, если не на всей территории современного Узбекистана, то во всяком случае на огромной ее части, густое тюркоязычное, т. е. тюркское и тюрокализированное, население, которое долго жило здесь культурной жизнью и складывалось в процессе слияния с другими, более древними народами, жившими здесь со времен глубокой древности. Кочевники-узбеки вошли в это тюркоязычное население лишь как последнее слагаемое, передав ему свое имя“.²⁸

Процесс проникновения в местный язык кыпчакских элементов был многосторонним и довольно длительным. При этом в разных местах он имел разную степень интенсивности: в некоторых районах указанный процесс привел к образованию смешанных, кыпчакизированных, говоров, в других местах кыпчаки оседали компактной массой, сохранившей продолжительное время свою обособленность и не оказывавшей заметного влияния на местные диалекты.

В западной и северо-западной части Мавераннахра и особенно в южном Хорезме староузбекский язык подвергался сильному влиянию огузских племен, важная роль которых в образовании узбекской народности совершенно очевидна.

Таким образом, возникновение узбекской народности и староузбекского языка явилось результатом сложного взаимодействия местного тюркского населения Мавераннахра и Ферганы

²⁸ А. Ю. Якубовский. К вопросу об этногенезе узбекского народа. Ташкент, 1941, стр. 3.

с кочевниками Дешти-Кыпчака и населением Хорезма. При этом местное тюркское население само по себе смешалось с иранским и поглотило ряд монгольских племен, известных под общим названием чагатаев.

КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Основными источниками при написании грамматики староузбекского языка служили произведения художественной, исторической и религиозно-повествовательной литературы, письма, деловые документы, многочисленные „чагатайско“-персидские и другие двуязычные и толковые словари, а также специальные филологические сочинения, принадлежащие узбекским и не-узбекским авторам.

Приступая к характеристике названных групп источников, мы должны отметить еще раз то обстоятельство, что в развитии так наз. чагатайской литературы и чагатайского языка сыграли большую роль факты литературной преемственности и литературных связей.

Развитие староузбекского языка в его классической форме было подготовлено не только чисто внутренними моментами: усилением процесса формирования узбекской народности, осознанием единства тюркского населения Ферганы и Мавераннахра и т. д., но в известной мере также и внешними фактами, а именно: развитием литературного языка Кашгара и существованием на территории, прилегающей к Аральскому морю, золотоордынского языка, сочетавшего в себе блеск изысканной литературной речи с присутствием значительного количества диалектных элементов.

Восточнотуркестанский литературный язык Кашгара уже рассматривался нами в одной из предыдущих работ. Он имеет определенные хронологические границы, не совпадающие со временем расцвета староузбекской литературы и оформления староузбекского языка, занимает довольно обособленное положение в отношении последнего, несмотря на то, что оказал большое влияние на его развитие, и, естественно, не может быть объектом исследования в данной работе.

Что касается золотоордынского языка, то он, хотя и хронологически предшествует образованию классического староуз-

бекского языка и имеет несколько своеобразные истоки (смешанная кыпчакско-огузская диалектная база Приаралья), все же является разновидностью последнего и должен занять соответствующее место в нашем исследовании.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ И ИСТОРИКО-МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Наиболее крупными из произведений художественной и историко-мемуарной литературы являются поэтические сочинения Күтба, Ҳорезмӣ, Сиди Аҳмеда, Лутфӣ, Атâ'ӣ, Сакқâй, Ҳоджандӣ, Мир Ҳайдара (поэтическое прозвище „маджзӯб“), Навâ'ӣ, Бâбура, Муҳаммеда Сâлиҳа, также сочинения, написанные в прозе, Навâ'ӣ и других авторов.

ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ЦИКЛ

Құтб. Никакими биографическими сведениями о Құтбе мы не располагаем. Можно лишь предположить, что он происходил из Хорезма и жил в первой половине XIV в.

Құтб известен как автор тюркской (золотоордынской) версии поэмы Низәмӣ „Ҳосрав и Ширин“; поэма Құтба была написана в 1341—1342 гг. и посвящена Тîнî-беку (Тîнî-беку),²⁹ старшему сыну Узбек-хана.

Единственный список сочинения Құтба хранится в Национальной Библиотеке Парижа.³⁰ Он составлен в 1383 г. Составителем списка является Берке, выходец из кыпчакских степей, живший в Египте.

Сочинение Құтба состоит из традиционных вступительных глав, глав, в которых прославляются Тîнî-бек и ҳан Малик и объясняются причины написания книги, и основного раздела, в котором изложена история любви Ҳосрава и Ширин, а также Фархâда и Ширин.³¹

²⁹ См.: P. Pelliot. Notes sur l'histoire de la Horde d'or. Paris, 1950, p. 96.

³⁰ См.: E. Blochet. Catalogue des manuscrits turcs. Bibliothèque Nationale, t. I. Paris, 1932, p. 133; A. Zajęczkowski. Zabytek językowy ze Złotej Ordy, Husrev u Širin Quṭba. RO, t. XIX, Warszawa, 1954, ss. 45—79.

³¹ Полный текст издан А. Зайончковским: A. Zajęczkowski. Najstarsza wersja turecka Husrev u Širin Quṭba, część I. Tekst. Warszawa, 1958.

В языковом отношении „Ҳосрав и Ширин“ отличается от других поэтических произведений золотоордынского цикла — таких, как, например, Мұҳаббат-нâме и Та'ашшуқ-нâме. Расхождения наблюдаются и в лексике, и в фонетике, и в морфологии. Можно смело сказать, что с языковой стороны данный вариант следует рассматривать и как памятник золотоордынского цикла и как произведение караханидской эпохи, стоящее в одном ряду с Кутадгу билиг и Хибат ал-ҳақâ'иқ (Atebetü l-hakayik).

Укажем некоторые из фонетических и морфологических особенностей поэмы Құтба (ХШ):

широкое употребление межзубного ә — бәðүк 'высокий' (16), іðі 'господин' (16), кәðүрді 'одел (он)' (26), ёðү 'хороший' (4а), адакін 'ногу' (4а), күдүк 'колодец' (5а), кодуп 'положив' (5а), қадүз 'печаль' (216), ёðärläп 'оседлав' (30а);

наличие формы повелительного наклонения 3-го лица единственного числа на -су ~ -сү — кәлсү 'пусть прийдет' (16), јётсү 'пусть достигнет' (66), болсу 'пусть станет' (96), калмасу 'пусть не останется' (41а);

широкое использование деепричастия на -(j)y ~ -(j)ү — ҳәлкүлү бәр 'реши' (16), іздәјү 'ища' (2а);

многовариантность аффиксов, образующих формы предлогательно-желательного наклонения 1-го лица единственного и множественного числа (-ім ~ -ім, -бәјім ~ -тәјім, -ін ~ -ін, -бәјін ~ -тәјін, -лім ~ -лім, -балім ~ -тәлім, -лїң ~ -лің, -бәлің ~ -тәлің) — јәврәлім 'отвернем-ка' (36), ајајім 'скажу-ка' (7а), кілалің 'сделаем-ка' (96), бакајін 'посмотрю-ка' (116), качалің 'убежим-ка' (16а), інәлің ' выпьем-ка' (16а), кіzlärgäjіn 'спрячу-ка' (186), іздәлің 'поищем-ка' (216), јәгәлім 'поедим-ка' (296), ојна-балің 'поиграем-ка' (356);

употребление собирательных числительных на -аðу ~ -әгү и кратких форм порядковых числительных типа бірінч — төртәгү 'четверо' (56), ікінч 'второй' (11а), ўчінч 'третий' (116), ікәнгү 'двоє' (296);

использование формы местного падежа в значении исходного — анда соң 'затем' (2а), кәтті әңдә алї 'ушла с щек краска' (17а);

частичное сохранение полных личных форм условного наклонения — табсамân 'если найду' (76), табмасамân 'если не найду' (14 б).

Перечисленные особенности свидетельствуют о том, что поэма Кутба принадлежит к наиболее ранним из известных нам произведений золотоордынского цикла и что она является важным источником не только староузбекского, но и других среднеазиатских тюркских языков.

Ҳөрәзмй. Ҳөрәзмй — тахаллус (прозвище) поэта, жившего в XIV в.

Нам известно только одно произведение Ҳөрәзми — Мұхаббат-нәме, написанное в 1353 г. где-то на территории Хорезма или, шире, Приаралья, о чем говорит сам автор, см. Add. 7914, л. 311б: „Я произнес здесь слова Мұхаббат-нәме, всё я написал на берегах Сыр-Дарьи“.

Самый ранний список Мұхаббат-нәме — уйгурский (Or. 8193), хранящийся в Британском Музее. Он составлен в год мыши, 835 г. х., в начале месяца раджаба (1432 г.), в г. Йезде, по приказанию Мир Джалаәл ад-дина. Весь список располагается на 14 листах, из которых один или два последние перепутаны. Данный список ценен тем, что он появился всего лишь через 79 лет после написания оригинала.

Вторая рукопись Мұхаббат-нәме, написанная арабскими буквами, принадлежит также Британскому Музею (Add. 7914).³² Она датируется началом XVI в. (1508/1509 гг.). Рукопись занимает 24 листа (лл. 290—313), заключает в себе 11 писем-посланий и отличается от первой главным образом размерами, наличием больших вставок персидского текста и в отдельных случаях иным порядком расположения полустиший и стихов.

Для Мұхаббат-нәме характерно наличие большого количества звуковых и морфологических особенностей, свойственных языкам западной и южной групп; ср., например, выпадение конечных заднеязычных в положении после узких гласных у существительных и прилагательных, непостоянство группы *лт*, присутствие формы дательного падежа на *-а ~ -ә* и формы винительного падежа на *-и ~ -и*, употребление деепричастия на *-бач ~ -гäч*, послелога *ila* (в качестве средства выражения орудно-комитативных значений), формы настояще-будущего време-

³² См.: Ch. Rieu. Catalogue of the Turkish Manuscripts in the British Museum. London, 1888, p. 290 (в дальнейшем: Rieu).

мени на *-їсар ~ -icär*, почти не встречающейся в староузбекских текстах.

В целом однако язык Мұхаббат-нәме почти не выходит за пределы норм, объединяющих литературные произведения Хорезма и Мавераннахра, так что нет оснований рассматривать его в связи с какой-либо другой литературно-языковой традицией, например, староосманской.

Мұхаббат-нәме получило широкое распространение в Средней Азии. Об этом свидетельствует, в частности, появление подражательных сочинений Сиди Аҳмеда (Та'ашшуқ-нәме) и Ҳоджендій (Латәфат-нәме) и использование одного двустишия из Мұхаббат-нәме 'Алӣ Шёром Навай в Мұхакамат ал-лугатайн.³³

Сиди Аҳмед. Сиди Аҳмед — личность недостаточно определенная. В. В. Бартольд, ссылаясь на А. Н. Самойловича, указывает на возможность толкования одного места в Та'ашшуқ-нәме в том смысле, что поэт называет себя сыном Мирән-шা�ха, и отмечает вместе с тем, что в одном из сочинений Сиди Аҳмед упоминается среди сыновей 'Омар-шайха.³⁴ Далее В. В. Бартольд приводит текст отрывка, описывающего события 1455—1456 гг., извлеченный из хроники 'Абд ар-Раззака, в котором Сиди Аҳмед определенно назван сыном Мирән-шা�ха: „султан Аҳмед бен Сейид Аҳмед бен мирза Мирән-шах“.³⁵

По нашему мнению, выражение *iбн-i Mîrân-shâh*, встречающееся в тексте Та'ашшуқ-нәме и относящееся к автору, дает основание считать, что упоминание его среди сыновей 'Омаршайха было ошибочным.

Сиди Аҳмед является автором Та'ашшуқ-нәме — поэмы, написанной в подражание Мұхаббат-нәме в 1435 г. Единственный список этого сочинения, известный специалистам, хранится в Британском Музее, где он составляет часть большой рукописи (Add. 7914, лл. 273—289), описанной в каталоге Ш. Рье.³⁶ В указанную рукопись входят, кроме Та'ашшуқ-нәме, Мұхаббат-нәме, диван Лутфий и другие произведения.

³³ M. Quatremère. Chrestomathie en turc oriental, p. 11.

³⁴ В. В. Бартольд. Улугбек и его время. Зап. Росс. АН, VIII-я серия, т. XIII, № 5, Пг., 1918, стр. 70.

³⁵ Там же, стр. 70.

³⁶ Rieu, pp. 289, 290.

Та'ашшуқ-нәме состоит из вступления, десяти посланий, нескольких посвящений и заключительного текста. Почти каждое послание состоит из основной части, газели и заключения, в котором говорится о характере и смысле существования.

Язык Та'ашшуқ-нәме не обнаруживает ничего, что могло бы образовать заметную границу между ним и классическим староузбекским языком XIV—XVI вв. Как и в других текстах золотоордынского цикла, в Та'ашшуқ-нәме в основном отражены фонетические особенности языка населения центральных областей Средней Азии, причем количество признаков кыпчакского и огузского происхождения заметно сокращается. Особенно показательна в этом отношении морфология языка Та'ашшуқ-нәме, в которой черты южной группы тюркских языков, в виде огузского вклада, занимают незначительное место. Так, форма винительного падежа на *-i ~ -i* (*-ji ~ -ji*) прослеживается не более четырех раз, форма дательного падежа на *-a ~ -ä* с различными вариантами для основ, имеющих притяжательное оформление — немногим больше, отрицательная частица *dögjl* — один раз, причастие на *-acī ~ -äci* — два раза. Для лексики Та'ашшуқ-нәме характерно наличие таких слов, которые обычны для любого староузбекского текста.

К литературным памятникам золотоордынского цикла отчасти примыкает один из списков Сәл-нәме, составленный в довольно позднее время. Он образует заключительную часть (В. 721, лл. 2036—2066) рукописи сочинения Абӯ-л-ғәзӣ Шаджара-и тюрк, составленной в Бухаре в 1234 г. х. (1818/1819 гг.).

Бухарский список Шаджара-и тюрк и список Сәл-нәме составлены в одно время и одним и тем же лицом. Что касается оригинала Сәл-нәме, то, как справедливо заметил А. Н. Самойлович, есть „основания предположить, что оригинал сборника примет был написан в западном Туркестане в XIV—XV вв.“.³⁷ Место написания данного экземпляра — область между Сыр-Дарьей и Аму-Дарьей, примыкающая к Хорезму. На это указывает упоминание в тексте Сыр-Дарьи, а также наличие

³⁷ А. Н. Самойлович. К вопросу о двенадцатилетнем животном цикле у турецких народов. Сб. в честь С. Ф. Ольденбурга. Л., 1927, стр. 156.

своебразных грамматических форм, например порядковых числительных на *-ланҷӣ*, ср.: *тoқузланҷӣ* 'девятый', *онланҷӣ* 'девятый'.

Сборник состоит из двух частей. В первой повествуется о годах двенадцатилетнего „животного“ цикла и о связанных с ними приметах. Во второй части говорится, каким будет новый год в зависимости от того, на какой день недели выпадет наvrӯz.

Из числа характерных языковых особенностей Сәл-нәме можно назвать своеобразную передачу звука *p* как в заимствованных, так и в собственно тюркских словах, ср.: *арфа* 'ячмень' (л. 2046), *фiја॒з* 'лук (растение)' (л. 205а), *фâlîз* 'огород', 'бахча' (л. 206а), имеющую, по-видимому, хивинское происхождение.

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ НАВАЙ

Промежуточное положение между литературой золотоордынского цикла и классической староузбекской литературой конца XV—начала XVI вв. в языковом отношении занимают поэтические произведения предшественников Наваи:³⁸ Лутфӣ, Атା'и, Сакқাকӣ, Яқбыи, Эмӣрӣ, Аҳмединӣ, Мир Ҳайдарӣ, Муқимӣ, Гадаӣ и других.

Лутфӣ. Лутфӣ известен как крупный узбекский поэт конца XIV—начала и середины XV вв. Поэтическое искусство Лутфӣ было настолько высоким и совершенным, что 'Али Шёр Наваӣ находил возможным называть его „дарем слова своего времени“ (أوز زمانى نينك ملک الکلامى) и утверждал, что равного ему в персидской и тюркской поэзии не было, хотя слава Лутфӣ как тюркского поэта несомненно значительнее (اما ترکی دا شهیرتی).³⁹ Умер Лутфӣ в 1492 г., на 99-м году жизни, в Герате.⁴⁰

Из произведений Лутфӣ хорошо известны его газели. Газели, касыды Лутфӣ, а также другие поэтические формы встречаются

³⁸ О предшественниках Наваи см. статью: Э. Рустамов. Народные элементы в узбекской поэзии первой половины XV в. Сб. „Вопросы узбекской литературы“, Ташкент, 1959, стр. 371—414.

³⁹ مجالس الشفائيں. Рукоп. отдел ИВ АН ССР, В. 270 (а 281), л. 42а.

⁴⁰ تذکرہ التواریخ. Рукоп. отдел ИВ АН Уз.ССР, № 2093, л. 149а.

в собраниях многих рукописных хранилищ, чаще в составе поэтических антологий (غزليت), реже в монографических сборниках — диванах. Один из ранних списков дивана (часть рукописи Add. 7914) принадлежит Британскому Музею.⁴¹ Относительно поздний список (A. 109) имеется в рукописном отделе Института востоковедения Академии наук СССР в Ленинграде.⁴² Значительная часть газелей Лутфий входит в рукописный сборник библиотеки Стамбульского университета (№ 2753), объединяющий под названием Мұхаббат-нәме диваны Навәй, Эмийр и сочинение Мир Ҳайдара Маҳзан ал-асрәр. Несколько списков дивана Лутфий находится в собрании восточных рукописей Академии наук Уз.ССР (121/V, 1431, 5023/I, 5024/I). Все они были составлены в XIX в. (время составления трех последних списков устанавливается предположительно).⁴³ Самый ранний из арабских списков, относимый к началу XVI в., хранится в Британском Музее.⁴⁴ Четыре газели Лутфий входят в сборник, написанный уйгурскими буквами в Йезде в 1432—1433 гг. (Брит. Музей. Or. 8193); несколько газелей и касыд имеется в составе рукописей №№ 2260/X, 4502 и др. (Рукоп. отдел ИВ АН Уз.ССР).

Кроме дивана, Лутфий принадлежит также поэма Гюлю Навруз, написанная в стихотворной форме месневи,⁴⁵ и стихотворный перевод Зафар-нәме Шараф ад-дина Йездий (более двух тысяч двустиший), который не сохранился.

Язык Лутфий, как и других поэтов — предшественников Навәй, обнаруживает ряд особенностей кыпчакского и огузского

⁴¹ Rieu, p. 286.

⁴² Институт востоковедения (Академии наук СССР) с 1960 г. носит наименование „Институт народов Азии“. В предлагаемой работе сохранено старое наименование, поскольку оно в сокращенном виде (ИВ) пока продолжает употребляться в каталогах, указателях и т. п.

⁴³ Собрание восточных рукописей АН Уз.ССР, т. II. Ташкент, 1954, стр. 170—173 (в дальнейшем: Собр. вост. рукописей).

⁴⁴ Rieu, p. 288 (Add. 7914/VI).

⁴⁵ Rieu, p. 285 (Add. 7914/III); G. Flügel. Die arabischen, persischen und türkischen Handschriften der Kaiserlich-Königlichen Hofbibliothek zu Wien, I. Wien, 1865, S. 614 (№ 649) (в дальнейшем: Flügel). Полное наименование у Г. Флюгеля: كتاب كل نوروز لطفى اوستاد حضرت نواشى. При этом автором назван Навәй. См. также: H. Ethé. Catalogue of the Persian, Turkish, Hindūstānī and Pushtū Manuscripts in the Bodleian Library, Part II. Oxford, 1930, p. 1194 (в дальнейшем: Ethé).

происхождения: отпадение в некоторых случаях конечных заднеязычных после узких гласных, наличие специфических падежных форм и т. д.

Атәй (Атай). Об Атәй в Маджәлис ан-нафә'ис⁴⁶ сообщается следующее: он жил в Балхе; его отец Исмә'ил-ата, как установил А. Н. Самойлович, являлся преемником Сайид-ата и последователем Ахмеда Есеви.⁴⁷ Некоторые сведения из биографии Атәй сообщает Навәй. Из этого сообщения следует, что Атәй „был суфием, имел добрый и веселый нрав درویش (رویش) و خوش‌خلق و منبسط کیشی ایردی“ (تورکی کوی ایردی). Навәй приводит также одно из двустиший Атәй и указывает на мелкую погрешность в рифме, ср.:

اولتۇرۇر
بۇلۇر

замечая при этом, что Атәй писал (букв.: говорил) по-туркски и поэтому не заботился о рифме امّا مولانا ترکانە ایتۇر ایردی قافیه (اختیاطیغە مقید ایمام ایردی)⁴⁸.

Газели Атәй, собранные в диване, сохранились в одном списке, принадлежащем Рукописному отделу Института востоковедения в Ленинграде (В. 2456). Этот список состоит из 76 листов небольшого формата и заключает в себе 260 газелей.⁴⁹ Есть основания считать его довольно ранним.

Саккәй. Саккәй, живший приблизительно в то же время, что и Атәй, — житель Мавераннахра, о чём он сообщает сам в одной из газелей:

ماورالنھیر ايچرا قالدىم جون كە ايکى يانىمە
كوزلاريم زىينىڭ بىرىسى سېمۇن بىرىسى جىيەن ايلادى
‘Я остался в Мавераннахре, так как
возле меня, с двух сторон,
один мой глаз образовал Сыр-Дарью, а
другой — Аму-Дарью’.⁵⁰

⁴⁶ مجالس النفائس Рукоп. отдел ИВ АН СССР, В. 270, лл. 43а—43б.

⁴⁷ А. Н. Самойлович. Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе, IV. Чагатайский поэт XV века Атаи, стр. 259.

⁴⁸ مجالس النفائس Рукоп. отдел ИВ АН СССР, В. 270, л. 43а.

⁴⁹ Полное описание рукописи см. у А. Н. Самойловича, ук. соч., стр. 257, 258.

⁵⁰ См.: دیوان سکاکی Брит. Музей, Or. 2079, л. 306 (по фотокопии).

Навā'й, говорящий о Саккāкī как о жителе Самарканда, пишет, что он пользовался большим доверием населения этого города. Репутация Саккāкī как поэта была чрезвычайно высока, и самарканцы воздавали ему хвалу. Между тем сам Навā'й относит Саккāкī к числу второстепенных поэтов. Он сообщает далее, что пытался найти в Самарканде что-либо из произведений поэта, но что ничего заслуживающего похвалы не оказалось. В связи с этим Навā'й говорит о существовании молвы, утверждавшей, что все хорошие стихи Саккāкī присвоил и выдал за свои Лутфī (أوغولاب اوْز آتىيغه قىلىپب دور). По словам Навā'й, в действительности ничего подобного не было.⁵¹

Некоторые данные, например обращение Саккāкī в одной из касыд к Ҳалайл-султāну, правившему Самарканом в 1404—1408 гг., позволяют считать, что он умер не раньше конца первого десятилетия XV в.

Диван Саккāкī известен в одном списке, принадлежащем Британскому Музею (Or. 2079).⁵² В нем 31 лист (лл. 3б—33а). Несколько газелей Саккāкī включены в рукописный сборник № 4757, хранящийся в Ая-София (лл. 163—167).

Яқbнй. Яқbнй — один из малоизвестных предшественников Навā'й. В Маджāлис ан-нафā'ис он назван сразу после Лутфī.⁵³ Навā'й характеризует Яқbнй как человека довольно энергичного и достойного уважения и отмечает, что он писал стихи на тюркском и персидском языках. В Рийāз аш-шū'ārā (см. у Ш. Рьё) Яқbнй упоминается с дополнительной нисбой (Херевī), указывающей на его гератское происхождение. Даты рождения и смерти Яқbнй неизвестны. Однако можно предположить, что умер он не раньше сороковых годов XV в.

Из поэтических произведений Яқbнй сохранились отдельные двустишия, часть из них приводится в его прозаическом сочинении, одно двустишие имеется в Маджāлис ан-нафā'ис.

В прозе Яқbнй увековечил свое имя как автор очень острого полемического произведения (مناظر)—Оқ йайнынг мунāзарасы „Состязание лука и стрелы“. Единственный список этого мунā-

⁵¹ مجالس المفاصل. Рукоп. отдел ИВ АН СССР, В. 270, лл. 44а—44б.

⁵² См.: Rieu, p. 284.

⁵³ مجالس المفاصل. Рукоп. отдел ИВ АН СССР, В. 270, л. 43а.

зара хранится в Британском Музее.⁵⁴ Он входит в состав рукописи Add. 7914 (лл. 314б—321а).

Излагаая спор стрелы, символизирующей прямоту, правдивость, и лука, олицетворяющего ложь и лицемерие, Яқbнй обильно цитирует персидских поэтов,⁵⁵ а также Атā'й (318а), Саккāкī (319б), Лутфī (319б) и Гадā'й (321а). Бесспорную ценность представляют отрывочные характеристики староузбекских поэтов, сопровождающие цитаты из их произведений (ср. ينه سکای کیم ترک شاعرلار نینه مجتهدی دور; ينه مولانا لطفی که طبع بېرلە ظرفماشیلار ایرور).

Аҳmedī. Имеющиеся у нас сведения об Аҳmedī чрезвычайно скучны и недостаточны для того, чтобы определить его место среди староузбекских поэтов — предшественников Навā'й. Неясно также, в каком отношении к Аҳmedī находится автор Искандер-нāме (тоже Аҳmedī),⁵⁶ живший во второй половине XIV в.

Аҳmedī — автор мунāзара, в котором в качестве спорящих сторон выступают танбур (تنبوره) и разные музыкальные инструменты: 'уд (عود), чанг (چنگ), кобуз (قوبوز), ятуган (ياتوغان), рубаб (رباب), гыджак (غیچک), кунгра (کونکه). Число основных глав соответствует количеству названных выше музыкальных инструментов, помноженному на два: после восхваления собственных достоинств каждого из инструментов и порицания танбура следует ответ последнего. Сочинение Аҳmedī написано в стихах (месневи).

Список мунāзара „Состязание музыкальных инструментов“ является частью рукописи Add. 7914 (XI, лл. 321б—328б).

Эмīрī. Эмīрī — придворный поэт Байсунгура Мирзы, сына Шахруха, умерший в годы юности Навā'й. Последний дает высокую оценку стихам Эмīрī، ترکجه شعری يېخى واقع بولوب تور).

⁵⁴ Rieu, pp. 290, 291 (Add. 7914/X). Текст мунāзара Яқbнй издан, см.: Э. Рустамов. Муназаре „Стрела и лук“ узбекского поэта XV в. Якини. СВ, № 4, 1957, стр. 90—106.

⁵⁵ Ср. мунāзара Асадāй (XI в.), имеющее такое же наименование, как и мунāзара Яқbнй. См.: Е. Э. Бертельс. Избранные труды. История персидско-таджикской литературы. М., 1960, стр. 242.

⁵⁶ См.: Encyclopédie de l'islam, v. IV, p. 993.

однако отмечает, что он не снискал славы (دور) (شهرت توتمای دور), очевидно, пользовался репутацией второстепенного поэта.⁵⁷

Диван Эмірі, содержащий 24 четверостишия-туюга, является частью рукописи № 2753⁵⁸ библиотеки Стамбульского университета. 11 туюгов из дивана Эмірі были изданы А. Н. Самойловичем.⁵⁹

Эмірі также автор *Дах-нәме*, эротической поэмы, которая по содержанию весьма близка к тюркским поэмам золотоординского цикла — Мұхаббат-нәме и Та'ашшуқ-нәме, а также к произведениям Аұхаді, 'Арифі, Хұмәм Тебріз и Ибн 'Имаді,⁶⁰ написанным на персидском языке. В композиционном отношении *Дах-нәме* несколько отличается от Мұхаббат-нәме и Та'ашшуқ-нәме: каждое послание содержит не только обращение влюбленного к возлюбленной или наоборот, но и ответ того или другого. В целом структура послания такова: 1) обращение, 2) ответ, 3) газель, 4) фард. Различны и более мелкие детали композиции. Таким образом, почти несомненно, что *Дах-нәме* является подражанием непосредственно персидским образцам, на которые ориентировался и автор Мұхаббат-нәме. Возможно, Эмірі был знаком с текстом Мұхаббат-нәме, тем не менее он не копировал его так, как Сіди Ахмед, написавший Та'ашшуқ-нәме.

Дата написания *Дах-нәме* 833 г. х. (1429/1430 г.; см. л. 271б: ایور تاریخی اوجون ضبطی و اجب).

Список *Дах-нәме* хранится в Британском Музее (Add. 7914/VII, лл. 228б—272а).

Мы считаем Эмірі и автора сочинения بنك و جافر اراسیندا⁶¹ „Спор между бәнгом⁶² и вином“, примыкающего к циклу

⁵⁷ مجالس النغائص. Рукоп. отдел ИВ АН СССР, В. 270, лл. 14а, 14б. См. также محاكمة اللغتين, стр. 34.

⁵⁸ В настоящее время эта рукопись, очевидно, имеет другой шифр (T. 5452).

⁵⁹ А. Н. Самойлович. Из туюгов чагатайца Эмири, стр. 75—77.

⁶⁰ См.: Rieu, p. 289.

⁶¹ Ср. поэму Фузулі. بنگ و باده. См.: Л. В. Дмитриева. Тюркские рукописи Института востоковедения АН СССР. Проблемы Востоковедения, № 4, М., 1959, стр. 144; Я. С. Мицук. Рукопись дивана Физули Восточного факультета ЛГУ (рукопись, в ИЯ АН СССР).

⁶² Индийская конопля (род наркотика).

мунәзара, Юсуфа Эмірі, одним лицом. „Спор между бәнгом и вином“, так же как *Дах-нәме*, входит в состав рукописи Add. 7914 (ХII, лл. 329б—337б).

Мир Ҳайдар. К имени Мир Ҳайдара присоединяется поэтическое прозвище „маджзуб“ (ср. также Ҳайдар „тәлба“), означающее „экстатический, восторженный, помешанный“. Мир Ҳайдар занимал важное место среди старших современников или предшественников Навәй. В этом отношении примечательны разные факты и прежде всего многократное цитирование его в „чагатайско“-турецком словаре Абушқа, где в основном приводятся отрывки из произведений Навәй и Лутфі. Согласно сведениям, изложенным Навәй в Маджалис ан-нафә'ис (лл. 23а—23б), Мир Ҳайдар был образованным человеком и хорошо знал светские науки ظاهر علوميين. Как и многие другие поэты того времени, он писал не только по-туркски, но и по-персидски.⁶³

Возможно, что под именем Мир Ҳайдара выступали две исторические личности, с тахаллусами „тәлба“ („маджзуб“) и „сабухи“.

Сочинение Мир Ҳайдара „тәлба“ — Маҳзан ал-асрәр, назидательно-религиозная поэма, написанная в подражание одноименному произведению Низәмі и посвященная султану Искандеру Мирзе.

Текст поэмы (по списку Британского Музея) разделен на одиннадцать рассказов (حكایت). Кроме того, он включает в себя два особых раздела (سوز باشی و مقالت).⁶⁴

Хорошо сохранившийся список Маҳзан ал-асрәр имеется в Британском Музее (Add. 7914/IV, лл. 115—141).⁶⁵ Второй, находящийся там же, список сочинения Мир Ҳайдара (Or. 3491) существенно отличается от первого и обнаруживает ряд лакун.⁶⁶

Третий список Маҳзан ал-асрәр, состоящий из 26 листов, был приобретен в конце XVIII в. Королевской придворной библиотекой в Вене.⁶⁷

⁶³ مجالس النغائص. Рукоп. отдел ИВ УзССР, № 5289, л. 246.

⁶⁴ Rieu, pp. 286, 287.

⁶⁵ Rieu, p. 286.

⁶⁶ Rieu, p. 298.

⁶⁷ Flügel, S. 612. См также: Gottwaldt. Aus Briefen an Prof. Fleischer. ZDMG, Bd. XIII, Leipzig, 1859, SS. 503, 504 (ср.: مخزن الاسرار Kazan, 1858).

В предисловии к изданию Ми'рādj-nāme Паве-де-Куртей сообщает о приобретении в Тегеране четвертой, уйгурской рукописи Maṣzān al-aṣrār. Тегеранская рукопись, по-видимому, древнейшая из всех известных рукописей этого сочинения. Она датируется XV в. и по характеру письма сходна с Mi'rādj-nāme. Объем рукописи — 55 листов небольшого формата. Данные, относящиеся к композиции текста, несколько отличаются от тех данных, которые приведены у Ш. Рьё по первому списку Британского Музея. Вся поэма, — пишет Паве-де-Куртей, — содержит двадцать مقالات, включая повествовательную часть, предисловие (جیباجە) и заключение (خاتمە). Составителем уйгурского списка является 'Алый-шা�х бахши.⁶⁸

Пятый список Maṣzān al-aṣrār, как сообщает К. Броккельман⁶⁹ имеется в Берлине (?).

Ходжендай. Ходжендай — тахаллус неизвестного поэта, родившегося в Ходженде и пользующегося широкой известностью.

Основное сочинение Ходжендай — Laṭāfat-nāme — написано на ту же тему, что и Muḥabbat-nāme, Ta'ašshuq-nāme и Dax-nāme. Поэма состоит из десяти посланий, имеющих обычную для данного цикла композицию.

Единственный список Laṭāfat-nāme находится в Британском Музее (Add. 7914/V, лл. 142—157).⁷⁰

Вполне вероятно, что Ходжендай, автор Laṭāfat-nāme, и Камāл Ходжендай, видный поэт и известный шейх, составитель дивана персидских газелей, — одно и то же лицо.

Биография Камала Ходжендай имеется в одном из списков его дивана.⁷¹ Он — сын одного из знатных лиц Ходженда, поселившийся после посещения Мекки в Тебризе (Иранский Азербайджан). После захвата Тебриза Токтамышем Камал Ходжендай был направлен в г. Сарай (پدیار دشت قپچاق بشهر) и находился там в течение четырех лет. Затем вернулся в Тебриз, где и умер, по одним данным — в 792 г. х. (1389/1390 гг.).

⁶⁸ См.: A. Pavet de Courteille. Mirādj-nāmeh, pp. XXII—XXXI.

⁶⁹ C. Brockelmann. Osttürkische Grammatik, S. 21.

⁷⁰ Rieu, pp. 287, 288.

⁷¹ رَوْكَرْ شِيْعَخْ كَمَالْ خَجَنْدَى رукоп. отдел ИВ АН Уз.ССР, 159/Х, л. 126а—133а.

по другим — в 808 г. х. (1405/1406 гг.), по третьим — в 803 г. х. (1400/1401 гг.). В хрониках, поэтических антологиях и прочих источниках Камал Ходжендай выступает то как поэт, то как святой (بعضی میکویند از شعراءست و بعضی میکویند از اولیاء است).⁷²

Хусейнай. Хусейнай — поэтическое прозвище Абу-л-Гāзī Хусейн Бāyqārā, тимурида, покровителя 'Алый Шēра Навā'ī. Он родился в 1438/1439 гг. и правил в Хорасане с 1469 по 1506 г.

Хусейнай писал по-туркски и по-персидски, главным образом газели. Сборник его газелей, написанных на староузбекском языке, сохранился в нескольких списках. Один из них, довольно поздний (Брит. Музей, Or. 3379),⁷³ содержит около 150 газелей, другой, более ранний, составленный в конце XVII в. (Брит. Музей, Add. 7926),⁷⁴ — около 140 газелей. В Британском Музее имеется также список, содержащий отдельные газели Хусейнай (Or. 3493). Довольно ранний список дивана Хусейнай (конец XVI в.) хранится в Институте востоковедения в Ленинграде (В. 284). Небольшая часть газелей дана в конце разных списков Маджāлис ан-нафā'ис (см., например: Брит. Музей, Add. 7875, лл. 112—126; Рукоп. отдел ИВ АН СССР, В. 270, лл. 1206—144а и т. д.). Диван Хусейнай включен также в состав парижской копии кулийата (Suppl. turc, № 108), написанной в Герате в 1523/1524—1526/1527 гг.⁷⁵ Один из списков дивана Хусейнай принадлежит университетской библиотеке в Хельсинки.⁷⁶

Джавхарий. Джавхарий — малоизвестный поэт, упоминаемый в Маджāлис ан-нафā'ис („самарканец, надзиратель мыловарни, знающий 'аруз").⁷⁷ Умер в первой половине XV в.

Одна из газелей, написанных Джавхарий, включена в уйгурскую рукопись Британского Музея (Or. 8193).

⁷² Там же, лл. 130а—133а. Аналогичные данные приводятся у Dawlatshāh (см.: The Tadzhkiratu' sh-shu'arā of Dawlatshāh... Ed. by Ed. G. Browne. London, 1901, pp. 325—331).

⁷³ Rieu, p. 299.

⁷⁴ Rieu, p. 256.

⁷⁵ См.: M. Bélin. Notice biographique et littéraire sur Mir Ali-Chir-Névâî. JA, V^e série, vol. XVII, 1861, p. 176.

⁷⁶ См.: J. Aro. Die arabischen, persischen und türkischen Handschriften der Universitätsbibliothek zu Helsinki. StO, t. XXIII, Helsinki, 1958, S. 62.

⁷⁷ مجالس النفاشين Рукоп. отдел ИВ АН СССР, В. 270, л. 40а.

³ А. М. Щербак

Поэт с тахаллусом *Джавхарӣ* фигурирует также в каталоге В. Перча,⁷⁸ где он назван автором поэтической обработки сочинения „Калила и Димна“, в староузбекском переводе.⁷⁹

Қамбар оғлы. Никакими биографическими сведениями о Қамбар оғлы мы не располагаем. Можно сказать определенно лишь о том, что он жил не позднее второй половины XV в. (рукопись Or. 8193 датирована 1432—1435 гг.). В Маджалис ан-нафā'ис упоминаются два поэта с этим именем: Қанбарий из Нишапура (л. 33а) и Қанбарий из Мешхеда (л. 64а). О последнем Навā'й отзыается весьма похвально (شعری یهمان ایمامس).

Из поэтических произведений Қамбара оғлы сохранились три газели в составе рукописи Or. 8193.

Қасим. Полное имя Қасима — 'Алӣ ибн Наṣир ибн Харӯн ибн Абу-л-Қасим ал-Хусейнӣ ат-Тебрīзī. Он умер в 1431 или в 1433/1434 гг.

Қасиму принадлежит диван⁸⁰ и философское сочинение (انیس العارفین, „Друг познавших“), написанные на персидском языке.

Единственная имеющаяся в нашем распоряжении тюркская газель Қасима находится в рукописном сборнике Or. 8193.

Манṣūr баҳши. Манṣūr баҳши — переписчик рукописи Or. 8193, представитель уйгурской каллиграфической школы в Йезде. В упомянутом сборнике Манṣūру баҳши принадлежат четверостишия, изобилующие арабизмами и проникнутые духом мистицизма. Время жизни Манṣūра баҳши — конец XIV в.— первая половина XV вв.

Среди других поэтов, писавших на староузбекском языке, известны Мир Са'ид, дядя Мир 'Али Шёра Навā'й (فتیح‌الله طخایی),⁸¹ Муқимӣ,⁸² Убайдӣ (Убайдулла-ҳан), сын Маҳмӯд Султāна,

⁷⁸ W. Pertsch. Die türkischen Handschriften der Herzoglichen Bibliothek zu Gotha. Wien, 1864, S. 38, № 26 (в дальнейшем: Pertsch).

⁷⁹ Pertsch, S. 168, № 189.

⁸⁰ Рукоп. отдел ИВ АН Уз.ССР, 2286/I.

⁸¹ См.: مجالس النغائس. Рукоп. отдел ИВ АН СССР, В. 270, л. 476. Отмечая большую склонность Мир Са'ида к сочинению стихов на староузбекском языке, Навā'й приводит один из его туюгов.

⁸² Там же, л. 436. — У Навā'й имеется только рефрен одного таржи-банда Муқимӣ.

брата Шейбāнӣ-ҳана,⁸³ Амāнӣ,⁸⁴ Гарibӣ (шах Гарib Мирзā), сына Хусейна Байқарā,⁸⁵ Гадā'ī.⁸⁶

* * *

В языковом отношении поэтические произведения предшественников и ранних современников Навā'й несколько отличаются от текстов золотоордынского цикла. В них в меньшей мере выступают особенности, характерные для кыпчакских диалектов Хорезма, зато намного увеличивается количество элементов южного (огузского) происхождения.

Огузские элементы проникали в язык староузбекской поэзии в основном непосредственно из соответствующих диалектов Мавераннахра. Вместе с тем нельзя отрицать и значение литературно-книжной преемственности: заметное влияние на развитие среднеазиатской литературы оказывали поэты-суфии Передней Азии. Именно этим обстоятельством обусловлено наличие в староузбекском литературном языке некоторых фонетических и морфологических особенностей, необъяснимых на основе материалов местных огузских диалектов.

С огузским типом языка предшественников Навā'й сближают специфические падежные формы и формы сопряженного состояния, ср.: *бојнума* 'к моей шее', *кōңlумä* 'моему сердцу', *јүзүмä* 'моему лицу', *хijr otïna* 'в огонь разлуки', *мухабbat баҳrïna* 'в море любви', *хiттä-jî ma'mûrumî* 'мой цветущий край', *ашкүmî* 'мои слезы' (вин. пад.), *јарумuñ* 'моей возлюбленной', *баbруmîñ* 'моей груди'; некоторые формы глагола, причастия и деепричастия, ср.: *kîlmîsham* 'я сделал', *bolmîsham* 'я стал', *bîtäsi* 'закончится', 'будет законченным', *kîlan* 'делавший', *alan* 'взявший', *köräñ* 'видевший', *alman* 'не возьму', *kajtman* 'не вернусь', *dâbân* 'сказав', *kojuban* 'поставив'; употребление глагола *бол-* в форме *ол-* и т. д.

Для языка упомянутых выше поэтов характерно также обилие арабских и персидских слов и, больше того, грамматических элементов и даже целых конструкций, усвоенных главным обра-

⁸³ Rieu, p. 300 (Брит. Музей, Add. 7907); Собр. вост. рукописей, II, стр. 244—248 (Рукоп. отдел ИВ АН Уз. ССР, №№ 8931, 54/IV, V).

⁸⁴ Rieu, p. 301 (Брит. Музей, Or. 2872).

⁸⁵ См.: Бобир-нома, б. 192.

⁸⁶ См.: ديوان گدائى نациональная Библиотека в Париже, № 981, лл. 966—1616.

зом из персидского языка. И это вполне естественно: почти все староузбекские поэты были двуязычны; многие из них писали свои стихи как на староузбекском, так и на персидском языке.

НАВАЙ, БАБУР И ИХ СОВРЕМЕННИКИ

Навай. Особого внимания заслуживают произведения 'Али Шёра Навай, по праву считающегося основоположником и крупнейшим представителем классической узбекской литературы.

Творческий гений Навай сложился в условиях роста патриотических тенденций среднеазиатских тюрок и способствовал пробуждению у них глубокого интереса к родному языку, к литературе и искусству. Хотя произведения Навай перегружены заимствованиями из арабского и персидского языков и изобилуют конструкциями, не свойственными тюркской речи, они тем не менее являются прекрасными образцами того среднеазиатского „туркӣ“, который сыграл выдающуюся роль в последующем развитии литературных языков многих тюркских народностей.

Навай родился в 1441 г., в Герате, умер в 1501 г.⁸⁷

Количество сочинений, написанных 'Али Шёром Навай, колеблется от двадцати до тридцати. Фатх 'Али-хан Каджарский называет 21 сочинение.⁸⁸

А) В стихах:

1) غرائب الصغر Ҷарә'иб ас-сыгар „Диковины детских лет“,

2) نوازير الشباب Навайдир аш-шабаб „Достопримечательности юношеской поры“,

3) بذائع الوسط Бадай ал-васат „Диковины среднего возраста“,

4) فوائد الكبر Фавайд ал-кибар „Полезные вещи старости“.

دوايدن اريعه
или

چهار دیوان

⁸⁷ Имеется много специальных работ, содержащих биографические данные о Навай, см.: M. Bélin. Notice biographique et littéraire sur Mir Ali-Chir-Névaï, pp. 175—256, 281—357; А. К. Боровков, Изучение жизни и творчества Алишера Навои. Сб. „Родонаучальник узбекской литературы“ Ташкент, 1940, стр. 11—29; Е. Э. Бертельс. Навои. Опыт творческой биографии. М.—Л., 1948. — См. также свидетельства его современников, например Бабура (Бобир-нома, б. 198).

⁸⁸ См.: А. А. Ромаскевич. Новый чагатайско-персидский словарь. Сб. „Мир-Али-Шир“, Л., 1928, стр. 88, 89.

5) حَيْرَتُ الْأَبْرَار خайрат ал-абрар „Изумление пра-

ведных“,

6) فَرَهَادٌ وَشِيرَبٌ فарҳад ва Ширин,

7) لَيْلَى وَمَحْمُونَ ليلى и Мажнун,

8) (دَاسْتَانْ بَهْرَامْ گُورْ (سَبْعَةُ سَيَّارَه) (Dasstan بهرام گور (سبعين سياره) (дастан

خمسه

سَبْعَةُ سَيَّارَه) (Dasstan بهرام گور (سبعين سياره) (дастан

سَبْعَةُ سَيَّارَه) (Dasstan بهرام گور (سبعين سياره) (дастан

سَبْعَةُ سَيَّارَه) (Dasstan بهرام گور (سبعين سياره) (дастан

سَبْعَةُ سَيَّارَه) (Dasstan بهرام گور (سبعين سياره) (даستان

سَبْعَةُ سَيَّارَه) (Dasstan بهرام گور (سبعين سياره) (дастан

Б) В прозе:

12) تَارِيخُ الْمَلِكِ Та'рих ал-мулюк „Книга о царях“,

13) مَحْبُوبُ الْقُلُوبِ Maҳbub ал-кулуб „Возлюбленный сердец“,

14) خَمْسَةُ الْمُتَجَبِّرِينَ خамсат ал-мутахайирин „Пять изумленных“,

15) مَجَالِسُ النَّفَائِسِ Madжалис ан-нафайис „Собрание редких [людей]“,

16) نَسَائِمُ الْمَحِبَّةِ Nasaiim ал-мухаббат... „Зефиры любви...“

17) مَعْشَاتٍ مُمْشَاتٍ Муншият „Письма“,

18) نَثْرُ الْلَّآلِي جَنَابٌ مُرْتَضَى جَلِيلٌ نظم الجواهر Назм ал-джавahir „Нанизывание жемчугов“,

19) مَيزَانُ الْأَوْزَانِ Mizan ал-awzān „Весы стихотворных размеров“,

20) أَنْشَا (?)

21) وَقْفِيَّةُ إِخْلَاصِيَّةٍ Waқfiyya-i Ixlasiyia „Вакуфная запись (в пользу) Ихласия“.

В другой рукописи Фатх 'Али-хана Каджарского названы дополнительно:

22) تَارِيخُ الْأَنْبِيَاءِ Та'рих ал-anbiyā „История пророков“,

23) سَرَاجُ الْمُسْلِمِينَ Sirādž ал-муслимīn „Светильник правоверных“,

24) جَهَلُ حَدِيثٍ Чил (чиҳил) ҳадис „Сорок хадисов“.

В списке, который приводит в своей статье М. Белен, на основе перечня в начале рукописи № 108 из Венской библиотеки и показаний других источников, находятся, кроме того:

Хутба-и давāйн „Помолька диванов“,
محاکمة اللغتین مұхқамат ал-лугатайн „Спор двух языков“,
حالات پهلوان Ҳалат-и пахлаваң (Мухаммад) „Житие пахлавана (Мухаммеда)“,
مفردات در فن معما مуфрадат дар фан-и му'амма „Элементы из науки составления шарад“.

Можно было бы назвать еще ряд более мелких и менее известных сочинений.

Часть произведений Навай издана, часть сохраняется в рукописях, составленных в разное время.⁸⁹

Чар (чахар) диван: Гарә'иб ас-сыгар, Навайдир аш-шабаб, Бадай ал-васағ, Фавайд ал-кибар (всего около 24 тысяч стихов).⁹⁰ В Чар диване собраны газели, месневи, рубаи, мухаммасы, мусадасы, мусамманы, туюги и т. д., написанные Навай в ранний период, в период юности, в зрелом возрасте и в последние годы жизни.

Стихи в диване расположены по рифмам, в соответствии с расположением букв в арабском алфавите.

⁸⁹ См.: А. А. Семенов. 1) Материалы к библиографическому указателю печатных произведений Алишера Навои и литературы о нем. Ташкент, 1940; 2) Описание рукописей произведений Навои, хранящихся в Государственной Публичной библиотеке Уз. ССР. Ташкент, 1940; С. А. Волин. Описание рукописей произведений Навои в ленинградских собраниях. Сб. „Алишер Навои“, Л., 1946, стр. 203—235 (в дальнейшем: Волин); Л. В. Дмитриева. Туркские рукописи Института востоковедения АН СССР, стр. 136—147.

⁹⁰ См.: Волин, стр. 214—225; Собр. вост. рукописей, II, стр. 207 и сл. (№ 677, 1280/I, 1315/I, 1486 и др.); Rieci, p. 294 и сл. (Or. 401, Or. 1374, Or. 1375, Add. 7910, Add. 7911 и др.). См. также: Х. Сулейман. Опыт изучения и составления критического текста рукописных диванов Алишера Навои. Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов. М., 1960.—Х. Сулейман подготовил к печати и издал критический текст Чар дивана (Хазойинул-маоний, I—IV. Ташкент, 1959—1960). Так как количество рукописей разных произведений Навай чрезвычайно велико, мы не даем специального обзора их и ограничиваемся ссылками на каталоги и другие издания.

Ҳамса (Пандж гандж): Ҳайрат ал-абрәр, Фарҳад ва Ширин, Лайлай ва Маджнүн, Саб'а-и саййара, Садд-и Сикандарий (около 27 тысяч стихов). В некоторых списках расположение поэм несколько иное. Кроме того, четвертая поэма выступает иногда под наименованиями: Ҳафт пайкар, Дастан-и Баҳрәм-гюр, Баҳрәм-нәме или Баҳрәму Дилярәм, пятая — как Искандар-нәме.

Поэмы, входящие в пятерицу, написаны в период с 1482 по 1485 г.

Количество известных списков достигает, по-видимому, нескольких десятков.⁹¹

При написании „Пятерицы“ Навай использовал традиционные сюжеты, однако придал им оригинальную направленность и разработал своеобразную поэтическую форму изложения. Образами послужили: для первой поэмы Маҳзан ал-асрәр Низәмий (во вступительной части Навай говорит о двух прототипах Маҳзан ал-асрәр: Мағла' ал-анвар Ҳосрава Дехлеви и Тухфат ал-аҳрәр Джәмий), для второй — Ҳосраву Ширин (в числе предшественников, которым Навай воздает хвалу, названы Ҳосрав, Низәмий, Джәмий, Бади' аз-замән), для третьей и четвертой — одноименные поэмы Низәмий, для пятой — поэма Низәмий Искандар-нәме.

Лисән ат-тайр — переработанный 'Али Шәром Навай перевед сочинения Фарид ад-дина 'Аттара, в котором в форме вопросов разных птиц к удоду и ответов на них излагаются основные положения суфизма.⁹² Закончен в 1498/1499 гг.

Та'риҳ-и мулюқ-и 'аджам (иначе: Та'риҳ-и мулюқ, Та'риҳ ал-мулюқ, Тавариҳ-и мулюқ) — свод легендарных и исторических сведений о персидских царях.⁹³ Время написания — 1488/1499 гг.

Маҳбуб ал-қулуб — прозаическое сочинение с рифмующимися концами предложений, законченное в 1500/1501 гг. Состоит из

⁹¹ См.: Волин, стр. 209—214; Собр. вост. рукописей, II, стр. 195 и сл. (№ 5018, 1679/II, 1674 и т. д.); Rieci, p. 291 и сл. (Add. 7908, Or. 400, Add. 7909 и т. д.); Flügel, I, S. 613; K. V. Zettersteen. Die arabischen, persischen und türkischen Handschriften der Universitätsbibliothek zu Uppsala. Uppsala, 1930, № 571 (в дальнейшем: Zettersteen).

⁹² Волин, стр. 225—226; Собр. вост. рукописей, II, стр. 227 и сл. (№ 1679/I, 1689, 1209/III и т. д.).

⁹³ Волин, стр. 207—208; Собр. вост. рукописей, I, стр. 106 и сл. (№ 5411/I, 1859/I, 185/II, 4440/II, 691/I, 35/I).

трех частей: 1) характеристика (общественного) положения и занятий людей, 2) описание похвальных деяний и скверных свойств, 3) мелкие рассказы, афоризмы и поговорки.⁹⁴

Маджалис ан-нафā'ис — собрание сведений о поэтах — предшественниках и современниках Навā'й (1491/1492 гг.).⁹⁵ Состоит из восьми частей (маджлисов), каждая из которых, за исключением последней, охватывает определенную группу поэтов: 1) почитаемые лица, которых Навā'й застал в конце их жизни, но не видел, 2) лица, с которыми Навā'й удалось встретиться в детстве и беседовать в юношеские годы, 3) суфии-мистики, подражающие Джāмī, 4) знатные лица, которые писали стихи, но не были поэтами, 5) знатные (самого высокого достоинства) поэты Хорасана, 6) ученые и набожные люди Хорасана, 7) султаны и их сыновья. Восьмая часть — восхваление султана Абу-л-ғāзī Ҳусейн Бахāдур-ҳана, везиром которого был Навā'й (далее следуют газели султана).

Ҳамсат ал-мутаҳайирин — описание жизни Джāмī (1492/1493 гг.).⁹⁶

Насā'им ал-мухаббат мин шамā'им ал-футувват — жизнеописание суфииев — староузбекский вариант сочинения Джāмī Нафа-ҳāт ал-унс мин ҳазарат ал-қудс, дополненный Навā'й (1495 г.).⁹⁷

Муншият (иначе: Мунши'ат-и тюрки, Мактубат, Рақ'ат) — письма (1491/1492 гг.).⁹⁸

Назм ал-джавāхир (другое название: نشر الالی جناب مرتضی علی) — собрание изречений, приписываемых 'Алī.⁹⁹ Закончено в 1485 г.

⁹⁴ Сводный текст Маҳбуб ал-қулуб по спискам, хранящимся в библиотеках Ленинграда и Ташкента, подготовил и издал А. Н. Кононов (см.: Алишер Навои. Возлюбленный сердцем). О списках Маҳбуб ал-қулуб см.: Волин, стр. 227, 228; Собр. вост. рукописей, II, стр. 418 и сл.; Zettersteen, № 595; Rieu, p. 275 (Or. 2871).

⁹⁵ См.: Волин, стр. 226, 227; Собр. вост. рукописей I, стр. 127; Rieu, p. 273 (Add. 7875); Flügel, II, S. 373 (№ 1209).

⁹⁶ Волин, стр. 214; Собр. вост. рукописей, I, стр. 126, 127 (№ 693, 2242, 3902/VI).

⁹⁷ Волин, стр. 231; Собр. вост. рукописей, I, стр. 127, 128; III, стр. 290 (№ 5420); Rieu, p. 274 (Or. 402).

⁹⁸ Волин, стр. 229.

⁹⁹ Волин, стр. 230; Собр. вост. рукописей, II, стр. 230 (№ 1743/I).

Мīзān al-avzān — сочинение, посвященное 'арузу, арабо-персидской системе стихосложения и содержащее анализ некоторых типично тюркских поэтических форм (1491/1492 гг.).¹⁰⁰

Вақфийя-и Иҳлāсийя (у Мехдī-ҳана: Вақф-нāма-и Мадраса-и Иҳлāсийя) — вакуфная запись.¹⁰¹ Составлена в 1481/1482 гг.

Та'riх ал-анбия (другое название: Та'riх-и анбия ва ҳукамā) — история пророков и мудрецов (1498/1499 гг.).¹⁰²

Чил ҳадис (иначе: Арба'ина ҳадисан) — четверостишия, написанные в 1482 г. на сюжет сорока преданий о словах и поступках Мухаммеда.¹⁰³

О Мұхāкамат ал-лугатайн см. ниже, в разделе о филологических трудах.

Бāбур. Захир ад-дīн Бāбур — сын султана 'Омар-Шейха, внук Абūса'ида, последний выдающийся представитель династии тимуридов в Средней Азии.

Бāбур родился в 1483 г., в период, когда с особенной силой развернулась ожесточенная борьба многочисленных претендентов на власть в Мавераннахре. Сам Бāбур принял в этой борьбе активное участие, выступив в качестве основного противника предводителя кочевых узбекских племен Шейбāни-ҳана. Попытки Бāбура воспрепятствовать проникновению Шейбāни-ҳана в центральную часть Мавераннахра окончились неудачей. В конце концов он вынужден был покинуть пределы Средней Азии и уйти сначала в Афганистан (1504 г.), а затем в Индию. В середине тридцатых годов XVI ст. Бāбур стал главой огромной империи, включавшей большую часть Афганистана и Индии и получившей в западно-европейской литературе название „империи великих моголов“.

Умер Бāбур в 1530 г.

Бāбуrom написаны большое автобиографическое сочинение Бāбур-нāме, небольшой сборник стихотворений — Мубāйин ал-ислāм, переведено на староузбекский язык сочинение Ҳоджи

¹⁰⁰ Волин, стр. 230.

¹⁰¹ Волин, стр. 231; Собр. вост. рукописей, II, стр. 420 (1315/II).

¹⁰² Волин, стр. 207, 208.

¹⁰³ Волин, стр. 208; Собр. вост. рукописей, II, стр. 231 (1315/VI, 3902/V).

Аҳрара Рисаля-и валидия, с переложением в стихотворную форму, составлены трактаты об 'арузе, музыке, о почерке „Бабур“ и о военном искусстве. Последние не сохранились.

До 1900 г. были широко известны три тюркские рукописи Бабур-наме: 1) рукопись Британского Музея, 2) рукопись Индийского ведомства и 3) рукопись, которой пользовался и которую издал в 1857 г. Н. И. Ильминский. В последующее время благодаря настойчивым поискам А. Беверидж стали известны и другие рукописи. В 1900 и 1902 гг. А. Беверидж опубликовала пространный перечень списков Бабур-наме, составленный с учетом новых находок, осведомительских показаний и предположений. Ниже мы воспроизведим этот перечень:¹⁰⁴

- 1) Оригинал.
- 2) Рукопись Ходжи Килана.
- 3) Рукопись Хумайона.
- 4) Рукопись Эльфинстоуна.
- 5) Рукопись Британского Музея.
- 6) Рукопись Индийского ведомства.
- 7) Рукопись Бенгальского восточного общества.
- 8) Mysore MS.
- 9) Bibliotheca Lindesiana MS.
- 10) Хайдерабадская рукопись.
- 11) Рукопись Университетской библиотеки Петербурга.¹⁰⁵
- 12) Рукопись Г. Я. Кера (министерство иностранных дел в Петербурге).
- 13) Рукопись Азиатского Музея в Петербурге.
- 14) Бухарская рукопись.
- 15) Рукопись Назар-бая Туркестанского (или „рукопись Сенковского“).

¹⁰⁴ A. S. Beveridge. 1) Notes on the MSS. of the Turkī-Text of Bābar's Memoires. JRAS, 1900, pp. 439—475; 2) Further Notes on the MSS. of the Turkī-Text of Bābar's Memoires. JRAS, 1902, pp. 653—659; 3) The Babar-nama. JRAS, 1908, pp. 97, 98.

¹⁰⁵ О рукописях Бабур-наме, находящихся в хранилищах Ленинграда и Ташкента, см.: Г. Ф. Благова. Характеристика грамматического строя староузбекского языка конца XV в. по „Бабур-наме“. Канд. дисс. (Рукопись, в Библиотеке им. Ленина в Москве, 1954).

Некоторые из названных выше рукописей, и в частности оригинал, обозначены предположительно, так как до настоящего времени не обнаружены.

С точки зрения полноты изложения, времени написания и близости к оригинальному тексту упомянутые рукописи далеко не равноденны.

Рукопись Эльфинстоуна содержит неполный текст и обнаруживает большое количество пробелов. Однако есть основания считать ее одной из наиболее ранних рукописей мемуаров Бабура. Так, по свидетельству В. Эрскина, на полях рукописи имеются две заметки, сделанные Хумайоном, сыном Бабура, которому, возможно, и принадлежал данный экземпляр.

Хайдерабадская рукопись (*Tūzuk-i-Bābarī*) не идет ни в какое сравнение с предыдущей, превосходит ее во всех отношениях и представляет вполне законченный текст. Рукопись состоит из 382 листов и написана насталиком. Эпизоды, которые в других рукописях изложены поверхностно, опущены, искажены или переданы по-персидски, в Хайдерабадской рукописи излагаются довольно просто и притом на тюркском языке.

С текста Хайдерабадской рукописи было изготовлено в 1905 г. фототипическим способом факсимile,¹⁰⁶ ставшее одним из авторитетнейших источников изучения записок Великого монгола.

Очень ценной является также рукопись, составленная в 1737 г. Г. Я. Кером, которая долгое время хранилась в архиве министерства иностранных дел в Петербурге. При написании своей рукописи Г. Я. Кер пользовался списком из 420 листов. Этот список, как установила А. Беверидж,¹⁰⁷ представлял собой компиляцию муллы 'Абдул Ваххаба (так наз. бухарская рукопись), в которую вошло несколько подлинных документов и копия Бабур-наме, завершенная в 1709 г. Рукопись Г. Я. Кера имеет пробелы и значительные вставки персидского текста.

¹⁰⁶ A. S. Beveridge. The Babar-nama (Fac-simile). E. J. W. Gibb Memorial, V, I. Leiden and London, 1905.

¹⁰⁷ A. S. Beveridge. Further Notes on Baburiana. JRAS, 1923, pp. 75—77.—О рукописи Г. Я. Кера см.: A. S. Beveridge. The Babar-nama. JRAS, 1908, pp. 76—96.—В настоящее время рукопись Г. Я. Кера хранится в Институте востоковедения в Ленинграде (Д. 685).

Литографированное издание рукописи Г. Я. Кера было осуществлено в 1857 г. Н. И. Ильминским. Это издание послужило оригиналом для целого ряда новых списков,¹⁰⁸ не имеющих самостоятельного историко-филологического значения.

Сведения, изложенные в Бабур-наме, носят энциклопедический характер, они раскрывают довольно глубоко культурную жизнь Мавераннахра и Ферганы, дают представление о развитии литературы и искусства, знакомят с природой Средней Азии, географией, этническим составом населения и т. д.

Язык Бабур-наме богат: употребляется самая разнообразная лексика, встречается много интересных, с точки зрения истории языка, грамматических форм и синтаксических конструкций. Несмотря на широкое использование в тексте арабских и персидских слов, язык Бабур-наме весьма прост. Разумеется, подробную характеристику языка Бабур-наме на одной или нескольких страницах дать невозможно, да в этом и нет необходимости. Достаточно указать, что Бабур родился и провел свое детство недалеко от Андикана и что язык его мемуаров очень близок к городскому диалектному типу Ферганы.

Поэтические произведения Бабура размещены в нескольких рукописных сборниках, из которых самым ранним является сборник, изданный Э. Денисоном Россом.¹⁰⁹ Последний был найден в библиотеке рампурского наваба. Он состоит из 38 страниц, написанных на асахом. Э. Д. Росс сообщает, что, по словам местных жителей, рукопись из библиотеки рампурского наваба является автографом Бабура. Однако, — указывает далее Э. Денисон Росс, — пометка Шах-Джехана свидетельствует о том, что собственноручно написаны Бабуром только две строки на краю последней страницы.

Сборник состоит из трех частей. Первая заключает в себе стихотворный перевод سالَةُ الْعِدَادِ, Ходжи Ахрара, законченный в 935 г. х. (1528 г.), и состоит из 241 стиха с рифмующимися

¹⁰⁸ См. рецензию А. Н. Самойловича (E. Denison Ross. A collection of poems by the Emperor Babur). ЗВО РАО, т. XX, вып. I, 1911, стр. 094; Собр. вост. рукописей, I, стр. 63.

¹⁰⁹ См. E. Denison Ross. A collection of poems by the Emperor Babur. Journal and proceedings of the Asiatic Society of Bengal, vol. VI, Calcutta, 1910. Рецензия на это издание написана А. Н. Самойловичем (ЗВО РАО, т. XX, вып. I, 1911, стр. 093 и сл.).

полустилями-месневи (مثنوي). Вторая часть начинается с месневи, затем следует газель (غزل) и другие поэтические формы. Третья часть — месневи и рубаи (رباعي). Небольшое количество двустиший и четверостиший, входящих во вторую и третью части, написано на языках персидском и урду.

Как указывает А. Н. Самойлович,¹¹⁰ сборник, изданный Э. Денисоном Россом, содержит всего 379 новых, ранее неизвестных стихов Бабура, написание которых относится к индийскому периоду его жизни.

Другая рукопись стихотворений Бабура, относящихся ко времени пребывания его в Туркестане и Афганистане, хранится в Национальной Библиотеке Парижа (Suppl. turc. 1230).¹¹¹

Парижский сборник состоит из 224 стихотворений. Наименование сборника: يوان ترک بابر پادشاه مع تصویر ایشان. По мнению А. Н. Самойловича, впервые описавшего парижскую рукопись, составление ее можно отнести к XVI—XVII вв.

Многие стихи Бабура, входящие в состав указанных выше сборников, помещены также на страницах Бабур-наме и цитируются в „чагатайско“-турецком словаре, изданном Г. Вамбери и В. В. Вельяминовым-Зерновым („Абушка“), а также в других словарях. Один из списков поэмы Бабура Мубайин принадлежит Рукописному отделу Института востоковедения Академии наук СССР (А. 104).

Мұхаммед Қалих. Мұхаммед Қалих, сын Нұр Сайдека — правителя Хивы, Кята и Хисара, родился во второй половине XV в.¹¹²

Основное сочинение Мұхаммеда Қалиха — Шейбаний-наме — посвящено описанию походов и воинской доблести Шейбанихана, при котором он состоял в качестве придворного поэта и сподвижника. Всё сочинение написано стихами и делится на 76 частей. Дата окончания его — 916 г. х. (1510 г.).

Рукопись Шейбаний-наме является уникальной. До Первой

¹¹⁰ См. рецензию А. Н. Самойловича на издание Э. Денисона Росса (ЗВО РАО, т. XX, вып. I, 1911, стр. 093—010).

¹¹¹ Описание рукописи дано в предисловии А. Н. Самойловича к изданию общего сборника стихотворений Бабура (А. Н. Самойлович. Собрание стихотворений императора Бабура, ч. I. Текст, стр. 7—10).

¹¹² См.: محالس النهايس. Рукоп. отдел ИВ АН СССР, л. 103а.

мировой войны она хранилась в Венской императорской библиотеке. В 1885 г. по этой рукописи было осуществлено первое издание сочинения Мұхаммеда Ҫәлиха.¹¹³ В 1908 г. текст был опубликован вторично.¹¹⁴

В языке Шейбәні-нәме прослеживаются некоторые особенности хивинского диалекта.

Согласно сообщению А. Н. Самойловича, Мұхаммеду Ҫәлиху принадлежат также две газели в одном рукописном персидско-турецком сборнике стихов, хранившемся в библиотеке Петербургского университета.¹¹⁵

ПРОИЗВЕДЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ И ДИДАКТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К числу более или менее крупных произведений религиозной и дидактической литературы, написанных в период с XIV по XVI в., относятся Сирәдж ал-қулуб, Ми'радж-нәме, Тазкира-и авлий, Баҳтияр-нәме и др.

Религиозные сочинения, как правило, являются переводами арабских и персидских текстов, в той или иной степени канонизированных. Это обстоятельство обуславливает наличие в них своеобразных стилистических особенностей, стандартизацию синтаксических конструкций и предопределяет характер лексического состава (обилие арабских и персидских слов).

Сирәдж ал-қулуб. Это крупное по размерам сочинение типа жития святых (ср., например, Қысағ ал-анбий, Тазкира-и авлий), размещенное на 128 листах. Начало рукописи отсутствует. В самом тексте обнаруживается некоторая непоследовательность или вследствие утраты отдельных листов или по причине невнимательного изготовления фотокопии.

Один из списков Сирәдж ал-қулуб, так наз. уйгурский, составлен в месяце раджабе 835 г. х. (1432 г.) в г. Йеаде Мансүром баҳши. Он хранится в Британском Музее (Or. 8193).

¹¹³ Die Scheibaniade. Ein özbegisches Heldengedicht in 76 Gesängen von Prinz Mohammed Salih aus Charezm. Text, Übersetzung und Noten von H. Vámbéry. Wien, 1885.

¹¹⁴ Мұхаммед Салих. Шейбани-намә. — В предисловии к этому изданию указаны источники, в которых упоминается имя Мұхаммеда Ҫәлиха и приводятся биографические сведения (см. стр. I—VIII).

¹¹⁵ № 140, лл. 70б и 192а.

По содержанию и отчасти в языковом отношении текст использованного нами списка Сирәдж ал-қулуб близок к однотипному произведению, напечатанному в типографии Казанского университета.¹¹⁶

Язык Сирәдж ал-қулуб довольно прост: лексика, если не принимать во внимание арабизмы, общеупотребительна, в морфологии преобладают новейшие формы, диалектную принадлежность которых установить невозможно. Последние образуют как бы результат фильтрации многочисленных узбекских диалектов, с намеренным отбором только общих, объединяющих их элементов.

Ничем не отличаются от Сирәдж ал-қулуб входящие в тот же рукописный сборник Масала китаби, Рәҳат ал-қулуб и др.

Все староузбекские тексты, написанные уйгурскими буквами, имеют в основном одинаковые орфографические особенности, которые позволяют отнести их к выделенной В. В. Радловым группе мусульмано-уйгурских источников (ср. у В. В. Радлова: „der mohammedanisch-uigurische Schrift-charakter“). Характерной чертой этой группы памятников является приспособление уйгурских букв, посредством введения разных диакритических знаков, для передачи несвойственных тюркским языкам арабских звуков.

Ми'радж-нәме — повествование о вознесении Мұхаммеда на небо и о знакомстве его с жизнью потустороннего мира.

История открытия рукописи Ми'радж-нәме, хранящейся в Национальной Библиотеке, в Париже, подробно изложена в предисловии к соответствующему изданию А. Паве-де-Куртея.¹¹⁷ Продолжительное время текст рукописи оставался непрочитанным, так как уйгурский шрифт не был известен в Европе, а в самой Средней Азии, где он некогда имел широкое распространение, традиция уйгурского письма полностью утратилась, по-видимому, еще в XVI в. Первая удачная попытка прочитать текст рукописи принадлежит А. Ремюза.

Рукопись, принадлежащая Национальной Библиотеке, составлена в 840 г. х. (1436 г.) Малыком баҳши Гератским. Она состоит из 264 листов (текст Ми'радж-нәме занимает первые 69 листов).

¹¹⁶ См.: سراج القلوب. Казань, 1875, стр. 2.

¹¹⁷ Mirâdj-nâmeh. Traduit et annoté par A. Pavet de Courteille.

Язык Ми'рәдж-нәме сух и однообразен. Составитель, или, точнее, переводчик, пользовался самыми обычными формами. Фонетические особенности языка Ми'рәдж-нәме в большей своей части непостижимы для нас в силу того обстоятельства, что текст его написан уйгурскими буквами, а в издании Павед-Куртея по техническим соображениям использован арабский алфавит и таким образом сделан еще один шаг в сторону отхода от реальных произносительных норм.

Тазкира-и авлий — теологическое сочинение (рассказы о святых), переведенное с персидского языка и частично переработанное. Оригиналом для него послужило Пенд-нәме Фарид ад-дина 'Аттара.

Текст *Тазкира-и авлий*, как указывалось выше, находится в одном рукописном сборнике с Ми'рәдж-нәме. Весь сборник написан одним лицом, в одно и то же время, поэтому и в языковом отношении никаких существенных различий между ними не наблюдается.

Баҳтияр-нәме. Нам известны два списка этого сочинения (в староузбекском варианте). Один из них составлен в 1435 г. и находится в Оксфорде (9 I Ph, II, 324),¹¹⁸ второй — довольно поздний, бывший в конце прошлого столетия собственностью И. Н. Березина.¹¹⁹ В последнем списке язык заметно обновлен, и список не может быть использован в качестве источника исторической грамматики.

Говоря о Ми'рәдж-нәме, *Тазкира-и авлий*, *Баҳтияр-нәме* и других религиозных текстах, нельзя не обратить внимания на то, что большинство из них написано уйгурскими буквами. Употребление уйгурского письма в XIV—XVI вв. стимулировалось необходимостью создания особой кастовой письменности, доступной лишь государственным чиновникам и духовной знати. По-видимому, только этим обстоятельством можно объяснить специфическое и ограниченное применение уйгурской графики:

¹¹⁸ См.: Ethé, II, p. 1181. См. также: A. Jaubert. Notice et extrait de la version turque du Bakhtiarnaméh. JA, t. X, 1821, pp. 146—167; W. Barthold. Littérature čaghatāi. Encyclopédie de l'islam, IV. Paris, 1934, pp. 963—965.

¹¹⁹ См.: Турецкая хрестоматия. Составлена И. Березиным. Т. I. Казань, 1857, стр. 52—81.

преимущественно в канцелярской переписке и при размножении текстов религиозно-повествовательной литературы.

Существовали две большие школы уйгурских писцов: одна в Герате, другая в Йезаде. С гератской школой связаны имена Малик баҳши, 'Алыйшах баҳши и др. Из школы в Йезаде известен Мансур баҳши.

Распространение уйгурской письменности в центрах Мавераннахра в период расцвета староузбекской литературы лишний раз свидетельствует о довольно тесных связях последней с литературой Кашгара эпохи караханидов.

ПАМЯТНИКИ ДЕЛОВОГО ЯЗЫКА, ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ

Памятники делового языка, юридические документы, грамоты-ярлыки и эпиграфические тексты, относящиеся к периоду существования староузбекской книжности, сохранились в небольшом количестве.¹²⁰ Основные из них — ярлыки 'Омар-Шейха, Темир-Кутлуга, Абуса'йда, Токтамыша, Шахруха, так наз. надпись Тимура на камне и золотоордынская надпись на бересте.

Ярлык Абуса'йда, деда Бабура, написан двумя алфавитами: арабским и уйгурским, в Азербайджане, в 873 г. х. (1469 г.).

Язык ярлыка Абуса'йда близок к языку ярлыка 'Омар-Шейха.

Ярлык 'Омар-Шейха, отца Бабура, написан уйгурскими буквами. Ярлык не датирован. Как полагает П. М. Мелиоранский, он был составлен в 1469 г.¹²¹

Ярлык является дарственной грамотой, подтверждающей освобождение одного из знатных лиц Маргинаны Мир Сайид Ахмеда от поземельных налогов и почтового сбора.

¹²⁰ Общий обзор см. в статье: С. Е. Малов. Изучение ярлыков и восточных грамот. Сб. в честь В. А. Гордлевского. М., 1953, стр. 187—195. — Изучению ярлыков и восточных грамот посвящены также работы И. Хаммера, Я. О. Ярдова, Г. Вамбери, И. Н. Березина, В. В. Вельяминова-Эрнова, В. В. Радлова, В. Д. Смирнова, В. В. Григорьева и других. Полное издание ярлыков и грамот осуществлено А. Куратом (*Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan hanlarıba ait Yarlık ve Bitikler. Dil ve Tarih-Coğrafya Fakultesi yayınlarından. Tarih serisi*, I, İstanbul, 1940).

¹²¹ П. М. Мелиоранский. Документ уйгурского письма султана 'Омар-Шейха. ЭВО РАО, т. XVI, вып. 1, 1904, стр. 01—012.

В языке ярлыка 'Омар-Шейха можно встретить древнеуйгурские слова, имевшие распространение в Восточном Туркестане в период после нашествия монголов, ср.: *јам* 'почтовый маршрут', 'почтовая станция', *түшүмәл* 'чиновник', *јосун* 'закон', 'обычай', *сојурбал* 'пожалование'. Последние три слова заимствованы из монгольского языка, *јам*, по-видимому, — из китайского.

В морфологическом отношении язык ярлыка 'Омар-Шейха примечателен строгим соблюдением классических норм и отсутствием особенностей, характерных для какой-либо диалектной группы.

Подробные сведения о ярлыке Темир-Кутлуга приведены у В. В. Радлова.¹²² Ярлык написан уйгурскими буквами, однако под каждым словом уйгурского текста дается арабская транслитерация. Время составления ярлыка — 800 г. х. (1397 г.), место — Муджаваран, „на берегу Днепра“.

Содержание ярлыка — пожалование званием тархана и соответствующими привилегиями одного из землевладельцев.

В. В. Радлов отмечает, что составитель ярлыка был лицом, знатным литературный чагатайский язык и „писавшим на книжном языке почти без влияния родной речи“.¹²³ Это утверждение, может быть, — слишком крайнее, обусловленное общими взглядами В. В. Радлова на природу и характер литературного староузбекского языка. Не правильнее ли считать, что родная речь составителя в грамматическом плане мало чем отличалась от литературного языка? Конечно, влияние языковых традиций при составлении деловых документов играло большую роль, все же независимо от этого в деловых документах отражались местные особенности и иногда в значительных размерах, ср. ярлык Токтамыша.

Специфических кыпчакских и огузских форм и звуковых особенностей в языке ярлыка Темир-Кутлуга нет.

Ярлык Токтамыша написан также уйгурскими буквами, однако манера письма, как отметил В. В. Радлов, резко отличается от того „мусульмано-уйгурского“ почерка, который можно

¹²² В. В. Радлов. Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга, 1888, стр. 17.

¹²³ Там же, стр. 40.

наблюдать в рукописях Кутадгу билига, Баҳтийр-нәме и. т. д.¹²⁴ Ярлык датирован 795 г. х. (1393 г.).

Адресуя ярлык Ягайлу Токтамыш извещает его об отправке послов для получения дани, взимаемой с народов, обитающих за Днепром.

В языке ярлыка Токтамыша обнаруживается небольшое количество фонетических особенностей кыпчакского типа: отсутствие конечных заднеязычных после узких гласных, ср.: Күтлү-буба (имя) вм. Күтлүб-буба, Эдүгү атлї кішіні 'человека по имени Эдугу' вм. Эдүгү атлї кішіні, Асан Тұлу Ҳөјә башлї ёңіләрні 'послов, возглавляемых Хасаном и Тулу Ҳоджай' вм. Асан Тұлу Ҳөјә башлї ёңіләрні, ср. вместе с тем: алтун нішанлїк (или нішанлїб) 'имеющие золотую печать'.

Ярлык Шахруха, так же как и ярлык 'Омар-Шейха, является дарственной грамотой. Он написан уйгурскими буквами, причем почерк его, по словам Ж. Дени, совершенно идентичен почерку Ми'радж-нәме и Тазкира-и авлий. Время составления — год быка, 825 г. х. (1422 г.).

В языковом отношении ярлык Шахруха занимает место в одном ряду с ярлыками 'Омар-Шейха и Абуса'йда.

„Надпись Тимура“, выбитая на камне в 793 г. х. (1391 г.), была найдена лет 20 тому назад у горы Алтын-Чуку, около Карасакпайского рудника. Текст надписи содержит сообщение о походе Тимура с двумястами тысяч войска, предпринятым с целью разгрома Токтамыша.¹²⁵

Верхняя часть (3 строки) написана арабским алфавитом, нижняя (8 строк) — уйгурским.

Язык надписи имеет много общего с языком ярлыков 'Омар-Шейха, Абуса'йда и Темир-Кутлуга.

Золотоордынская рукопись на бересте¹²⁶ была обнаружена в 1930 г. на левом берегу Волги, недалеко от сел. Терновка. Рукопись, состоящая из нескольких фрагментов разной сохран-

¹²⁴ Там же, стр. 4.

¹²⁵ См.: Труды Отдела истории культуры и искусства Востока. Государственный Эрмитаж, т. II, Л., 1940, стр. 185—187; А. И. Пономарев. Поправки к чтению „Надписи Тимура“. СВ, III, 1945, стр. 222—224.

¹²⁶ Н. Н. Поппе. Золотоордынская рукопись на бересте. СВ, II, 1941, стр. 81—85.

ности, написана уйгурскими буквами, часть ее содержит монгольский текст.

Приблизительная дата написания рукописи — начало XIV в.

Отдельные тюркские слова и формы, сохранившиеся в тюркской части текста и приведенные в статье, посвященной данной рукописи, например: *Tıgäl Кутмұб Сәңғүн Бај* — имя собственное, *әдгү* 'хороший', *бакш* 'учитель', 'наставник', сближают ее в языковом отношении с памятниками староузбекской литературы.

СЛОВАРИ, ГРАММАТИКИ, ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАКТАТЫ

Наиболее ранним филологическим трудом о староузбекском языке и вместе с тем своеобразным манифестом, сформулировавшим необходимость обращения к нему как к языку, равному с персидским и обладающему всеми достоинствами последнего в смысле выражения тончайших оттенков мысли, явилось сочинение 'Алӣ Шёра Нава'й Мухакамат ал-лугатайн "Спор двух языков".

Мухакамат ал-лугатайн написано в 1499 г.

Оно начинается с краткого исторического экскурса, в котором автор говорит о значении арабского и персидского языков, о культурном и языковом возрождении тюрок, о лексическом богатстве староузбекского языка и необходимости его широкого использования.

В основной части своего сочинения Нава'й рассматривает в сопоставительном плане грамматические средства языка и его словообразовательные возможности. Он приводит также очень ценные данные по вопросу о составе гласных в староузбекском языке.¹²⁷

В Мухакамат ал-лугатайн имеются некоторые автобиографические сведения, дан перечень написанных Нава'й произведений и указаны те персидские авторы, которым он подражал.¹²⁸

Небольшая часть трактата посвящена литературе тюркских народов. Из поэтов, писавших по-турецки, в нем названы: Саккаки, Мир Ҳайдар, Атә'й, Яқбий, Эмийр и Гадә'й.¹²⁹

¹²⁷ Мухакамат ал-лугатайн (*Chrestomathie en ture oriental*), стр. 13, 14.

¹²⁸ Там же, стр. 22 и сл.

¹²⁹ Мухакамат ал-лугатайн (*Chrestomathie en ture oriental*), стр. 34.

Литературные произведения, написанные 'Алӣ Шёром Нава'й и его выдающимися предшественниками и современниками, вызвали интерес к „чагатайскому“ языку у представителей разных народов Средней и Малой Азии.

Проявлением особого внимания к последнему становится создание словарей и грамматик, имевших значение пособий. В словарях и грамматиках сосредоточиваются богатые лексические и грамматические материалы, почерпнутые главным образом из сочинений Нава'й.

Среди филологических трудов, появившихся в связи с повышенным интересом к „чагатайскому“ языку в XV в. и в последующих столетиях, необходимо назвать словарь Тали' Херевий (Хорасан), словарь Абушка (?), словарь Фазлулла-хана (Индия), словарь-справочник Келюр-наме (Индия), словарь Мухаммеда Риза (Хорезм), словарь Санглых Мехдий-хана с грамматическим введением Мабани' ал-лугат (Иран), словарь Фатх 'Алӣ-хана Каджарского (Иран) и др.

Словарь Тали' Херевий. Название словаря — Бада'и' ал-лугат. Нисба „Херевий“ означает, что автор был уроженцем Герата — города, с которым связана биография самого Нава'й, а упоминание Тали' в Маджалис ан-нафайис¹³⁰ позволяет считать его современником последнего. Правда, Тали' упомянут в первом маджлисе, в который в основном вошли поэты, жившие до Нава'й или умершие в годы его юности, но весьма вероятно, что Тали', будучи современником Нава'й, был намного старше его и по этой причине был отнесен к поэтам первой группы (Нава'й называет Тали' поэтом).

Словарь Бада'и' ал-лугат („чагатайско“-персидский) составлен в конце XV в. для пояснения слов в сочинениях Нава'й.

Список указанного словаря, относящийся к началу XVIII в., хранится в публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.¹³¹

Абушка. „Чагатайско“-турецкий словарь, получивший условное наименование Абушка по первому слову (ср. لغت اجوشقا).

¹³⁰ مجالس النفايس Рукоп. отдел ИВ АН СССР, В. 270, лл. 136, 19а.

¹³¹ Текст Бада'и' ал-лугат по этому списку издан: А. К. Боровков. Бада'и' ал-лугат. Словарь Тали' Йманий Гератского. М., 1961.

(اللغت النواشيه، الاستثنىات الچغتاشيه، حل لغات نوايى)، в основном посвящен толкованию слов из сочинений Навай, перечень которых приводится на стр. 23, 24. Значительно меньшее место в словаре отведено толкованию слов из газелей и поэмы Гюлю Навруз Лутфий, из поэмы Мир Хайдара Маҳзан ал-асрар, из газелей 'Убайд-хана.

Как полагает Г. Флюгель, словарь составлен одним османским ученым, который увлекался чтением произведений Навай, вскоре после смерти последнего. Поскольку венский список относится к 1552 г., а список Британского Музея — к 1554 г., естественно предположить, что оригинал был закончен в период между смертью Навай и серединой XVI в.

Списки Абушка имеются в Британском Музее, в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, в библиотеке Ленинградского университета, в рукописном отделе Института востоковедения Академии наук в Ленинграде, в Венской библиотеке и в других местах.¹³²

Абушка содержит почти 2000 слов. Характерно, что составитель отобрал только те слова, которые не были понятны туркам или имели значения несколько иные, чем в турецком языке. При этом он не выделял основных словарных типов и выписывал в алфавитном порядке разные грамматические формы, см. стр. 66, 67: ايداکو، ايکاکو، ايکاوا، ايکامیز 'двое', 'двум', 'мы двое'; стр. 154: بولغانجه، بولغونجه، بولغونجا 'пока будет'; стр. 206: تورتا، تورتالا، تورتاولا، تورتالاسى 'четверо (из них)' и т. д.

¹³² См.: Rieu, p. 263 (Add. 7886). Перечень рукописей, находившихся в Петербурге, дан у В. В. Вельяминова-Зернова (Словарь джагатайско-турецкий, стр. 7). Из пяти экземпляров, как указывает В. В. Вельяминов-Зернов, четыре — копии, снятые в довольно позднее время с экземпляра Публичной библиотеки. Текст последнего был издан В. В. Вельяминовым-Зерновым в 1868 г. Описание рукописи см.: Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Impériale Publique de St. Pétersbourg. SPb., 1852, pp. 532, 533. — Венская рукопись описана Г. Флюгелем и названа в его каталоге: كتاب اللغة في لسان جغتاي (Flügel, I, S. 103, 104). Второй экземпляр Венской библиотеки — довольно поздний (1858 г.). Аналогичный по характеру и близкий по содержанию словарь в собрании ИВ АН Уз.ССР носит наименование حل لغات نوايى (№№ 708, 427/I). Первый список был составлен в 1851 г., второй — в 1852 г.

По мнению А. К. Боровкова, „словарь Абушка является переработкой словаря Бадаи‘ ал-луғат или близкой редакцией этого словаря и переводился с персидского языка“.¹³³

Словарь Фазуллә-хана. Данный словарь был составлен, по-видимому, также в конце XVII в., так как Фазуллә-хан называет себя двоюродным братом Сейф-хана, жившего во второй половине XVII в.

Рукопись словаря Фазуллә-хана хранится в Британском Музее.¹³⁴ В 1825 г. текст словаря по этой рукописи был издан в Калькутте.

Словарь Фазуллә-хана называется Лугати тюркӣ. Таким образом, он содержит разные словарные материалы, хотя господствующее положение в нем занимает лексика староузбекского языка.

Словарь состоит из трех глав. В первой главе дается перевесъ отлагольных имен с переводом на персидский язык (در بیان بعضی متصرفات از ماضی و مضارع و امر) (صیغهای ماضی): формы прошедшего времени (نیای و جنآن), ср. kəl'di, kəl'ipdур, kəlär ڇdi...), аориста (صیغهای مضارع) (امر), ср. kəl'ädур, kəl'içisidур...), повелительного наклонения (صیغهای نهی) (امر), ср. kəl, kəlğāj, kəlīniz, kəlcün...), „запрета“ (صیغهای نهی) (امر), ср. kəlmā, kəlmāñiz, kəlmäscün...) и др. Здесь же рассматриваются аффиксы именного словаобразования. Третья глава представляет собой словарь именных частей речи (در بیان اسمای) (جوامد و جنآن).

В словаре Фазуллә-хана, как и в некоторых других словарях, дана относительно четкая характеристика произношения каждого слова, ср., например: „ата — с алифом, огласованным фатхой и имеющим мадду, с та, огласованным фатхой, и вторым алифом без мадды — ‘отец’“. Однако, в нем отсутствует указание на источники и нет подтверждительных цитат. Некоторые

¹³³ А. К. Боровков. Лексикографическая традиция в словарях чагатайского языка. Лексикографический сб., вып. IV. М., 1960, стр. 156.

¹³⁴ См.: Rieu, p. 264 (Add. 6646). — Об этом и некоторых других словарях см.: В. В. Вельяминов-Зернов. Словарь джагатайско-турецкий, стр. 28—31. См. также только что упомянутую статью А. К. Боровкова.

толкования слов ошибочны или сомнительны, ср.: *курумсаъ* — *курбан*.

Келюр-нәме („Книга заприходования“). Келюр-нәме — „чагатайско“-персидский словарь, составленный в конце XVII в. Мухаммедом Я'кубом Чинги.¹³⁵

Словарь задуман в качестве пособия для изучения староузбекского языка. Автор дает список ряда глаголов и сопровождает каждый из них длинным перечнем форм,¹³⁶ например:

اوْقُوماَق	باب اوَل	اوْقُوماَيْدُور
اوْقُودِي	اوْقُوماَدِي	اوْقِه
اوْقُوبِتُور	اوْقُوماَيْتُور	اوْقُوما
اوُور	اوْقُوماَسِن	اوْقُورِبِيز
اوْقُوبِيدِي	اوْقُوماَبِيز	اوْقُوماَسِبِيز

В следующей части слова расположены и сгруппированы по тематическому принципу, например: „Небо“ (در بیان آسمان), „Земля“ (در بیان زمین) и т. д.¹³⁷

В одном сборнике вместе с Келюр-нәме находится небольшой „Словарь избранных тюркских слов“ (منتخب لغات تورکی).¹³⁸

Словарь Мухаммеда Риза (منتخب اللغات). Данный словарь составлен в конце XVIII в. в Хиве, он содержит объяснение арабских, таджикских и некоторых узбекских слов, встречающихся в произведениях Навай.

Несколько довольно поздних списков этого словаря хранится в рукописном отделе Института востоковедения Академии наук Уз. ССР (№№ 427/II, 428/I, 4010) и в Институте востоковедения в Ленинграде (С. 1818).

Мабани' л-лугат и Санглайх Мехдий-хана. Мехдий-хан — историограф Надир-шаха, живший в XVIII в. Свой филологический труд Мехдий-хан закончил в 1760 г.

Сочинение Мехдий-хана сохранилось в нескольких списках. Один из них принадлежит фонду Гибба, другой находится

¹³⁵ Список этого словаря, относящийся к XIX в., имеется в Рукоп. отделе ИВ АН УзССР, № 5052/I.

¹³⁶ Рукоп. отдел ИВ АН Уз. ССР, № 5052/I, л. 26.

¹³⁷ Там же, лл. 32а—356.

¹³⁸ Отдельный список этого словаря имеется в Рукоп. отделе ИВ АН СССР (С. 1818).

в Британском Музее, третий — в Бодлеяне (Оксфорд). Копия сокращенного варианта Санглайха (Хуләса-и 'Аббас) в редакции Мухаммеда Хувейий хранится в Национальной Библиотеке в Париже.¹³⁹

Мабани' л-лугат¹⁴⁰ — грамматический очерк, предваряющий „чагатайско“-персидский словарь Санглайх. Полное название грамматического очерка: صرف و نحو لغت چفتای. Мабани' л-лугат является грамматикой староузбекского („чагатайского“) языка,¹⁴¹ взятого в том виде, в каком он отразился в первую очередь в произведениях Навай.

В мукаддиме к Мабани' л-лугат Мехдий-хан перечисляет двенадцать поэтических и девять прозаических сочинений Навай, к которым он дает грамматические объяснения.

Грамматика Мехдий-хана состоит из шести разделов. В первом из них Мехдий-хан приводит образцы различных отлагольных имён и причастий, отмечая, что все они образуются от формы повелительного наклонения. Затем он рассматривает формы, осложненные дополнительными звуками, т. е. вторичные (залоговые) основы مفعاله, افعال (مفعاعل), форму прошедшего времени فعل ماضي (فعل ماضي), форму настояще-будущего времени, или „аорист“ فعل مضارع (اسم مفعول), причастие действительного залога (اسم فاعل), причастие страдательного залога (اسم مفعول)، повелительное наклонение (فعل امر), отрицательный аффикс формы

¹³⁹ См.: Rieu, p. 264 (Or. 2892).

¹⁴⁰ Эта часть издана Э. Денисоном Россом (The Mabani' l-lughat being a grammar of the turki language in Persian, by Mirzä Mehdi Khân. Bibliotheca Indica. New Series, Nr. 1225, Calcutta, 1910) по рукописи Британского Музея (Or. 2892, лл. За—24б). Факсимильное издание рукописи из фонда Гибба осуществлено Дж. Клосоном. См.: Sanglax. A Persian Guide to the Turkish Language, by Muhammad Mahdi Xân. Facsimile Text with an Introduction and Indices by Sir Gerard Clauson. London, 1960.

¹⁴¹ О достоинствах и недостатках грамматики Мехдий-хана см.: А. Н. Саймолович. Персидский тюрколог XVIII века Мирза Мехди-хан. Отд. оттиск из „Изв. Об-ва обследования и изучения Азербайджана“, № 5, Баку, 1927; J. Eckmann. Mirzä Mehdis Darstellung der tschagataischen Sprache. Analecta Orientalia memoriae Al. Csoma de Körös dicata. Budapest, 1942—1947, SS. 156—220; K. H. Menges. Das Čaqtajische in der persischen Darstellung von Mirzä Mahdi Xân. Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse, Nr. 9, Akademie der Wissenschaften und der Literatur, Mainz, 1956.

повелительного наклонения (نیایی), отрицательную форму глагола (نفی), обстоятельство-наречие (حال), образованное путем сложения или удвоения деепричастий, и т. д. Во втором разделе излагаются некоторые обстоятельства образования форм, например зависимость фонетического оформления аффиксов от фонетических данных основы: огласовки и качества конечного согласного. Третий раздел посвящен описанию местоимений и указательных имен (ضمایر و اسماء اشاره), подразделяемых на отделенные, или самостоятельные (ضمایر منفصله), и примыкающие, т. е. используемые в качестве аффиксов (ضمایر متصله). В четвертом разделе дается перечень и характеристика частиц, которые сами по себе, без сложения с другими элементами, не выражают никаких значений. Речь идет главным образом о морфемах. В пятом разделе приведены слова, которые имеют свое значение, но употребляются в несобственном значении (вспомогательные глаголы). Шестой раздел содержит указания на правила орфографии и некоторые особенности орфографических написаний.

В заключительной части грамматики выделены персидские элементы, используемые в языке Навай.¹⁴²

Примечательно наличие в Мабани' л-лугат элементов сравнения, проявляющихся в указании на то, в каком виде те или иные формы выступают у „румийцев“ и „иранских тюрок“. При этом цитируются довольно часто произведения Фузули.¹⁴³

Наконец, нельзя не отметить попытки Мехдий-хана произвести этимологический анализ некоторых многосложных слов, ср.: *ajdîn* 'луна ночь' <*aj* 'луна' + *tûn* 'ночь'; *iştan* 'нижнее белье' < *iç* 'внутренность' + *ton* 'халат'.¹⁴⁴

В грамматике Мехдий-хан неоднократно упоминает других представителей местной филологической традиции: Насяйр, Тали' Херев и полемизирует с ними,¹⁴⁵ ср. на стр. 27: طالع هروی گوید

¹⁴² См. издание Э. Денисона Ресса, pp. 139, 140.

¹⁴³ Там же, pp. 21, 27, 30, 41, 60, 64, 75, 76, 100, 101, 123, 127.

¹⁴⁴ Там же, pp. 130, 131.

¹⁴⁵ Издание Э. Денисона Ресса, pp. 36, 85, 100. О Санглайхе см.: J. Eckmann, Mirza Mehdi'nin "Senglâh" adlı çagatayca sözlüğü. Türk Dil Kurultayında okunan Bilimsel Bildiriler 1957'den (ayribasım). Ankara, 1960, ss. 37—40.

در بیان معنی الغوچی که گاه به معنی فاعل و گاه به معنی مصدر می‌آید غلط کرده است غوچی و کوچی همان به معنی فاعل وضع شده اند و افاده معنی دیگر نمی‌کنند

'Тали' Херев говорит о содержании формы (типа) *албучи*, что она выступает то в значении причастия, то в значении имени действия — масдара... Это неверно. (Аффикс) *-бучи ~ -гүчи* всегда употребляется в значении причастия и других значений не выражает'.

Собственно словарная часть Сангалайха содержит толкование на персидском языке большого количества староузбекских слов. Почти каждое объяснение сопровождается цитатами, извлеченными из сочинений Навай, Бабура, Лутфя, Мир Хайдара „тёлба“, Фузули. Помимо староузбекских, Сангалайх включает в себя турецкие и монгольские слова. В словаре приводятся также собственные имена и географические названия. В конце Сангалайха дан перечень арабских и персидских слов и метафор, использованных Навай.

Словарь Фатх 'Алай-хана Каджарского. Фатх 'Алай-хан начал составление словаря в 1857—1858 гг. и работал над ним в течение четырех лет, до 1862 г.

Словарь Фатх 'Алай-хана дошел до нас в двух списках, один из которых в конце прошлого столетия принадлежал венгерскому тюркологу Ж. Тури, а другой был приобретен А. А. Ромаскевичем в Тегеране в 1914 г. и вошел в состав рукописей Ленинградского университета под № 1177.¹⁴⁶ Эти списки имеют разные названия, первый — *فهرست کتاب بهجهة اللغات* — *Перечень языков*, второй — *لغت اترائیه*.

Как сообщает А. А. Ромаскевич, словарь Фатх 'Алай-хана состоит из четырех частей: 1) предисловия автора (лл. 16—12a), 2) чагатайско-персидского словаря (лл. 136—404a), 3) объяснения двенадцати слов, оставшихся непонятными для автора Сангалайха Мехдий-хана (лл. 405a—407б), 4) словаря персидских слов, встречающихся в сочинениях Навай (лл. 407б—418б).

В предисловии к словарю Фатх 'Алай-хан излагает автобиографические данные, сведения о тюркских языках и о „чага-

¹⁴⁶ А. А. Ромаскевич. Новый чагатайско-персидский словарь. Сб. „Мир-Али-Шир“, Л., 1928, стр. 83—99.

тайском" языке, в частности приводит краткую биографию Нава'й и называет 27 имевшихся в распоряжении автора сочинений последнего. Здесь же высказываются критические замечания в адрес Санглайха Мехдий-хана.

Во второй части дано около 8000 слов. Большое место занимают подтверждительные цитаты, причем сам Фатх 'Алий-хан считает цитирование одним из самых важных достоинств всех словарей подобного рода. Наибольшее количество цитат, по подсчетам А. А. Ромасевича, извлечено из четырех диванов Нава'й, и затем из Пятерицы. Из прозаических сочинений больше всего цитируются Махбуб ал-қулуб и Та'рих-и мулбаки 'аджам. Довольно часто составитель пользуется сочинениями других поэтов и писателей, писавших на староузбекском и на старотурецком языках, например сочинениями Лутфий, Мир Хайдара, Бабура, Хусейна Байкара, Искандера Мирзы, Бенна'й, Камалий, 'Убайд-хана, Фузули, Сақби. В ряде случаев он обращается к персидским источникам.

В словаре собраны ценные географические, исторические и этнографические данные.

Работу Фатх 'Алий-хана Каджарского А. А. Ромасевич называет одним из лучших словарей „чагатайского“ (староузбекского) языка.

Кроме упомянутых выше, существовали также „чагатайско“-персидские и „чагатайско“-турецкие словари Фарәгий, Назар 'Алий, 'Абд ал-Джалил Наṣirий, Ҳоджа Тайиб Бухарий Нақшбендий и других авторов, многие из которых названы, в частности, у Мехдий-хана.¹⁴⁷

* * *

Приведенный выше обзор не исчерпывает всего богатства источников староузбекского языка. Несомненно, что в дальнейшем в него будут включены и многие другие литературные памятники и эпиграфические тексты, еще не вошедшие в научный обиход или совсем неизвестные.

Из числа упомянутых нами источников некоторые — примерно десятая часть — оказались недоступными, и пришлось ограничиться их описанием (без использования самих материалов) на основе тех данных, которые имеются в специальной литературе.

¹⁴⁷ Издание Э. Денисона Росса, р. 6. См. также: Rieu, pp. 263—269.

О ПРИНЦИПАХ ОТБОРА ИСТОЧНИКОВ

Многие из памятников староузбекского языка сохранились в нескольких списках, относящихся к разным периодам времени и составленных разными переписчиками. При копировании в первоначальный текст вносились изменения, так что наряду с автором в этом тексте многосторонне проявлял себя и переписчик, а поскольку копирование нередко образовывало несколько последовательно расположенных ступеней, то конечный вариант мог совмещать в себе те или иные языковые особенности трех, четырех, пяти и даже шести лиц, т. е. особенности языка автора и нескольких переписчиков, разделенных промежутками времени от одного года до двух-трех столетий.

Данное обстоятельство делает необходимым отбор преимущественно ранних источников и допускает лишь осторожное и выборочное использование тех рукописей, составление которых выходит за пределы рассматриваемого периода (XIV—XVI вв.).

Сравнение разных списков позволяет установить, что изменения в основном охватывают лексику, отчасти содержание и фонетическую структуру слова и почти не касаются морфологии. При этом фонетические изменения, проявляющиеся при копировании текстов, однотипны и поддаются учету, ср., например, распространение нового типа соотношения гласных, замену глухих заднеязычных в конце слова звонкими или наоборот и т. д.

Чтобы показать размеры и характер указанных изменений мы приводим в качестве образца одну из газелей Лутфий по четырем спискам, составленным в XV, XVI и XIX вв.

Or. 8193, л. 176а (Брит. Музей); рукопись датирована (1432 г.):

*Aj əjāt-i raḥmat jūzūnūz sha'nīda nāzil
bolbaj kachařiç birlä kachan mäxir mukäbil.*

*Cizdîn käräk ögränscä päräl ädamälikni
Jüsuſ dävü täläm käräk alsa shamäjil.
Jalbuž mön ömäsmän havaſciç birlä giriſtär
xusnuñba ḥrjur xüry mäläk jān birlä mäjil.*

*Харұт көзүң сіхріні көрді ҳіjіл олді
андін жашуныб іхтіjар әтті jәx-i Бабіл.
Ол сачму турур қубха jakіn jәxүд узун түн
ja ғаліjадін dіlү көнүllәргә саласіл.*

*Jәn мұсхафі cіl пәrә болур kaјбуда хәрдам
хајкал әlігі боjnума та болді ҳамајіl.
Хіjріндә milär Lүtphі kуluң өz аjаlіnі
сәnсіz кәчүрәn 'омүрдіn аj дост нә ҳаcіl!*

Ср. Add. 7914/VI, л. 1996 (Брит. Музей); рукопись относится приблизительно к началу XVI в.:

*Aj аjаt-i раxмат jүzүңүz шa'niда nәziл
болбaj каcharиң birlä kachan мәxр мukabil.*

*Cіздіn кәrәk öгрәnsä pörlä adam'lїknї
Jүсуf даbї tа'їm кәrәk алса шамајіl.
Харұt көзүң сіхріnі көрді ҳіjіl олді
андіn жашуныб іхтіjар әtті jәx-i Бабіl.*

*Jaлбuz мәn ёмасmәn хавасиң birlä iрiфтар
хуснуңa турур xүru мәlәk jәn bilä маjіl
Ол сачмудур қубха jakіn jәxүd узун түн
ja ғаліjадіn dіlү көnүllәrgә salasіl.*

*..... мұсхафі cіl пәrә болур kaјbудa хәрдам
хајкал әlіgі bojnїna тa болdі ҳамајіl.
Хіjріндә milär хәrdam ajal Lүtphі mәskіn
сәnсіz кәchүrәn 'omүrdіn aj дost нә ҳaсіl!*

Ср. 5023/I, л. 396, 120-я газель (Рукоп. отдел ИВ АН Уз. ССР); рукопись датирована 1218 г. х. (1803 г.):

*Aj аjаt-i раxмат jүzүңiз шa'niда nәziл
болбaj чiкариң birlä kachan мәxр мukabil.*

*Cіz(dіn) кәrәk öгрәnsä pörlä adam'lїbnї
Jүsuф daбї tа'їm кәrәk алса шамајіl.
Харұt көзүң сіхріnі көрді ҳіjіl олді
андіn жашуныб болdә makamіcha majіl.*

*Jaлбuz мәn ёмасmәn хавасиң birlä iрiфтар
хуснуңa турур xүru мәlәk jәn bilä маjіl.
Ол сачмудур қубха jakіn jәxүd узун түн
ja ғаліjадіn dіlү көnүllәrgә salasіl.*

*Jәn мұсхафі cіl пәrә болур kaјbудa хәrдам
хајкал әlіgі bojnїna тa болdі ҳамајіl.*

Ср. А. 109, л. 34а, 133-я газель (Рукоп. отдел ИВ АН ССР); рукопись датирована 1232 г. х. (1816 г.):

*Aj аjаt-i раxмат jүzүңүz шa'niда nәziл
болбaj каcharиң birlä kachan мәxр мukabil.*

*Cіздіn кәrәk öгрәnsä pörlä adam'lїknї
Jүsuф daбї tа'їm кәrәk алса шамајіl.
Харұt көзүң сіхріnі көрді ҳіjіl олді
андіn жашуныб іхтіjар әtті jәx-i Бабіl.*

*Jaлбuz мәn ёмасmәn хавасиң birlä iрiфтар
хуснуңa турур xүru мәlәk jәn bilä маjіl
Ол сачмудур қубха jakіn jәxүd узун түн
ja ғаліjадіn dіlү көnүllәrgә salasіl.*

*Jәn мұсхафі cіl пәrә болур kaјbудa хәrдам
хајкал әlіgі bojnїna тa болdі ҳамајіl.
Хіjріндә milär хәrdam ajal Lүtphі mәskіn
сәnсіz кәchүrәn 'omүrdіn aj дost нә ҳaсіl!*

Глава I
ФОНЕТИКА

Арабские и уйгурские буквы, которыми пользовались авторы и переписчики староузбекских текстов, не дают четкого представления о фонетической системе староузбекского языка.

Насколько недостаточны графические средства арабского алфавита для передачи тюркских звуков вообще, можно судить хотя бы по тому обстоятельству, что в арабском алфавите существует только три знака для гласных, один знак для *к* и ? и не всегда передается различие между *ч* и *ж*, *п* и *б*.

Неприспособленным для передачи тюркских звуков является и уйгурский алфавит. Правда, имели место попытки дополнить уйгурский алфавит недостающими буквами посредством создания особых диакритических знаков, однако эти попытки не привели к реформе уйгурской письменности в целом и проявились в небольшом количестве текстов. Кроме того, они коснулись главным образом передачи некоторых несвойственных староузбекскому языку согласных, ср. СК: *خ xär* 'каждый' (19a), *ئ ئاڭ xak* 'господин' (28a), *ئەۋەن شەفەّام* 'посредство' (286), *ئەڭ باركا* 'потонувший', 'погруженный' (446), *ئەۋەن سەخابات* 'щедрость' (1626).

Все изложенное показывает, что детальная реконструкция фонетической системы староузбекского языка является делом чрезвычайно сложным.

Оригинальную попытку определить звуковой состав староузбекского языка сделал К. К. Юдахин, исследовавший с этой целью соотношение различных слов в рифме. По его мнению, рифмующиеся слова в туюгах (четверостишиях) должны были произноситься одинаково. И если мы встречаем, например,

в одном из туюгов Эмийр игру слов *от* 'огонь', *от* 'трава' и *öт-* 'пройти', то это означает, что все они, в соответствии с требованиями рифмы, читались в виде *от* и, следовательно, *о* и *ö* не различались. Если теперь взять в четверостишии Лутфий, — продолжает К. К. Юдахин, — игру слов *ташىدїн* 'из его камня', *ташىدїн* 'извне' и *ташى دїн* (*ташى* 'его внешняя сторона', *дїн* 'религия'), то необходимо будет признать, что узкий гласный в них, в последнем слоге, произносился единобразно, вероятнее всего, как *i* и противопоставление *i*—*ë* отсутствовало. На основании этих и других, изложенных в статье фактов К. К. Юдахин высказывает предположение, что важнейшие чагатайские поэты были представителями говоров не сингармонистичных, в которых насчитывалось только шесть гласных.¹

Способ определения состава гласных в староузбекском языке, предложенный К. К. Юдахином, оригинален и остружен, тем не менее он не может быть достаточно эффективным. Следует в связи с этим заметить, что подбор рифм в староузбекской поэзии не всегда достигал степени фонологического тождества рифмующихся слов, и поэтому знание фонемного состава одного слова или слога является недостаточным для определения соответствующего состава другого слова или слога. Ср., например, ШН:

<i>كۆردى</i>	<i>بۇلماس</i>
<i>أولتۇردى</i> (77),	<i>ئۇرۇلماس</i> (130),
<i>ھەرگىز</i>	<i>كېلىدى</i>
<i>خەرىز</i> (131),	<i>قېلىدى</i>
<i>أوتتى</i>	<i>ورۇپ</i>
<i>تۇتتى</i> (222).	<i>كۆرۈپ</i> (218),

О возможности использования в рифмах созвучных, но различных по произношению слов говорит с исчерпывающей ясностью Навай: „Для расширения (выразительных средств) и

¹ К. К. Юдахин. Материалы к вопросу о звуковом составе чагатайского языка. Культура и письменность Востока, кн. IV, Баку, 1929, стр. 67.

для облегчения выбора рифмы несколько букв (звуков, — A. Ш.) сближают друг с другом, в том числе и с . Например, в конце рифмующихся слов может быть , так что слово *arā* (أرا) рифмуют со словами *carā* (سرأ) и *darā* (درأ), но вместе с тем его можно рифмовать с *carā* (سره) и *darā* (دره). Другой пример: *jadā* (يده) рифмуется с *ṣadā* (صدا) и наряду с этим с *bādā* (باده). Такого же рода сообщество образуют , и . Например, *ṛūr* (إيرور) можно рифмовать с *xur* (خُر) и *dur* (در) и вместе с тем с *burūr* (غورو) и *zarūr* (ضورو). Так же обстоит дело и в отношении ى с : *abīr* (غيبر) и *baṣīr* (باغبر) рифмуются с *ṣadr* (صادر) и *kādr* (قادر) и, равным образом, с *ta'xīr* (تأخير) и *tabīr* (تخبر).....²

ГЛАСНЫЕ

Как уже указывалось выше, арабский алфавит у узбеков располагал тремя знаками, которые могли передавать 8—9 гласных: (a), ى (ڻ, ڻ, i), و (o, ö, y, ѹ). Для передачи ڻ, ڻ, i, o, ö, y, ѹ в начале слова использовались сочетания соответствующих знаков с алифом (!), так как без алифа последние обозначают и согласные звуки.

Приблизительно такие же возможности имел уйгурский алфавит. Особенность уйгурского алфавита в обозначении гласных, по сравнению с арабским алфавитом, заключается в наличии дополнительного средства для передачи мягкого ряда губных гласных — сочетания ڭ س ڭ (ڭ ö, ѹ). Употребление алифа (ا) в уйгурском письме — явление менее характерное и распространенное, чем в арабском.

Некоторые данные о составе гласных староузбекского языка приводит Нава'й. „В рифмах ма'rūf³ и маджхūl,⁴ на و و ى ى — пишет он, — в персидской поэзии не бывает более двух вариантов, например на و: څوډ (څوډ) ‘сам’, ‘свой’, ډوډ (ډوډ) ‘дым’, ڦوړ (ڦوړ) ‘сильный’, ڦوړ (ڦوړ) ‘луч’, ‘свет’; на ى: پېر (پېر) ‘старец’, ‘религиозный старейшина’, شېر (شېر) ‘лев’. В тюркском (староузбекском, — A. Ш.) языке и на و, и на ى имеется четыре

² Мұхәкамат ал-лугатайн (Chrestomathie en turc oriental), стр. 14.

³ Йай ма'rūf — i(i), вәви ма'rūf — y(y).

⁴ Йай маджхūl — ڻ, вәви маджхūl — o(ö).

варианта. Так, на و: от (أوت) ‘огонь’, ‘горящая вещь’, öt- (أوم) ‘проходит’, utm- (أوت) ‘выиграй в азартной игре’ مقمرغە بىر (بارىدىن ارق) и ўт- (أوت), произносимое уже всех, بارىدىن دىن امر, в значении ‘смолить голову животного, держа ее над огнем’; еще один пример: tor (تور) ‘сеть’, ‘тентета’, tur (تور), произносимое уже первого اندىن قىيق راق (اندىن قىيق راق), в значении ‘палка, жердь для сидения птиц’, töp (تور), произносимое еще уже — ‘передний угол дома’ اوئى نىنەك تورى (اوئى نىنەك تورى) и tür (تور), которое уже всех, — ‘узор на занавесе или двери’.

Примеров на ى — не более трех вариантов: bəz (بىز), что на языке сартов означает *kadud* ‘железá’, bīz (بيز), что значит (по-сартски) *mā* и (по-арабски) *nahnu* ‘мы’ и bīz (بيز) — (по-сартски) *daraqsh* ‘шило’. Еще один пример: tər- (تىير) ‘собирать’, tər (تىير), произносимое уже него и означающее на языке сартов *arak*, или *xwaj* ‘пот’, ‘испарина’ и *tir* (تىير), произносимое уже всех, — ‘стрела’⁵

Таким образом, Нава'й четко различает четыре варианта произношения буквы ى, выделяемых по признаку твердого или мягкого ряда (*ot*, *utm/öt*, *ût*) и по признаку широты или узости (*ot*, *öt/utm*, *ût*). Это различие свидетельствует о том, что в языке Нава'й, по крайней мере в пределах губных, сохранялась общетюркская шкала вокализма и гармония гласных не была утрачена.

Труднее обстоит дело с вариантами произношения буквы ى. Вначале Нава'й указывает, что их четыре, затем, несколько ниже, он ограничивает число вариантов тремя. Если сопоставить примеры, приведенные Нава'й, с учетом тех признаков сопоставления, которые использовались для вариантов произношения و, то прежде всего обнаружится отсутствие варианта с широким гласным твердого ряда, ср.:

(baż)	bəz	(tar)	tər
bīz	bīz	(tir)	tir

Однако ясно, что этот вариант не был привлечен Нава'й потому, что он не выводим из произношения ى. Что касается варианта с узким гласным твердого ряда, то в первой группе

⁵ Мұхәкамат ал-лугатайн (Chrestomathie en turc oriental), стр. 13, 14.

можно допустить его существование, принимая во внимание возможность твердорядного произношения гласного в слове *біз* (*biz*) 'мы'. Во второй группе такая возможность на первый взгляд исключена: в слове *тәр* 'пот' гласный — мягкого ряда и всегда полуоткрытый. Может показаться, что в данном случае, а также и в предыдущем, сопоставление разных вариантов произношения *и* не преследовало цели показать их различие по тем признакам, по которым были выделены варианты произношения.⁶ И не случайно А. К. Боровков высказал мысль о том, что „Алишер Навои в بیز (*biz*) ‘мы’ имел в виду выделить беглое *i*, в противоположность более долгому *i* в بیز (*biz*) ‘шило’ и *e* в بیز (*bez*) ‘железа’“.⁷ Однако содержание соответствующего раздела в сочинении Нава'й, как нам кажется, не дает повода сомневаться в описании им вариантов произношения *и* и *и* на основе единого принципа. Сам порядок подачи вариантов является строго последовательным: сначала вәви маджхұл твердорядный (*o*), затем мягкорядный (*ö*), далее вәви ма'rұf твердорядный (*u*) и мягкорядный (*ü*). Такой же порядок соблюдается в отношении *и*: сначала яйи маджхұл мягкорядный (*ë*; соответствующий твердорядный гласный, как указывалось выше, не выводим из произношения *и*, он обозначался буквой *ı*), затем яйи ма'rұf твердорядный (*i*) и мягкорядный (*ü*). Только в одном случае, а именно в случае со словом *тәр* 'пот', схема Нава'й является несколько нарушенной.

Как же объяснить использование слова *тәр* 'пот' в качестве примера на твердорядный вариант произношения яйи ма'rұf? Сам Нава'й указывает, что *тәр* в значении 'пот' произносится уже, чем *тәр-* 'собирать'. Следовательно, гласный в этом слове был довольно узким, закрытым. А предельно закрытый *ë* в положении перед *r* подвержен большой редукции и акустически может быть воспринят как *i*.

Итак, есть достаточные основания считать, что Нава'й хорошо различал четыре варианта произношения *и* (*o*, *ö*, *u*, *ü*) и три варианта произношения *и* (*ë*, *i*, *ü*), несмотря на то, что

⁶ См.: А. Усманов. Мухакамат ал-Лугатайн Алишера Навои. Ташкент, 1948, стр. 119.

⁷ А. К. Боровков. Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка, стр. 106.

акустическое разграничение последних в некоторых позициях было затруднительным.

Особое значение имеет вопрос о судьбе общетюркского *a*. Можно ли говорить о наличии в староузбекском языке противопоставления *a* — *ä*, то есть, иначе говоря, о появлении в нем „окания“? Определенных данных, позволяющих ответить на этот вопрос, пока нет. Все же небесполезно в данном случае обратиться к системе 'аруза, дающей некоторые косвенные указания относительно произношения *a*. Звук *a*, становящийся в современном узбекском языке открытым лабиализованным, (*ä*), в системе староузбекского стихосложения, опирающегося на количественный метр, выступает и с долготой и без долготы. Таким образом, подвести его под норму традиционного произношения долгих („окающие“) или кратких („акающие“) невозможно. С точки зрения этой нормы *a* может быть и „окающим“ и „акающим“, что, вообще говоря, в поэзии допустимо. Далее, следует обратить внимание на наличие рифм типа қадә (қадә) — бәдә (بادە), отмеченных самим Нава'й.⁸ Ясно, что присутствие *a* в слове بادە делает недопустимым „окающее“ произношение *a* в первом слове.

Трудно сказать определенно, на какой диалект староузбекского языка ориентировался Нава'й, когда пользовался приведенными выше примерами. Но мы вправе предположить, что диалект или группа диалектов, послужившие опорной языковой базой для Нава'й, занимали ведущее положение. В них так же, как и в диалекте, сыгравшем важную роль в формировании языка Бабура, было, по-видимому, восемь гласных: *a*, *o*, *u*, *ë*, *ö*, *ü*, *i*, с четким разделением твердого и мягкого ряда в таком плане, в каком это проявлялось и проявляется в настоящее время в большинстве тюркских языков. Можно также говорить о близости диалекта Нава'й и диалекта Бабура. Характерно, что сам Бабур в своих мемуарах, в разделе, посвященном описанию родного ему Андижана, высказываетя так: „Население его (т. е. Андижана, — А. Ш.) — тюрок. В городе и на базаре нет человека, который бы не знал тюркский язык (букв.: тюркى, — А. Ш.).

⁸ См. выше, стр. 66. См. также: А. К. Боровков. К вопросам фонетического анализа стихов Навои. Уч. зап. Ташкентского педагогического института им. Низами, Ташкент, 1959, стр. 9—11.

Язык народа сходен с книжным языком, потому что сочинения Мир 'Али Шёра Нава'й, хотя он родился и вырос в Герате, написаны на этом языке".⁹

Разумеется, не все, писавшие на староузбекском языке, являлись носителями диалектов Нава'й и Бабура и имели общую с ними фонетическую норму, с одинаковым составом гласных и согласных. Среди классиков староузбекской литературы были и жители Ферганы, и самарканцы, и хорезмийцы, и выходцы из других мест. Однако совершенно очевидно, что диалекты Ферганы занимали господствующее положение среди диалектов староузбекского языка и оказывали на них нормализующее воздействие. Мало вероятно, чтобы в XIV—XVI вв. играли значительную роль диалекты Ташкента, Самарканда и Бухары. Ташкент еще не являлся в этот период крупным политическим центром и вокруг него располагались преимущественно кыпчакские племена, в Самарканде же и Бухаре преобладало иранское население и местный "турки" имел небольшой удельный вес. Все сказанное позволяет нам при описании гласных и согласных говорить в основном об одной фонетической норме.

КРАТКИЕ ГЛАСНЫЕ

а — широкий гласный твердого ряда, имевший, возможно, уже в староузбекском языке XIV—XVI вв. незначительную лабиальную окраску, которая никак не отразилась на письме.

о и *у* — лабиализованные узкие гласные твердого ряда, графически не различавшиеся. Для различия *о* и *у* в староузбекском языке принято пользоваться данными сравнительной фонетики тюркских языков и материалами современного узбекского языка.

ї — узкий гласный твердого ряда, имевший тенденцию совпасть или уже совпадавший в период существования староузбекского языка с соответствующим гласным мягкого ряда (*i*).

ё, по принципу велярно-палатальной гармонии, соответствует гласному *а* и в качественном отношении является промежуточным между *ә* и *i*, не совпадающим, однако, ни с первым, ни со вторым.

⁹ Бобир-нома, I к., б. 18.

ö и *ÿ* — огубленные узкие гласные мягкого ряда, из которых второй — более закрытый.

i — узкий гласный мягкого ряда, самый "палатальный" в узбекском языке и вообще в тюркских языках. Качественное своеобразие *i* обеспечивало ему положение особого гласного, регулировавшего взаимоотношения между гласными твердого и мягкого ряда и способствовавшего общему смещению шкалы староузбекского вокализма несколько вперед.

Схематическая система гласных (фонем) староузбекского языка выглядит так:

	Неогубленные	Огубленные
Гласные твердого ряда "мягкого"	<i>a, ī</i> <i>ö, ÿ</i>	<i>o, u</i> <i>ö, ÿ</i>

Что касается гласных вторых и третьих слогов основы и формальных наращений, то они по своему составу и в качественном отношении должны были отличаться от гласных первых слогов. Так, например, маловероятно присутствие в рассматриваемых позиционных условиях гласных *о* и *ö*, и, наоборот, допустимо наличие гласного, необычного для первых слогов, — *ä*. В качественном отношении гласные не-первых слогов выделяются некоторой неопределенностью и даже неустойчивостью, что объясняется действием такой структурно-фонетической закономерности, как гармония гласных. Неопределенность гласных не-первых слогов обусловлена еще и тем обстоятельством, что противопоставление их, как правило, не несет смыслоразличительной нагрузки, то есть, иначе говоря, тем, что фонологически указанные гласные выступают как нечто единое, как один тип,ср.: *барар*, *барур*, *барир* 'идет'; *баріп*, *баруп*, *барап* 'пойдя'; *болуң*, *болїң* 'будьте', 'станьте'; *андан*, *андін* 'от него'; *кокүс*, *кокіс* 'грудь'; *алтун*, *алтїн* 'золото' (теоретически вполне допустима и третья разновидность — *алтан*); *көрдүм*, *көрдім* 'я видел'; *бојун*, *бојін* 'шея'; *ачуб*, *ачіб* 'открытый'; *көңлүңүз*, *көңліңіз* 'ваше сердце'; *үчүнчү*, *үчүнчи*, *үчінчи* 'третий'; *ба-достлук*, *достлік* 'дружба'; *окуса*, *окіса* 'если прочитает'; *ба-шумнї*, *башімнї* 'мою голову' и т. д.

Характер вокализации не-первых слогов в староузбекском языке, в плане отмеченных выше колебаний, определяется стремлением сделать универсальным тип *башым* 'моя голова' (ср. *башум*), *алтён* 'золото' (ср. *алтун*) и вытеснить или ограничить в употреблении тип с лабиализованным узким и нелабиализованным широким гласными. Проявление указанной тенденции находится в некоторой зависимости от структурных и других особенностей, например от закрытости или открытости слога, от степени унифицирующего воздействия преобладающего в каждой данной группе форм типа огласовки. Так, в открытом слоге употребление узкого гласного приобретает гораздо большие размеры, чем в закрытом слоге. С другой стороны, в закрытом слоге процесс изменения огласовки становится более интенсивным, если ряд грамматических форм, входящих в парадигму, имеет открытый слог с установленвшейся огласовкой посредством *-ї ~ -i*.

ДОЛГИЕ ГЛАСНЫЕ

Долгие гласные в староузбекском языке образовывались в результате выпадения согласных и сопутствовавшего ему в ряде случаев слияния гласных (так наз. заместительная долгота). Однако отличие таких гласных в количественном отношении от обычных кратких гласных быстро сглаживалось.

Наряду с природной долготой существовала долгота просодическая, связанная с усвоением количественного метра арабо-персидской поэтики. Мерой просодической долготы для тюркского стиха в основном являлась открытость или закрытость слога, ср. (размер — سالم — منهن — هن):

فلكددين گر منگاهر لحظه يوز قايغه كيلور اوتسرو
اگر هر قايغودين سونگ بير سيوونماك بار ايماس قايغشو

Если судьба посылает мне в каждое мгновение сотню печалей, печали нет, коль за каждой печалью будет следовать радость.¹⁰

¹⁰ См.: Мабани' А-дугат, стр. 131.

ГАРМОНИЯ ГЛАСНЫХ

Гармонию гласных принято рассматривать как особый род соотношения гласных в слове, определяемый зависимостью одних из них от других, а именно — зависимостью гласных вторых и третьих слогов от гласных первого слога. Гармонию гласных можно с полным основанием назвать прогрессивной ассимиляцией гласных.

В староузбекском языке существовали два типа гармонии гласных. Первый тип объединял все случаи группировки гласных по признаку твердости—мягкости, второй — по наличию или отсутствию огульности.

Примеры гармонии гласных первого типа: *бардуқ* 'мы пошли', *кәлдүк* 'мы пришли', *јолға* 'к дороге', *көзгә* 'в глаз', *андін* 'от него', *көздін* 'из глаза', *жахшәрак* 'лучше', *кіңірәк* 'моложе', *калсун* 'пусть останется', *білсүн* 'пусть знает', *кәлтүрмә* 'не приноси', *әскірүр* 'постареет', *карлұбач* 'ласточка', *шинқар* 'кречет', *тәнрідін* 'от бога'.

Глагольные основы *бар-* 'идти', *кал-* 'оставаться', с одной стороны, и *кёлтүр-* 'принести', *ёскір-* 'стареть', *біл-* 'знать', с другой, а также именные основы, соответственно, *жол-* 'дорога' и *көз-* 'глаз', *тәңрі-* 'бог' и т. д. в обобщенно-фонетическом плане отличаются друг от друга тем, что имеют разный тип вокализма — твердый или мягкий. В зависимости от этого морфологические элементы выступают в двух фонетических разновидностях, имеющих одинаковую фонологическую значимость.

Примеры гармонии гласных второго типа: *milim* 'мой язык', *көзүм* 'мой глаз', *барің* 'идите', *баріп* 'отправившись', *көрүп* 'увидев', *көңіліңүз* 'ваше сердце', *әлтә албайман* 'смогу нести', *јанымдін* 'от моей души'. Двойственность огласовки в этом случае заключается в наличии или отсутствии огубленности.

Данных, позволяющих говорить о степени сохранности или устойчивости первого типа гармонии гласных в староузбекском языке, в нашем распоряжении почти нет. Мы можем отметить лишь несколько случаев нарушения палатально-велярной гармонии в некоторых собственно тюркских и заимствованных словах и непостоянство ее в разного рода композитах, ср. Б: بیوفالیغ бўвафалӣ 'неверность' (148), ёўлм юғим кіладор кёладур 'мне

хочется есть' (222); БН: مىيىندا مەندا 'мне' (14); А (A.109): وفاسىزلارغە vafasizlarba 'неверным' (4, в рукоп. № 5023/I — وفاسىزلارغا vafasizlärgä, 5), كونكىلارغا könküllärba 'сердцем' (120, см. рукоп. 5023/I), ادمىلىك admiliik 'человечность' (133, в рукоп. 5023/I — ادمىلىخ admiliğ, 120), تىنكىرىپلىق tänkiripliq 'божество', 'то, что относится к богу' (192, см. рукоп. 5023/I); МЛ: اىكى يىيللىك ikki jälilik 'двухлетний' (пример из سىكىندىرى سىكىندىرى), بىگانەلىخ kämäliخ 'чужина', كەملىخ kämlig (или kämlük 'малость') (125); Max: تىتىرىدى دوركان كىلادورغان kälädörgän 'дрожащий', 'колеблющийся' (58), تىتىرىدى دورغان kälädurğan 'приходящий' (126, см. также в سىكىندىرى سىكىندىرى);¹¹ МН: انفاسلىك anfaslik 'с дыханием' (162a, уйгурский список) и انفاسلىك anfaslik (293б, арабский список); НДж: كىشىغى kışiba 'человеку' (27a); НМ: بىرالمادى bıralmadı 'он не мог дать' (30) كىلالمادىم kälälmadım 'я не мог прийти' (42a), كېچقۇرون käçkürun 'вечером' (145a), ايتغە ئىتبا 'собаке' (219a); ТМ: دو سوزلارغا bu sözlärba 'на эти слова' (147a); ШН: هېچ كېيملىق xəç kımlik 'никто' (101); ЭД: ئۇغۇرمابلىك 'скитания' (3).

Что касается второго типа гармонии, то его состояние может быть охарактеризовано вполне определенно. В целом этот тип предстает в неустойчивом виде, обнаруживая тенденцию к полному исчезновению.

Сохранение первоначального соотношения огубленных гласных, как мы уже отмечали выше, в староузбекском языке наблюдается главным образом в формах с закрытым слогом.

Губную огласовку сохраняют в абсолютном большинстве случаев:

1) глагольные формы 1-го и 2-го лиц единственного числа и одна из форм 1-го лица множественного числа: көрдүм 'я видел', көрдүң 'ты видел', көрдүк 'мы видели', көргүздүң 'ты показал', болдум 'я стал', (б)олдуң 'ты стал', тојдуң 'ты насытился', турдум 'я стоял', туттум 'я держал', кутулдуң 'ты освободился', бојун сундум 'я подчинился (букв.: я вытянул шею)', жүрүдүң 'ты

¹¹ Формы типа kälädörgän, как указывает Мехди-хан, встречаются в сочинениях Навәй Маҳбуб ал-қулуб и Таслим ал-муҳаббат, а также в Бабурнаме. См.: Мабания а-луғат, стр. 132.

ходил', олтурбуздук 'мы посадили', ёттүң 'ты прошел', јолуктум 'я встретился', сөктүң 'ты ругал', колдум 'я попросил';

2) формы принадлежности 1-го и 2-го лиц единственного числа: көңгүм 'мое сердце', özüm 'я сам', özүң 'ты сам', jüzüm 'мое лицо', бојнум 'моя шея', облуң 'твой сын', дәстлүбүм 'моя дружба', ўйүм 'мой дом', okуң 'твоя стрела', көзүң 'твой глаз', жүнүм 'мои перья';

3) вопросительная частица—аффикс: көрдүнүзмү 'видели ли вы?';

4) форма повелительного наклонения 2-го лица множественного числа: жүрүң 'идите', уруңуз 'бейте', којуң (којунуз) 'оставьте', тутуң (тутуңуз) 'держите', болунуз 'будьте', олтурүң 'сидите';

5) деепричастие прошедшего времени: көріп 'увидев', јумул 'закрыв', 'зажмуров', ётіп 'перейдя', олтуруп 'сев', олуп 'став', сунуп 'вытянув', бөлүп 'разделив', болуп 'став', көргүзіп 'показав', окуп 'читав', ölijп 'скончавшись', тутуп 'держа', копуп 'встав', 'поднявшись', туруп 'стояв', коркуп 'боясь', толдуруп 'наполнив', буазуп 'разрушив';

6) форма повелительного наклонения 3-го лица (так наз. косвенное повеление): көрсүң 'пусть увидит', болсун 'пусть будет', жүрүсүң 'пусть идет', тутсун 'пусть держит', окусун 'пусть читает', олтурсун 'пусть сидит', öltүрсүң 'пусть убьет';

7) формы отвлеченных существительных и относительных прилагательных: бојлук 'рослый', хұблук 'красота', дәстлүк 'дружба', куллук 'благодарность', улублук 'величие', јоклуб 'отсутствие', түрліг 'разные', көркілүг 'красивый', сөзліг 'словесный', маҳбублук 'влюбленность', ѡсрүкүлүк 'опьянение', сусузлук 'бездовье', булутлук 'облачный', жүккілүк 'нагруженный', күчлік 'сильный', отлуз 'огненный', муңлуб 'печальный', сүчүклүк 'сладость';

8) причастие настояще-будущего времени: болур ' тот, который станет', жүрүрдә 'при хождении', көргүзүр 'показывающий', көрүнүр 'показывающийся', окур 'читающий';

9) залоговые формы: күждүрдүм 'я сжег', көргүз 'покажи', кутулдї 'он освободился', öltүрдүң 'ты убил', турбуздї 'он поставил', уруштү 'он сражался', көрүндї 'он показался', кор-

kutma 'не пугай', *сорулді* 'спрашивалось', *үйурудум* 'я повернулся', *көрішті* 'он увиделся', *бчұрді* 'он погасил';

10) отлагольные имена: *коркунч* 'страх', *көрініш* 'встреча', *сөкінч* 'брать';

11) порядковые числительные: *үчінчі* 'третий', *төртінчі* 'четвертый', *токазунч* 'девятый', *онунч* 'десятый' (исключение: *төртінч*, ШН, 161);

12) живые или омертвевшие формы именного словообразования: *бурун* 'нос', *бојун* 'шея', *үчүн* 'для, из-за', *үкүш* 'много', *куруп* 'высохший', *күндүз* 'днем', *улуу* 'большой', *ölүг* 'мертвый', *кујун* 'вихрь', *кујрук* 'хвост', *тутбун* 'пленник', *öткүн* 'проходящий', *көпрюк* 'мост', *отун* 'древа', *сүлпүргү* 'метла', *көзүй* 'зеркало', *бујрук* 'приказ', *бүркүт* 'беркут', *сундук* 'сундук', *јүгүрүк* 'беглый', 'быстрый', *сүчүк* 'сладкий', *јулдуз* 'звезда', *түтүн* 'дым';

13) предикативный показатель-связка: *болуптур* 'он стал', *болуптурур* 'он стал', 'он становится', *jokтур* 'нет, отсутствует'.

К числу формальных показателей, проявляющих неустойчивость в огласовке, относятся:

— аффикс именной привативности („лишения“): *сусуз* 'без воды', *мунсіз* 'без этого', *оксіз* 'без стрел', *көзсіз* 'слепой (букв.: без глаз)';

— показатель 2-го лица множественного числа личных глагольных форм и именных форм принадлежности: *көрдүңіз* и *көрдүніз* (*көрдіңіз*) 'вы видели', *көңілүңіз* и *көңілүніз* (*көңіліңіз*) 'ваши сердца', *сөзүңіз* и *сөзүніз* (*сөзіңіз*) 'ваши слова', *јүзүңіз* и *јүзүніз* (*јүзіңіз*) 'ваши лица', *өзүңіз* и *өзүніз* (*өзіңіз*) 'вы сами', *болдуңуз* и *болдуңіз* (*болдіңіз*) 'вы стали', *јулдузуңуз* и *јулдузіңіз* 'ваша звезда';

— аффикс принадлежности 3-го лица при наращении падежных форм и появлении „вставочного“ *и*: *јүзіңі* 'ее лицу', *јүзінді* 'на ее лице', *јүзінік* 'ее лица', *күнінді* 'в день...', *бурніндін* 'из его носа';

— аффикс формы сопряженного состояния: *көңілүмнің* и *көңілүмнің* 'моего сердца', *көзүмнің* и *көзүмнің* 'моего глаза', *мунуң* и *мунің* 'этого', *кудубуның* и *кудубунің* 'колодца', *сөзүмнің* и *сөзүмнің* 'моего слова', *окуңузыңың* и *окуңузыңің* 'вашей стрелы', *көңілүңүзіңің* и *көңілүңүзіңің* 'вашего сердца'.

Неустойчивость огласовки второго или третьего слога наблюдается также в словах с нечленимой, застывшей морфологической структурой, ср.: *күміш* и *күміш* 'серебро'.

Не подчиняются губной гармонии в пределах данного структурного типа (закрытый слог):

1) показатель категорического императива: *сорбіл* 'спроси', *отурбіл* 'посиди', *көріл* 'смотри', *болбіл* 'будь', 'стань', *копбіл* 'встань', *јүрүгіл* 'иди', *унутбіл* 'забудь', *урбіл* 'бей', *көрізіл* 'покажи', *тұтбіл* 'держи', *кутулбіл* 'освободись' (исключения, ср. ХШ: *болбұл* 'будь', 'стань', 116; МН: *кәчүргүл* 'прости' 173, обусловлены требованиями рифмы);

2) аффикс исходного падежа: *ондін* 'справа', *солдін* 'слева', *көңілүмдін* 'от моего сердца', *мундін* 'от этого', *көздін* 'из глаз', *коркунчтін* 'от страха', *jоктін* 'из ничего', *көктін* 'с неба', *јүзіңдін* 'с твоего лица';

3) причастие прошедшего времени (с перфективным значением): *болміш* 'он стал (ставший)', *ölтүрміш* 'он убил', *олтурміш* 'он сидел', *јүріміш* 'он шел', *көрміш* 'он видел', *урміш* 'он был', *турміш* 'он стоял';

4) стяженная форма винительного падежа от формы принадлежности: *көзін* 'свой глаз', *окін* 'ее стрелу', *јүзін* 'ее лицо', *улублұзған* 'его величину';

5) форма принадлежности 1-го лица множественного числа: *көңілүміз* 'наши сердца', *өзіміз* 'мы сами', *сөзіміз* 'наше слово', *көзіміз* 'наши глаза', *көксіміз* 'наша грудь';

6) аффикс множественного числа: *көзләр* 'глаза', *күнләр* 'дни', *коллар* 'руки', *ölүгләр* 'мертвецы', *кушлар* 'птицы', *бојунлар* 'шеи', *бутлар* 'идолы';

7) аффикс уподобления: *мұнұңдәк* 'подобный этому';

8) некоторые аффиксы отлагольного образования имен и отыменного образования глаголов: *окумак* 'чтение', *көкәрді* 'он зазеленел';

9) разновидность деепричастия прошедшего времени: *көрібән* 'увидев', *окубан* 'прочитав', 'читая', *сорубан* 'спросив', 'спрашивая'.

В аффиксах с открытым типом слога, кроме вопросительного аффикса (-*му* ~ -*мү*), аффикса одного из отлагольных имен (-*бу* ~ -*бү*) и некоторых других, гласный, как правило,—

негубной, ср.: *kүлді* 'он засмеялся', *jүрүді* 'он шел', *kүтулді* 'он освободился', *үчүнчі* 'третий', *төртүнчі* 'четвертый', *олтуртті* 'он посадил', *öltүрә* 'убивая', *колі* 'его рука', *бүрні* 'его нос', *сөзі* 'его слово', *оңлі* 'его сын', *jүзі* 'его лицо', *өзі* 'он сам'.^г

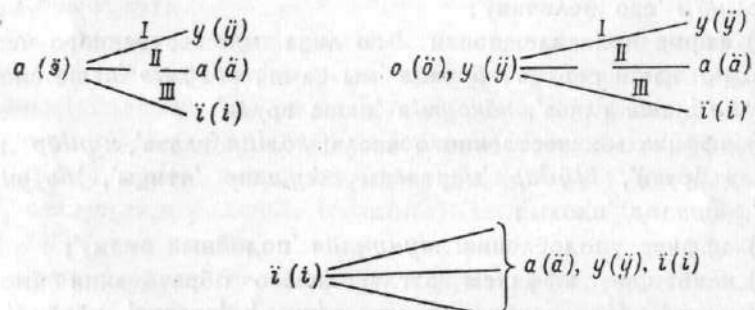
Следует особо отметить то обстоятельство, что нарушение гармонии гласных (в любых позиционных условиях) может приобретать большие или меньшие размеры в зависимости от диалектной принадлежности текста, ср. у Кутба—ХШ: *коркінч* 'страх' (2а), *умінч* 'надежда' (2а), *умунчум* 'моя надежда' (24а).

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ГЛАСНЫХ

Под распределением гласных разумеется частота их употребления в основе и грамматических формах, в зависимости от характера огласовки первого слога, и в самом первом слоге.

Мы возьмем простейший структурный тип слова — сочетание односложной основы с односложным морфологическим элементом. Распределение гласных в нем будет таким:

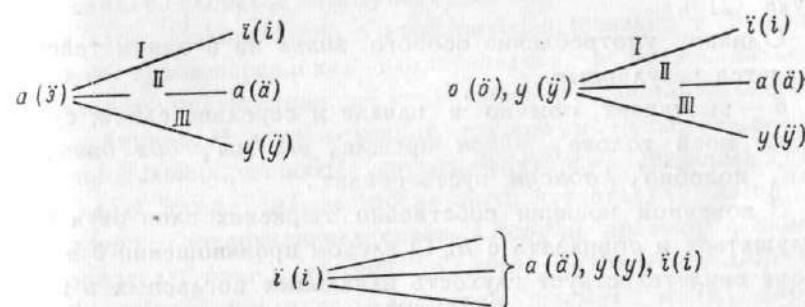
А) второй слог закрытый

В первом слоге чаще всего (приблизительно 35—40% односложных слов) встречается *a* (ä), ср.: *таш* 'камень', *баш* 'голова', *ат* 'лошадь', *ак* 'белый', *таң* 'гора', *сал* 'положи', *кал* 'останься', *көл* 'приди', *кәт* 'уйди', *jә* 'ешь', *тап* 'найди', *ач* 'открой'; далее следуют *o* (ö) и *y* (ȳ) [вместе 45—50%], ср.: *кол* 'рука', *кул* 'раб', *көк* 'небо', *jүз* 'сто', *öt* 'пройди', *от* 'огонь', *бол* 'стань',

үч 'лети', *ок* 'стрела', *он* 'десять', *үч* 'три'; и затем *i* (i) [10—20%], ср.: *кіл* 'делай', *bil* 'знай', *kirk* 'сорок', *iч* 'пей', *bitm* 'пиши', *jıl*

Б) второй слог открытый

'год', *чік* 'выходи', *кір* 'войди', *мің* 'тысяча', *біз* 'мы', *сіз* 'вы', *kічкір* 'кричи', *иш* 'дело', *іт* 'собака', *tіргіз* 'оживи', *mіlд* 'желай', *бір* 'один', *ілгэрү* 'вперед'.

СОГЛАСНЫЕ

Наиболее трудным является установление качества мягкого (продвинутого вперед) ряда заднеязычных согласных, которые в арабской и в уйгурской письменности обозначаются одинаково, без различия глухих и звонких.

В ряде случаев невозможно определить степень постоянства качественных данных при изменении позиционных условий, соотношение *ч* и *j* и т. д.

ПРОСТЫЕ СОГЛАСНЫЕ

n — глухой губно-губной смычный.

В начале слов тюркского происхождения *n* встречается очень редко. В конечной позиции он занимает господствующее положение.

b — звонкий губной смычный.

Графически *b* и *p*, как правило, не различаются (پ). Только отдельные составители пользуются приемом разграничения *b* и *p*, вводя особый знак для *p* (پ), ср. Мадж: كويبراك *köpräk*

‘больше’ (53а); ЧД: قالپاқ *kalpak* ‘шапка’ (25а), تاپمان *tapman* ‘не найду’ (276), اوپماک *öpmäk* ‘целовать’ (54а); ШН: کوچى نېنەك *kölpinik* ‘многих (из них)’ (105), قۇيغىل *qoigüil*, *kopbil* ‘встань’, ‘поднимись’ (192), تاپىنەدى *talpinid* ‘порывалось’ (207), پاشىا *pashiä* ‘муха’ (219).

Однако, употребление особого знака ни в одном тексте не является регулярным.

б — выступает обычно в начале и середине слова, ср.: باشىما ‘моей голове’, بۇرۇن ‘прежде’, بىز ‘мы’, بۆز ‘бязь’, كۆبى ‘как’, ‘подобно’, *kabasun* ‘пусть осадит’.

В конечной позиции собственно тюркских слов звук *b* мог оглушаться и совпадать с *p*. О глухом произношении *b* в конце слова свидетельствует глухость начальных согласных в прими-кающих к нему аффиксах, см. ШН: بولوبتۇر *bolupтур* ‘он стал’, قىلىپتۇر *kilipтур* ‘он сделал’ (92). Весьма вероятно, что процесс оглушения *b* в указанных позиционных условиях охваты-вал не все диалекты, не был повсеместным. Не случайно у Бабура в сочетании с формой деепричастия прошедшего времени преобладает разновидность предикативной связки с начальным звонким, тогда как после явных глухих звонкий согласный заменяется глухим, см. Б: قىلىپدۇر *kilipdur* ‘он сделал’ (66), كورۇپدۇرىز *korupduriż* ‘мы видели’ (180), كىلىتۇرۇپ دۈمىن *killetürüp dumın* ‘я принес’ (185), جوقتۇر *joktür* ‘нет’ (140). Ср. там же: قىلىپتۇر *kilipтур* ‘он сделал’ (227). Иначе у Фазуллә-хана. В словаре последнего конечный *b*, особенно в деепричастных формах, передается обычно как глухой, ср.: قىلىپ *kilip* ‘сделав’, كىلىپدۇر *kilipdur* ‘приходит’.¹²

t — глухой звонкой смычный.

t широко представлен в любом положении, ср.: тىلارم ‘желаю’, алти ‘шесть’, тапмадим ‘я не нашел’, نەتەج ‘что по-делаю’, كۆرساتۇر ‘показывает’, алтун ‘золото’, ات ‘лошадь’, ايت ‘скажи’, سابات ‘корзина’.

Оказываясь между гласными, *t* обычно не изменяет своего качества. Возможно, что в некоторых словах в положении между гласными он становился геминированным.

¹² لغة تركى Библиотека Восточного факультета Ленинградского университета, № 419, стр. 75, 250 (список, изготовленный с печатного калькуттского издания).

ð — звонкий зубной смычный.

Этот звук встречается главным образом в заимствованных словах, в составе аффиксов местного и исходного падежей, подобительной формы, отглагольного имени и т. д.

В начале слова *d* выступает в предельно ограниченной группе слов. Наличие его в этой позиции связано с большим притоком арабо-персидских заимствований, а также является результатом перенесения на староузбекскую почву фонетических особенностей языков южной группы и отчасти — следствием проявления каких-то других факторов. Примеры: دەلاك ‘губы’, دەبى ‘также’, دەگەچ ‘после того, как сказал’, دەرىۋ ‘до’, دۇر, دۇرۇر — предикативная связка, دارۇغا ‘правитель, наместник города’ (< монг.), دەئىنچا ‘до’, دەگۈل — отрицание, دەلۈ ‘безумный’, دالبا ~ داۋۇلبا ~ داۋۇلبان ‘шлем’ (< монг.), دابکۇر ‘размещение войск кругом’.

Наличие *d* в середине и в конце слова может быть отме-ченено с теми же оговорками, которые были сделаны относи-тельно возможности его употребления в начальной позиции, ср.: ئەردا, ئەردى ‘ставка’, ‘лагерь’ (< монг.), ساداب ‘колчан’ (< ساب + داب?), داردا ‘боль’ (< перс.), خىندا ‘Индия’, چىداپ ‘будучи в состоянии’ (چىدا- < монг.). ئەمدى ‘теперь’, ‘уже’, سۇدرات ‘тачив’.

k, *g* — глухие смычные твердого и мягкого ряда. Первый — увулярный, второй — заднеязычный.

B, *g* — звонкие смычные (?) твердого и мягкого ряда. Первый — увулярный, второй — заднеязычный.

Одной из характерных особенностей позиционного распре-деления смычных увулярных и заднеязычных в староузбекском языке является невозможность присутствия *B* и *g*, исключая отдельные заимствования, в абсолютном начальном положении. В начале собственно тюркских слов *B* и *g* встречаются в тек-стах золотоордынского цикла, ср. ТН: بان ‘кровь’ (285 б). См. также Б: بابابىنى ‘твой подбородок’ (202).

Характер соотношения глухих и звонких заднеязычных в конце слова, состоящего из нескольких слогов, неясен, часто в одном и том же тексте рядом оказываются и глухой и звонкий. Очевидно, звонкость конечных заднеязычных была факультативной. Ср. ماڭ: ساۋۇب ‘холодный’ (4), ساۋۇك (19), اجاڭ ‘нога’ (55), اجاڭ (68), جاھشىلەب ‘доброта’, ‘благо’ (145) и

jaχšil'bni, *jaχšil'k* (156); ТН: *улуб* 'большой', 'великий' (20), *савук* 'холод', 'холодный' (84).

Все же в некоторых произведениях, например, у Нава'й, употребление в конечной позиции глухих или звонких заднеязычных связано в какой-то мере с разграничением грамматических групп. Так, звонкие явно преобладают у прилагательных и отвлеченных 'существительных', глухие — у других имен, ср. Маҳ: *натаvānl'b* 'немощь', *jaçl'b* 'подобный', *савуб* 'холодный', *icib* 'горячий' (4), *acib* 'горький' (5), *joklub* 'отсутствие', *barlub* 'присутствие' (14), *acl'b* 'голод', *jalancachl'b* 'нагота' (19), *rastl'b* 'истина' (41), *arib* 'чистый' (63), *dostlub* 'дружба' (80), *carib* 'желтый' (86), *kyruba* 'сухой', 'высохший' (118), *acub* 'открытый' (124), *jumshab* 'мягкий' (125), *jaχšil'b* 'доброта' (145), *va-fal'b* 'верность' (146); Мадж: *astrababdil'b* 'астрабадский' (186), *ashnabl'b* 'знакомство' (306), *činababdil'b* 'чинабадец' (73а); НМ: *bədābl'b* 'непристойность' (11а), *bađābl'b* 'багдадец' (35а), *xamrakhl'b* 'сопутствие' (846), *acl'b* 'голод' (846), *buxhārl'b* 'бухарец', *şađl'b* 'радость' (1176); ТМ: *bužubulublar* 'разрушения', *abādānl'b* 'благоустройство' (94а), *pādšākhl'b* 'царствование' (1096); ЧД: *bužubulub* 'порча' (16а), *maстl'b* 'пьянство' (216), *asānl'b* 'легкость' (89а). Ср. также Б: *jarlb* 'милость' (24), *şađmānl'b* 'радость' (125), *ashnabl'b* 'знакомство', *bəvafal'b* 'неверность' (148).

Составитель словаря Абушка всюду приводит два варианта, ср.: *atakl'b* и *atabl'b* 'знаменитый' (7), *al'b* и *al'b* 'взятие' (23), объясняя наличие разновидности со звонким согласным требованием рифмы بعضی محلده غینله قافیه و دیف مصلحتی ایچون) (کلامه آخوندہ و آوندہ و اورتاسنندہ برمعنایه استعمال اولنور).¹³

Точно такое же объяснение неустойчивости передачи конечного заднеязычного (увулярного) дает Мехдий-хан, который приводит в связи с этим два двустишия из произведений Нава'й.¹⁴

ضعیف جسمیم ارا بیبری ذیننگ اوستیدا داغ
قوروغ یغاج اوزهدور یافراغ اوستیدگا یافراغ

¹³ Абушка, стр. 7.

¹⁴ Мабани' л-лугат, стр. 101, 102, 103.

'В моем слабом теле — боль на боли,
на засохшем дереве листья прикрывают друг друга'.

باغ ایچوره سنگا ساچتى گل آق و قیزیل یافراق
شاه باشیغه انداق کیم ایل آق و قیزیل یارماق

'В саду розысыпали на тебя белые и красные лепестки,
подобно тому как народ сыпал "серебряные и золотые
монеты на голову шаха'.

Мехдий-хан специально указывает на возможность смешения двух разновидностей аффикса отвлеченных существительных (-l'b и -l'k) и на возможность двоякого написания следующих слов: *булаb* и *булак* 'ручей', *ajab* и *ajak* 'нога', *kyruba* и *kyruk* 'сухой', 'высохший', *carib* и *carik* 'желтый', *katib* и *katik* 'твердый', 'жесткий', *ab* и *ak* 'белый' и т. д. В формах повелительного наклонения — отмечает он — такая неустойчивость непозволительна. Ясно, что различие в них *k* и *b* имеет semanticное задание, ср.: *jak* 'зажги', *jađ* 'приди', *jik* 'свали', *jib* 'собери'. В формах типа *alduk*, *almak*, *alsak* выступает всегда *k*. Этот *k* изменяется только перед гласным, но и здесь, по мнению Мехдий-хана, решающую роль играет рифма, ср.:

یاغین
سالماگین¹⁵

Неустойчивость в обозначении заднеязычных наблюдается и в интервокальном положении, особенно если это положение обусловлено изменением формы слова, ср. Б: *aja'bim* 'мои ноги' (4); ТН: *dudabid* 'твои губы' (2766), *ajakic* 'твоих ног', *toprađi* 'ее земля' (2786), *sukakic* 'твоя улица', *jaçakic* 'твоя щека' (2826), *karakimdi* 'из моих зрачков' (2856).

Все-таки в пределах имен намечается тенденция к сплошному озвончению конечных заднеязычных, оказывающихся в интервокальном положении.

В отличие от других тюркских языков, в староузбекском языке заднеязычные согласные в положении после узких согласных почти всегда сохраняются, ср. Б: *bojruk* 'рослый' (64), Маҳ: *icib* 'жаркий' (4); ТН: *jažukluk* 'грешный' (274а), *camuk*.

¹⁵ Мабани' л-лугат, стр. 104.

'весь' (278б), *кірпік* 'ресницы' (284а); ШН: *јајаў* 'пеший' (38), *атлік* 'всадник' (38), *катіб* 'крепкий' (81). Выпадение заднеязычных или их переход в *v*(*y*) ограничены единичными случаями, которые можно объяснить как результат влияния кыпчакских диалектов, бывших для авторов ряда староузбекских текстов родной языковой стихией. Примеры. Б: *бірәв* 'некто' (<*бірәй*; 198), *кавун* 'дыня' (<*кабун*; 256); Дж: *нә јаңлу* 'каким образом' (<*нә јаңліб*; I); Қ: *'акіллі'* 'умный' (<*'акілліб*; II); Л: *арі* 'чистый' (<*аріб*; III); Мах: *тавук* 'курица' (<*табук*; 60); ШН: *кавун* 'дыня' (<*кабун*; 59), *ікәй//ікәв* 'двое' (<*ікәй*; 62), *капу* 'ворота' (<*капуб*; 68), *савук* 'холодный' (<*саңук*; 84).

χ — глухой заднеязычный (увулярный) спирант.

О существовании *χ* следует говорить условно, так как этот звук прослеживается только или почти только в заимствованных словах, полностью сохраняющих орфографические нормы тех языков, из которых они были заимствованы. Собственно тюркских слов со звуком *χ* в староузбекском языке не больше пяти-шести, см. Б: *јаҳшій* 'хорошо' (55), *саҳлар* 'бережет' (90), Мах: *оҳшар* 'походит' (106); ТМ: *ҳакан* 'каган' (125б); ШН: *аҳтарурбіз* 'поищем' (114).

То же самое относится и к придыхательному *x*.

φ — глухой губно-губной спирант.

Появление *φ* — результат воздействия внешних факторов. Продолжительное время *φ* существовал только в пределах орфографических написаний заимствованных слов и не имел распространения в разговорном языке. Случай, когда *φ* оказывается в собственно тюркском слове, для староузбекского языка единичны, см. Л (5023/І): *чулған* 'Венера' (115); Мах: *јафраб* 'лист' (87); СН: *арфа* 'ячмень' (204б); ЧД: *тофраб* 'почва' (70а); ШН: *јафрак* 'лист' (114), *ўфқаләрмән* 'разгневаюсь' (224).

v — звонкий губно-губной щелевой.

Для всех тюркских языков звук *v* является вторичным и относительно поздним. Его появление в староузбекском языке связано с заимствованием большого количества слов арабского и персидского происхождения, а также с преобразованием в определенных позиционных условиях других звуков, напри-

мер *б*, *г* и *б*, ср. М: *суv* 'вода' (<*су5?*; 4); ШН: *ікәү//ікәв* 'двоe' (<*ікәй*; . 62), *кунрав* — музыкальный инструмент (< **кунраб*; 198).

c — глухой зубной щелевой (свистящий).

c возможен в любой позиции, хотя в конце слова он, по-видимому, не является этимологическим звуком и восходит к *з*. Примеры: *сачің* 'твои волосы', *олса* 'если будет', *асіб* 'польза', *болмас* 'не будет', 'не станет', *саткуч* 'торговец', *ажса* 'если скажет', *әмәс* 'не', *әскірүр* 'постареет'.

z — звонкий зубной щелевой (свистящий).

Подобно звонким заднеязычным и звуку *d*, *з* в начале собственно тюркских слов отсутствует. В середине и в конце *з* выступает довольно часто. Примеры: *кобуз* — музыкальный инструмент, *боз* 'ситец', *тоңуз* 'свинья', *көргүзүр* 'эрдi' 'он показывал', *күндүз* 'днем', *өзүңнi* 'самого себя (ты)', *jүзүмнi* 'мое лицо', *бузулмаңаj* 'не разрушится', *үзә* 'на', 'над', *үзүн* 'длинный', *аз* 'мало'.

ш — глухой альвеолярный щелевой (шипящий).

ш типичен для любой позиции. Примеры: *каш* 'брюви', *баш* 'голова' *јаҳшій* 'хороший', *јашурдуң* 'ты скрыл', *кiшi* 'человек', *шункар* 'сокол', *үкүш* 'много'.

Перед гласными *ш* не озвончается.

ж — звонкий альвеолярный щелевой.

ж встречается в двух-трех заимствованных словах, ср. А: *ажүнда* اجۇندا 'в мире' (105); ТН: *аждахә* 'дракон' (286б; см. также ЧД, 91б).

ч — глухая переднеязычная аффриката.

Никаких позиционных ограничений для *ч* нет, ср.: *кiчкiрүрман* 'кричу', *сачің* 'твои волосы', *чаң*, *чабана* 'музыкальные инструменты', *чiктi* 'он вышел', *олбач* 'после того, как стал'.

ч устойчив в качественном отношении: сохраняет глухость перед гласными и не переходит в *ш*.

յ — звонкая переднеязычная аффриката.

Этот звук прослеживается только в заимствованных словах, ср.: *јән* 'душа', *хijr* 'разлука', *мәсјид* 'мечеть', *бijjak* — музыкальный инструмент, *јәбә* 'панцирь, кольчуга для лошадей', *нәрунj* 'апельсин'.

p — сонорный переднеязычный дрожащий.

В начале собственно тюркских слов *r* отсутствует. Что касается заимствований, то в них присутствие *r* в начальном положении является лишь фактом письменной традиции, требовавшей строгого соблюдения орфографических норм оригинальных источников.

— сонорный переднеязычный двустороннешелевой.

Употребление *л* в слове характеризуется теми же особенностями, что и употребление *р*. На вопрос о возможности различия в староузбекском языке *л* и *l* (твердого и мягкого ряда) ответить трудно, так как никаких данных, указывающих на подобное различение, нет. Условно мы сохраняем традиционную раздельность написания *л* в словах с твердым типом вокализма и в словах с гласными мягкого ряда.

и — звонкий губно-губной смычный, носовой.

Количество тюркских слов, в которых *m* выступает в качестве начального звука, в староузбекском языке невелико. Однако и в этих словах *m* не является первичным: он восходит к *b*. Примеры: *мінді* 'он взобрался' (<*бінді*), *мунба* 'этому' (<*бунба*), *мундак* 'этакий, такой' (<*бундак*), *мәңү* 'вечный' (<*бәңү*), *мің* 'тысяча' (<*бің*), *мун* 'печаль' (<*буң*), *мән* 'я' (<*бән*). Изменение *b* в *m* — следствие чрезвычайно сильного ассимилятивного воздействия *n* и *ň*.

В середине и в конце слова *m* вполне обычен, ср.: *kím* 'кто', *nämä* 'что', *icittmä* 'горячка', *tamir* 'жила', *kördüm* 'я видел', *jaman* 'плохой', *baštma* 'на мою голову', *tamat* 'горло', *külmüş* 'серебро'.

и — звонкий зубной смычный, носовой.

В начале слова, если не считать заимствований, и прослеживается только в вопросительных местоимениях, в глаголах, числительных и наречиях, образованных от них, а также в одном из послелогов-наречий, ср.: *нё* 'что', *нёчук* 'как', *нётай*, *нёлайин* 'что поделаю', *нёчай* 'сколько', *нари* 'с', 'от', 'с той стороны', 'туда', 'прочь' (ср. ЭД: *нари бар* 'иди прочь', 4).

Примеры употребления *и* в других позициях: *кан* 'кровь', *анї* 'его', *ана* 'мать', *канат* 'крыло', *сан* 'число', *jan* 'сторона', 'бок', *сун-* 'прятнуть'; *күн* 'день'.

Ч — звонкий заднеязычный (увулярный) смычный, носовой.

Подобно всем сонорным, в начальном положении *ң* отсутствует. То, что в середине слова *ң* нередко разлагается на *н* и *ң* (5), свидетельствует о возможности его довольно позднего происхождения в этой позиции,ср.: *мәңүй* 'вечный'.

Конечный *н*, особенно в звукоподражательной и образной лексике, является одним из древнейших согласных.

j — звонкий среднеязычный щелевой.

j выступает в любом положении, ср.: *jok* 'нет', *aj* 'луна', *kaj* 'какой', *kajt* 'вернись', *ajaſ* 'нога', *jõr* 'земля', *jõz* 'лицо', *äjläil* 'сделай', *koj* 'поставь', 'пусти'. В староузбекском языке, как можно предположить, *j* оказывал в небольших размерах палатализирующее воздействие на соседние звуки и на характер или тип вокализма в целом.

* * *

Восстановление фонологической системы согласных староузбекского языка представляется задачей чрезвычайно трудной. В так называемых средних тюркских языках, к которым относится и староузбекский, происходила замена одних дифференциальных признаков другими. Вследствие этого на протяжении какого-то периода времени существовала смешанная система или, по крайней мере, создавалась видимость смешанной системы фонем. В этой смешанной системе совмещались два типа — исконный древнетюркский, спр.

<i>n</i>	<i>m</i>
<i>m</i>	<i>n</i>
<i>k</i> (κ)	<i>h</i>
<i>c</i>	<i>p</i>
<i>w</i>	<i>λ</i>
<i>u</i>	?
* <i>m'</i>	* <i>j</i>

с противопоставлением согласных по месту и способу образования и по силе — слабости,¹⁶ а также с их позиционным расположением по последнему признаку (согласные *м*, *н*, *ң*, *р*, *л*,

16 Мысль о первоначальном делении тюркских согласных на сильные и слабые впервые была высказана устно В. М. Наделяевым.

ж, *б*, *д*, *з*, *б*, *ж*, *в* в начальной позиции не употреблялись), и новый тип, ср.:

<i>п</i>	<i>б</i>	<i>м</i>
<i>т</i>	<i>д</i>	<i>н</i>
<i>к</i> (<i>k/x</i>)	<i>г</i> (<i>Б</i>)	<i>ң</i>
<i>с</i>	<i>з</i>	<i>р</i>
<i>ш</i>	<i>(ж?)</i>	<i>л</i>
<i>ч</i>	<i>ж</i>	<i>?</i>
<i>j</i> (< * <i>m'</i>)	<i>j</i>	<i>j</i> (< * <i>j</i>)
<i>ф</i>	<i>в</i>	—
<i>х</i>	—	—

в котором приобретает определенное (может быть, очень небольшое) дифференцирующее значение признак глухости — звонкости.

Приведенная схема весьма приблизительна и нуждается в уточнениях, возможных только при условии глубокой разработки фонологической системы общетюркского или пратюркского языка.

ДОЛГИЕ, ИЛИ УДВОЕННЫЕ, СОГЛАСНЫЕ

Удвоенное произношение или написание согласных в староузбекском языке могло быть как постоянным, так и факультативным.

Постоянное удвоение имеет место в словах арабского происхождения (согласный под тешидом), ср.: *مُحَبَّبَات* 'любовь', *مُجَارٌ* 'плут', *عَشَاقٌ* 'ушишак' 'влюбленные', а также на границе живых или омертвевших морфологических элементов слова, ср.: *қўркабай* 'красавица', *савукка* 'к холоду', *әтти* 'он сделал', *бәҳишттак* 'словно рай', *көңүллар* 'сердца', *чіккіл* 'выди'.

Факультативное удвоение, неопределенное по своему происхождению, наблюдается у некоторых числительных, см. Мадж: *أَوْتُوزْ* 'оттуз' 'тридцать' (63а); ШН: *إِلْيَكْجَه* *әлликжә* 'около пятидесяти' (207), *ايْكَى* *иккі* 'два' (158), *ايْسَخْ كُول* *іссіб* *көл* — наименование озера (136).

Особый вид факультативного удвоения встречается в поэтических произведениях, он обусловлен требованиями просодии:

удвоенное произношение согласных дает возможность закрыть открытый слог и таким образом делает его долгим, см. МН: *шәкәр* 'сахар' (164б, 166б) и *шәккәр* (164а, 166а), *каддї* 'ее стан' (168б). На пример:

<i>шáкár</i>	<i>ирníң</i>	<i>набат-ї</i>	<i>мїсра</i>	<i>оҳшар</i>	(л. 164б)
<i>табассум</i>	<i>кїлсаңїэ</i>	<i> шák кár</i>	<i>ујалур</i>		(л. 164а)

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СОГЛАСНЫХ

Распределение согласных, как и распределение гласных, включает в себе два момента: характер их сочетаемости и степень употребления отдельных звуков.

Известно, что сочетание любых согласных в начале или конце слова является необычным для тюркских языков вообще, поэтому и в староузбекском языке действует соответствующая структурная норма. И если в последнем встречается большое количество заимствованных слов, идущих как будто вразрез с указанной нормой, то следует заметить, что в таких словах допускалась интродукция гласного (см. ниже, стр. 95).

На границе разных морфологических элементов, включая и омертвевшие, и разных словов возможны любые сочетания согласных, ср.: *օсрўк* 'пьяный' (ср), *кашдїн* 'от бровей' (шд), *болдї* 'он стал' (лд), *сачїңї* 'твои волосы' (ңн), *аҷтї* 'он открыл' (чт), *башїмда* 'на моей голове' (мд), *әғмә* 'изогнутый' (гм), *болмасун* 'пусть не будет' (лм), *көрүндї* 'он показался' (нл), *иңарсән* 'выпьешь' (рс), *біздін* 'от нас' (эл), *аңзїба* 'в его рот' (бз), *болбусї* 'будет' (лб), *кїчкїурман* 'кричу' (чк, рм), *болса* 'если будет' (лс), *бірлә* 'с' (пл), *мунча* 'так, настолько' (нч), *істәрәм* 'хочу, желаю' (ст) *кілїпсан* 'ты сделал' (пс), *бізәй* 'нам' (эг), *асру* 'очень' (ср), *кәлтүргїдәк* 'будто принесет' (лт, рг), *яңлїб* 'подобный' (ңл), *ошибу* 'вот этот' (шб), *яжшї* 'хорошо' (хш), *барча* 'все' (рч), *алїптур* 'он взял' (пт), *коркутасан* 'пугаешь' (рк), *дәүрү* 'до' (гр), *коркунч* 'страх' (рк, нч), *кујаштак* 'как солнце' (шт), *көңләк* 'рубашка' (ңл), *көрсәтсәм* 'если покажу' (рс, тс), *күндүз* 'днем' (нл), *тапшуруп* 'передав' (пш), *кірпәк* 'ресницы' (рп), *бојнуңба* 'на твою шею' (jn, ңб) и т. д.

Характерно, что в тех случаях, когда основа оканчивается на сонант (*p*, *λ*, *m*, *ң*, *j*), смычный в начале аффиксального элемента, как правило, бывает звонким. Таким образом, на границе разных морфологических частей слова мы имеем только сочетания *рд*, *рб*, *рг*, *лд*, *лб*, *лг*, *мд*, *мб*, *мг*, *нд*, *нб*, *нг*, *ңд*, *ңб*, *јд*, *јб*, *јг*, ср.: *аларда* 'у них', *аларба* 'им', *андін* 'от него', *коjләді* 'он был поставлен', *јолба* 'в дорогу', *кіләнді* 'он был сделан', *мәндәk* 'как я', *каjда* 'где', *тамда* 'на крыше' (исключение: *біrtä* 'один', см. Мах., 112). Наоборот, начальные проточные — всегда глухие: *рс*, *рч*, *лс*, *лч*, *мс*, *нч* и т. д., ср.: *урса* 'если ударит', *болсун* 'пусть будет', *мунча* 'этак', 'столько', *кілса* 'если сделает', *milәnчi* 'нищий', 'попрошайка'.

В связи с этим намечается унификация аффиксов, начинающихся смычными, по звонкому типу и аффиксов, начинающихся щелевыми, по глухому типу независимо от того, какие звуки выступают в конце основы, например: *накәrачlіkba* 'в отношении занятия барабанщика', *јахїлліkдіn* 'от невежества', *аz фурсатда* 'в небольшой промежуток времени', *тәңріdіn* 'от бога', *куjрудїn* 'от его хвоста', *атда* 'на лошади', *калсун* 'пусть останется', *кәтді* 'он ушел', *сатсун* 'пусть пропадет'. Все же, как справедливо отмечает Мехди-хан, при наличии в конце основы глухих возможны колебания, ср.: *ашді* и *ашті* 'он взобрался', *öпdі* и *öпtі* 'он подсоловал', *öтdі* и *öttі* 'он прошел', *учdі* и *учtі* 'он полетел'.¹⁷

Внутри основы сонанты выступают преимущественно в сочетании с глухими смычными и очень редко со звонкими, ср.: *алтун* 'золото', *јэлпiнүч* 'веер', *арпа* 'ячмень'.

Что касается степени употребления отдельных согласных, то в односложных словах типа СГС, являющихся наиболее удобными для соответствующего анализа, обнаруживается такое соотношение (без учета арабских, персидских и монгольских заимствований): начальными бывают чаще всего *k*, *ң*, *b*, *c*, *m*, *j*, реже *ш* и *ч*; в единичных случаях — *б*, *г*, *п*, *д*, *м*, *н*; совершенно исключены — *з*, *р*, *л*, *ң*. Конечными для типа СГС могут быть все согласные без исключения. При этом самое значительное место в конечной позиции занимают заднеязычные

¹⁷ См.: Мабани' л-лугат, стр. 128.

и уувуллярные, самым минимальным является употребление *д*. Согласные *ф*, *х* и *х* мы вообще не принимаем в расчет, так как количество слов, в которых они выступают, в староузбекском языке не превышает десяти.

Морфологические показатели, имеющие аналогичную фонетическую структуру, могут начинаться любыми согласными, кроме *з*, *ң* и *ј* (последний выступает в начале морфологического показателя только в качестве так наз. вставочного звука, ср.: *саkлаjур* 'охраняет', *ајаjіn* 'скажу-ка', *Xišir суjіn* 'воду Хызра').

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ГЛАСНЫХ И СОГЛАСНЫХ

А) Выпадение *л* перед *т* в некоторых глагольных формах. Ср. Б: *кәтүр* 'принеси' (<*кэltүр*; 69), *кәтүрмәң* 'не подносите' (222); ТН: *кәтүр* 'принеси' (2766), *отурсаң* 'если сядешь' (<*олтурсаң*; 2826); ШН: *отурбїл* 'посиди' (114), *кәтүрдіlär* 'они привели' (154).

Эта особенность не характерна для староузбекского языка в целом. Наличие ее в Та'ашшуқ-наме и в некоторых других текстах следует рассматривать как результат кыпчакского влияния. В абсолютном большинстве источников *л* не выпадает: более того, употребление *л* остается преобладающим и в тех текстах, которые содержат то или иное количество случаев его утраты, ср. Б: *кэltүрің* 'после того, как принес' (56), *олтуруп* *әрді* 'он сидел' (88); М: *олтурміш* *әрді* 'он сидел' (11); Мах: *кэltүрмәсін* 'пусть не приносит' (14), *кэltүрмә* 'не приноси' (163); НМ: *кэltүрмәктәдурмән* 'приношу' (200а); РК: *кэltүрүң* 'принесите' (1386); СК: *олтурур* *әрді* 'он сидел' (5а), *кэltүрүңүз* 'приведите' (53а), *öltүрміш* *әрдіm* 'я убил' (62а), *кэltүрдіlär* 'они принесли' (88а), *öltүрдің* 'ты убил' (94б); ТН: *отурсаң* 'если сядешь', *олтурбүсі* 'сидеть', 'тихнеть' (2826); ЧД: *кәтүр* 'принеси' (246); ШН: *олтурбүзді* 'он посадил' (31), *кэltүрдіjк* 'мы привели' (51), *олтурдіlар* 'они сели', *кэltүрүp* 'приведя' (58).

Б) Выпадение гласного при изменении грамматической формы (при наращении притяжательных аффиксов), например, Б: *көңlүм*

‘мое сердце’ (*көңіл*; 1), *абзіза* ‘в его рот’ (*абіз*; 7), *ірні* ‘ее губы’ (*ірән*; 19), ‘öмріүң ‘твоя жизнь’ (*öмүр*; 20), *шілдін* ‘из моих рук’ (*әлік*; 53), *боззума* ‘моему горлу’ (*бозуз*; 88); СҚ: *бојумні* ‘мою шею’ (*бојун*; 41б), *бурніндін* ‘из его носа’ (*бурун*; 42б), *карнімда* ‘в моем чреве’ (*карін*; 84а), *облұң* ‘твой сын’ (*обул*; 98б); ЧД: *коксүмді* ‘моей груди’ (*кокүс*; 31а); ШН: *тәграсігә* ‘вокруг него’ (*тәгәрә*; 39), *орніда* ‘на его месте’ (*орін ~ орун*; 86).¹⁸

Нетрудно заметить, что обусловленное изменением грамматической формы выпадение гласного происходит обычно во втором слоге двухсложных и трехсложных слов, оканчивающихся проточными согласными или сonorными.

В) Утрата гласного, не обусловленная изменением грамматической формы (главным образом в глагольных основах), ср. А: *сөрбіл* ‘спроси’ (45); Б: *сөрбіл* ‘спроси’ (137); СҚ: *сөрдүм* ‘я спросил’ (5а), *сөраді* ‘он спросил’ (80б).

Г) Выпадение *r* в глаголе *әр-* ‘быть’, например, Б: *әрдім* (4), *jok ѫса* (24), *әдім* (33), *әрмәс* (40), *әрүр* (58), *әміш* (90), *әрмәс* (109); Маҳ: *әмәс* (92); СҚ: *әрді* (3а), *әрсә* (14б), *әрдім* (62а), *әркәндә* (84а), *әркән* (93а); ШН: *әді* (9), *әрді* (72), *әмәс әрді* (85); Я: *әгәч* (314б). Исчезновение *r* не связано с особым характером позиционных условий, однако сохранение его в ряде случаев можно объяснить только позиционными факторами, ср.: *әрүр*.

Данные, которые могли бы свидетельствовать о большей распространенности процесса выпадения *r* в староузбекском языке (не только в глаголе *әр-*), отсутствуют.

Д) Выпадение конечного *л* у местоимений, ср. ШН: *ол* ‘он’ (50), *у* ‘тот’ (164), *шул* ‘тот’ (204).

Е) Упрощение групп согласных, см. РҚ: *јумурка* ‘яйдо’ (145а); СҚ: *јумуртка* (266).

Ж) Чередование *н ~ j*, ср. А: *кандин* ‘откуда’ (*кан*; 19); *каjsі* ‘какой’ (*каj*; 161), *хар кајан* ‘куда ни’ (*каj*; 64); М: *каjу* ‘какой’ (*каj*; 36); Мадж: *кајда* ‘где’ (*каj*; 57а); Маҳ: *канда* ‘где’ (*кан*; 52), *каjdіn* ‘откуда’ (*каj*; 90), *каjsі* ‘какой’ (*каj*; 90), *кајан* ‘куда’ (*каj*; 133); ШН: *кајда* ‘где’ (*каj*; 5, 32), *каjу* ‘какой’ (*каj*; 7).

¹⁸ О позиционном выпадении гласных см.: Мабани ‘л-лугат’, стр. 129.

Чередование *н ~ j* имеет сравнительно древние истоки и является следствием неодинакового отражения в разных тюркских языках общетюркского *j (носовой *j*). В языках огузской группы *j в основном отразился как *н*, в языках карлукско-уйгурской группы — как *н* и *j*, в кыпчакских языках — как *j*. Наличие в староузбекском языке и той и другой разновидности объясняется особенностями его формирования, и главным образом смешением в нем нескольких языковых и диалектных типов.

З) Изменение (выпадение) заднеязычных и увулярных в положении после узких гласных [и перед ними, см. Л (А. 109): *арі* ‘чистый’ (<*аріб* ~ *аруб*; 35), *бојлі* ‘рослый’ (<*бојліб* ~ *бојлуб*; 137); Мұх: *үчав* ‘трое’ (<*үчадж*; 5); МҲ: *сап-сарі* ‘совершенно желтый’ (<*сап-саріб*; 21); ТМ: *ікәв* ‘двоє’ (<*ікәнж*; 98а); ШН: *қалу* ‘ворота’, *көпrij* ‘мост’ (<*көпрюг*; 119).

И) Появление и выпадение так наз. ‘вставочного’ *н*, ср. Б: *յүзідә*, *յүзіндә* ‘на ее лице’ (15), *хіjr отї* *кашиңда* ‘перед огнем разлуки’ (33), *յүзүң* *кашиңда* ‘перед твоим лицом’ (60), *сұман ѹстідә* ‘над жасмином’ (64), *кујаш кашиңа* ‘к солнцу’ (200); М: *мі'раj түніндә* ‘в ночь Вознесения’ (2), *анің* *кашиңда* ‘при нем’ (13), *јібачиң* *түбіндә* ‘у основания дерева’ (34); Маҳ: *јаҳшілар арасідін* ‘из среды хороших, добрых’ (171); НДж: *алар кашиңда* ‘при них’ (586); НМ: *шәjx орніңа* ‘на место шейха’ (716), *казан тәграсідә* ‘вокруг казана’ (72а), *машаjіx арасіда* ‘среди шейхов’ (117б); СҚ: *әлигіндә* ‘в его руке’ (5а), *астін-даjі* ‘находящийся под...’ (34б), *көңlіндә* ‘в его сердце’ (56б); ҲМ: *ат ѹстідә* ‘на лошади’ (32б); ШН: *хан катіңда* ‘при хане’ (17), *шахар іcіңа* ‘в город’ (32), *јол башіңда* ‘в начале дороги’ (35), *анің* *катіңдін* ‘от него’ (36), *кiш іcіңдә* ‘в зиму’ (85), *јәхәнир кашиңда* ‘при Джекангире’ (117); ЭД: *анi кашиdіn* ‘от него’ (2), *хіjriң отїда* ‘в огне разлуки с тобой’ (7).

Приведенные примеры показывают, что никакой регулярности в отношении употребления так называемого ‘вставочного’ *н* в староузбекском языке обнаружить не удается. Тем не менее очевидна тенденция к повсеместному сокращению размеров его использования (в произведениях Лутфий, Навай и некоторых других поэтов ‘вставочный’ *н* почти не встречается).

К) Выпадение начального *b*, ср. Қ: олур 'становится', 'является' (I), олдї 'он стал' (II); Қас: олдум 'я стал' (I); ШН: олдуң 'ты стал' (185), болбїл 'будь, стань' (191). Для староузбекского языка этот процесс не характерен.

Л) Переход *b* в *m* в местоименных окончаниях личных глагольных, именных и притяжательных именных форм, см. БН: мурўримїз 'наш переход' (147), алмїздїн '(из положения) перед нами' (197); СҚ: алурбїз 'возьмем' (21а); ШН: тутабїз 'мы держим' (132), ач болуббїз 'мы голодны' (218). Сохранение *b* наблюдается в личных глагольных и именных (предикативных) формах, в тех же случаях, когда местоименный элемент выступает в качестве аффикса принадлежности, *b* всегда переходит в *m*.

М) Ассимилятивное изменение *c* в *ч*, см. А: сўчўк 'сладкий' (179); Маҳ: чўчўк 'сладкий' (5); МН: чїкан 'мышь' (1736).

Н) Подстановка протетического *j* (*j*), см. Л: јазбурудї 'он сбил с дороги' (21, см. 5023/I), азбурудї (21, см. А. 109); МН: ѡвўрмән 'не отверну' (1706), ёвўрмән (1726); СҚ: јасир 'пленник' (73б; < араб. *أسير*).

О) Появление инкурсивного *x*, см. БЛ: харікан 'уставший' (248), хўр- 'лаять' (249); МН: ўзәпләр 'плавают' (1635), хўзгай 'будет плавать' (1706), хур 'бей' (1736).

П) Особого внимания заслуживают случаи сохранения в староузбекском языке XIV—XVI вв. межзубного **d* в виде *d* или *z* (без перехода в *j*), см. А: адак 'нога' (27), ёдїй 'добрый', 'благочестивый' (123); МН: ёдїй 'хороший' (1636, см. Ог. 8193), ёгїй (295а, см. Add. 7914), адакиңка 'к твоей ноге' (295а, см. Add. 7914), аjakиңа (164а, см. Ог. 8193); С: азакиң 'его ногу' (19а); ЯШ: ул ѹїл(i) 'год быка' (255). Почти сплошь *d* сохранился в поэме Қутба „Хосрав и Ширин“, см. ҲШ: ёдїй 'хороший' (4а), күдук 'колодец' (5а), кадбу 'печаль' (216), адак 'нога' (82а).

Р) Выпадение начального *j*, см. Абушқа: ѹэ 'сто' (105).

С) Переход *a* в *ї*, см. МЛ: ал- ~ ѹл- 'брать', jar- ~ ѹjr- 'расколоть' (142).

Т) Озвончение *k* в положении перед гласным, см. БН: авлабї 'его охотничьи угодья' (авлак 'охотничьи угодья'; 5),

кушлабї 'его угодья, изобилующие дичью' (кушлак 'угодья, изобилующие дичью'; 5).

У) Переход *ð* в *z*, частично выходящий за пределы рассматриваемого периода (XIV—XVI вв), ср.: ёй 'господин' (< ёдї), ёгар 'седло' (< ёдэр), кїлз 'войлок' (< кїдиз).¹⁹

ФОНЕТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОГА И СЛОВА

В староузбекском языке широко представлены и закрытый и открытый типы слога. Слоги, закрытые двумя согласными, довольно редки, что же касается слогов с двумя начальными согласными, то их вообще нет. Примеры:

Г, ГС, СГ (гласный, гласный + согласный, согласный + гласный)

бу 'этот', ёрдїлар 'были' (ёр-ди-lär), ёз 'сам', ал 'возьми', ак 'белый', ok 'стрела', ѹч 'три', it 'собака', ѹт 'делай', ёв 'дом', ат 'лошадь', дў 'скажи', ѹё 'ешь', су 'вода', iш 'дело', ёл 'народ', дёдї 'сказал' (дё-дї), улув 'большой' (у-лув), ошуул 'вон тот' (о-шуул).

СГС, ГСС

сён 'ты', мён 'я', айт 'скажи', ант 'клятва'.

СГСС

кајт 'возвращайся', лост 'друг', ҳамд 'хвала', ариш 'престол', васл 'встреча, соединение'.

К последнему типу относятся главным образом заимствованные слова, причем как заимствованные, так и собственно тюркские слова, имеющие соответствующую фонетическую структуру, нередко допускают интродукцию гласного (для собственно тюркских слов этот гласный может быть этимологическим), ср. МН: Miçir (~ Miçr) 'Египет' (1606), ёмур (~ ёmr) 'жизнь' (1706), Xisip (~ Xisip) — имя (1716), хусун (~ хусн) 'красота' (1726); СҚ: қабур (~ қабр) 'терпение' (60б, 83а), зулум (~ зулм) 'насилие' (79а), шўжур (~ шўjkr) 'благодарность' (83б).

¹⁹ K. H. Menges. Das Ҷағatajische in der persischen Darstellung von Mirzä Mahdî Xân, S. 662.

Особенности соединения разных слогов в составе слова предопределены их фонетическими данными. Если из двух слов первый оканчивается, а второй начинается согласным, никаких фонетических изменений не происходит. Если же первый слог оканчивается согласным, а второй начинается гласным, или наоборот, может иметь место озвончение согласного, находящегося на границе двух слов. Когда и в конце первого и в начале второго слова оказывается гласный, возникает необходимость использования „вставочных“ звуков, с целью предотвращения совершенно необычного и нетерпимого в тюркских языках зияния.

В староузбекском языке более или менее широко используются три „вставочных“ согласных, если не считать *н*, условия употребления которого совершенно особые. Эти три звука — *j*, *c*, *r*. Первый встречается в деепричастиях, причастиях и некоторых других формах, ср.: *okijyp* (*ok-i-j-yp*) ‘читает’, *timräjy* (*tim-rä-j-y*) ‘дрожа’; второй — в формах принадлежности 3-го лица, ср.: *kitab* (*kitäb-i*) ‘его книга’, но *anasi* (*ana-s-i*) ‘его мать’. Звук *r* в качестве „вставочного“ согласного выступает при образовании разделительных числительных, например *ikkipär* (*ikki-r-äp*) ‘по два’.

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ

Строгое следование письменной традиции сделало нормой сохранение в староузбекских источниках оригинального написания арабских и персидских заимствований. Поэтому трудно представить себе, как происходил процесс адаптации необычных для староузбекского языка звуков. Если же иметь в виду конечные результаты, то необходимо отметить, что для носителей современного узбекского языка характерно почти полное усвоение нескольких таких звуков.

В связи с наплывом арабо-персидской лексики и взаимодействием иранского субстрата в староузбекском языке появляются звуки *χ*, *х* (*χ* и *х*, очевидно, различались только графически), *ф* и другие, ср.: *хабар* ‘весть’, *хафтә* ‘неделя’, *fälän* ‘такой-то’, *хаjrän* ‘удивленный’, *‘ajab* ‘удивительный’, *taçavvur* ‘представление’, *фахм* ‘понимание’, *дўзах* ‘ад; расши-

ряется количество слов с такими согласными в начальной позиции, которые в староузбекском языке в этом положении являлись исключением или вообще не встречались, ср.: *javäb* ‘ответ’, *fiř'avñ* ‘фараон’, *pistä* ‘земляной орех’, *‘ajab* ‘удивительный’, *буrbat* ‘чужбина’.

Изменения, которые имели место при освоении арабо-персидских заимствований и которые доступны для наблюдения, заключаются в своеобразной фонетической интерпретации межзубного арабского *়* (*zäl*) и так наз. эмфатических звуков.

Староузбекский язык воспринял большое количество и монгольских слов. В отличие от арабской и, частично, от персидской лексики, последние проникали не книжным путем, а исключительно через непосредственные контакты. Поэтому в староузбекском литературном языке отразилось их фактическое произношение.

Анализ монгольских заимствований показывает, что в староузбекском языке они закрепились в основном без каких-либо изменений, как в собственно-фонетическом отношении, так и в структурном плане. Ср.: *орду* ‘ставка’, ‘лагерь’, *даруба* ‘правитель города’, *нүкэр* ‘солдат’, *давулба* ‘шлем’, *коналба* ‘место, где садятся птицы’, *јёбә* ‘панцирь’.

Монгольские заимствования расширили группу слов с нетипичными для староузбекского языка начальными *д*, *н*, *м*, *ж*.

Глава II

МОРФОЛОГИЯ

В староузбекском языке три части речи (имя, глагол, наречие) и три частицы речи (послелоги, собственно частицы, союзы).

Выделение частей и частиц речи производится нами на основе чисто формального признака — способности или неспособности одних языковых единиц сочетаться с другими языковыми единицами того же самого или иного уровня.

Части речи — слова, присоединяющие к себе морфологические элементы и сочетающиеся в той или иной связи между собой. В отличие от них частицы не сочетаются ни между собой, ни с какими-либо аффиксами, исключая тот случай, когда в составе их (частиц) оказываются омертвевшие формы.

Различия между отдельными частями речи определяются составом морфологических показателей. Имя присоединяет к себе падежные аффиксы, для глагола характерно образование форм полной (*Verbum finitum*) и неполной (деепричастия) verbalности, наречие же выделяется отсутствием собственных форм словоизменения.

Внутри частей речи прослеживаются подгруппы, не имеющие полной морфологической автономности, но отличающиеся одна от другой каким-либо частным морфологическим признаком или особенностями образования так называемых вторичных основ. Подгруппами имени являются: собственно имена (существительное, прилагательное, местоимение, числительное) и отглагольные имена (субстантивные отглагольные имена, причастия). Подгруппы наречия — обстоятельственные и экспрессивно-изобразительные слова.

Деление частиц на послелоги, собственно частицы и союзы, обусловлено различием в характере их назначения: послелоги обслугивают слово, собственно частицы — и слово и предложение, союзы же выступают в качестве средства соединения слов, словосочетаний и целых предложений.

Морфологическая структура каждой части речи довольно проста. У имени и глагола имеется два основных структурных компонента — основа-корень, или первичная основа, и окончание, у наречия один структурный элемент — словоформа.

Основа — лексический стержень слова, воспринимаемый сквозь призму существующего в языке грамматического распределения слов, ср. именная основа, глагольная основа. Все основы внешне совпадают с грамматически значимыми нулевыми формами. Нулевая форма имени — форма основного, или именительного, падежа, нулевая форма глагола — форма повелительного наклонения 2-го лица единственного числа.

Окончание представляет собой один однозначный морфологический элемент или совокупность однозначных морфологических элементов — аффиксов, присоединяемых к основе последовательно, в строго определенном порядке (префиксы в староузбекском языке, как и вообще в тюркских языках, фактически отсутствуют).

Таким образом, понятия основы и окончания в староузбекской (resp. тюркской) грамматике наполнены своеобразным содержанием. Если говорить о соотношении с грамматикой флексивных языков, то можно отметить, что в общих чертах понятию староузбекской основы в них соответствуют понятия основы и корня, а понятию староузбекского окончания — понятия окончания и суффикса.

Частицы речи все имеют одинаковую структуру, подобную структуре наречия. Правда, термин „словоформа“ в том значении, в каком он был применен в отношении наречий, для частиц не подходит, так как последние не являются полноценными и самостоятельными лексическими единицами.

ЧАСТИ РЕЧИ

И М Я

СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ ИМЕНИ

Схематически аффиксы, присоединяемые к именной основе, располагаются в следующем порядке:

основа (первичная или вторичная) + аффикс множественного числа + аффикс лица-принадлежности или аффикс формы сопряженного состояния + аффикс падежа.

Формы падежа

В староузбекском языке семь падежей, включая основной, или именительный, форма которого является нулевой: основной, вокативный, винительный, дательный, местно-временной, исходный, предельный.

Прежде, чем перейти к характеристике падежных форм, необходимо отметить то обстоятельство, что почти все они выступают в трех семантико-функциональных разновидностях: 1) как формы сочетания со служебными словами, например, с послелогами, утратившие определенное грамматическое значение, ср.: *кішкa тёйінчä* 'до зимы', *біздін бурна* 'до нас', 'перед нами', *бізгä утру* 'нам навстречу', *дұшманларба каршï* 'против врагов', *кiшиләрдän соңра* 'после людей'; 2) как словоизменительные формы с разнообразным грамматическим содержанием, раскрывающимся в сочетании одних знаменательных слов с другими; 3) как словообразовательные формы или омертвевшие морфологические элементы, связанные с выражением синтаксических отношений только этимологически, ср.: *ошибунча* 'вот такой', *мобулча* 'монгольский', *канда* 'где', *күндүзүн* 'днем', *анды* 'там', *өзгä* 'другой' и т. д.

Материалы, приводимые ниже, относятся к области активного употребления падежных форм (первый и второй случаи).

Основной падеж. Морфологически основной падеж противопоставлен всем другим падежам отсутствием выделяющего его показателя, в синтаксическом плане — как падеж подлежащего, так как подлежащее выступает только в основном падеже.

Основной падеж употребляется:

— при назывании лиц или предметов, когда никакая другая форма невозможна, ср.: Б: *сöнi jän därläp* 'тебя называют „душа“' (34); БН: *jана бiр jïns öryük bolur kïm... субханï därläp* 'еще есть один сорт урюка... который называют „субхани“' (4), *bïr nав' kavundur kïm Mîr Tämürï därläp* 'есть сорт дыни, который называют (сорт) „эмир Тимур“' (6), ... *kïtäblardä Shash bitimlärp* '...в книгах пишут „Шаш“' (7); А: *jüzïn kujash dädim* 'ее лицо я назвал солнцем' (1846); М: *Naxj ul-faraðïc atläk kïtäbdïn* 'из книги, называемой „Нахдж ал-

фарадис“' (1); Маҳ: *aṇa Maхbûb ul-kulûb at kojildi* 'ей было дано имя „Махбуб ул-кулуб“' (8); Мұх: *Jäfësnî kë taväriñ aхлï Abû-l-tïjrk bitiplär* 'Яфес(а), которого историки называют „Абу-л-турк“ (т. е. отцом тюрка...) (4); ШН: *Aхsî dägân kurbanba* 'в крепость, называемую Ахсы' (125);

— при сочетании двух имен — как форма определительного члена конструкций тюркского изафета 1-го и 2-го типов и персидского изафета, а также как падеж определяемого в арабской *Status constructus*, ср.:

а) тюркский изафет, — А: *Салсабîl abîna* 'к воде райского источника Салсабиля' (78); Б: *köñlüm dardïba* 'болям моего сердца' (195); БН: *Arç sujïnî* 'реку Арс' (10), *Balx vîlâjatïnî* 'вилайет Балха' (11), *Muhammad tarxanñi* 'Мухаммед-тархана' (46), *avlyuk jörlärp* 'места для охоты' (87); М: *alturn ajað* 'золотая чаша' (3); Маҳ: *tïlkï kyjrubïdïn* 'из хвоста лисицы' (60), *arpa ïamîn* 'заботу о ячмене' (169); Мұх: *tïjrk alfażïba* 'турецкой речи' (21); СҚ: *jöjxûn darpjasï* 'река Джейхун' (24а), *ajvîr at* 'жеребец' (31а), *arpa ötmäk* 'ячменный хлеб' (35б); ШН: *чабат-ај ёl* 'чагатайский народ' (75), *сұлх сөзін* 'слово о мире' (125), *Ташканд ёшігі* 'ворота Ташкента' (148);

б) персидский изафет — Б: *ävârâ-jî ikki jaхân* 'скиталец двух миров' (*ikki jaхân* 'два мира'; 10); БН: *anđišä-jî fâsîd* 'дурные намерения' (*fâsîd* 'скверный'; 31), *vîlâjat-i Mâvarâ'nnahr* 'вилайет Мавераннара' (55), *câxîb-i Xîdâjâ* 'автор Хидаи (муслиманского трактата)' (56); ТН: *nâcl-i âdam* 'род человеческий (букв.: род Адама)' (273б), *châshm-i bâd* 'дурной глаз' (*bâd* 'плохой'; 275б), *çûrshîd-i tâbân* 'сверкающее солнце' (*tâbân* 'сверкающий'; 276а); ШН: *‘azm-i Samarkand* 'в направлении Самарканда' (121), *daşt-i Xörâzm* 'хорезмская степь' (205);

в) *Status constructus* — Маҳ: *Maхbûb ul-kulûb* '„Возлюбленный сердце“' (*kulûb* 'сердца'; 8); Мұх: *Abû-l-tïjrk* '„Отец тюрка“' (*tïjrk* 'турок'; 4).

— при сочетании личных и некоторых других местоимений с существительными, прилагательными и числительными, выступающими в качестве аппозитивных членов, как форма определяемого, см. Қ: *mäñ zañfi* 'меня слабого' (II); ШН: *mäñ bëçäränî* 'меня бедного' (*mäñ* 'я'), *mäñ ävârânî* 'меня скитальца' (180);

— при перечислении, когда в ряду сополагающихся имен специальное падежное оформление получает только последнее имя,¹ см. А: *којбїл Атәйл мәдрәсә ва җанакахнї* 'оставь Атая медресе и келью' (100); БН: *Ташкәнд ва Шәхрухъїјә ва Сайрамнї аләп ёді* 'он взял Ташкент, Шахрухи и Сайрам' (24); Маҳ: *иҷмäк ва ѡёмäк ва уйкуба җурсанд* 'рады попить, поесть и спать' (58), *баш аյабдїн тартїп* 'таща за голову и ноги' (79), *јаман јаҳшїнї тәңрїдін аңлағыл* 'плохое и хорошее разумей от бога' (137);

— как падеж прямого дополнения, выраженного отглагольным именем и управляющего винительным падежом другого имени, см. А: *ääр көңүң milär јәнїмнї алмак...* 'если твое сердце хочет покорить мою душу...' (98);

— в качестве формы прямого приглагольного дополнения свободного и частично связанного типов, ср. Б: *көрсәтүр гäх тиб ва гäх ok* 'показывает то меч, то стрелу' (2), *јарлїб ёттىл* 'окажи милость' (24); БН: *үч масаф урушї кïлїп ёді* 'он провел три сражения' (9), *пајда кïлїптур* 'он обрел, выявил' (14), *хïзмат кïлур ёрдї* 'он служил' (19), *чабїр ічар ёді* 'он пил вино' (25); Маҳ: *бојун сунуб* 'вытянув шею' (подчинившись) (46), *ашкäр ёттى* 'он раскрыл, сделал явным' (85); С: *ај фäлäк чарж урбїл* 'о небо, вращайся' (17а), *каçд ётмä ахїр јәнїма* 'не замышляй же против моей души' (21а); СҚ: *хабар кïлүл* 'сообщи' (26, 73а); ШН: *ok атїша турдїлар* 'они перебрасывались стрелами' (216); ЭД: *назарә кïл* 'обрати внимание' (10), *јүз ўңдїн пäрдä* ал 'сними занавесу с твоего лица' (1);

— в качестве формы разных косвенных дополнений, когда допустимо использование показателей местно-временного, исходного, предельного или дательного падежей, ср. Б: *Хіндиин Гäрм бардїңіз* 'вы отправились из Индии в Гарм' (228); БН: *курбан-дїн дарја бир ok атїмї болбај* 'от крепости до реки расстояние в один выстрел' (5), *чабїр ічмäс күнләрі наштнї кәзäр ёді* 'в дни, когда не пил вина, он употреблял наркотические средства'

¹ Это не означает, что параллельное оформление однородных членов совершенно исключено, см. СҚ: 'Абдулла айттї кім тәңрі та'алә олдур кім јәрні көкні күнні айнї јулдузларнї кәчәні күндүзини... жаратїп турур' 'Абдулла сказал: всевышний бог тот, кто создал землю, небо, солнце, луну, звезды, ночь и день...' (946).

(24), *Бухарә бардї* 'он отправился в Бухару' (46), *мён бу та-раф кёлдім* 'я пришел сюда' (47); Маҳ: *баштїн аjak* 'с головы до ног' (55); МХ: *ajakдїн баш* 'с ног до головы' (3); ШН: *Хо-расан јёттi* 'он прибыл в Хорасан' (203), *Хәрә бардїлар* 'они отправились в Герат' (204).

Особый случай употребления формы основного падежа связан с постановкой ее при прямом дополнении в винительном падеже, см. Б: *јәнїмнї кïлїбдур су* 'душу мою она растворила (букв.: 'сделала' водой, су 'вода'; 66); БН: *мунї пајтахт kï-лїп ёді* 'он сделал этот (город) столицей' (*пајтахт* 'столица'; 6), *мунї ёшiк aka kïлїп ёді* 'он сделал его распорядителем двора' (*ёшiк aka* 'распорядитель двора'; 26).

Форма основного падежа может быть также именной частью сказуемого, см. Б: *бу нав'иш iш ёмасдур* 'такое дело — не дело' (14), *тар абзїң ёрjур бунчä* 'твой уэкий рот — бутон' (58), *козi җүн-хар ёмiш* 'глаза ее, оказывается, кровопийцы' (90); М: *Јабраїл айттї Іабраїлтурман* 'Джабраил сказал: „Я Джабраил“' (6); Маҳ: *бу мударрїс ёмасдур кiм...* 'тот не учитель, кто...' (24), *ол маlýм ёмас* 'это неизвестно' (92), *jalbanчi кiши ёмас* 'обманщик — не человек' (162).

Наконец, в форме основного падежа выступают прилагательные, причастия и числительные, выполняющие функции определения, ср. А: *вајран көңүмä* 'моему разбитому сердцу' (176), *кутурбан iттä* 'бешеной собаке' (89); СҚ: *тöрт шахарнї* 'четыре города' (20а).

Вокативный падеж. Показателем вокативного падежа является аффикс *-а*. Данная форма не типична для староузбекского языка, и она наблюдается лишь в поэтических текстах.

Имя в вокативном падеже занимает обособленное положение в предложении, ср. А: *ja фäлäк јаврї нiгäрә ja сәнiң дардїң мёңä* 'или жестокости судьбы или причиненные тобой обиды выпадают мне, о красавица' (*nigär* 'красавица'; 6), *dilбäрә кёл кёл* 'о возлюбленная, приди, приди' (*dilbär* 'возлюбленная'; 43); Б: *Бабїрә хäрjәз кулак шéрiңba ол гүл салмадї* 'о Бабур, никогда та роза не прислушивалась к твоим стихам' (*Babir*; 42); Л: *nigäрә сәнсiзiн мэндiн нё җäсiл* 'о красавица, без тебя какая толк от меня' (*nigär* 'красавица'; 202а); Мұх: *cäkijä тут бädä* 'эй виночерпий, держи вино' (*cäki* 'виночерпий'; 8); ЭД: *зäхiда*

пәндіңні кілмасман қабұл 'о отшельник, советы твои я не принимаю' (әзхід 'отшельник'; 10).

Винительный падеж. Винительный падеж образуется при помощи аффикса *-ні ~ -ні*. У имен с притяжательным оформлением аффикс *-ні ~ -ні* может выступать в стяженной форме, без гласного, при этом соотношение полной и стяженной разновидностей таково, что последнюю из них следует считать исчезающей (или исчезнувшей) для 1-го и 2-го лиц и весьма употребительной для 3-го лица, для которого полный и стяженный варианты возможны приблизительно в одинаковой мере, ср. Б: *јүзүмні* 'мое лицо' (3), *сачіңні* 'твои волосы' (5), *јёр јүзін* 'поверхность земли' (44), *сачіні* 'ее волосы' (46), *бамзай окін* 'стрелу кокетливого взгляда' (82); ДН: *тәңрінің кәләмін* 'слово бога' (230б); Маҳ: *дініні* 'свою религию' (23), *кәләмләрін* 'их слова' (27), *арпа ғамін* 'заботу о ячмене' (169); М: *от дәңгізіні* 'море огня' (13); С: *өз заваліні* 'свой заход' (256); ТМ: *Сіjавуш қанін* 'кровь Сиявуша' (97а), *тахтіні* 'его престол' (109б); ШН: *арібіні* 'его арык' (4), *шіл қачишін* 'бегство людей' (65), *шахар ҳалін* 'положение города' (69), *сөзүмні* 'мое слово' (90). В тех случаях, когда аффикс *-ні ~ -ні* присоединяется к личным местоимениям 1-го, 2-го и 3-го лиц единственного числа или указательному местоимению *бу* (*бун ~ мун*), один *н* исчезает, например: *мән* 'я', *мәні* 'меня'; *сән* 'ты', *сәні* 'тебя'; *бу* 'этот', *муні* 'этого' (ср. *мунда* 'этому').

Главнейшая функция винительного падежа — обозначение прямого дополнения. В отличие от основного падежа, данная форма используется в этой функции тогда, когда прямое дополнение выражено именем собственным, прилагательным, местоимением, числительным или существительным в составе атрибутивной группы, а также существительным с морфологическими показателями принадлежности и числа, например, Б: *јүзүмні* 'мое лицо' (3), *өзімні* 'меня самого' (1); БН: *Фарғанәні бәріп әді* 'он передал Фергану', (10), *Хисарні албанда* 'когда он взял Хисар' (11), *атасіні* 'его отца' (14), *ол улусні* 'тот улус' (15), *төрт мірзәні* 'четыре миры' (29); Маҳ: *јаман јаҳшіні* 'плохое и хорошее' (137); СҚ: *бір таҳтәні* 'одну доску' (5а), *төрт шахарні* 'четыре города' (20а), *Ахмадні* 'Ахмеда' (21б), *бу ајдахані* 'этого дракона' (94б), *хатунуңні* 'твою жену' (103а); ШН:

сүбдің әllәріні 'людей Согда' (122), *бізләрні* 'нас', *јіллік азукні* 'годовой запас продовольствия' (203).

Употребление формы винительного падежа для выражения прямого дополнения имеет место также при выносе его в абсолютную начальную позицию или при отрыве от глагольной формы, см. БН: *окні jaҳші атар әді* 'он хорошо метал стрелы' (17), *нүкәрләрні jaҳші саклап әді* 'он хорошо содержал нукеров' (18), *кобузні jaҳші ҹалур әді* 'он хорошо играл на кобузе' (28).

Нарушение указанных принципов наблюдается преимущественно в поэзии и обусловлено требованиями размера, см. Б: *којама-бумдур әтәгің* 'не отпушу твой подол' (55), *саламім ѡёткүр* 'донеси мой привет' (198), *сөзүң әшиңсам* 'если я услышу твое слово' (201); С: *көңүл шәкәр бікін азәң көрүп* 'адам болді' 'сердце, увидев твой, подобный сахару, рот, обратилось в ничто (т. е. перестало существовать)' (196); ЭД: *васлің тіләрмән* 'я прошу о встрече с тобой' (9).

В конструкциях персидского изафета аффиксом винительного падежа оформляется определение, например, Қ: *‘ишк-и ҳакікіні* 'истинную любовь' (II).

Вторая форма винительного падежа образуется при помощи аффикса *-(j) i ~ -(j) i*, см. Қ: *хіттә-јі ма’мүрум* 'цветущий мой край' (II), *аклумі* 'мой разум' (II); ТН: *кілса дү’ажі* 'если он совершил молитву', *көрмәсүн бәләјі* 'пусть не увидит бед' (289б).

Эта форма необычна для староузбекского языка. Она появилась вследствие огузского влияния, и распространение ее ограничилось языком поэзии.

С первой формой винительного падежа совпадает усеченная разновидность формы сопряженного состояния (см. стр. 113).

Дательный падеж. Аффикс дательного падежа — *-ба ~ -ға ~ -ка ~ -қа*.

Форма дательного падежа обслуживает косвенное дополнение и обычно указывает на направленность действия, иногда — на его предел, см. Б: *көңүлмә дард кәләли...* 'с тех пор, как посетили мое сердце мучения...' (26); БН: *мәңдә аввәл бәг атка* 'ані қілеп әділәр' 'вначале в „наставники“ мне они назначили его' (17); М: *сән Мәккәдін Мәдінәгә барурда...* 'когда ты отправлялся из Мекки в Медину...' (30); Маҳ: *аларға им* (8), *кабілба тәрбіјат кілмамак* 'не воспитывать способного —

несправедливость' (143), *таңдін ақшамбә* 'от зари до сумерек' (44); СҚ: *Мәккәгә баралғ* 'пойдем-ка в Мекку' (21а); ШН: *јаҳшірәк сөн мәңдә ёз облумдін* 'ты для меня лучше сына родного' (191).

В зависимости от семантики управляющих имен или глаголов формы, образованные при помощи аффикса *-бә ~ -ғә*, могут отвечать на вопросы „чём?“ и „как, в качестве кого, чего?“, см. БН: *Шахрухъјәба машхұрдур* 'известен как Шахрухия' (2), *Хәдарвәшқа мавсұмдур* 'именуемая Ха-дервиш' (5), *бу әлci зұрба машхұр әкәндур* 'этот посол известен (своей) силой' (26); НМ: *бір чібін су ічәргә машбұлдур* 'одна муха занята тем, что пьет воду' (146а).

Форма дательного падежа, образованная от отлагольных имен, выражает преимущественно цель или назначение действия, см. БН: *курбан бәркәтмәккіләк баши кәрәк* 'чтобы укрепить крепость, нужна голова' (115).

Другая форма дательного падежа имеет в качестве показателя *-а ~ -ә*, см. А: *сачиң әнжірінә* 'оковам твоих волос' (114); К: *хірт отіна* 'в огонь разлуки' (1); А: *јаңаңіма* 'моей возлюбленной', *султәніма* 'моему повелителю' (196а); Мб: *мухаббат баҳріна* 'в море любви' (1), ТН: *Баҳрәма* 'Бахраму' (273а), *рахіма* 'милощивому', *пәрвәрдігә* 'созидающему' (274а), *окүнүң каршусына* 'против твоей стрелы' (277б); ЧД: *бојнума* 'на мою шею' (246), *көксүмә* 'моей груди' (31а); ШН: *көзүмә* 'в мои глаза' (172).

Эта форма в отношении границ и размеров употребления соотносится с первой приблизительно так же, как форма винительного падежа на *-(j)i ~ -(j)i* соотносится с формой на *-нi ~ -нi*. Учитывая все случаи морфологического параллелизма в староузбекском литературном, или, точнее, поэтическом, языке, можно говорить о наложении в нем одной на другую двух разных диалектных парадигм склонения — староузбекской и старотурецкой, шире, огузской.

Местно-временной падеж. Форма местно-временного падежа образуется при помощи аффикса *-да ~ -дә*.

Местно-временной падеж выражает пространственные, временные и другие отношения, ср. БН: *кавун маҳалда* 'в сезон дынь' (2), *китабларда* 'в книгах' (6); ДН: *мән әмді ҳастай ва*

бам артмакда ҳајалің алда жән тартмакда 'я болен теперь, увеличиваются печали, и пред твоим образом душа страдает' (257а); Маҳ: *әдамілібда* 'в человечности', 'в отношении человечности' (50); СҚ: *рүзә айтің җәтінчі күніндә* 'на седьмой день поста' (4а), *мәнің қарнімда* 'в моем чреве' (84а), *көңіндә* 'в его сердце' (566); ЭД: *бабіңда* 'в твоем саду' (3), *башімда* 'в моей голове' (6).

В редких случаях, когда аффикс *-да ~ -дә* присоединяется к именам — названиям городов и областей, форма местного падежа выражает направление действия, см. БН: *Кундузда кәліп мәңдә каттәлділар* 'прия в Кундуз, они присоединились ко мне' (11), *Хорасандын Кабулда кәлділәр* 'они пришли из Хорасана в Кабул' (13), *Хісарда кәлгәндә* 'когда пришли в Хисар' (37); Мадж: *Самарканда барбанды* 'когда отправились в Самарканда' (44а).

Изредка аффикс *-да ~ -дә* употребляется в значении исходного падежа, см. БН: *Хінд фатхіда соң* 'после покорения Индии' (108).

Исходный падеж. Приметой исходного падежа является аффикс *-дін ~ -дін*, иногда выступающий в виде *-тін ~ -тін*, но всегда с узким гласным.

Основное значение исходного падежа — исходное, как в смысле обозначения одного из пределов материала или среды, действия, движения и времени, так и в своеобразном восприятии того, с чем что-либо сравнивается, см. А: *мәңдә сөнсіз тірілгәндін өлім жүз катла артуқрак* 'мне, чем жить без тебя, во сто раз лучше умереть' (80); Б: *мундін жаҳші* 'лучше этого' (15), *көздін үчті үйкү* 'из глаз улетел сон' (39); БН: *Андијаңнәң нәшбаттісідін жаҳшірак* *нәшбатті болмас* 'груш, лучше андижанских, не бывает' (2), *Султән Маҳмуд мірзәдін кічіг...* *әді* 'он был моложе Султана Махмуда мирыз...' (8), *андін бір кіз болуп әді* 'от нее была одна девочка' (15); М: *сүттін акрак* 'белее молока' (18); Маҳ: *түлкү кујрубыдін* 'из хвоста лисицы' (60), *јаҳшіллікдін бәсса'адатлікрак* *нә нома бар* 'что является большим несчастьем, чем невежество' (100), *алардін жаҳшірак* 'лучше их' (50); СҚ: *Јабра'їлдін сордум* 'я спросил у Джабраила' (5а), *Каф таజідін нар* 'с обратной стороны горы Каф' (146), *сөндин зәхідрак* 'более отшельник, чем ты' (816); ЧД: *башіндін*

ајабўнба 'от твоей головы до ног' (916); ШН: *хан кёлишідін бурна* 'перед приходом хана' (78), *хўчкимдін* 'ни от кого' (164).

Форма исходного падежа выражает также значения:

— трансгрессивности, см. А: *ötä чіктї бағрдїн тіјр-і ўзам-заң* 'прошла сквозь грудь стрела твоего кокетливого взгляда' (46); БН: *Хојанддїн öтүп* 'пройдя Ходженд' (40), *іккї навбат мурўримз аниң віләјатдїн вакї* 'болди' 'дважды нам довелось переходить через его вилайет' (147); ШН: *куш уча алмас ёдї ѡарлардїн* 'птица не могла перелететь через его рвы' (44), *шахардїн öткәч* 'после того, как прошли через город' (133), *кёчали даръјадїн* 'перейдем-ка через реку' (158), ол *öгүздїн öтүбән* 'перейдя ту реку' (187);

— причины, причинного обоснования, см. Б: *тәлбә болмак-лиқдїн* 'из-за того, что он безумный' (42); БН: *бу ўихатдїн бу ѹсмба мавсұмдур* 'поэтому он назван этим именем' (5), *алар бу көлмәкдїн усандїлар* 'они тяготились этим приходом' (21); ДН: *бу язукдїн анї öltүрсә болмас* 'за этот грех нельзя убивать его' (2476); НМ: *шадлївдїн јўларман* 'я плачу от радости' (1176); ЭД: *յётмадім вағлїңа юл алусїдїн* 'я не встретился с тобой из-за дальности дороги' (3);

— партитивности, см. БН: '*Омар-шәйх жәрзаның ҳарәмлардїн* 'из жен Омар-шайха миры' (15), *мундак сіпахи ва ёли танибудақ jizzimлардїн ҳёйлї бар ёдї* 'таких молодцев, которых бы знали воины и народ (его), было много' (54), *Бухара чағрдїн ічар ёдім* 'я пил бухарское вино' (61); Мадж: *шу јұмладїн* 'в том числе' (25а); СҚ: *бу тағамдїн јәніз* 'поешьте этой пищи' (53а), ол *халайк ол судїн ічар ёрділәр* 'те люди напились той воды' (86а); ЭД: *ўзмадім бабиңда вағл алусїдїн* 'я не срывал в твоем саду сливы соединения' (3);

— посредства, см. БН: *бу бәндні jasамаң ўчун Ҳоја Каландїн ѡармак јібарїлдї* 'для постройки этой плотины были посланы деньги через Ходжу Калана' (171);

— продольности-касательности, см. БН: *бізниң алмїздїн öтәр ёдї* 'они проходили мимо нас' (197), *башїңїздїн öттї* 'она пролетела мимо вашей головы' (200); СҚ: *хўч кимарсә ол ѡолдїн öтә алмас ёрді* 'никто не мог пройти по той дороге' (93б); ТМ: *маңајидїн öпүп* 'поделовав его в лоб' (115а); ШН:

хан анї күчтї ва öптї јүзідїн 'хан обнял его и поделовал в лицо' (30);

— лишения, см. БН: *shlik ајабїдїн қалїп* 'оставшись без рук и ног' (219).

Особое место форма исходного падежа занимает в устойчивых сочетаниях, см. Маҳ: *көпдїн коп* 'очень много', *аэдїн аз* 'очень мало', *јамандїн ѡаман* 'очень плохой' (76).

Предельный падеж (предельно-пространственный и предельно-объемный). В староузбекском языке широко употребляются две формы предельного падежа, одна из которых обозначается при помощи аффикса *-бача ~ -гача*, другая — при помощи аффикса *-ча ~ -чә*.² Эти формы, возможно, имеют общее происхождение, и содержание их отчасти совпадает. Так, обе формы могут выражать предельно-пространственные, предельно-временные и предельно-количественные отношения, см. Абушқа: *бурнабўча* 'по-прежнему' (148); Б: *түнгача* 'до ночи' (67); БН: *бу та’ріхқача* 'до этого времени' (148); Мадж: *оттуз ѡашка јақинбача* 'почти до 30 лет' (63а); Маҳ: *аушамбача* 'до вечера' (128); Мұх: *бір дірамдїн јұз түмәнічә* 'от одного дирама (диргема) до ста туманов' (2); НМ: *качанча* 'до какого времени' (58а); ТМ: *Јәмән ҳудудлібача* 'до границ Йемена' (92б); ШН: *јанімз барїча* 'пока будут существовать наши души' (54). *кішкача* 'до зимы' (60), *іккї ајбача* 'до двух месяцев' (167), *көзічә* 'до его глаз' (180).

При наличии нескольких точек соприкосновения содержание той и другой формы все же различается. Если первая форма указывает на предел в местно-временном плане, определяя направление, то вторая выражает его главным образом путем сопоставления, так что доминирующим оказывается объемно-качественный план, см. А: *кілча јанім бар* '(пока) у меня есть душа (хоть) с волосок' (43); БН: Эсан Давлат-бекимчай 'как Эсан Давлат-беким' (31), *рубї мәскүндә Самарканда шахар кәм-ракадур* 'в обитаемом мире мало городов, подобных Самарканду' (55), *Кабул қарїча* 'как снег в Кабуле' (57), *імкәні барїча* 'на сколько возможно' (74), *біләкчә* '[величиной] с кисть руки' (176), *буларча* 'как эти', '[величиной] с эти' (191); Л: *сёнчә* 'как ты

² Очевидно, из *чаблїб* 'подобный', см. Маҳ: *јамәлі орта чаблїдур* 'ее красота средняя' (56).

(1886); НМ: *көңләкчä олтуруп ёрдi* 'он сидел в одной рубашке' (51а; в данном случае, возможно, недописан конечный *и*); СК: *бир ајча* 'с месяц', *бир хафтäча* 'с неделю' (226); ШН: *мэнчä* 'как я' (181).

В связи с указанной выше специализацией значения аффикс *-ча ~ -чä* образует:

— неопределенно-количественные или приближенные числительные (от количественных числительных, вопросительных и указательных местоимений), см. Б: *нёчä* 'сколько' (63); А: *мунча* 'столько' (1796), *анча* 'столько' (185а); НМ: *бïрнёчä* 'несколько' (18); ШН: *јëтi јүзчä* 'около семисот' (36), *мïнчä* 'около 1000', 'с тысячью' (64), *алтï мïнчä* 'около 6000' (86), *ёллïкчä* 'около пятидесяти' (207), *кïркча* 'около сорока' (208); ср. также: *нёчä кïм, харнёчä кïм* 'сколько (бы) ни';

— ограничительные формы отлагольных имен, см. Ах: *ол кïшi кïм сёни чалар бïлгүчä калдi бälä дастïда ол бïлгүчä* 'у того человека, который играет на тебе, до того, как узнает, будет беда с руками до самой его смерти' (327а); БН: *ёллïкдïн кёлгänчä* 'насколько удастся' (73); ДН: *анi күйдүрмäгïнчä бïлсä болмас* 'его нельзя узнать, пока ни сожжешь' (247а), *јумуп ачкïнча кёзин* 'в мгновение (букв.: 'закрыв, пока ни откроешь глаза')' (265б); Маҳ: *таң аткунча* 'до рассвета' (126), *бïшкармабïнча* 'до созревания' (163); МЛ: *дардi анïң тïнмабурча* 'пока не утихнет его боль' (19); Мух: ...*ба’зiнi кё аңлатса болбай хäр лафз тафхïмï* 'учён нёчä лафзни тärkib кïлмабунча болмас' '...некоторые можно объяснить, однако при объяснении каждого такого слова невозможно обойтись без соединения нескольких слов' (8); ШН: *Ташканд ёшил ачилбунча* 'до того, как открываются ворота Ташкента' (148); Э: *тä сёниң аябïнï кötäрмäгïнчä...* 'пока не поднимут твою чару...' (334б).

Ряд форм, образованных присоединением аффикса *-ча ~ -чä*, постепенно обособляется и претерпевает существенные изменения в семантическом плане, ср. БН: *мозулча* 'монгольский', *тäкчä* 'галлерейка' (61), *јавуқча* 'около' (65), *ошмунча bilä* 'вот с этим' (156), *ёзгäчä* 'другой' (162), *бунча* 'этакий' (263); Мух: *бу тýркчадä* 'на этом тюркском языке' (10), *бу күнгä дэгïнчä* 'до этого дня' (19); СК: *барча* 'все' (71а).

Уподобительная форма

Уподобительная форма примыкает к падежной парадигме. Только наличие некоторых частных особенностей (например, то обстоятельство, что аффикс *-täk ~ -däk...* не подчиняется гармонии гласных и может быть отнесен к частицам) препятствует ее рассмотрению в одном ряду с падежными формами.

Первый аффикс уподобительной формы — *-täk ~ -däk...* Данная форма обозначает объект сравнения, производимого по признаку сходства, см. Б: *јанымдäk* 'как моя душа' (1), *мёндäk* 'как я', *сёндäk* 'как ты' (24), *кујаштäk* 'как солнце' (56), *кёңлүндäгiдäk* 'как то, что находится в твоем сердце' (253); БН: *атасёдäk* 'как его отец' (52), *шамдäk* 'как свеча' (166); А: *кёзүндäk* 'как твои глаза' (180а); С: *јаз јамбуртäk* 'как весенний дождь' (20а); ШН: *бörдäk* 'как волк' (79).

Местоимения с аффиксом *-täk* очень часто выступают в форме сопряженного состояния, см. А: *сёниңтäk* 'как ты' (106); Ах: *сёниңдäk* 'как ты' (326б); БН: *бизнiңдäk* 'как мы' (75), *анiңдäk* 'как он', *мунiңдäk* 'как этот' (220); МН: *сiзiңдäk* 'как вы' (300б, см. Add. 7914); ШН: *ошмунуңдäk* 'подобно вот этой' (85).

Уподобительный аффикс, как правило, находится в абсолютном конце слова, и другие морфологические показатели присоединяются к нему лишь в единичных случаях, см. Ах: *танбүрätäkäлäр bilä* 'с теми, что подобны танбуру' (327а), *танбүрätäкнiң сөзи* 'слово того, который подобен танбуру' (328а); МН (Add. 7914): *бизiңтäkäлäргä* 'таким, как мы' (298а).

С указательными местоимениями аффикс *-täk* образовал застывшие формы, став при этом словообразовательным элементом, см. БН: *ошандак* 'вот такой' (83); А: *андак* 'такой' (170б); Мух: *мундак* 'такой' (25); НМ: *ошундак* 'вот так' (72б).

Несколько своеобразны с семантической стороны уподобительные формы, образованные от имени действия на *-бу ~ -гү*. Как справедливо указывает Мехдий-хан, они выражают либо значение способности (намерения)?, либо значение сходства-подобия ³ см. А: *каш jасiн тартiп кёзүң хäрдам јурäкнi јарбутäk* 'твои глаза,

³ См.: Мабани' ал-лугат, стр. 60. — См. также Мұхәкамат ал-лугатайн, стр. 18.

натянув лук бровей, постоянно будто бы режут мое сердце' (259); БН: *мундак сіпахі ва ёлі танібұдәк жігітләрдін ҳәйлі бар ёді* 'таких молодцев, которых бы знал народ и воины (его), было очень много' (54), *көңіл тіләтіндәк таҳкік ҳабар кәлтүрмәді* 'он не принес достоверного известия, какого бы хотело сердце' (283), *әгärчä тіліә абізба сіккүсіз коркбұдәк вәкіт* 'ёді... хотя и случилось происшествие ужасное, трудно выразимое...' (398). Характерно, что Мехдій-хан считает их синонимичными формами типа *салурдәк*, *коzбалурдәк*.⁴

Совершенно необычный случай — присоединение аффикса *-дәк* к форме повелительного наклонения 2-го лица единственного числа, отмечаемое Мехдій-ханом. Последний считает подобные формы синонимичными формам повелительного наклонения 3-го лица, выражющим косвенное повеление, ср.: *асрадәк* (*ас-радәк*) и *асрасун* 'пусть воспитывает', *сордәк* (*сордәк*) и *сорсун* 'пусть спросит', *кәлдәк* (*кәлдәк*) и *кәлсүн* 'пусть придет', *кәтдәк* (*кәтдәк*) и *кәтсүн* 'пусть уйдет'. Примеры употребления аффикса *-дәк* в сочетании с глагольной основой немногочисленны, до настоящего времени они были отмечены только в произведениях Навәй и поэтому решение вопроса о природе соответствующих образований является довольно трудным.⁵

Второй аффикс, образующий уподобительную форму, — *-лаjін* ~ *-lajіn*, см. Қ: *көрк ічинда сізләjін біr сәвгү ділбәр болмабаj* 'по красоте подобной тебе возлюбленной — нет' (III); ТН: *Ваміклиjін бәчарә болдї* 'оно (сердце) стало несчастным, как Вамык' (2856). Этот аффикс, как и аффикс *-даjіn* (см. Л: *окдаjіn* *кәматімізни* 'мой стан прямой, как стрела', 2256), непродуктивен.

Форма сопряженного состояния

Формой сопряженного состояния мы называем определяющий член тюркской изафетной конструкции третьего типа. Приметой его является аффикс *-нің* ~ *-нің* ~ *-нуң* ~ *-нүң*, который в специальной литературе рассматривается как показатель притяжательного падежа. Для местоимений известна также разновид-

⁴ Там же, стр. 88.

⁵ Подробнее об этом см. ниже, стр. 158.

ность указанного аффикса без начального *и*, см. А: *бізің* 'наш', *сізің* 'ваш' (2, см. также: НМ, 176; ШН, 156).

Своеобразие развития формы сопряженного состояния с чисто внешней стороны в староузбекском языке заключается в образовании усеченного морфологического показателя, совпадающего с аффиксом винительного падежа (так наз. усеченный притяжательный), см. БН: *бір кірбавулні ўскүнәсіні* 'ногу одногого фазана' (3), 'Абдулқарімні атіні' 'лошадь Абдулкерима' (48); Л (А. 109): *Лұтфіні ніjаті* 'намерение Лутфи' (197); ТМ: *Кәjкавуснің інісіні* 'младшего брата Кейкавуса' (99а), *ишкани-ләрні соңбі* *пәдшахі* 'последний падишах из ишканидов' (111а) *анасі* *башнің ўстідін* '(сверху) на голове его матери' (119а); ЭД: *ані* *кашидін* 'от него' (2).

Форма сопряженного состояния выступает в сочетании с другими именами, оформленными аффиксами принадлежности. Она выражает разнообразные отношения, для которых значение обладания нередко становится весьма отдаленным фоном. ср. Б: *көзүмнің яші* 'слезы моих глаз' (44); БН: *рамазан аjінің төртіді* 'в четвертый день месяца рамазана' (8), *Ахмад-ханнің әлгісі* 'старшая сестра Ахмед-хана' (11), 'Омар-шәjx мірзәнің ахір заманларіда 'в последние годы жизни Омар-шайха миры' (19); М: *кітабнің аті* 'название книги' (1); Маҳ: *адамнің яхшірабі* 'лучший из людей' (155); Мұх: *бу ўчавнің авлада* *ва атбасі* 'потомство и поданные этих трех' (5); ШН: *Сүбдінің әllәріні* 'людей Согда' (122), *халкнің жанніні* 'души народа' (167).

В ряде случаев полная форма сопряженного состояния употребляется вместо формы винительного падежа, см. БН: *бу фітнәнің тәскін ўчүн* 'чтобы успокоить эту смуту' (64), *Хөjә Ахрар мәнің сізгә jібәрділәр* 'Ходжа Ахрар послал меня к вам' (144); ТМ: *ба'зі анің Тахмұрс кардаші дәбдурлар* 'некоторые называют его родственником (братьем) Тахмурса' (90а), *вәэiр анің өltүрүр фікрідә болғанда...* 'когда везир задумал убить его...' (114а).

В сочетании с послелогами и некоторыми падежными аффиксами форма сопряженного состояния имеет чисто конструктивное назначение. Употребление ее в этом случае является крайним пределом семантико-грамматической трансформации, ср. А: *бізің сізің арамізда* 'между мной и тобой (букв.: между нами

и вами' (2); Б: *лабіңнің кашіда* 'перед твоими губами' (9); БН: *мірзәннің істігі* 'на мирзу' (7), *шілінің арасіда* 'среди его народа' (3); А: *аніңдәк* 'как она' (180а); НДж: *мәніңдін* 'от меня' (9б); СҚ: *аршиннің алдінда* 'перед престолом' (16б), *Каф тағіннің ортасінда* 'посередине горы Каф' (14а), *мұнұңдәк* 'подобно этому' (58б).

Обычно форма сопряженного состояния предшествует определяемому члену с аффиксом принадлежности. Однако в поэтических произведениях это правило нередко нарушается: допускается отрыв определяемого члена и постановка его перед формой сопряженного состояния, см. Б: *ачілді көңлі чү ачтің сачінні Бабурнің* 'открылось сердце Бабура, как только ты распустила волосы' (5), *мәнің жоктур мұрадім* 'у меня нет желания' (39); Мах: *нә ғам адүсі анің бір жок ёрса жұз болбај* 'что за беда, если не один враг будет у него, а сто' (17); ШН: *турдің нүкәрләрі ол бәзләрнің* 'встали нукеры тех беков' (177).

Члены рассматриваемой конструкции не обязательно следуют непосредственно друг за другом. Между ними могут размещаться отдельные слова и целые сочетания, см. БН: *Султән Мұхаммад ва Султән Ахмадбәг Шейбани-ханнің кәліп Шірәз-да ол наважіні чапкан ҳабарні таптіп жаңіптурлар* 'Султан Мухаммед и Султан Ахмед-бек, получив известие о том, что Шейбани-хан пришел и совершил набег на Шираз и на его окрестности, вернулись' (69), *Андіжаннің бәркәттән ҳабар мәңдә кәлді* 'весть об укреплении Андикана дошла до меня' (78), *бізнің қайтіп Ҳакан арібідін отүп түз жөргө түшмәбіміз тајрі басілібідін әді* 'то, что мы, возвращаясь после перевалы через арык, не вышли на ровное место, произошло вследствие неопытности' (130).

Возможно самостоятельное, „предикативное“ употребление формы сопряженного состояния, без определяемого члена, см. БН: *бу бәйт аніңдур...* 'этот стих — его...' (17), *чахар даң мірзәннің болбај* 'четыре части будут принадлежать мирзе' (213); Мадж: *бу маттаған аніңдур* 'этот стих — его' (14б); НМ: *бу тәфіл кімніңдур?* — *Атам дәді бізнің* 'этот ребенок чей? — Мой отец сказал: наш' (154а); СҚ: *бу Мәккә бізің түрүр* 'эта Мекка — наша' (216), ... *бірі сәнің түрүр, бірі мәнің* '...одна из них —

моя, другая — твоя' (80б); ШН: *жүм анің бадаң анің жам анің* 'кувшин — его, вино — его, чаша — его' (4).

Когда в форме сопряженного состояния выступают местоимения, определяемый член, как правило, не оформляется аффиксами принадлежности, см. БН: *бізіңнің әл* 'наш народ' (53), *бізіңнің бәзләр ва жійтләр* 'наши беки и дружинники' (74); ШН: *бізің ҳан* 'наш хан' (91). Таким образом, в сфере местоимений форма сопряженного состояния преобразуется в падежную форму.

Необходимо также отметить, что конструкция сопряженного состояния бывает простой (двучленной) и сложной (многочленной), с последовательным соединением нескольких определений, из которых каждое последующее является определяемым членом по отношению к предыдущему, см. БН: *Акбұға-бәйнің ағасіннің наслідіндур* 'из рода старшего брата Акбуга-бека' (16), *мәнің аманнің анасі* 'мать моей матери' (18).

Формы лица-принадлежности („Изменение имени по лицам“)

Имена изменяются по лицам при помощи личных аффиксов-частиц и аффиксов принадлежности.

Личные аффиксы-частицы — не что иное, как личные местоимения *мән*, *сән*, *біз*, *сіз*, *ол*, используемые для выражения предикативности, ср.: *атаман* 'я — отец', *атасан* 'ты — отец', *атабіз ~ аталарабіз* 'мы — отцы', *атасіз ~ аталаарсіз* 'вы — отцы'.

Аффиксы принадлежности — *-м*, *-міз ~ -міз ~ -муз ~ -мүз* (1-е л. ед. и мн. ч.), *-ң*, *-ңіз ~ -ңіз ~ -ңуз ~ -ңүз* (2-е л. ед. и мн. ч.), *-і ~ -і* (3-е л. ед. и мн. ч.), которым могут предшествовать соединительные гласные в 1-м и 2-м лицах — для избежания стечения согласных, и согласный с в 3-м лице — для устранения зияния. Примеры:

1-е л. ед. ч.

- көңілм* 'мое сердце' (*көңүл* 'сердце')
- жүзүм* 'мое лицо' (*жүз* 'лицо')
- ғамміл* 'моя печаль' (*ғам* 'печаль, забота')
- анам* 'моя мать' (*ана* 'мать')
- ајаңүм* 'мои ноги' (*ајак* 'нога')

1-е л. мн. ч.

кёңлўміз 'наше сердце'
 јаніміз 'наша душа'
 кішіміз 'наши люди'
 көзўміз 'наши глаза'
 колуміз 'наши руки' (*кол* 'рука')
 јүзўміз 'наши лица'

2-е л. ед. ч.

лабің 'твои губы' (*лаб* 'губа, губы')
 көзўң 'твои глаза' (*көз* 'глаз, глаза')
 кулаўң 'твои уши' (*кулак* 'ухо, уши')
 абзїң 'твой рот' (*абїз* 'рот')
 бамзаң 'твой кокетливый взгляд
 (*бамзә* 'кокетливый взгляд')

2-е л. мн. ч.

кёңлўңүз 'ваши сердца'
 сөзўңүз 'ваши слова' (*сөз* 'слово')
 анаңіз 'ваша мать' (*ана* 'мать')
 бојнүңіз 'ваша шея' (*бојун* 'шея')
 'адұсі 'его враг' (*адұ* 'враг')
 хатуні 'его жена' (*хатун* 'жена,
 женщина')
 ёли 'его народ' (*ёл* 'народ')
 бојунларі 'их шеи'
 канларі 'их кровь'

Формы принадлежности 3-го лица, образованные от некоторых групп местоимений и числительных, передают партитивно-выделительные значения, ср.: ба'зісі 'некоторые (из них)', барчасі 'все (из них)', хәркајсісі 'каждый (из них)', іккісі 'две из них', хәр іккісі 'оба', бірі, бірісі 'один из них', ўчаласі 'трое из них', іккінчісі 'второй из них', (*хәр*) іккәләсі 'оба', нэчәсі 'сколько из них', хәр бірісі 'каждый из них', іккәвміз 'мы двое', булар јұмәсі 'все эти', іккәләміз 'мы двое', бутлар барчасі 'все идолы' (=барча бутлар), бірнәчәсі 'несколько из них', ортансісі 'средний из них', төртмәләсі 'четверо из них', біріміз 'один из нас'.

Аффикс *-рак* с аффиксом принадлежности 3-го лица выражает значение превосходной степени и значение партитивности, см. Маҳ: әдамнің яхширабі олдур... 'лучший из людей тот...' (155), гәдә көпрай 'большинство нищих' (50); РҚ: барча ҳалә-жікнің яманракт 'худшие из всех людей' (144б).

При наличии нескольких имен, выполняющих одинаковые синтаксические функции, аффиксом принадлежности нередко оформляется только последнее из них, см. Б: дард ва үамім 'мои боли и заботы' (3); БН: *кавун ва јэймі* 'его дыни и виноград' (2); Маҳ: *хусн ва ѡамали* 'прелест и красота ее' (56).

Формы принадлежности, образованные от отлагольных имен, напоминают формы полной вербальности (ср. *Verbum finitum*) и развиваются именно в этом направлении, см. МЛ: алмағім 'мое взятие', кәлмәгім 'мой приход', но алмабум 'я не возьму', кәлмәгім 'я не приду' (15), алмашам 'я взял', алмішаң 'ты взял' (22). Ср. также со связкой — БН: *кілбуміз-дур* 'мы должны будем сделать' (451). При этом формы типа ёйладүгім 'я сделал', абладубам 'я плакал' встречаются только у „тюрок Рума“, см., например, у Фузули. Языком „тюрок Рума“ ограничивается и употребление форм принадлежности 1-го, 2-го и 3-го лиц в качестве определений, см. МЛ: ёйладүгің ахсаңлар 'dobрые дела, совершенные тобой', көрдүгүң көңлүм 'виденное тобой мое сердце' (21). В староузбекском языке такие конструкции возможны лишь для 3-го лица и являются чрезвычайно редкими, см. СҚ: таңдасті күн 'следующий день' (29а).

Ср. также случаи полного обособления данной формы, например, БН: артуксі 'больше', 'большой частью' (210).

Формы числа

Форма единственного числа совпадает с основной формой, форма множественного числа имеет особые грамматические показатели.

Установить строгое разграничение форм единственного и множественного числа в семантическом плане довольно трудно, так как многие выражаемые ими значения близки между собой.

Форма единственного числа, т. е. неоформленное имя, может иметь содержание, безотносительное к понятию числа, например, в сочетании с количественными или неопределенными количественными числительными, см. Б: іккі сачің билә 'с двумя твоими волосами' (39); БН: бісіjар ѫлан 'много змей' (5),

бунча јўл 'столько лет' (18), бўш кўн 'пять дней' (36), *иккі мәвә* 'два фрукта' (56); СҚ: *барча мағлұқатнің жаңы* 'души всех смертных' (56). При этом сочетание с числительным *бір* выходит за пределы данного типа. Имя, входящее в подобное сочетание, почти всегда содержит значение единичности, тогда как само числительное превращается в своего рода неопределенный артикль, см. БН: *бір жіңс аңар* 'один сорт граната' (один — не единственный, а как представитель определенного вида) (4), *бір мәjілісдә* 'на одном собрании' (6); СҚ: *таки машрік сарғ бір шахар бар түрүр* 'на востоке есть один город' (23а), *бір кўн* 'однажды' (93а).

Форма единственного числа выражает, кроме того, значения собирательности, парности, видовой принадлежности и т. д., см. А: *көз билә* 'глазами' (78); Б: *кулабиң* 'твои уши' (58); БН: *мөбүл ва ёзбәк ўхаттәдін* 'со стороны монголов и узбеков (монголами и узбеками)' (2), *шіли түрктур* 'население его — тюрки' (3), *шіли сарттур* 'население его — сарты' (4), *кавун ва ўзімі жаҳши болур* 'дыни и виноград (в нем) бывают превосходные' (2), *ак кіжік бүзү-марал кірбазул ва тавушкані көп болур* 'белых кийиков, бугу-маралов, фазанов и зайцев много' (5), ...чупчук бўзгак болбандур '...у воробьев бывала лихорадка' (5); Маҳ: *жалғанчі кіші ёмас* 'обманщик — не человек' (162); ШН: *јасансун лашкәр* 'пусть будет снаряжено войско' (55).

Форма множественного числа образуется при помощи аффикса *-лар ~ -lär*, присоединяемого ко всем именам, когда они выступают самостоятельно. Имена, выполняющие функции определений, аффиксом *-лар* никогда не оформляются.

Форма множественного числа выражает значения парности, собирательности и неопределенной множественности, например, А: *көзләрім* 'мои глаза' (78, 176); Б: *барча пәріләр* 'все пери' (30), *көзләрің* 'твои глаза' (54); БН: *бу тағларда* 'в этих горах', *кітабларда* 'в книгах' (6), *жатунларі... обланларі...* *аналарі* 'его жены... сыновья... мать' (14); Маҳ: *жаҳшилар* 'добрьые' (171), *булар* 'эти', *самандарлар* 'саламандры' (92); СҚ: *бізләр* 'мы' (40а), *сизләр* 'вы' (52б), *бутлар* 'идолы' (71а), *кімләр* 'кто' (73а), *шүкүрләр* 'благодарности' (83б); ШН: *барча мірзәлар* 'все миры' (37), *барї нүкәрләр* 'все нукеры' (54), *сизләрий* 'вам' (159).

Как и неоформленное имя, форма множественного числа может выражать значение безотносительно к понятию числа, ср. БН: *жүз ташішлар* 'сотня хлопот' (241); ШН: *барча мірзәлар* 'все миры' (37), *барї нүкәрләр* 'все нукеры' (54).

Выражение значения единичности формой на *-лар ~ -lär* имеет место при употреблении ее для передачи различных субъективных оттенков отношения (ср. Pluralis maestaticus). Примеры. БН: *мәнің вәлідәләрім* 'моя родительница' (66); НМ: *жүзләрін Іәмән сарғ кіліп* 'обратив свое (букв.: их) лицо в сторону Йемена' (106), *кабрларі Балхададур* 'его (букв.: их) могила в Балхе' (206б).

Семантическое обособление аффикса *-лар ~ -lär* приводит к образованию особой группы наречий, ср. Б: *кәчәләр* 'по ночам' (39), *ярім кәчәләр* 'в полуночное время' (51); БН: *күзләр* 'осенью' (3), *бурунлар* 'прежде', *соңалар* 'после' (9), *жаҳшилар* 'хорошо' (19), *аҳрлар* 'наконец' (23), *јазлар* 'летом' (157), *кішлар* 'зимой' (160); Л (А. 109): *кәчәләр* 'по вечерам' (17); Маҳ: *жіллар* 'годами' (37).

Характерно, что и сами наречия присоединяют к себе указанный аффикс, см. БН: *ёмділәр* 'теперь' (280); ШН: *андалар* 'там' (82).

Помимо формы на *-лар ~ -lär* в староузбекском языке встречается еще несколько форм множественного числа, однако эти формы имеют ограниченное распространение и являются непродуктивными. Почти все они заимствованы из других языков, в составе лексических элементов.

Среди непродуктивных форм множественного числа наибольшее значительное место занимают арабские формы (так называемое "ломаное множественное"), которые в староузбекском языке не всегда сохраняют свое первоначальное значение, ср. БН: *авқат* 'время' (*вакт* — ед. ч.; 108); Мадж: *шұ'арә* 'поэты' (*шә'ир* — ед. ч.; 146), *аш'арі* 'его стихи' (*шә'р* — ед. ч.; 166), *халәjіk* 'люди' (*халік* — ед. ч.; 18а), *'ylämä* 'ученые' (*alīm* — ед. ч.; 90а), *'ulgum* 'знания' (*ilm* — ед. ч.; 100а); Мух: *мәмәlіk* 'страны' (*mýlk* — ед. ч.; 4), *кәвәkіb* 'звезды' (*кёвкаб* — ед. ч.; 21), *расайіл* 'сочинения' (*risälä* — ед. ч.; 23), *давағін* 'диваны' (*dīvān* — ед. ч.; 24); НДж: *машаjих* 'шайхи' (*шәjx* — ед. ч.; 46); С: *салатін* 'султаны' (*султān* — ед. ч.; 76); ТМ: *хавадіс* 'со-

бытия' (*хәдісә* — ед. ч.; 106а), ср. БН: *ахәдіс* 'предания' (3); ШН: *фунүн* 'науки' (*фән* — ед. ч.; 21).

В связи с тем, что собственное значение арабских форм проявляется только факультативно, последние могут присоединять к себе аффикс *-лар* ~ *-läp*, см. Мадж: *акәбірлар* 'вельможи' (*кабір* — ед. ч.; 3б), *абжәтлар* 'стихи' (*бәјт* — ед. ч.; 24а); ТН: *саләтінлар* 'султаны' (*султән* — ед. ч.; 284б).

По аналогии с арабскими формами множественного числа образуются подобные формы и от некоторых слов неарабского происхождения, ср. БН: *жаватін* 'жены' (*хатун* — ед. ч.; 25); Маҳ: *ашралба* 'спинная часть дичи от шеи до поясницы' (*ширалба* — ед. ч.; 52).

Особо должны быть выделены формы арабского двойственного числа, см. БН: *Хамсатајн* 'две „пятерицы“' (298); Маҳ: *кәвнәйн* 'миры' (9), *катәбајн* 'писцы' (43).

Следующая группа — формы персидского множественного числа, см. ШН: *калмакан* 'калмыки' (*калмак* — ед. ч.; 123).

К последней группе, возможно, относятся и формы с аффиксом *-ат* ~ *-ät*, которые предположительно следует считать монгольскими, см. БН: *махаллат* 'предместья' (*махаллә* — ед. ч.; 3), *бәгәт* 'беки' (*бәг* — ед. ч.; 46), *туманат* 'туманы' (*туман* — ед. ч.; 60), *ајмакат* 'аймаки' (*ајмак* — ед. ч.; 191), *böлүкәт* 'округи' (*böлүк* — ед. ч.; 172), *бәзат* 'сады' (*бәз* — ед. ч.; 172).

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕНИ

Понятие словообразования тесно связано с образованием вторичных основ.

Вторичные основы образуются при помощи разных аффиксов, которые одинаковы для имени вообще или для нескольких групп имен, или же характеризуют какую-либо именную группировку в отдельности.

Общими или относительно общими являются аффиксы, образующие абстрактные имена, формы лишения и т. д., описание которых следует ниже.

Единственный аффикс, придающий именам отвлеченное значение, — *-лік* (-*ліб*) ~ *-lik* (-*liz*). Выступая нередко со звонким согласным в исходе, он совпадает с аффиксом, образующим

относительные формы существительных, ср. Б: *шәдмәнліб* 'радость' (125), *ашнәліб* 'знакомство', *бәзвафәліб* 'неверность' (148); Маҳ: *jоклуз* 'отсутствие', *барліб* 'присутствие' (14), *ачліб* 'голод', *јаланбачліб* 'раздетость' (19) и, наоборот, т. е. с этим аффиксом часто совпадает аффикс относительных форм, имеющий в конце глухой согласный, см. БН: *Бахрә ва Ҳұшаб олтурушлук бәлүүларбә* 'к белуджам, живущим в Бахре и Хушабе' (289). Различие того и другого возможно лишь при учете лексико-грамматического значения основ, к которым они присоединяются: первый может оформлять любое имя, сфера употребления второго ограничена существительным.

Значение отвлеченности относится к общим случаям проявления грамматической семантики аффикса *-лік* ~ *-lik*. Частными являются значения места, должности, занятия, профессии и т. п. Примеры: БН: *кічілік* 'младенческий возраст' (15), *јаҳшілік* 'добрые дела' (28), *кішілік* 'зима', 'зимнее время' (56, 107), *ашпәзлік* 'харчевня' (59), *күjәвлік* 'положение зятя', *намардлік* 'трусость' (72), *бәзлік* 'марта басі' 'должность бека' (79), *мозуллік* 'монгольское происхождение' (80), *јаханірлік* 'миродержавие' (206); Маҳ: *барліб* 'присутствие', *jоклуз* 'отсутствие' (14); Мұх: *josунлук* 'способ', 'образ' (16); НМ: *сусуэлук* 'безводие' (206); ШН: *окумаклік* 'чтение' (183), *хәчкімлік* 'никто' (101).

В исключительно редких случаях аффикс *-лік* ~ *-lik* привносит значение собирательности, см. БН: *аталік обуллік* 'арасіда' 'между отцом и сыном' (51). В данном примере его можно рассматривать и как разновидность "парного" аффикса.

С отлагольными именами на *-бу*, *-mak* и др. аффикс *-лік* ~ *-лук* образует формы, фактически ничем не отличающиеся от исходных. В таких формах он как бы подчеркивает типологические черты имени и не выражает никаких специальных значений, см. БН: *ол чукурні мұ'ажјан билүлік* *јәрдә күлурлар* 'такую яму делают в определенном приметном месте' (177); ЭД: *jүгүрмәліб* *билә* 'со скитаниями' (3). Ср. параллельное употребление, БН: *iңгүлүккә түшәр* *әди* 'он впадал в запой' (24) и *iңгүгә түшті* 'он впал в запой' (204). У Мехдий-хана подчеркивается особый оттенок формы типа *албулук*, ср. *албулук* = *گرفتى*, т. е. 'он намеревается взять'.⁶

⁶ Мабани' а-дугат, стр. 58.

Сочетаясь с именем действующего лица, *-лік ~ -lik* обозначает род занятий, а также отрезки времени, в течение которых происходят привычные действия, см. БН: *аҳтачілік* 'занятие конюха' (19), *кушчілік* 'разведение птиц', *јадачілік* 'вызывание дождя' (49), *әлсілік* 'миссия посла' (51), *түшчілік* 'полдень, обедненое время' (52), *бузукчілік* 'бесчинства', 'нанесение вреда' (79), *бунчачілік* 'положение наложницы' (211); Мадж: *накарачілік* 'игра на барабане' (16а); Сан: *аламанчіліб* 'грабеж' (496), *бір күнчілік* 'время в течение одного дня' (1456), *түшчілік* 'погуденное время' (178а).

Именная форма приватности (лишения) образуется путем присоединения к именам аффикса *-сіз ~ -сіз*. Примеры: А: *сәнсіз* 'без тебя' (63); Б: *ансіз* 'без нее' (206); БН: *бәйләрсіз* 'без беков' (20), *јүрәксіз* 'бессердечный' (33), *јараңсіз* 'невооруженный' (36), *пүстіңсіз* 'без шуб' (159); Маҳ: *мұнсіз* 'без этого' (96); СҚ: *атасіз* 'без отца', *анаңсіз* 'без матери' (396), *көзсіз* 'без глаза', 'слепой' (53а), *сусуң* 'без воды' (86а); ШН: *оксіз* 'без стрел', *јасіз* 'без лука' (56), *ансіз* 'без него' (139), *јарліңсіз* 'без ярлыка' (179), *азуксіз* 'без провианта' (221); ЭД: *бадасіз* 'без вина' (7).

Аффикс *-сіз ~ -сіз* не присоединяется к прилагательным и числительным.

Изредка рассматриваемый аффикс приобретает дополнительный элемент *-їн ~ -ін*, являющийся омертвевшим аффиксом орудного падежа, см. А: *сәнсізін* 'без тебя' (108; см. также Б, 49); ТН: *кулсізін* 'без рабов' (283а).

В предложении форма на *-сіз* функционирует как определение или обстоятельство и, кроме того, выступает в качестве обособленного члена, см. А: *шәксіз білгін әләрмән* 'несомненно сегодня умру' (53), *мәңә душвар әрүр сәнсіз тірілмәк* 'мне трудно жить без тебя' (63), *кәрәкмәс сәнсізін жаңу тірілік* 'мне без тебя не нужна жизнь' (108); БН: *пүстіңсіз жатп болмас* 'без шуб спать нельзя' (159); Л: *бір лаҳзә сәнсіз қабр jok* 'без тебя не вытерпеть и одно мгновение' (2016), ол ғамзәдін *ок атма ансіз бାଲା କିଲୁରସାନ* 'не пускай стрелу того кокетливого взгляда, и без того причиняешь беды' (2136).

Из числа форм субъективной оценки только не-

многие оказываются употребительными для разных имен. К ним относится, например, форма на *-рак ~ -рәк*.

Аффикс *-рак ~ -рәк* присоединяется к прилагательным, неопределенным числительным, очень редко — к существительным и причастиям, см. БН: *факір ва қымсұханрак адамі кіші ёрді* 'он был смиренным, немногословным и простым человеком' (17); НМ: *шірін забанрак* 'сладкоречивый' (1176), *дострак* 'поближе', 'поприятнее', 'по-дружески' (144а); СҚ: *сәндін зәхідрак* 'более чем ты отшельник' (81б); ТМ: *көпрәк авқат* 'побольше пищи' (88б).

Другие аффиксы характерны для отдельных групп имени: для существительных, прилагательных, числительных и т. д.

Собственно имена

Существительное

Формы отыменных образований

Аффикс *-лак (-лаң) ~ -ләк (-läg)* (значение места), — БН: *авлак* 'место охоты' (*ав* 'охота'), *кушлак* 'место, изобилующее птицами' (*куш* 'птица'; 5), *јайлак* 'летовка', 'летнее пастбище' (*јайл* 'лето'; 16), *отлак* 'пастбище' (*от* 'трава'; 154); МЛ: *тузлак* 'солевые копи' (*туз* 'соль'; 88), *кішлак* 'зимовка' (*кіш* 'зима'; 88);

-кі ~ -кі ~ -бі ~ -и⁷ (отношение — обладание), — А: *бурунбі* 'прежний' (135); БН: *ташкі* 'внешний' (43), *ічкі* 'внутренний', 'придворный' (49), *іләріні* 'передовой' (112), *куյтіб* 'нижний' (178); ТМ: *соңғі* 'последний' (111а).

Аналогичное значение имеет префикс *бә*, заимствованный из персидского языка и присоединяемый к существительным и прилагательным, см. Б: *бәjіхат* 'безграничный' (18), *бәjар* 'без любимой' (49); БН: *бәвафә* 'неверный', *бәфахм* 'глупый' (36) Маҳ: *бәісіб* 'не горячий' (4), *бәачіб* 'не горький' (5); МХ: *бәназір* 'несравненный' (2); ШН: *бәхад* 'бесчисленный', 'безграничный' (93).

⁷ С формами сопряженного состояния, образованными от местонимий, аффикс *-кі ~ -кі* в староузбекских текстах XIV—XVI вв. встречается не более четырех-пяти раз, см. БН: *бизнікі* 'наш' (101), *бізнікі* 'наш' (135).

Форма действующего лица образуется только от существительных и отглагольных имен. И в том, и в другом случае используется аффикс *-чі ~ -чі*, например, БЛ: *ötküñči* 'прохожий' (105); БН: *kılbuçči* 'создатель' (64), *kavbuñči* 'преследователь' (87); Маҳ: *okubuçči* 'читатель' (8), *sözlägүчі* 'говорящий' (30), *satkuçči* 'торговец' (42), *tiläñči* 'попрошайка', 'нищий' (50), *kuşči* 'птицелов' (51), *kýjdýrgүch* 'сжигающий', *savurbuçči* 'развивающий' (75), *içüçči* 'пьющий' (139), *jalbanči* 'обманщик' (162); МЛ: *kojči* 'пастух', 'чабан', *çörökči* 'воин' (28); МХ: *cattikči* 'продавец' (14); С: *şıhikči* 'привратник', 'швейцар' (96); СҚ: *kılbuçči* 'делающий', 'совершающий' (136), *pışırğıçči* 'выжигающий', 'пекущий' (476), *jëgүch* 'поедающий' (616); ШН: *okči* 'стrelок' (40), *kõňashči* 'советник' (164).

Выпадение *б ~ г* в формах действующего лица, образованных от отглагольного имени на *-бу ~ -гү*, для староузбекского языка — необычное явление. Формы подобного типа, например, *alichči*, *kõlîchi*, имеют несомненно огузское происхождение.

Имя действующего лица, образованное от отглагольного имени на *-mak ~ -mäk*, выражает дополнительный оттенок — намерение, см. МЛ: *atlanmakči* ёдўк 'мы собирались отправиться' (28).

Форма на *-makči* с глаголом *бол-* выражает категоричность, решимость совершить действие, см. МЛ: *kushulmakči* болдї 'он решил присоединиться' (28).

Аффикс *-daþi ~ -dañi ~ -makî ~ -täki* (отношение — указание на место), см. Б: *içtäki* 'внутренний' (45); СҚ: *şılıgimdägi* 'находящийся в моих руках' (56), *astïndaþi* 'находящийся внизу, под чем-нибудь' (346), *jërdägi* 'наземный' (61a), *köktägi* 'небесный' (61a); Маҳ: *bijabandaþi* 'находящийся в пустыне' (83);

-lið ~ -lið ~ -lið ~ -lik (отношение — обладание), см. БН: *andïjänlik* 'андижанка' (10), *kijak* *közlik* 'косоглазый' (204), *xöpölik* 'гератец' (225); Мадж: *shiræslïk* 'ширазэд' (91a), *çinäbadlið* 'чинабадец' (73a); НМ: *basralið* 'житель Басры' (28a), *baðdädlïb* 'багдадец' (35a), *buxärälið* 'бухарец' (117б); СҚ: *körklïj* 'красивый' (9a), *tüprik* 'разные', *tört* *ajaðlið* 'четвероногий' (27a), *kajbułuz* 'печальный' (42a), *shirin sözlið* 'сладкоречивый' (87a); ТМ: *rümruk* 'румиец' (142б); ШН: *on kijnlyjik* 'дневный' (136), *jellik* 'годовой', 'годичный' (203).

Разновидность аффикса *-lið* без заднеязычного согласного прослеживается преимущественно в текстах золотоордынского цикла и в произведениях предшественников Навай, см. Дж: *në jañlu* 'каким образом' (I); Қ: *'akïllï* 'умный' (II); МН: *körklïj* 'красивая', 'прекрасная' (164б), *tatlu* 'сладкий' (166б), *aj jüssi* 'луноликая' (168а), *shirin sözli* 'сладкоречивый' (172а).

Характерной особенностью почти всех относительных форм является способность их сочетаться с аффиксом *-rak*, передающим одно из значений интенсива и широко используемым для выражения сравнительной степени. См. БН: *suhansizrak* 'довольно молчаливый' (32); НМ: *ulub sözlykrak* 'велеречивее' (117б).

Аффикс *-daþ ~ -dañ ~ -tash ~ -täsh* (имя лица — соучастника в каком-либо действии, процессе), см. Абушқа: *koldaþ* 'друг' (*kol* 'рука'; 344); БЛ: *bojdaþ* 'одинакового роста' (141), БН: *kökältaþ* 'молочный брат' (*kökäl* 'трудь'; 72), *ämälðaþ* 'сверстник' (*ämäl* 'трудь'; 72); МЛ: *kökältaþ* 'молочный брат' (*kökäl* 'трудь'; 89), *joldaþ* 'спутник' (*jol* 'дорога'; 89); Мух: *karдаþ* 'брать', 'родственник' (~ *karïndaþ*, *karïn* 'чрево', 'живот'; 5).

-lak (уменьшительность), см. Сан: *tajlak* 'жеребенок' (*taj* 'жеребенок'; 167а);

-(a)ç ~ -(a)ñ (уменьшительность), см. Абушқа: *bækäç* 'девушка' (?), 'знатная женщина' (*bækä* 'молодка'; 141);

-ak ~ -äk (уменьшительность), см. Я: *bashak* 'колос', 'головка' (*bash* 'головка'; 318б);

-duryuk ~ -dýryuk (значение предмета, орудия), см. Абушқа: *kajbalduryuk* 'луженые предметы' (*kajbal*?; 329); Сан: *abïzdirik* 'удила' (*abïz* 'рот'; 44а), *burunduryuk* 'кольцо или ремень, продеваемые через нос верблюда' (*burun* 'нос'; 133а), *bojunduryuk* 'ярмо' (*bojün* 'шея'; 143а), *tutashtru* 'вязанка щепок' (*tutash* 'соединение', 'примыкание'; 169б);

-chak ~ -çäk (значение предмета, орудия и т. п.), см. МЛ: *alïnchak* 'деталь конской сбруи' (*alïn* 'лоб'; 90), *jarbuçak* 'ручная мельница' (*jarbu* 'раскалывание', 'дробление'; 90);

-tyk ~ -tük... (значение предмета, лица), см. Сан: *ölümtyjk* 'полуживой-полумертвый' (*ölüm* 'смерть'; 86б), *orunduk* 'попона' (? *orun*?; 71б).

К. Броккельман выделяет кроме того аффикс *-амук* ~ *-ämük*, ср.: *karamuk* 'сорная трава' (*kara* 'черный'), *kïzlamuk* 'краснуха' (*kïzyl* 'красный'), *chičamuk* 'мизинец' (*chič?*, ср. *chičalak* 'мизинец').⁸

В староузбекском языке наряду с перечисленными выше аффиксами, широко используемыми в различных текстах, имеются аффиксы (суффиксы и префиксы) малопродуктивные. Многие из них заимствованы из иранских языков в составе иранских форм,⁹ и выделение их как морфологических элементов староузбекского языка является условным, так как почти полностью отсутствуют примеры употребления подобных аффиксов с собственно тюркскими словами. Примеры:

-зар (значение места), см. БН: *сёбағзар* 'заросли трилистника' (162), *арбуванзар* 'роща аргувана' (168);

-йар (значение действующего лица), см. БН: *савдайар* 'купец', 'торговец' (158);

-бүй ~ *-үй* (значение действующего лица), см. БН: *мёснәвілүй* 'сочинитель месневи' (227), *вазалбүй* 'сочинитель газелей' (228).

-ї (нисба — форма, указывающая на отношение к месту, роду занятий и т. д.), см. БН: *мозулї* 'монгольский', 'монгол' (8), *хіндүстәнї* 'индийский', 'индиец' (158), *афбәнї* 'афганец', 'афганский' (172), *ірәкї* 'иракский', 'иракец' (229);

хәм- (значение соучастия), см. БН: *хәмкәсә* 'собутыльник' (*кәсә* 'чаша'; 191), *хәмсуҳбат* 'собеседник' (*суҳбат* 'беседа'; 191), *хәммәктәб* 'одношкольники' (*мәктәб* 'школа'; 213); МХ: *хәм-даст* 'сподвижник', 'помощник' (*даст* 'рука'; 5) и мн. др.

Формы отлагольных образований

В данном разделе рассматриваются лишь те отлагольные имена, которые утратили специфические признаки и полностью субстантивировались.

От глагольных основ существительные образуются при помощи следующих аффиксов:

⁸ Osttürkische Grammatik, S. 128.

⁹ См.: А. Рустамов. Алишер Навоийнинг „Маҳбубул қулуб“ асари. Лаги бәъзи бир грамматик хусусиятлар. Кандид. дисс. (рукопись в Библиотеке им. Ленина в Москве). Ташкент, 1958, стр. 9, 24, 30, 38, 43.

-ма ~ *-мә*, см. Б: *ёгма* 'изгиб', 'изогнутый' (*ёг-* 'гибаться'; 7); БН: *учма* 'обрыв' (*уч-* 'лететь'; 52), *сёқиртмә* 'крутизна' (*сёқирт-* 'заставлять прыгать'; 247), *icitmä* 'горячка' (*icim-* 'согревать'; 73);

-(a)k ~ *-(ä)k* ~ *-(y)k* ~ *-(j)k...*, см. БН: *jүrәk* 'сердце' (*jүр-* 'идти'; 33), *чапук* 'порубка, порез' (*чап-* 'рубить'; 50), *ölyг* 'мертвей' (*öл-* 'умирать'; 165), *bölyk* 'округ' (*böл-* 'делить'; 172); МХ: *kүrsak* 'живот' (**kурса-* ~ *куриша-* 'опоясывать'; 7); ШН: *коркак* 'трус' (*корк-* 'бояться'; 36); Я: *курумсак* 'колчан' (*курумса-* 'опоясывать'; 316а). Конечный заднеязычный (увулярный), оформленный существительные в составе рассматриваемого аффикса, бывает обычно глухим, в то время как у прилагательных он в большинстве случаев является звонким;

-(a)n ~ *-(ä)n* ~ *-(i)n* ~ *-(j)n...*, см. БН: *јабин* 'дождь' (*јаб-* 'дождит'; 44), *жкін* 'хлеба' (*жк-* 'сеять'; 159); Маҳ: *коззалан* 'волнение', 'беспокойство' (*коззал-* 'tronуться', 'динуться'; 67); МЛ: *јібін* 'сборище' (*јіб-* 'собирать'; 19), *чакін* 'молния' (*чак-* 'сверкать'; 19);

-чак ~ *-чәк*,¹⁰ см. Абушқа: *салінчак* 'качели', 'колоуль' (*салін-* 'укладывать'; 278); НМ: *әмчәк* 'грудь', 'сосок груди' (*әм-* 'сосать'; 196а); Сан: *тајанчак* 'опора' (*тајан-* 'опираться'; 167а);

-(a)m ~ *-(ä)m* ~ *-(y)m* ~ *-(j)m*, см. БН: *ölijm* 'смерть' (*öл-* 'умирать'; 43);

-бач ~ *-гач* ~ *-бүч* ~ *-гүч* ~ *-куч* ~ *-күч* ~ *-күч* ~ *-күч*, см. Абушқа: *тімтәгүч* 'украшения, подвешиваемые к шее или рукам' (*тімтә-* 'дрожать'; 183), *салінбач* 'качели', 'колоуль' (*салін-* 'укладывать'; 277); Маҳ: *jәlpiйч* 'веер' (*jәlpі-* 'обмахиваться'; 116); Сан: *баскүч* 'ступенька' (*бас-* 'давить', 'наступать'; 1226), *сүзгүч* 'мелкое сито', 'фильтр' (*сүз-* 'дедить'; 243а);

-бун ~ *-гүн* ~ *-кун* ~ *-күн*, см. Маҳ: *саткүн* 'продажа' (*сат-* 'продавать'; 168); МЛ: *кавбун* 'преследователь', 'преследующий' (*кав-* 'гнать'; 32), *чаббун* 'нападающий', 'насказывающий' (*чап-* 'скакать', 'бить'; 32), *тұтбун* 'пленник' (*тұт-* 'держать', 'хватать'; 35); Я: *ötкүн* 'острый' (*öt-* 'проходить'; 320а);

-ат ~ *-ät*, см. ШН: *ölät* 'мор' (*öл-* 'умирать'; 43);

¹⁰ См.: Мабәни л-лугат, стр. 90.

-*aбач* ~ -*ағач*, см. МЛ: *күләиәч* 'весельчак' (*күл-* 'смеяться'; 55); -*мур* ~ -*мүр*, см. ШН: *јамбур* ~ *јаңмур* 'дождь' (*ја-* 'идти — о дожде'; 45);

-*бан* ~ -*ған* ~ -*кан* ~ -*қан*, см. СК: *јапкан* 'попона' (*јап-* 'покрывать'; 118a);

-*kak* ~ -*кәк* ~ -*бак* ~ -*гәк*, см. Абушка: *шшәк* 'весло' (*шш-* 'грести'; 21); Сан: *баткак* 'топъ', 'болото' (*бат-* 'тонуть'; 1196), *баскак* 'наместник', 'сборщик податей' (*бас-* 'давить', 'наступать'; 1226); СК: *ајзак* 'вестник' (*ај-* 'говорить'; 366);

-*ryk* ~ -*рүк* ~ -*руб* ~ -*рүг*, см. Абушка: *басруд* 'пресс' (*бас-* 'давить'; 128); Сан: *тутрук* 'вязанка щепок' (*тут-* 'держать'; 1696);

-*мач* ~ -*мәч*, см. Абушка: *кавурмач* 'жаркое' (*кавур-* 'жарить'; 326), *кїјмач*¹¹ 'раскосый' (**кїj-* 'кривиться', 'коситься'; 333); Сан: *буламач* 'мучное блюдо' (*була-* 'обваливать', 'смешивать'; 141a), *тутмач* 'лапша' (*тут-* 'держать'; 1696). Аффикс -*мач* восходит, по-видимому, к сочетанию аффикса -*ма*, образующего отлагольные имена, со словом *аш* 'пища', 'еда'. Отлагольное имя на -*ма* ~ -*мә* не характерно для староузбекского языка и поэтому сложный аффикс -*мач* не мог возникнуть на староузбекской почве;

-*dak* ~ -*дәк*, см. Сан: *бөвурдак* 'сustav' (*бөвур-* 'хватывать', 'зажимать', ср. *бөвун* 'сustav'; 1366);

-*чан* ~ -*чән*, см. Сан: *собулчан* 'дождевой червь' (*собул-* 'войти в землю'; 244б);

-*бї* ~ -*бї*, см. Сан: *бїчбї* 'пила' (*бїч-* 'резать'; 144a);

-*ка* ~ -*кә*, см. Абушка: *чёвўрткә* 'саранча', 'кузнечик' (*чёвўрт-*?; 245).

Особого внимания заслуживают аффиксы -(*в*)ул и -л.

-(*в*)ул — аффикс, употребляющийся для образования имен, которые, как указывает Нава'й, обозначают воинские и придворные должности.

В Мұхәкамат ал-лугатайн приведены следующие слова с аффиксом -(*в*)ул: *хіравул* (*іравул*) 'авангард', 'передовой отряд', *каравул* (*карабул*) 'страж', 'караул', 'часовой', *чандавул* (или *чабдавул*, *чіндавул*) 'арьергард', 'замыкающий отряд' (ср. чан-

¹¹ Ср. БЛ: *кїјмач* 'мучитель' (222).

давул 'водонос' (?), БН, 276), *јанкавул* (?), *созавул* 'адъютант', *патавул* (?), *кіптавул* 'караул крепости', 'начальник гарнизона', *јасавул* 'предводитель в каком-либо деле', 'исполнитель повеления', *бакавул* 'столбик', *сакавул* (*саківул*) 'начальник стражи', *дакавул* 'прислужник', 'сопровождающий', *шібавул* 'сопровождающий послов'.¹² Ср. БН: *тұткавул* (?) 175), *чаңдавул* 'арьергард', 'замыкающий отряд' (184), *каравул* 'стража' (188), *тускавул* 'стражник, охраняющий дорогу' (233); ДН: *јасавул* 'строитель' (231a); Маҳ: *јасавул* 'блеститель порядка' (18); ШН: *јуртавул* 'пешие воины' (197). Слово *тускавул* Мехдій-хан переводит как 'страж', 'хранитель'.¹³

Глаголы *кара-* и *јаса-* относятся к числу очень древних общих тюрко-монгольских элементов, глагол *бака* — тюркский, все остальные глаголы в данном фонетическом оформлении являются монгольскими, ср. монг. письм.: *ire-* 'приходить', *čaγda-* 'сторожить', *daya-* '(пре)следовать', *tuska-* ~ *tusxi-* 'устраивать преграду'.

Нетрудно заметить, что аффикс -(*в*)ул выделяет небольшую и семантически обособленную группу слов и распространение его относится к строго определенному историческому периоду (эпоха монгольского нашествия — время правления тимуридов). Сфера употребления аффикса -*вул* ~ -*бул* в древних монгольских языках (диалектах?) шире, и интенсивность использования не приурочена к какому-либо периоду. Поэтому можно предположить, что он — монгольского происхождения;

-л, см. Маҳ: *сојурдал* 'надел, пожалование' (*сојурка-* ~, *сојурба-* 'согласовать', 'согласовывать'; 76); ШН: *кабал* 'осада' (*каба-* 'окружить', 'осадить'; 43), *јасал* 'строй' (*јаса-* 'делать', 'строить'; 165).

Происхождение л-овых форм тесно связано с историей аффикса -*вул*. Больше того, аффикс -*вул* ~ -*бул* и аффикс -л в староузбекских текстах иногда смешиваются, см. у Нава'й: *туткал* 'хранитель', 'заставщик ярлыков', *тускал* 'пост', 'караул';¹⁴ в других источниках: *тутавул*, *тусхавул*.

¹² Chrestomathie en ture oriental, p. 18.

¹³ Мабани' ал-лугат, стр. 28.

¹⁴ Chrestomathie en ture oriental, p. 18.

Прилагательное

Прилагательные сами по себе, т. е. в исходной форме, не имеют особых морфологических показателей.

В предложении прилагательные функционируют в качестве определений и обстоятельств, см. БН: *мәнің јұхатымдің жаңшыр* 'относясь хорошо благодаря мне (из-за меня)', *мәндің іккі жаш улуб әрді* 'он был старше меня на два года' (11), *түркі айтур әді* 'он говорил по-турецки' (205); А: *чүн вағасізларда бәрмішләр азалда көркні* 'так как неверным красоту дали давно' (4, см. А. 109).

Формы отыменных образований

Отличительной чертой лексико-грамматической структуры прилагательных является их сочетаемость с морфологическими показателями, выражаящими разную степень насыщенности признаком в сравнительном плане и безотносительно к чему-либо, например с аффиксами *-rak ~ -ræk, -шіл* и т. д.

Аффикс *-rak ~ -ræk* выражает известную недостаточность или, наоборот, некоторую избыточность признака, см. БН: *kіскарак кіші* 'недалекий человек (букв.: покороче)' (17), *кічірәк қараба* 'небольшая крепость (букв.: поменьше)' (6), *ташкарәк-дің* 'снаружи' (6), *кәм әбрәк жәрдур* 'бедная влагой земля' (62).

В сочетании с именем в форме исходного падежа или с союзом *кім* 'что', 'чем' аффикс *-rak* выражает сравнительную степень прилагательных, ср.: 1) БН: *мұндың улубрак* 'больше этой' (3), *ол хуярдің күйірек* 'ниже той кельи' (3); Маҳ: *алардің жаңшірек* 'лучше их' (50), *жәхіллікдің бәса'адатлікрак* 'несчастнее, безотраднее глупости' (100); ТМ: *андің улубрақ* 'больше того' (127а).

2) Маҳ: *буттарастлік жаңшірек* *кім ұлпарастлік* 'любовь к идолам (идолопоклонство) лучше, чем самолюбие (эгоизм)' (107), *вафалік күтүз іт жаңшірек* *кім вафасіз хұш борна жіліт* 'верная бешеная собака лучше, чем неверный красавец-юноша' (146); НМ: *расталік жаңшірек* *кә басталік* 'свобода лучше, чем неволя (букв.: связанность)' (144а).

Употребление второй конструкции — явление довольно редкое и необычное. Наличие ее в некоторых текстах следует рассматривать как результат влияния персидского языка.

Аффикс *-rak* сочетается и с другими именами, например с существительными, однако подобные случаи носят характер исключений.

В отличие от аффикса *-rak ~ -ræk*, аффикс *-шіл* выражает лишь недостаточную насыщенность признаком, см. Сан: *акчіл* 'беловатый' (45а); СҚ: *карашіл* 'черноватый' (49б).

Такое же значение характерно и для аффикса *-мтул*, см. Абушқа: *кокүмтүл* 'синеватый' (370); МЛ: *абілмтул* 'беловатый', *кізілмтул* 'красноватый', *қарамтул* 'черноватый', *жаңілмтул* 'зеленоватый' (87).

Важное место в отыменном словообразовании прилагательных занимает частичная редупликация — прием, не являющийся в полном смысле синтетическим. Сущность частичной редупликации заключается в том, что первый компонент, копирующий основу, выступает с усеченной конечной частью, см. БН: *түптүз* 'ровный-преровный' (160), *кіп-кізіл* 'очень красный' (164), *сан-сағ* 'совершенно здоровый' (304); МХ: *сан-сарі* 'совершенно желтый' (21); Сан: *ап-ак* 'совершенно белый' (276). Ср. также у Навай: чум *қара* 'очень черный'.¹⁵

Формы отглагольных образований

Аффикс *-(а)з ~ -(ә)з...*, см. А: *сүчіз* 'сладкий' (*сүчі-* ~ *чүчі-* 'иметь вкус, сладость'; 183); Б: *өсріз* 'пьяный' (*өсрү-* 'пьянеть'; 1); БН: *кіjak* 'косой' (**кіj-* 'покоситься'; 204); Маҳ: *савуз* 'холодный' (*саву-* 'становиться холодным, остывать'; 5), *ачіз* 'горький' (*ачі-* 'быть горьким'; 5), *куруз* 'высохший', 'сухой' (*куру-* 'сохнуть'; 118), *ачуз* 'открытый' (*ач-* 'открывать'; 124), *јұмшаz* 'мягкий' (*јұмша-* 'смягчаться'; 125); РК: *сінук* 'поломанный' (*сін-* 'ломаться'; 159а); СҚ: *катіз* 'твердый' (*кат-* 'сохнуть', 'затвердевать'; 26а); Э: *жүгүрз* 'быстрый', 'беглый' (*жүгүр-* 'бежать'; 331б);

-ri, см. Б: *әзрі* 'согбенный' (*әz-* 'сгибаться'; 41);

¹⁵ С. Муталибов. Морфология ва лексика тарихидан қисқача очерк. Ташкент, 1959, б. 47.

-a ~ -ä, см. НМ: *түнä* 'вчерашний' (*түнä күн* 'вчера', *түн* 'ночь'; 220а);

-ун ~ -үн, см. Абушка: *толун* 'полный' (*тол-* 'наполняться'; 218).

Формы от наречных образований

Аффикс *-сук*, см. Сан: *таңсук* 'удивительный' (*таң* — междометие, выражающее удивление, восхищение; 164б).

Местоимения

Местоимение отличается от других имен отсутствием словообразовательных форм.

Распределение местоимений по более мелким группам возможно только по семасиологическому и функциональному признакам.

Личные местоимения

В группу личных местоимений входят *мән* 'я', *сән* 'ты', *ол* (*у*) 'он', *біз* 'мы', *сіз* 'вы', *алар* 'они'. При этом местоимение 3-го лица единственного числа совмещает значения личного и указательного местоимений. Можно предположить, что последнее значение некогда было доминирующим. Характерно, что падежные формы этого местоимения образуются от другой основы, ср.: *ана* 'ему', *ані* 'его' и т. д., которая, по-видимому, и являлась первоначально исходной формой местоимения 3-го лица.

У Навай в значении личного местоимения 1-го лица употребляются слово *факір* 'бедный' и сочетание *бу факір* 'этот бедный', 'этот слуга', имеющие особую стилистическую окраску (ср. русск. 'ваш покорный слуга'). Примеры. Мадж: *факір ані көрмәйман* 'я его не вижу' (61а); ХМ: *бу факір хәнімдік дәмәдім* 'я ничего не сказал' (14а), *факір тіләмәдім* 'я не хотел' (16а), *бу факірні* 'этого раба (т. е. меня)' (51б), *бу факір сарі* 'этому рабу', 'в сторону этого раба (т. е. ко мне)' (71б).

Присоединение к указанным выше личным местоимениям единственного (2-е лицо) и множественного (1-е и 2-е лицо) числа аффикса *-лар ~ -läp* почти всегда связано с выражением

субъективных оттенков: почтительности, уважения, самовозведения и т. д., например, СК: *bisläp* 'Мы', *cislär* 'Вы' (52б).

Кстати, такие же значения выражаются местоимениями множественного числа и без аффикса *-лар ~ -läp*, когда они обозначают одно лицо.

Личные местоимения употребляются в качестве подлежащего, прямого и косвенного дополнений.

Указательные местоимения

Группу указательных местоимений составляют *бу* 'этот', *шул* ' тот', *ол* ' тот'.

бу и *ол* соотносятся друг с другом как ближний и дальний в пространственном и временном планах.

шул (~? *ошул*) имеет анафорическое значение ('то, о чем уже говорилось, что так или иначе известно'), см. БН: *шул күн*, *шу күн* 'в тот день' (86, 87).

Аналогичное значение передает также анафорическое местоимение *ош*, как само по себе, так и в сочетании с местоимениями *бу* и *ол* (*ошибу* и *ошул ~ ошал*), см. А: *ошибу ѡолда* 'на этом пути' (63), *далл-і давлат ош зулғуң хұмәйі* 'доказательство богатства — царственная птица вот этого локона' (244); БН: *бір мәсілд түшіптур...* *ошибу мәсілдің ташқарі сәхні нәшибрак...* 'есть мечеть... несколько ниже внешней площадки этой мечети...' (4), *іүч күндін кәжін ошал захм билә-ок барді* 'через три дня от той раны он скончался' (81); МХ: *халатім ош ѫскі жамабліб чапан* 'халатом мне служит вот этот заплатанный чапан' (23); С: *ош шараф* '(вот) это благородство' (17а), *зулғуңні қачан салдің ошул ал жаңак ўзрә...* 'когда ты расположила свой локон на той алои щеке...' (30б). Ср. также *хәм* в сочетании с *ол*, см. ХМ: *хәмүл күн-ок* 'в тот же самый день' (51а).

Формы косвенных падежей для *ол*, *бу*, *ошибу* и *ошул* образуются от основ *ан-*, *мун-*, *ошмун-* и *ошан-*:

Осн.	ол
Вин.	ані
Дат.	анба

Мест.	<i>анда</i>
Исх.	<i>андін</i>
Пред.	<i>анча</i>

Функции указательных местоимений довольно широки: выступая обычно в роли атрибута, любое указательное местоимение может быть также подлежащим или дополнением.

Возвратно-усилиительные местоимения

В староузбекском языке употребляется одно возвратно-усилиительное местоимение — *ёз*, которое выполняет только определительные функции, ср.: *ёз вілайатің* 'в свой вилайет'.

Будучи оформленным аффиксами принадлежности, *ёз* приобретает субстантивное значение, ср.: *ёзүм* 'я сам' (этимологически — „моя самость“), *ёзүң* 'ты сам', *ёзи* 'он сам', *ёзуміз* 'мы сами', *ёзүңіз* 'вы сами', *ёзләрі* 'они сами', например, ДН: *ёзүңні білмағіккә салма* 'не притворяйся (букв.: не ставь самого себя) незнающим' (238б), *бу фән бірлән сабіндурудум ёзімні* 'этой наукой я наскучил самому себе' (232а); Я: *ёзүң білмәсмүсән* 'ты сам не знаешь ли?' (315а).

Возможно также употребление персидского возвратно-усилиительного местоимения *хӯд*, см. А: *Атайі хӯд кілур васлігіні таманнә* 'Атаи сам просит о встрече с тобой' (88); БН: *таң атқунча хӯд курбән әли бурјні тамам копаріп әділәр* 'к расвету обитатели крепости сами полностью отстроили башню' (43), *мән хӯд тәрбіјәт кіліп әдім* 'я сам радел о нем' (65), *алар барбунча Танбал хӯд көлүп мөбүлларба кошулдан әкәндүр* 'до того, как они отправились, пришел сам Танбель и присоединился к монголам' (81), *мән хӯд нәгә бармабајман* 'мне самому почему бы не пойти?' (234); Мұх: *ва сарт әл ілбасунні хӯд білмәс* 'а сами сарты [слово] „илбасун“ не знают' (15).

Определительно-обобщающие местоимения

Ср.: *барча* 'все', *барї* 'все', *камұж* 'все', *хәр* 'каждый', 'всякий', *хәркім* 'каждый', *jämі* 'все', *ба'зі* 'некоторые', *jүмлә* 'все'.

Почти все определительно-обобщающие местоимения выступают в определительной функции, например: *барча кішиләр* 'все

люди', *хәр жол* 'каждая дорога', *ба'зі вактларда* 'иногда (букв.: в некоторые времена)'.

Местоимения *хәрнімә* и *хәрнә* 'все', 'всё (всё, что...)' употребительны только в качестве подлежащего и дополнения, ср. Б: *хәрнә кә кіліп әдім* 'всё, что я делал' (110), *хәрнә кә milän әдім* 'всё, что я желал' (114); Мах: *хәрнә кім айтүр олса* 'всё, что скажет' (25), *хәрнә бу ҳаләjіk дү'а bilä miläjdүрлар* 'всё, что люди желают при помощи молитвы' (98); МХ: *хәрнә камал іңра дәсәм* 'всё, что ни скажу относительно совершенства' (9). Изредка аналогичные функции выполняет и местоимение *ба'зі* 'некоторые', см. БН: *ба'зі Чач бітірләр...* 'некоторые пишут „Чач“...' (7), *Хојанді ба'зі дахили Фарбәнә әмәс дәрләр* 'Ходженд некоторые не считают входящим в Фергану' (10), *ба'зіләрні бірін бірін віләјатка парішан кілді* 'некоторых он по-одному рассеял по вилайету' (12).

Отрицательные местоимения

Все отрицательные местоимения являются составными, или сложными. Они включают в себя два компонента: неопределенно-отрицательное местоимение *хәч* и какие-либо другие неопределенные или определительно-обобщающие местоимения, см.: *хәчкім*, *хәчкімсә*, *хәчкімәрсә* 'никто', *хәчнімә*, *хәчнәрсә*, *хәчнімәрсә* 'ничто', *хәчкаjsі* 'никакой'; ср. соответственно паритивные формы: *хәчкімсәсі* 'никто (из них)', *хәчнімәсі* 'ничто (из них)', *хәчкаjsісі* 'никакой (из них)'.

Отрицательное значение отрицательных местоимений в абсолютном большинстве случаев не является самодовлеющим, самостоятельным, оно обусловлено присутствием соответствующих глагольных форм, ср.: *хәчкімәрсә бармаді* 'никто не пошел', но *кімәрсә барді* 'кто-то пошел'.

Особого внимания заслуживает местоимение *хәч*. В обособленном употреблении *хәч* имеет значение 'совсем', 'николько', сочетаясь же с другими словами в предложениях с утвердительной формой глагола или с общееутвердительным именем, оно означает 'какой-либо', а в отрицательных предложениях — 'никакой', см. БН: ...*janip хәч jәрдә таваккуф кілмај* Пәшә-бүрга *кәлінді* ...вернувшись, нигде (букв.: ни в каком месте)

не останавливаясь, мы пришли в Пешагур' (73); НМ: *андін сордум кә ѡлда хәч ајаб німә көрдүңмій* 'я спросил у него, видел ли он что-нибудь достойное удивления в дороге' (656); СҚ: *хәч јәгілжүк нәмәң барму* 'имеется ли у тебя какая-нибудь вещь поесть?' (656), *бу сөзгә хәч мәжізә көргүзә білүрмісіз* 'сможете ли вы показать какое-либо чудо в доказательство этих слов?' (886); ШН: *jok мәнің хәч бу јәрдін кәтәрім* 'я ни при каких обстоятельствах не уйду отсюда' (203).

Неопределенные местоимения

кімсә, *кімәрсә* (*кімәрсә*), *бірәү* (*бірәв*) 'некто', *älläkіm* 'кто-то', *бірәр німә* 'что-либо', 'что-нибудь', *фәлән* 'такой-то'. Примеры. НДж: *ол кімсә* ' тот некто' (76); НМ: *фәлән күндін бәрі сәні көрдүрман* 'я вижу тебя с такого-то дня' (1476); ШН: *кәл фәлән кәчә фәлән күчә сарі* 'приходи в такую-то ночь на такую-то улицу' (33).

Вопросительные и относительные местоимения

Вопросительные местоимения делятся на две строго разграниченные в семантическом отношении группы. Одна из них соотносится с одушевленными существами, другая — с неодушевленными, ср.: *кім*, *кімләр* 'кто', *нә*, *нәләр* 'что', *німә* 'что', 'что за', 'какой'.

німә, в отличие от *нә*, выражает вопрос к прямому дополнению.

Вопросительные местоимения могут выступать в несобственном значении. Так, местоимение *нә* в поэтических текстах употребляется в качестве усиливального члена при риторическом вопросе, см. А: *бу нә көздүр, бу нә кірпік, бу нә каш кә чікті дін ва імәндін җаләйтік* 'это что за глаза, это что за ресницы, это что за брови, что народ (из-за них) поступился верой и религией' (105); Л: *їшк җаханні örtәді бу нә балә jämäl әрүр* 'любовь зажгла мир, что это за напасть — красота?!" (177a).

Относительные местоимения: *кім* 'который', *кә* 'который', 'что'.

Числительные

Числительные выделяются в особую лексико-грамматическую группировку имени наличием порядковых, дистрибутивных и других форм.

Количественные числительные

Количественные числительные могут быть определенными и неопределенными.

Определенные количественные числительные — наименования чисел, являющиеся исходными формами для других числительных, ср.:

<i>bir</i>	'один'	<i>kipk</i>	'сорок'
<i>ik(k)i</i>	'два'	<i>ö'l(l)ik</i>	'пятьдесят'
<i>üch</i>	'три'	<i>altmış</i>	'шестьдесят'
<i>mört</i>	'четыре'	<i>jötmiş</i>	'семьдесят'
<i>bösh</i>	'пять'	<i>söksän</i>	'восемьдесят'
<i>almti</i>	'шесть'	<i>toksan</i>	'девяносто'
<i>jët(m)i</i>	'семь'	<i>jüz</i>	'сто'
<i>sök(k)iz</i>	'восемь'	<i>mış</i>	'тысяча'
<i>tok(k)uz</i>	'девять'	<i>tümän</i>	'десять тысяч' ¹⁶
<i>on</i>	'десять'	<i>lök</i>	'сто тысяч' ¹⁶
<i>jigirmä</i>	'двадцать'	<i>jüz tümüz</i>	'миллион'
<i>ot(m)uz</i>	'тридцать'	<i>korur</i>	'десять миллионов'

Числительные *ikki*, *jëtti*, *sökiz*, *tokuz*, *otuz* выступают и с удвоенным согласным, например: *ikki*, *jëttii* и т. д.

Счет до сотни осуществляется таким образом, что обозначения десятков предшествуют обозначениям единиц, например: *он ikki* 'двенадцать' (он 'десять', *ikki* 'два'), *toksan üch* 'девяносто три' (*toksan* 'девяносто', *üch* 'три').

В предложении количественные числительные выступают в качестве подлежащего, определения, дополнения или обстоятельства, ср. А: *bir бакмаді көз караки бирла* 'ни разу не взглянула она зрачком глаза' (7), *bir kija bak* 'взгляни раз краешком глаза' (98), *bir сінағанні жана ikki сінар* 'испытан-

¹⁶ Числительные *lök* и *korur* встречаются только у Бабура, см. БН: *jüz mışnı lök döplär jüz lökni korur döplär* 'сто тысяч называют лек, сто леков называют корур' (376).

ного раз испытывают и дважды' (75); Б: *мәндәк жана бір барму* 'есть ли еще один (такой), как я?' (66); БН: *мәнің бірлә бір түкбап әрді* 'со мной заодно родилась (т. е. вместе)' (10), *Касимбек сіjасат ўчүн іккі ўчні пәрә-пәрә көлдурділар* 'Касимбек в назидание заставил порубить двух-трех (человек) на куски' (49); Л (А. 109): *мәні бір сормадің* 'ты меня ни разу не спросила' (169); Маҳ: *біртә әттәкні іккі бөлүп* 'один хлеб разделив на два' (112); ШН: *алті конді* 'шесть раз он ночевал' (195).

Особого внимания заслуживает числительное *bіr* 'один', которое, будучи употребленным в несобственном значении, становится своеобразным неопределенным артиклем, ср. БН: *біr замандын соң* 'немного времени спустя' (45), *біr күн* 'однажды' (50), *Хосравшахнұң кішісі біr tokkuz ат ва біr tokkuz пәрчә көltүрді* 'один из людей Хосрав-шаха привел девять лошадей и принес девять кусков парчи' (99); СҚ: *makі машріk сарі біr шахар бар турур* 'на востоке есть один город' (23а).

bіr входит также в состав устойчивых сочетаний, выражающих взаимонаправленность действия, см. БН: *біr біріні* 'один другого, друг друга' (5), *біrі бірігі* 'один из них другому' (24); НМ: *біr бірімізгі* 'мы друг другу' (1266), *біr біріміз біла* 'мы друг с другом' (1286).

При отрицании *bіr* выполняет функции усилительного члена, см. БН: *вілайатідін біr дірам ва біr дінәр анің бәзукуғи харј болмас әді* 'в его вилайете без его ведома не расходовался ни один дирхем, ни один динар' (32).

Неопределенные количественные числительные: *көп*, *калін*, *үкүш*, *бісжар*, *бәхад*, *жәлі* 'много', 'очень', *бірнімд*, *кач*, *аз* 'мало', 'немного', см. БН: *бәхад сәміз* 'очень жирный' (3), *көп жүп* 'очень хороший' (4), *жәлі жаҳші* 'очень хороший' (7).

Неопределенные числительные не присоединяют к себе аффиксов словообразования.

Порядковые числительные

Порядковые числительные образуются при помощи аффикса *-інчі ~ -інчі*, ср.: *бірінчі* 'первый', *ік(к)інчі* 'второй', *үчүнчі* 'третий', *төртүнчі* 'четвертый', *бәшиңчі* 'пятый', *алтінчі* 'шестой',

jət(m)інчі 'седьмой', *сәк(к)ізінчі* 'восьмой', *tok(k)узунчі ~ tok-(k)узінчі* 'девятый', *онунчі* 'десятый', *ортанчі* 'средний'. См. также Абушқа: *үчүнч* (94); Сан: *төртүнч* (172а); ШН: *төртінч* (161).

Для порядковых числительных характерны атрибутивные функции.

Собирательные числительные

В староузбекском языке две формы собирательных числительных: на *-(a)ла ~ -(ä)lä ~ -(a)лан ~ -(ä)län* и на *-ав ~ -äv*. Первая из них — уйгуро-огузская, вторая — кыпчакская и карлукская (<*-абу ~ -агү*). Примеры. Абушқа: *ikäjү*, *ikävlä*, *ikävläñ*, *ikkälä(si)*, *ikäv* 'двое' (66), *үчävlä*, *үчälä(si)* 'трое' (93, 94), *төртävlä*, *төртälä(si)*, *төртäv* 'четверо' (206), *бәшävlä*, *бәшälä(si)* 'пятеро' (139, 140), *алтав*, *алтавла* 'шестеро' (30); Б: *біrав* 'некто' (198); см. также БН, 45, 72, 208, 319; НМ, 28а; ТМ, 98а; ШН, 308; Сан: *ikälämіz* 'мы двое', *ikäläñiž* 'вы двое' (1086).

Личное местоимение, раскрывающее содержание собирательных числительных *ikäv*, *үчäv*, при наличии обозначения других лиц ставится в единственном числе, см. БН: *мән ва Мұхаммад(i) көгältаш ikaü (ikäv) көldүк* 'мы пришли вдвоем с Мұхаммедом-кёкельташем' (11).

Собирательные числительные выполняют функции подлежащего, дополнения, определения или appositive члена, ср. НДж: *ва хәр рубайтінік төртäläсi місра'i(ni)* 'и четыре строки каждого руба 'и' (136).

Разделительные числительные

Разделительные числительные образуются при помощи аффикса *-(sh)ар ~ -(sh)är*, ср.: *біrär* 'по одному', *ік(к)іrär*, *іkishär* 'по два', *үchär* 'по три', *төртär* 'по четыре', *бәшär* 'по пяти', *алтішар* 'по шести', *jət(m)ishär* 'по семи', *jigirmishär* 'по двадцати', *jүzär* 'по сто', *алтішар* 'по шестьдесят', *jətimshär* 'по семьдесят'.

Двойственность оформления некоторых разделительных числительных Мехді-хан объясняет так: есть числительные, которые имеют в конце *بای* *حاطی*, например: *iki* (*ikki*) 'два', *alti*

'шесть', *jëtmì* (*jëttmì*) 'семь', *jigirmì* 'двадцать'. Так как огласовка над *ja* „тяжелая“ (جِون حَرَكَتْ بِهَا ثُقِيلَ اسْتَ), то (при образовании дистрибутивных форм) в середину вставляют *и* (и) и произносят: *iKİshär*, *alTishär*, *jëtishär*, *jigirmishär*.¹⁷

Для числительных *bîr* и *iK(k)i* сохраняется старая разделительная форма, с аффиксом *-iñ ~ -iñ*, см. БН: *bîrin bîrin* 'по одному' (12; см. также ЧД, За), *bîrin ikiñ* 'по одному', 'по два' (317).

Разделительные числительные функционируют как обстоятельства.

Обобщенно-утвердительные и обобщенно-отрицательные имена

К данной подгруппе относятся два имени: *bar* 'есть' и *jok* 'нет', морфологическое своеобразие которых заключается в почти полном отсутствии словообразовательных форм в границах имени (только *barlïb* 'присутствие' и *joklub* 'отсутствие', см. Max, 14) и в ограничении словоизменительных возможностей.

И то и другое имя употребляются преимущественно в составе предиката, самостоятельно или со связкой, см. А: *kîlcha jânim bar* '(пока) душа хоть с волосок есть' (43), *s n t k xusn il  x ru p r  jok* 'таких, как ты, по красоте — гурий и пери нет' (106); Б: *m ni  joktur m rad m s nd n ajru* 'у меня нет другого желания, кроме (желания) тебя' (39); Мадж: *ja sh  a sh r  bar* 'есть у него хорошие стихи' (166); Max: *x chnim g  i xt j j m joktur* 'у меня нет нужды ни в чем' (70); Мух: *n y n ch  n  g l  bar* 'нет ни бутона, ни розы' (10); МХ: *barchan  bar k ld  an k  udrat * 'все сформировало его могущество' (2); СҚ: *bu ta ba jana x ch  z kh d barmu* 'на этой горе есть ли еще какой-нибудь отшельник?' (806); ШН: *jok  di* 'не было', *bar  di* 'было' (9); Я: *am a b z i  aram z da x ch n v* 'j nsi-j mat joktur' 'между нами нет никакой родственной связи' (320a).

Случай употребления *bar* и *jok* вне предиката — довольно редки, см. БН: *an k b l  bar k si bar b  l rn  t j sh r jd *

¹⁷ Мабанин Альугат, стр. 92.

'бывшие с ним люди и беки были схвачены' (31); С: *jokt n i k  d n j n  bar  t g j c  ol b ru bar* 'из ничего создавший два мира он един и (воистину) существует' (36); СҚ: *jokt n bar k l p b rn  jok k l ur* 'из ничего делает (нечто) существующее и из (чего-то) существующего — ничто' (59a); ШН: *j n m z b r ch  x dm t k l al * 'будем-ка трудиться, пока существуют наши души' (54).

„Пустые“ имена

В данный грамматический разряд входят имена (так наз. нумеративы), частично или полностью утратившие свое лексическое значение и формы словоизменения и употребляемые обычно при количественных числительных, например:

katla — см. А: *j z katla* 'сто раз' (80); БН: *i k  katla* 'два раза' (44); ДН: *b r katla* 'один раз' (262a); НМ: *i k -j c katla* 'два-три раза' (1966);

martab  — см. БН: *b r martab * 'один раз' (105), *tokuz  martab * 'девять раз' (126);

m k dar — см. БН: *ol m k dar ulub * 'в такой степени большой' (83);

n vbat — см. БН: *n c  n vbat* 'несколько раз' (71);

p r  — см. БН: *j ttm  p r  ka bab s * 'в ней семь городов' (2), *b r p r  j sim l p * 'группа молодцев' (32), *b r p r  j ol* 'часть дороги' (140);

t z  — см. БН: *j c t z  n n * 'три лепешки' (141);

a z  — см. Б: *b r a z  s z * 'одно слово' (10);

j uft — см. ХМ: *ol  j da b r i k  j uft t av s bar  rd * 'в том доме имелись одна-две пары павлинов' (226).

Отлагольные имена

Морфологически отлагольные имена мало чем отличаются от других имен: они могут присоединять к себе падежные аффиксы и сочетаться с показателями принадлежности.

Отличительной чертой отлагольных имен является возможность включения в их структуру аффикса отрицания *-ma ~ -m *, см. Б: *ko m z m d r  t z i n * 'не отпушу твой подол', *bar m z m d r  st n i d n * 'не уйду от твоего порога' (55); Л: *va f  k l *

масмусан сён 'не будешь ли верна?' (214a); *Мах: дам урмамак кёэрк* 'надо не говорить' (84), *кабілда тәрбіјәт кілмамак үзулмұр* 'способного не воспитывать — зло' (143); *НМ: сён хамрахліб кілмасіңда ант ічтің* 'ты поклялась не быть вместе' (84б), *ман кілмамак* 'не препятствовать' (101a), *кілмамыш болбај* 'не делает' (128a); *РК: кілмамак* 'не делать' (148a); *ХМ: ол ғітірәз кілмазысідур* 'не будет возражать' (13a); *ЧД: тапмазумдур* 'я не найду' (12a), *білмәміш мёскін* 'не знал бедняга' (206), *тапмазумдур* 'не найду', *тапмазуң* 'не найдешь' (92б); ср. также у Мехдій-хана, *МЛ: алмазум* 'не возьму', *кәлмәгүм* 'не приду' (15), *үжанмазбур* 'не просыпающийся' (= بیدار نہیں)، *тінмазбур* ' тот, который не успокаивается' (19), *көрмәгүң* и *көргүң jok* 'не увидишь' (61).

Однако эту особенность не следует рассматривать целиком как проявление определенных типологических свойств отлагольных имен как таковых. Последние образуются от глагольных основ, и способность их выступать с аффиксом *-ма ~ -мә* находится в непосредственной связи со словообразовательными возможностями этих основ. Точно такой же характер носит включение в состав отлагольных имен "залоговых показателей".

Более существенным для отдельных типов рассматриваемых имен является наличие возможности предикативного употребления без связи и вообще преимущественное использование их в качестве именной части сказуемого. Данная особенность является источником грамматической трансформации некоторых отлагольных имен, т. е. фактором, способствующим переходу их из одного грамматического класса в другой, а именно в класс глагола.

Учет особенностей употребления и анализ морфологической структуры отлагольных имен позволяет разделить их на две большие группы: субстантивные отлагольные имена и причастия.

Различия между теми и другими не всегда прозрачны и очевидны, поэтому и сформулировать правило, устанавливающее четкие границы между указанными двумя группами, довольно трудно. Причастия чаще, чем отлагольные имена, выступают в атрибутивной функции и в качестве предиката, в большей

степени, чем последние, подвергаются вербализации. Таким образом, находясь на периферии имени, причастия тяготеют к глаголу. Напротив, субстантивные отлагольные имена, выполняя разные синтаксические функции, обнаруживают тенденцию сблизиться с другими именами и прежде всего с существительными.

Имеются и некоторые частные особенности, разделяющие субстантивные отлагольные имена и причастия. Так, например, первые относительно свободно сочетаются с модальной частицей *кёэрк* 'надо', у последних возможность подобных сочетаний ограничена до предела.

Субстантивные отлагольные имена

К числу субстантивных отлагольных имен относятся формы, образуемые при помощи аффиксов *-(i)ш ~ -(i)ш*, *-мак ~ -мәк*, *(y)нч ~ -(y)нч* и *-(y)в ~ -(y)в*.

Отлагольное имя на *-(i)ш ~ -(i)ш*. Примеры. *БН: жүйрүшшәд забұнракдур* 'в беге он слабоват' (358), *буларнің аліші ва бәріші* 'обмен этих' (286); *МХ: дам урушің жол жүрүші* 'его словопрения, походка' (13); *ТМ: ол жүрішкә барді* 'он отправился в поход' (103a); *ШН: көрүп шл качишін* 'видя бегство людей' (65), *хан кәлішідін бурна* 'перед приходом хана' (78), *кәліши* 'его приход' (181), *көрүніш* 'видение', 'встреча' (192), *аларнің кәлішіні көрдүм* 'я видел их приход' (208), *уруш* 'сражение' (201).

Рассматриваемая форма встречается главным образом в текстах, обнаруживающих следы кыпчакского влияния. Количество случаев ее употребления ограничено.

Сюда же необходимо отнести и аналогичные образования персидского языка, в которых природа аффиксального элемента не ясна, см. *Мах: навәзіш* 'ласка', 'лелеяние' (10), *варәїш* 'действие' (44), *намәjіш* 'показ' (58); *Мұх: арәjіш* 'украшение' (2), *ғүзәріш* 'проведение', 'толкование' (2); *СҚ: асаjіш* 'спокойствие' (39a), *азмаjіш* 'проверка', 'испытание' (39a), *нәліш* 'стоны', 'жалобные звуки' (40a).

Отлагольное имя на *-мак ~ -мәк*. При первом взгляде на грамматические особенности формы типа *бармак* ее трудно

отличить от других отглагольных имен, ср. Б: *յёрги баш чалмак bilä* 'с преклонением головы' (41), *тиргүзмак ўчүн* 'для оживления' (47), *йўламазбїн Бабёр бу ёлга дурур кўлгў* 'о Бабур, твой плач — утеша для этих людей' (66); Л (А. 109): '*ашїк ёлтўрмак фаніда барчадїн устадсан* 'в науке убийства влюбленных ты более ловкая, чем все (другие)' (188); М: *су йчмак ўчүн* 'для того, чтобы пить воду' (28); Маҳ: *бабї кўждўрмакдїн ғамї jok* 'нет ему печали от того, что сжигают сад' (23), *оңај алїп абїр сатмак анїқ максўдї* 'дешево купить, дорого прощать — его цель' (42), *иҷмак ва јёмак ва уйкуба ҳурсанд* 'рад попить, поесть, и спать' (58), *бїшкармабїнча* 'до того, как созреет' (163); НМ: *бїтімак кўрәк* 'надо писать' (22а), *յёмакка машбул болдум* 'я принял есть' (1176), *алтмїш ёлдур кё иман кёлтўрмактадурман* '(уже) шестьдесят лет, как я верую' (200а); РҚ: *кўймак кўрәк* 'надо хоронить' (159а); СҚ: *халажїкни тиригўзмак тилагай* 'пожелает оживить людей' (176), *ачлїк билә халак кїлмак кўрәк* 'надо погубить голодом' (646); ЧД: *истарим качмак* 'хочу бежать' (376); ШН: *кїчкїрїшмакларї* 'их взаимные крики' (198).

Форма местного падежа от глагольного имени на *-mak ~ -mäk* становится обособленным образованием и передает длительность действия, см. БН: ...*баъзї чўкмакта ёдилар* 'некоторые выходили...' (12); ДН: *мён ёмди ҳастају ғам артмакда ҳајалїн алїда ѫн тартмакда* 'теперь усиливаются моя болезнь и печаль, и я мучаюсь, думая о тебе' (257а).

С глаголом *бол-* форма на *-mak ~ -mäk* выражает намерение, см. БН: *бизга кошулмак болдї* 'он решил присоединиться к нам' (147).

Случаи самостоятельного предикативного употребления данной формы, о которых говорит Мехдий-хан, являются исключениями, ср.: *алмабїм* 'я взял (букв.: мое взятие)', *кёлмәгим* 'я пришел (букв.: мой приход)'.

Отглагольное имя на *-унч ~ -үнч*. Этот тип отглагольного имени не продуктивен и охватывает несколько форм, см. Сан: *ўркўнч* 'страх' (71а), *ўкўнч* 'раскаяние' (80а), *уманич* 'надежда' (866), *їнанч* 'вера' (1176), *сағинч* 'дума' (2326), *сўкўнч* 'ругательство', 'брать' (2456), *коркунч* 'страх' (286а); ҲШ: *сўвінч* 'радость' (2а), *кїсканч* 'зависть' (26), *їшанч* 'вера' (66).

Отглагольное имя на *-у(в)*. Нам известно лишь несколько случаев употребления отглагольного имени на *-у(в)* в текстах староузбекского языка, см. БН: *јасав* 'строй' (86, 109); ШН: *ондїн іккї кїши болдї саклав* 'из десяти два человека были на страже' (199).

Причастия

В староузбекском языке шесть причастных форм: на *-(a)p ~ -(i)p*, *-мїш ~ -мїш*, *-бан ~ -гән*, *-абан ~ -аган*, *-бу ~ -үй*, *-бур ~ -үр*.

Причастие на *-(a)p ~ -(i)p...-(y)p ~ -(ij)p* выражает настояще-будущее время и употребляется преимущественно в составе предиката. Примеры. Б: *кїчкїруман* 'кричу' (4), *шл бирла ічарсан бадан* 'будешь пить вино с народом' (9), *кўрмасман* 'не вижу' (33), *бїлурман* 'знаю' (88), *бїлурмусан* 'знаешь ли ты?' (116); М: *нё ўчун ўйларсан* 'почему плачешь?' (14), *нё ўчун мундак кўлурсан* 'почему так делаешь?' (4); Маҳ: *кїши ала алмас* 'человек не может взять' (17), *масjid сарї башкарур* 'поведет в сторону мечети' (34), *дэхкан кё данда сачар* 'дехканин тот, кто сеет зерно' (46), *сён нўчиқ дам урмассан* 'ты почему молчишь?' (98), *арпа ғамин ёмассан* 'о ячмене не будешь заботиться' (169); СҚ: *алурбїз* 'возьмем' (21а), *саклаурман* 'стерегу' (119а); Э: *вағлиқ тиларман* 'хочу встречи с тобой' (9).

Причастие на *-(a)p* выступает также в сочетании со вспомогательным глаголом *эр-* 'быть' (так наз. прошедшее продолженное) в видо-временном и модальных значениях, см. Б: *кётар эрдим* 'я удалялся' (4), *саҳлар ёміш* 'оказывается, бережет' (90); Маҳ: *көргўзур эрди* 'он показывал' (66), *сорарлар эрди* 'они спрашивали' (87); СҚ: *тўш көрар эрдилар* 'они видели сон' (За), *тилажур эрди* 'он искал, желал' (55а), *таки көрар ким ёшаги ёлип сўнгаклари кувармийш* 'и видит: осел его издох, кости высохли' (74б), *ёвига барур эркян* 'когда он направился в свой дом' (93а); ҲМ: *бу шаррин окуйур ёди* 'он читал свои стихи' (13б); ШН: *от ҳам анча ёмас эрди ўссиб* 'огонь также не был такой уж горячий' (85). При этом вспомогательный глагол иногда сливаются с причастием, ср. ТМ: *յўрўрди* 'он ходил' (<*յўрўр эрди*; 99а).

Употребление причастия на *-ар* в качестве подлежащего и дополнения связано с присоединением к нему различных падежных аффиксов, см. Б: *дэвани болурба нэ калиттур* 'что осталось, чтобы стать безумцем?' (31), *бilmäskä öziné нэ салиттур* 'что прикидывается неведающей?' (31), *bistar-i räxat tilärni koj* 'оставь желание подушки удовольствия' (50); *Maχ: jëtmäsdin бурун* 'прежде, чем достигнет' (22), *алурда кätänni böz dëp сатарда böz vaçfiда кätändin артуз сөз dëp* 'покупая (при купле) называет полотно бязью, при продаже бязь расхваливает больше, чем полотно' (42), *барурба мукаррар болбай* 'будет решено идти' (53), *çarf kïlurin bilmädi* 'он не знал, как расходовать' (122); М: *намаэ айтурда* 'при чтении намаза' (30); СҚ: *кэзип jürürda* 'в бродяжничестве' (80б); ТМ: *üntikäm тартардин* 'ајиэ ёрди 'он был слаб, чтобы отомстить' (93а).

Причастие на *-ар* может сочетаться с аффиксами, выражающими принадлежность, ср. Б: *барурумда ixtijärüm jokturr* 'желания идти у меня нет' (237); *Maχ: bu kün aħšāmħaca nэ болурт ma'lym ēmäc* 'что будет (с этим) сегодня до вечера, неизвестно' (128); ШН: *jok məniħ xħč bu jħordin kätärim* 'никуда я не уйду отсюда' (203).

Нередко причастие на *-ар* выступает в составе определенных сочетаний, ср. *Maχ: айтур сөзни айт* 'слово, которое можно сказать, говори' (163); ШН: *уруш äjlär kišimiz* 'наши сражающиеся люди' (70).

В сочетании с глаголом *бол-* причастие на *-(a)r* выражает намерение или расположение совершить действие, см. ШН: *атланур болдї* 'он собрался отправиться' (96).

От причастия на *-(a)r* образуется личная глагольная форма настоящего времени, полностью выпадающая из разряда имени, см. Б: *ištäram* 'хочу' (11), *cöñä mən kïluram kyllyk* 'я благодарю тебя' (265); Л (А. 109): *cvääräm* 'люблю' (15), *farjäd* 'взываю о помощи' (27), *jüblaram* 'плаку' (43), *jän bärüräm* 'душу отдаю' (78); ЧД: *korkaram* 'боюсь' (66), *äjläram* '(с)делаю' (32а), *ištäram* 'хочу' (37б); ШН: *bilüräm* 'знаю' (12), *tiläräm* 'желаю' (75).

Эта форма, однако, не получила широкого распространения, и в староузбекском языке она занимает довольно обособленное положение.

Отрицательное причастие настоящего будущего времени образуется при помощи аффикса *-mas ~ -mäc* (*-mä-c; c < z ~ p*). Отрицательная форма при наличии местоименного окончания получает иногда дополнительный предикативный элемент *-дур*, см. ШН: *jibärämäsdurbiz* 'не пошлем' (179).

Соответствующая форма, образованная от вспомогательного глагола *ð(r)-*, становится своеобразным отрицательным членом, см. Б: *бу нав' iš iš ēmäsdur* 'такое дело — не дело' (14); *Maχ: ol ma'lym ēmäc* 'это — неизвестно' (128); ШН: *læk ðl andin ēmästur xħiñud* 'однако народ не довolen им' (93).

Сочетанием положительной и отрицательной форм передается значение неполноденного действия, действия, начинающегося или уже протекающего, но не в полную меру, см. ШН: *kün cikar cikmasda* 'когда солнце едва взошло (букв.: когда солнце всходит — не всходит)' (136).

Причастие на *-mış ~ -mish* имеет перфективное значение и выражает действие, которое для говорящего не очевидно, см. НМ: *döplär kë shäjħniħ bîr mışuk' bar ērmish...* 'говорят, что у шейха была, мол, кошка...' (71б).

Примеры самостоятельного употребления причастия на *-mış ~ -mish* и с местоименной связкой. Б: *karanbu kilmışlar* 'они сделали темным' (17); М: *mən bu çürätmış bilä jaratilmışman* 'я создан с этим лицом' (19); Мадж: *bar ērmish* 'было' (14б), *fäzil kiši ērmish* 'превосходный он был человек' (14б), *mawlaħa bîr xħanda olturnup ērmışläp* 'мавлана сидел в одном помещении' (20а); ШН: *dödī kím Shax-zamān Balx sari kälmiss* 'он сказал, что Шах-заман пришел в Балх' (212).

В сочетании со вспомогательным глаголом *ħr-* 'быть' причастие на *-mış* обозначает действие, происходившее в определенный отрезок прошедшего или давнопрошедшего времени, см. М: *waħħa kilmış ērdi* 'он обещал' (11), *bîr kūrsi īżżi olturniħiħ ērdi* 'он сидел на одном кресле' (11); СҚ: *mən cöñi öltürmiħ ērdim* 'я тебя (некогда) убил' (62а).

Будучи оформлен аффиксами принадлежности, причастие на *-mış* образует со словом *jok* особую предикативную группу, ср. М: ...*xħč köz körmishi jok xħč kylak ēšitħmishi jok* 'глаза совсем не видят, уши совсем не слышат' (26).

Изредка причастие на *-mış* 'сочетается с частицей *käräk*

'надо', см. СҚ: ёмді бу кітабні Тәвріт кітабіңа қатміш кәрәк 'теперь эту книгу надо присоединить к книге Таврит' (1066).

От причастия на *-міш*, как и от предыдущей причастной формы, образуется Verbum finitum, см. Б: *kілмішам тәрк-i ватан* 'я оставил отчество' (42); Л: *олмамішам* 'я не стал', 'меня не стало' (216а); МЛ: *алмішам* 'я взял' = *алмішман*, *алмішаң* 'ты взял' = *алмішсан* (22); ЧД: *маст олмішам* 'я опьянял' (16а). По широте и характеру употребления форма типа *kілмішам* стоит в одном ряду с формой типа *kілурал*.

Особая разновидность причастия на *-міш* ~ *-міш* образуется в результате соединения соответствующей формы от глагола *tур-* с деепричастием на *-а* ~ *-ә*, см. МЛ: *аладурміш* 'берущий', *урадурміш* 'бьющий', *кіладурміш* 'делающий', *көладурміш* 'приходящий' (22, 63).

Причастие на *-бан* ~ *-ған* синонимично причастию на *-міш* ~ *-міш*. Оно употребляется в качестве определения, дополнения или сказуемого как со связкой (именная часть сказуемого), так и без связи, самостоятельно, см. А: *дәғәнләрні дәңгізләр* 'говорите о тех, кто говорит' (64); ДН: *ла'лің сусабан-ларда бакмас* 'твои губы не смотрят на жаждущих' (235а); Б: *бәділ ёкәніміні ёмді білігү'* 'теперь, должно быть, знает, что я страдаю' (31), *барбан сајі* 'по мере того, как идет время' (79); БН: *Акбәкім атлік іккінчи кізіні тој ва айн білә албан* 'вторую его dochь, по имени Акбеким, он взял с празднествами и обрядами' (30); Л: '*аклу јан 'аламіба 'ишк отіні салбансан*' 'в мир разума и души ты забросила огонь любви' (208б); М: *мәнің атімні айтқандін соңра* 'после того, как он сказал мое имя' (30), *көлгәнің күтлук болсун* 'благословен твой приход' (15), *көк капудін саклаңан фәріштә* 'ангел, охраняющий небесные врата' (6); Маҳ: *jіrap kalбандур* 'далеко он остался' (41), *ол сәңә кіждірілдәк біз аңа кіждірәлі* 'подобно тому, как он заставлял тебя одеть, заставим-ка мы одеть его' (168); Мадж: *шә'рі јаман ёмас ёркандур* 'стихи его неплохи были' (15а), *нә јәрлік ёкәні ма'лім болмаді* 'откуда он — не было известно' (44а), *jіirmä јашка jakиң ёкандай* 'когда он приблизился к 20 годам' (100а); РҚ: *яхши аңламаңан соңні айтмаңыл* 'не произноси не понятых хорошо слов' (157а); СҚ: *көргәнім jok*

'я не видел' (9а), *мәнің карнімда ёкандай* 'когда он был в моем чреве' (84а); ШН: *кабал кілбазні 'осада'* (49), *тұтқан-дін соң* 'после того, как он схватил' (142).

Форма на *-бан* от глагола *tур-* в сочетании с деепричастием на *-а* образует особую разновидность причастия, выполняющую только собственно причастные (атрибутивные) функции, см. БН: *барадурбан ёзбәк білә* 'с кочевыми узбеками' (10); Л: *мәні шајдә кіладурбан* 'делающий меня безумцем' (2016); Маҳ: *тәндін чікадурбан јәнбә* 'душе, выходящей из тела' (25), *тітреңдүргән башбә* 'к дрожающей голове' (58); НМ: *барк боладурбан кәмәні* 'тонувшую лодку' (9а); ШН: *шахар җәлін біләтурбан болді* 'он был знающим положение города' (69).

Причастие на *-бан* ~ *-ған* (-*бін* ~ *-кін*), образованное от глагола *ә-*, в ряде случаев употребляется как модальная частица, см. ХМ: *бу дәстән(да) алтміш бәյт бар ёркін* 'в этом дастане шестьдесят байтов (как оказывается)' (61б).

Случай стяжения этой формы вследствие выпадения *б* ~ *ә* в староузбекском языке являются довольно редкими, см. ТН: *аја қөңлијм алан* 'о захватившая мое сердце!' (286а); А: *арі Йұсуфні сәвәнләр* 'полюбившие чистого Юсуфа' (50). Ср. у Мехді-хана: *б* (г) выпадает у тюрок Рума и Ирана, например *алан* 'бравший', *кәлән* 'приходивший'¹⁸

О причастии настоящего длительного на *-абан* ~ *-аган* см. у Мехді-хана. Примеры: *тұтабан* (= دایم گیرنده) 'держащий (постоянно)', *чапабан* (= دایم تازنده) 'бегущий (постоянно)', *урабан* (= دایم زنده) 'бьющий (постоянно)', *күләған* (= دایم خندانه) 'смеющийся (постоянно)'.¹⁹

Причастие на *-бу* ~ *-ѓү* имеет значение будущего времени, с оттенком долженствования.

Самостоятельно и со связкой *дур* (*ур*) ~ *тур* (*ур*) причастие на *-бу* ~ *-ѓү* выполняет преимущественно предикативные функции, причем в качестве предиката оно может оформляться показателями принадлежности всех трех лиц, см. Б: *нә болбусі* 'что будет' (7), *сәндін тіләгүмдур...* 'мое желание от тебя — (иметь)...' (122); М: *хәрнә milасән сәңә бәрғүсі турур* 'все, что

¹⁸ Мабани' л-луғат, стр. 9.

¹⁹ Там же, стр. 28.

пожелаешь, он тебе даст' (11), *ујмакка кіргісі турур* 'он войдет в рай' (14); С: *даңиң нә кілбүсі* 'что сделает в конце концов' (196); НМ: *кім біла сұхбат туткуңдур* 'с кем будешь беседовать' (68а), *кілмаңғұмдур* 'не сделаю' (84а), *мұндін жашшірак кін көрмәйініздур* 'лучше этого дня не увидите' (148а); ЧД: *жан фіда кілбұмдурур* 'принесу в жертву душу' (24а), *ај Навай болмаңғұң андін булар бірлә ҳалас* 'о Навои, не освободишься от того этим' (53б), *тапмаңғұң* 'не найдешь' (92б); ЩН: *бармаңғұмдур* 'не пойду' (203), *бу сарі кәлгісі ол ҳан* сюда должен прийти тот хан' (204).

Будучи оформлено падежными аффиксами, причастие на *-бу* выступает как подлежащее, дополнение или обстоятельство, см. Б: *ақкунча* 'до того, как откроет' (24); Л (А. 109): *сәні тојбұнча көрсүн* 'пусть созерцает тебя до насыщения' (25); Маҳ: *сачкан дәнә көкәрігүнчә* 'до того, как зазеленеет брошенное зерно' (46), *таң аткунча* 'до рассвета' (126); СҚ: *тојбінча жәділәр* 'они ели до насыщения' (53а).

Употребление рассматриваемого причастия в качестве атрибута — довольно редкое явление, см. М: *ја расыл кәлгі чабиң болді* 'о посланник, время твоего прихода наступило' (6).

К формам на *-бу ~ -гү* присоединяется аффикс *-лук ~ -лік*. В сочетании с последним они выражают намерение совершить действие, см. у Мехдій-хана. МЛ: *албулук* = *گرفتنی* 'намеревается взять', *кігілік* = *چوشیدنی* 'намеревается одеться' (57). Ср. также формы на *-дәк* типа *урбұлдәк*, *болбұлдәк*.

Большая группа причастий на *-бу ~ -гү*, подвергшихся полной субстантивации, выделилась из разряда имени действия и перешла в разряд существительного, ср.: *ујку* 'сон', *ічгі* 'питье', *јәгү* 'еда', *күлгі* 'смех'.

Причастие на *-бу ~ -гү*... можно назвать причастием только условно. В староузбекском языке оно является омертвевшим морфологическим образованием и имеет ограниченные синтаксические функции.

Данное причастие выражает, по-видимому, значение настоящего времени, осложненное каким-то модальным оттенком, см. Л: *бу тојмаңғур көзімдә* 'этим моим ненасытным глазам' (174б), *отка түшкүр бу көңілдур* *Лұтфіні ҳор аյләрән* 'это сердце, чтоб ему сгореть, сделало ничтожным Лутфи' (211а); СҚ: *кәлгідәр*

уста 'пришлый мастер' (47б); ЧД: *тінмаңбур жісмім* 'неугомонная моя плоть' (22а). Ср. у Мехдій-хана, МЛ: *чікбұр* 'выходящий', *тінбұр* ' успокаивающийся', *тінмаңбур* 'не успокаивающийся', *ујбанмаңбур* 'не просыпающийся', *учбұр* 'летящий', *әтілір* 'проникающий' (19, 31).

Причастие на *-ајак ~ -әјак* (будущее с оттенком должествования) Мехдій-хан рассматривает как образование, характерное только для „румийских“ и „иранских“ тюрок.²⁰

ГЛАГОЛ

Исходной, или основной, формой глагола, занимающей важное место в системе его словоизменения, является форма, внешне совпадающая со 2-м лицом единственного числа повелительного наклонения, ср.: *бар* 'идти', *бар* 'иди'. Эта форма может быть положительной или отрицательной, ср.: *барма* 'не ходить', *барма* 'не ходи'.

СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ ГЛАГОЛА

От глагольной основы образуются словоизменительные формы полной и неполной вербальности.

К формам полной вербальности, или истинно глагольным формам, относятся формы наклонений: повелительного (предлагательно-желательного), условного, изъявительного.

Группа морфологических образований неполной вербальности состоит из форм соотносительного выражения времени, т. е. из деепричастий прошедшего, настоящего и будущего времен.

В системе словоизменения глагола помимо аффиксов наклонения и так называемого относительного времени присутствуют также показатели, обозначающие лицо и число, вместе или в отдельности. Эти показатели в большинстве случаев являются средствами выражения предикативности и характерны не только для глагола, но и для имени.

Необходимо далее отметить, что изъявительное наклонение реализуется во временных формах, и, таким образом, следует

²⁰ Мабәни' а-луғат, стр. 56.

говорить о наличии в морфологической структуре глагола аффиксов, выражающих некоторые временные значения. В более широком плане, как известно, время выражается причастиями и деепричастиями, выступающими в сочетании с предикативными частицами.

Морфологическая структура глагола, с учетом высказанных выше замечаний, должна быть представлена следующим образом: основа (первичная или вторичная) + аффикс наклонения (включая время) + аффиксы лица и числа, например:

бар + -дї + -м 'я отправился' (форма полной вербальности, изъявительного наклонения, прошедшего времени; 1-е лицо единственного числа),

бар + -а + -ман 'я отправляюсь' (форма неполной вербальности, настоящего времени; 1-е лицо единственного числа),

кіj -дўр + -дї + -м 'я одел, заставил одеться' (форма полной вербальности, изъявительного наклонения, прошедшего времени; 1-е лицо единственного числа).

Формы полной вербальности

Формы повелительного (предлагательно-желательного) наклонения

Повеление в собственном смысле слова может быть обращено только к собеседнику, и поэтому формы повелительного наклонения представлены одним — вторым — лицом.

Форма повелительного наклонения единственного числа не имеет специального оформления, см. Б: *кёр* 'смотри' (1), *коj* 'оставь' (50), *башкар* 'веди', 'направляй' (124), *jёткүр* 'доведи', 'донеси' (198); Мах: *кёлтүрмә* 'не приноси' (163); Мұх: *jىblama* 'не плачь' (10); ЭД: *ал* 'возьми' (1), *бар* 'иди' (4).

Вместе с тем в произведениях Навай и других поэтов в значении повелительного наклонения 2-го лица единственного числа выступает форма на *-у ~ -ү*. Этую форму выделили Тали Херевий, Нацый, составитель словаря Абушка, Мехдий-хан и другие. Тали Херевий рассматривает аффикс *-у ~ -ү* как средство, подкрепляющее требование, по мнению Нацый данный аффикс выражает значение будущего времени (*مستقبل*),²¹ составитель

²¹ См.: Мабани' а-лугат, стр. 36.

Абушка считает его принадлежностью формы повелительного наклонения и переводит *kүткару* = قورتار, *башкару* = بول كوستۇر, *бүткәрү* = بتور.²²

В словаре Абушка и у Мехдий-хана приведены следующие стихи с указанной формой. Из дивана Султана Хусейна:²³

اختاروردا تاپسانك اوں کونکلۇم كە مەجنۇن شىيەدۇر
ھەنیچۈك بولسا عدم صحراسى سارى باشقارو

'Если разыскивая найдешь сердце мое, которое обезумело, что бы ни случилось, веди [его] в пустыню небытия'.

قايقاروردا واقف اولونك كىيم يانا قايتىماسون
تىينكىرى اوچجون ناتوان كونكلىمنى اندىن قوتقارو

'При возвращении будь в курсе дел, чтобы она снова не вернулась, ради бога освободи от нее мое немощное сердце'.

ايستابان كېلىسا يانا كوكسوم شكافىئن تاپماگاي
وھ كە بىر مەرمۇم قويوب اوں چاك كوكسوم بوتكارو

'Если разыскав придет снова, отверстия [для входа] в моей груди не найдет. Увы! Наложи пластырь и покончи с тем отверстием в моей груди'.

Из произведений Навай:²⁴

اي صبا اواره كونگلۇم ايستايىو ھەيان بارو
وادى و تاغ و بىبابان لارنى بىر بىر اختارو

'О блуждающее сердце мое, иди и ходи повсюду, обыщи все: и долины, и горы, и пустыни'.

تاپاکور آنى چو تاپسانگ ھەقايىان عازم ايسا
باشىنە ايورول قويون دىك داھى آلداب قايتارو

²² Абушка, стр. 130, 145, 336.

²³ Там же, стр. 130, 145, 336.

²⁴ Мабани' а-лугат, стр. 36.

'Смотри найди ее, а как только найдешь, куда бы
ни пошла,
над головой ее вращайся, подобно вихрю, и обманув
верни'.

Характерно, что форма повелительного наклонения 2-го лица единственного числа с дополнительным *-у ~ -й* образуется от основ, оканчивающихся на *r*, ср.: *бару* 'иди', *ахтару* 'иди', *ёткәрү* 'проводи', *башкару* 'веди', *бүткәрү* 'кончай', *кајтару* 'возвращай' и т. д. Это обстоятельство отмечает, в частности, Мехдий-хан.²⁵ От основы с конечным *r* образуется также форма повелительного наклонения 2-го лица единственного числа на *-ї* — *барї* 'иди', зафиксированная в словаре Абушқа.²⁶

Возможность растяжения основ, оканчивающихся на *r*, при помощи дополнительного гласного не является чем-то неожиданным. Достаточно вспомнить о факультативном проявлении конечного гласного в таких глагольных основах, как *сора-* (~ *сора-*) 'спрашивать', *jýr-* (~ *jýrä-*) 'идти' и др. Правда, в последних примерах присутствие конечного гласного никак не связано ни с характером текстов, ни с позиционными условиями, тогда как *бару*, *ахтару*, *ёткәрү* и т. д., в значении повелительного наклонения, встречаются лишь в поэтических текстах и только в конце стихотворной строки. В связи с этим можно высказать предположение, что в данном случае растяжение основ обусловлено требованиями просодии, количественного метра, что для староузбекской поэзии — обычное явление.

В отдельных случаях мы, очевидно, имеем дело не с особой разновидностью повелительного наклонения, а с архаической деепричастной формой.

Особая форма повелительного наклонения 2-го лица единственного числа — так называемый категорический императив — образуется при помощи аффикса *-бїл ~ -il*, см. Б: *ярлїб ётгїл* 'прояви милость' (24), *тұткїл* 'держи' (25), *айләзил* 'сделай' (29), *унутмаңїл* 'не забудь' (65), *сөрбїл* 'спроси' (137), *кәлзил* 'приди' (200); М: *болбїл* 'будь', 'стань' (9), *барбїл* 'иди' (21); Мах: *аңлаңїл* 'раз-

²⁵ Там же, стр. 36.

²⁶ Абушқа, стр. 127.

умей' (137); РК: *кајбурмаңїл* 'не печалься' (1426), *сакінбїл* 'думай' (1536), *ајтмаңїл* 'не говори' (157а); С: *јашаңїл* 'живи' (31а); СҚ: *жабар кїлбїл* 'поведай' (26), *сіңүргїл* 'введи', 'впитай' (776); ЧД: *кутулбїл* 'освободись' (216), *јұтмаңїл* 'не глотай' (236), *цикбїл* 'выходи' (716); ШН: *бәрпїл* 'дай' (70), *отурбїл* 'посиди' (114), *көрпїл* 'посмотри' (184), *копбїл* 'поднимись', 'встань' (192).

Вторая форма категорического императива — типа *барбїн* — в текстах XIV—XVI вв. встречается очень редко. Употребление ее имеет место в Та'ашшуқ-наме, в сочинениях Эмйрӣ, Бабура и некоторых других авторов, см. БН: *раст айткїн* 'говори правду' (144), *анї алїп кәлгїн* 'приведи его' (145); ДН: *ајаң баскїн* 'стань ногой' (260б), *гәрм кїлбїн* 'согрей', *барбїн* 'пойди', *цикарбїн* 'извлеки' (262а); ТН: *кїлбїн* 'делай', *јараңбїн* 'будь полезным' (2776); Э: *бајаң кїлбїн* 'поведай' (322б), *рәзї болбїн* 'согласись' (333б). Мехдий-хан указывает, что аффикс *-бїн ~ -иң* вместо *-бїл ~ -il* используют "узбеки", т. е. представители кочевых племен (см.: Санглайх, стр. 86). Можно предположить, что длительное время данная форма была распространена только на севере, в Приаралье, и что ее проникновение в староузбекский литературный язык первоначально происходило книжным путем, через золотоордынскую литературу и произведения некоторых хорезмийских авторов — таких, как, например, Мухаммед Салих.

Форму повелительного наклонения множественного числа образует аффикс *-(i)ң ~ -(i)н*, см. Б: *көрүң* 'смотрите' (10), *кәттүрмәң* 'не приносите' (222); НМ: *өргәнің* 'учитесь' (31а), *олтуруң* 'сидите' (71б), *окуң* 'читайте' (206б); РК: *кәлтүрүң* 'принесите' (138б); ШН: *саңр кїлң* 'терпите', *којун* 'оставьте' (39). Аналогичное значение имеет аффикс *-їңіз ~ -иңіз*, который неоднократно служит также средством выражения почтительного отношения к одному или нескольким лицам, см. М: *шаштіңіз* 'слушайте' (3), *кіліңіз* 'делайте' (5); МХ: *сөндүрмәңіз* 'не гасите' (11); РК: *кәсмәңіз* 'не режьте' (159б); СҚ: *бітіңіз* 'пишите' (8а), *кіліңіз* 'делайте' (9а), *үйданіңіз* 'пробуждайтесь' (43б), *јәңіз* 'ешьте' (52б), *кәлтүрүңіз* 'приведите' (53а), *уруңуз* 'бейте' (97а); ШН: *көрүңіз* 'смотрите' (133), *којунуз* 'оставьте' (146), *болуңуз* 'будьте', 'станьте' (210).

Присоединение к формам множественного числа аффикса *-лар* ~ *-läp* делает обращение несколько фамильярным (для формы на *-иң* ~ *-иң*) или, наоборот, подчеркнуто вежливым (для формы на *-иңіз* ~ *-иңіз*). Примеры. А: *дәңізлар* 'говорите', *öltürmäңізлар* 'не убивайте' (64); БМ: *копуңлар* 'вставайте' (131), *катілмаңіз* 'не присоединяйтесь' (136), *бам жемдәңіз* 'не беспокойтесь' (144). При этом формы типа *баріңізлар* 'идите' для староузбекского языка являются не совсем обычными, тем более, что используются они довольно редко и преимущественно в поэтических текстах, где необходимость расширения созвучий рифмующейся части стиха приводит к ослаблению общепринятой нормы.

Употребление форм повелительного наклонения 2-го лица для других лиц и, в частности, для 1-го лица, наблюдается очень редко, см. СК: *jýrýjñ Mäkkägä barałi* 'пошли, отправимтесь-ка в Мекку' (21а).

Предлагательно-желательное наклонение представлено формами 1-го и 3-го лица единственного и множественного числа, которые образуют с рассмотренными выше формами полную парадигму спряжения.

Аффикс 1-го лица единственного числа предлагательно-желательного наклонения — *-aj* ~ *-äj* или *-ajñ* ~ *-äjñ*, см. А: *bakaјñ* 'посмотрю-ка' (130); Б: *köräj* 'увижу-ка' (46); М: *barakka mihäjñ* 'сиду-ка на верховое животное' (2), *xikäjat kïlaјñ* 'расскажу-ка' (3), *körgezäjñ* 'покажу-ка' (11); ШН: *axtaraјñ* 'поишу-ка' (212).

Наличие двух вариантов аффикса 1-го лица не связано с выражением каких-либо дополнительных оттенков и не обусловлено различием структурно-фонетических данных. Нестяженный, полный вариант является более древним, сокращенная форма — относительно позднее образование, которое в современном узбекском языке становится господствующим.

Третий вариант формы предлагательно-желательного наклонения 1-го лица единственного числа для староузбекского языка не типичен, см. БН: *köräjim* 'посмотрю-ка' (144).

Аффикс 1-го лица множественного числа — *-(a)lî* ~ *-(a)li*, см. Мах: *kïlalî* 'сделаем-ка', *алалî* 'возьмем-ка', *kïjdüräli* 'оденем-ка' (168); СК: *içali* 'выпьем-ка' (40а), *болалî* 'станем-ка' (52а);

ШН: *kïçäli* 'перейдем-ка' (127), *kïlmülpäli* 'приведем-ка' (160); Я: *tashalalî* 'бросим-ка' (3206). Встречаются также формы предлагаально-желательного наклонения 1-го лица множественного числа, образованные при помощи аффиксов *-(j)lik* и *-alîñ*, см. БН: *kïrashäliñ* 'давай-ка поборемся' (26), *jýrylüñ* 'пойдем-ка' (70), *rübärlüñ* 'балалîñ' 'станем-ка лицом к лицу' (115), *jyläshäliñ* 'поделим-ка' (133), *kïltüräliñ* 'доставим-ка' (138); ШН: *körä(j)lik* 'увидим-ка' (160), *kïlalñ* 'сделаем-ка' (160). Первая форма — новейшая (в пределах рассматриваемого периода), получившая широкое распространение в современном узбекском языке, вторая, напротив, очень древняя, известная главным образом из восточнотуркестанских текстов XI—XIII вв. В сочинении Мехдий-хана использование второй формы (на *-alîñ* ~ *-äliñ*) приписывается „туркам Турана“ (см.: Санглых, стр. 13а). В связи с этим непонятны причины ее преобладания в тексте Бабур-наме, в котором встречается еще одна форма предлагательно-желательного наклонения 1-го лица единственного числа, см. БН: *sëñä bïräjik* 'дадим-ка тебе' (132). Возможно, что такое обилие однотипных форм объясняется отражением языковых особенностей переписчиков.

Формы предлагательно-желательного наклонения 1-го лица единственного и множественного числа образуются также при помощи аффиксов *-baјim* ~ *-gäjim*, *-baјñ* ~ *-gäjñ* (ед. ч.), *-balim* ~ *-gälim*, *-balñ* ~ *-gälin*, *-balî* ~ *-gäli* (мн. ч.), которые выступают преимущественно в памятниках золотоордынского цикла, см. МН: *başlaðaјñ* 'начну-ка' (162а); ХШ: *kïzlägäjñ* 'спрячу-ка' (186), *jägälim* 'поедим-ка' (296) и т. д.

Форму 3-го лица единственного числа образует аффикс *-сун* ~ *-sүн*. Примеры. Б: *bolmasun* 'пусть не будет' (7), *kölcüñ* 'пусть придет' (18), *körmäsüñ* 'пусть не видит' (27), *küjlürmäsüñ* 'пусть не сожжет' (46); Мах: *kïltürmäsüñ* 'пусть не приносит' (14); ЧД: *öltyrsüñ* 'пусть убьет' (7а), *däşüñ* 'пусть скажет' (47б); ШН: *kïlsun* 'пусть сделает' (43), *kabasun* 'пусть осадит' (52), *jasansun* 'пусть снарядится' (55), *dämäsüñ* 'пусть не говорит' (75), *tursun* 'пусть стоит' (94), ача *bïrsüñ* 'пусть откроет' (116), *jýrysüñ* 'пусть идет' (156), *barsun* 'пусть идет' (155), *cavutsun* 'пусть охладит', *tutcsun* 'пусть держит' (188), *okusun* 'пусть читает' (194), *jïbülsun* 'пусть соберутся' (198), *oltyrsun*

'пусть сидит' (199). В сочинении Құтба встречается разновидность этого аффикса без конечного *n*, см. ҲШ: *kälcү* 'пусть придет' (16), *болсу* 'пусть будет' (96).

В 3-м лице множественного числа к аффиксу *-сүн ~ -сүн* присоединяется аффикс *-лар ~ -läp*. Часто значение множественного числа выражается формой на *-сүн ~ -сүн* и без дополнительного оформления.

Мехдій-хан утверждает, что параллельно аффиксу *-сүн ~ -сүн* форму предлогательно-желательного наклонения 3-го лица образует аффикс *-дәк* (~*-дәк ~ -дік?*), ср.: *олдәк* 'пусть будет', *сөрдәк* 'пусть спросит'.

Примеры, которые приводит Мехдій-хан, почерпнуты из произведений Навай; у других классиков староузбекской литературы подобная форма, насколько нам известно, не встречается, ср.:

*тәлбә көңілімні Навай әзбет äjläj алмадїн
әмді чәк андін ölik хәр сарї барса бардәк* (جاریک).

'Свое обезумевшее сердце, Навои, ты не смог обуздать, теперь сними с него руку, пусть идет, куда хочет'.

*ај Навай тиләнән зухд-у ғаләх
көзі-ју көңліні хәм асрәдәк* (سیدادیک).

'О Навои, пожелавший праведности и благочестия, пусть побережет свои глаза и сердце'.

*шам-и хіјранім віçал ахліба бәхад këskadur
аңи сөрдәкләр (سورىكلار) Навай дідә-ји ғірјанідін.*

'Вечер моей разлуки для тех, кто вместе, — очень короткий, [но] пусть спросят об этом [лучше] у плачущих глаз Навои'.

*ватанда жаңип ҳалк асуда dıl
барї біздін олдәкләр (ولدکلار) амма баҳäll.*

'Вернувшись на родину, народ пребывает в спокойствии, однако пусть все получат от нас разрешение'.²⁷

*асрәдәк хіфзіда дайм аң
Пусть постоянно хранит его у себя (в памяти?).]*

²⁷ См.: Мабани' л-лугат, стр. 38.

кім кә көңлін істәмәс үамын тіліні асрәдәк
'Кто не хочет опечалить свое сердце, пусть придер-
живает свой язык'.

ölcä Навай җәдәк кой imläpi сөңәкін
'Если Навои умрет, пусть дворняжки обгладывают
его кости'.

мунда турдәк бір мәкдар мулхазә кілалї
'Пусть стоит здесь, подумаем-ка немного'.²⁸

Сомнительно, чтобы в значении форманта предлогательно-желательного наклонения выступал сам по себе аффикс *-дәк* (~*-дәк*), образующий обычно уподобительную форму. Поэтому хотелось бы думать, что в данном случае мы имеем дело с совершенно особым морфологическим элементом, имеющим в огласовке фатху или кесру (*-дәк*, *-дәк* или *-дік*). Именно так поступают К. Менгес и К. Броккельман, выделяющие новый аффикс *-дік*.

Какова же природа этого ранее неизвестного аффикса? К. Менгес высказывает предположение, что *dik* является аффиксом отглагольного имени с показателем принадлежности 3-го лица, а *к* восходит к частице *öк*.²⁹ Такой путь развития *-дік* нам кажется, однако, маловероятным, так как выделяемая К. Менгесом исходная форма *бардә-ök* 'он пошел же' в семантическом отношении очень далека от искомой формы, ср.: *бардік* (*бардәк*) 'пусть пойдет'. К. Броккельман пытался возвести *-дік* к наречию *dik* (~*mik*), ср.: *dik турдї* 'он прямо стал'.³⁰ Трудно принять и этот вариант этимологического объяснения *-дік*, который предложен без учета семантического своеобразия рассматриваемой формы и особенностей синтагматического распределения наречий.

Таким образом выделение аффикса *-дік* и квалификация его как особого морфологического показателя пока не являются достаточно убедительными.

²⁸ См.: С. Муталибов. Морфология ва лексика тарихидан қисқаша очерк, б. 80.

²⁹ См.: K. H. Menges. Das Čaγatajische in der persischen Darstellung von Mīrzā Mahdī Xān, S. 684.

³⁰ C. Brockelmann. Osttürkische Grammatik, S. 225.

Принимая во внимание то обстоятельство, что аффикс *-дәк* (-дә́к), так же как и аффикс уподобительной формы, не подчиняется закону гармонии гласных, мы склонны считать, что в составе формы предлагательно-желательного наклонения 3-го лица у Навәй выступает уподобительный аффикс-последог (отглагольное имя от *дә́* 'говорить'), ср. русск.: *иди мол, смотри мол*, и что сам факт употребления его в таком необычном сочетании относится к чисто индивидуальным особенностям языка Навәй, не выводимым из норм староузбекского языка в целом.

Собственное значение форм предлагательно-желательного наклонения может существенно изменяться в зависимости от особенностей контекста. Так, при наличии препозитивно расположенных вопросительных местоимений или наречий, иногда сливающихся с глаголом, указанные формы приобретают оттенок неопределенности, ср. Б: *нә кілајін* 'что поделаю?' (3), *нәтәј*, *нәтәјін* 'что поделаю?' (19), *нәчүк жан ётәјін* 'как смогу жить?' (23), *нәjlәjіn* 'что поделаю?' (43); БН: *нә кілсун* 'что поделает?' (51), *сіздін нә жашураjіn* 'что я скрою от вас?' (143); МХ: *pіr дәді кәфшні кім сакласун кім аjaбіn* *кәфш bіlә баblasun* 'старец сказал: кто будет беречь чувяки, кто будет надевать на его ноги?' (23), *карні ачіp нә jесін оl* *намурәd* 'проголодавшись, что будет есть тот неудачник?' (23); ШН: *нәtәli* 'что поделаем?' (35). В сочетании с деепричастием *дәp* или с относительным союзом *кіm*, в составе придаточного предложения, формы предлагательно-желательного наклонения выражают значение дели, см. Б: *тұттум сачің jүzіn көрәj* *дәp* 'я схватил ее (за) волосы, чтобы увидеть лицо' (46); Мұх: *cәkіjа тут бада kіm біr лаҳзә özүмдіn бараj, шарт бу kіm xәрнәчә тұтсаң лабә-лаб cіpкаraj* 'эй, виночерпий, держи вино, чтобы от него хоть на мгновение забыться; уговор таков, что сколько бы ты ни держал, все осушу' (8); СҚ: *bіr мундаb iш kіlсun kіm біz takі уjатлїb болмалї³¹* 'пусть сделают одно такое дело, чтобы нам не было стыдно' (886).

³¹ С этой формой не следует смешивать формы типа *алмалі* 'он намерен взять', *кәlмәli* 'он намерен прийти', употребляющиеся, как отмечает Мехди-хан, «у тюрок Рума». См.: Мабани' а-углат, стр. 17.

Форма условного наклонения

Аффикс, образующий форму условного наклонения, — *-са ~ -са-*.

Форма условного наклонения изменяется по лицам:

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л. <i>-саm ~ -сам</i>	<i>-саk ~ -сак</i>
2-е " <i>-саң ~ -сәң</i>	<i>-саңiз ~ -сәңiз</i>
3-е " <i>-са ~ -са</i>	<i>-са(лар) ~ -са(lär)</i>

Данная форма выражает условие, при котором действие может или не может совершиться, см. Б: *gәr бәrmäsa* 'если не даст' (10), *iсtäcäñiž* 'если захотите' (25), *ajaбіn öpsäm* 'если поделю ее ноги' (55), *mutavajjix оlса* 'если он направится' (122), *näz ägär kіlсаң* 'если будешь кокетничать' (197), *öshit-säm* 'если услышу' (201), *içsäm* 'если выпью' (222); Маx: *oл бәrsä* 'если он даст' (17); С: *kүn тiштä кörsä хусну jämäliç kämälliñi ujbanip ixtiјär ötär öz завалiñi* 'если солнце увидит во сне совершенство твоей красоты, проснувшись, пожелает (снова) зайти (т. е. уснуть)' (25б); СҚ: *cабур kіlu bilip örsäң* 'если ты сможешь вытерпеть' (83а); ШН: *кабаса xäm кабасун* 'если будет осаждать, пусть осаждает' (52); ЧД: *ахл юлукса маst-lübdin танiман* 'если встретятся люди, из-за опьянения не узнаю' (89б).

Изредка, при наличии в главном предложении сочетаний типа *баrap ўрдi*, *бармас ўрдi*, *барбаj ўрдi*, *бармаbaj ўрдi* в функции сказуемого, форма условного наклонения выражает нереальное условие, см. Б: *бәmәhr дәса* *el сәni mәn бүтмäс ѫдiм* 'если бы люди говорили, что ты без любви (т. е. лишина способности любить), я бы не поверил' (245). Чаще же такое значение выражается сочетанием условной формы и вспомогательного глагола *ўр-* в прошедшем времени, см. Б: *аңласам ўрдi мунча достлар jардiн ajгirlmas ѫдiм ölgүnчä* 'если бы я понимал, от стольких друзей и возлюбленной не отлучался бы до смерти' (33); НМ: *сәni milämas болсам ўрдi ўjumga kojmas ѫrdim* 'если бы я не хотел тебя, не пускал бы в свой дом' (52б); ХМ: *bіr kishidin сораb kіlsa ўрдi ajтур ўrdilär kіm...* 'если бы спросил он у одного человека, тот сказал бы, что...' (26а);

ШН: кәлмәсәң әрді барур әрдүк біз 'если бы ты не пришел, мы отправились бы [сами]' (130).

Самостоятельно, в качестве сказуемого главного предложения, данная форма выражает желание, намерение совершить действие, см. БН: мәнің сөзімдін чәкмасалар Сінд сујінің ол жүзідә пәдшах кілічін чапсам 'если они не отступят от моих слов, порублю-ка я мечом государя на той стороне реки Синд' (181).

С вопросительными местоимениями и наречиями форма на-
-са передает так называемую абстрактную (неконкретную) ус-
ловность („куда бы ни“, „где бы ни“, „как бы ни“ и т. д.),
см. А: *кёрәрмән хәр қајан баксам тәңізләр* ‘куда ни посмотрю,
вижу моря’ (64), *ајаңүң қанда болса башим анда* ‘где бы ни
были твои ноги, там (всегда) моя голова’ (5); Б: *нәчә көрсәт-*
сәм вафәву мәхр әтәр јавру јафә ‘сколько ни показывают
свою верность и любовь, отвечает притеснениями’ (63), *хәр сарә*
кә јүзләңсәм... ‘куда бы я ни направился...’ (66); *Маҳ: хәрнә*
ким аյтур олса... ‘все, что ни скажет...’ (25), *қајан сүрсәң*
ол јан барур ‘куда ни потянешь, туда и пойдет’ (133); ЧД:
қајда ким бареа... ‘куда бы он ни пошел...’ (24а), *нә дәсә дә-*
сүн ‘что бы он ни сказал, пусть говорит’ (47б).

В сочетании с частицей *кәрәк* форма условного наклонения выражает предположительность, основанную на субъективном анализе обстоятельств совершения действия, см. Б: ол *куյаш кәрәк болса* 'то, должно быть, солнце' (7), *jäp jүэймні көрүп дард ватамым білсә кәрәк* 'влюбленная, увидев мое лицо, пожалуй, узнает о моих страданиях и печалих' (3); А (А. 109): *cіхр ішин Кашмір әли ғамзаңдін брәнсә кәрәк* 'колдовству народ Кашмира, должно быть, учится у тебя' (8).

В сочетании с глаголом *бол-* 'быть', 'становиться' или без него рассматриваемая форма выражает возможность совершения действия или невозможность, если в той и другой форме выражено отрицание, см. Б: *кані Шірін білә Ләйла кә сәндін* нәз *өріанса* 'где Ширина и Лейла, которые могут поучиться у тебя кокетству?', *кані Фархаду Маңнұн кім аларда* 'ишкебрәйтсәм' 'где Фархад и Маджнун, которых я могу научить любви?' (89); ДН: *кілса болмас* 'нельзя делать', *білсә болмас* 'нельзя узнать' (247а), *бу жазуқдін ані өлтүрсә болмас* 'за-

этот грех его нельзя убивать' (2476); Л (А. 109): *качса болмас* 'убежать нельзя' (14); Мадж: *тапса болмас* 'нельзя найти' (1006); Маҳ: *ајтса болмас* 'нельзя сказать', *бітісә болмас* 'нельзя написать' (1), *кілса болур* 'можно сделать' (33); МҲ: *јолнї кілавуз білә тапса болур* 'с проводником можно найти дорогу' (7); Мұх: *дәсә болур* 'можно сказать' (2), *аңлатса болбај* 'можно объяснить' (8); ЧД: *кілса болмас* 'нельзя делать' (286).

В тех случаях, когда условная форма сопровождается частицей *хам*, она обычно выражает уступительное значение.

В сочетании с союзом *кім*, а иногда и самостоятельно, форма условного наклонения подчеркивает мгновенность перехода от действия, выраженного ею, к другому действию, см. М: *Жабраїл ўшік какса кім сән дәп ўн кәлді* 'как только Джабраил постучал в дверь, раздался возглас: "Кто ты?"' (9).

При глаголе *iṣtā-* 'хотеть' форма на *-sa* ~ *-sā* выступает в качестве прилагольного дополнения (ср. персидский аорист), например, ЧД: *iṣtārām kōzgūdā kōrsām jār* 'ækṣin bīr nafas 'хочу (хоть) на мгновение увидеть в зеркале отражение возлюбленной' (40а), *iṣtārām sorğan sajī bāshṭin xikājam ajläscā* 'хочу, чтобы по мере того, как спрашивают, рассказ начинали снова' (69а).

После союза *kіm* рассматриваемая форма может заменять форму будущего времени изъявительного наклонения, см. СК *кайан kіm кәчә болса* 'когда наступит вечер' (16а).

Форма условного наклонения от вспомогательного глагола *әр*- входит в состав некоторых местоимений и служебных слов или сама по себе является служебным словом, см. СК: *kачан кім ол әртіг жанді әрсә* 'когда то войско вернулось' (73б); ТМ: *ітің бәрді әрсә* 'когда он дал собаке' (114а); ХМ: *jok әрсә* 'в противном случае' (33а); Я: *бактім әрсә* 'когда я посмотрел' (314а), *хәчкімәрсә* 'никто' (314б).

В заключение этого раздела необходимо отметить, что условие в староузбекском языке, при наличии союза *ägär*, *gär*, может быть выражено не только формой условного наклонения, но и любой другой глагольной формой, ср. А: *ägär kõñlýç tiläp jānímni almak* 'если твое сердце захочет покорить мою душу' (98), *ägär jān súrpátin körmäk tilärsän* 'если хочешь увидеть изображение души' (155); Б: *gär batrak jíbärmässän*

javābīm 'если поскорее не пошлешь мне ответ' (199); Maҳ: *ägär jīllar ra'ājam kīlipsan* 'если годами оказываешь внимание' (37), *ägär atīq joktūr arpa bāmīn jämässän* 'если у тебя нет лошади, ты не знаешь заботы о ячмене' (169); ШН: *cən ägär vahm kīlursan xandīn* 'если ты боишься хана' (70).

Формы изъявительного наклонения

Формы изъявительного наклонения передают действие в повествовательном аспекте и, следовательно, с различием временной перспективы. Выражение времени — отличительная черта данных форм. Время выражают и другие формы, ср., например, условное наклонение, однако возможности выражения времени другими морфологическими образованиями ограничены.

В староузбекском языке три временных глагольных формы: прошедшее „категорическое“, будущее „неопределенное“ и настоящее-будущее отрицательное.

Форма прошедшего „категорического“ имеет в качестве показателя *-dī ~ -di ~ -du ~ -dū* и присоединяет к себе аффиксы принадлежности:

Ед. ч.

Мн. ч.

1-е л. <i>-dīm ~ -dīm ~ -dum ~ -dūm</i>	<i>-dīk ~ -dīk ~ -dūk ~ -dūk</i>
2-е " <i>-dīq ~ -dīq ~ -duq ~ -dūq</i>	<i>-dīqiz ~ -dīqiz</i>
3-е " <i>-dī ~ -di</i>	<i>-dī(lar) ~ -di(lär)</i>

Примеры. Б: *boldun* 'ты стало' (4), *sarbardīm* 'я пожелтел' (29), *bardeiñiz* 'вы отправились' (228); Л (А. 109): *kördüm* 'я видел' (188), *buzduq* 'ты разрушил' (210); М: *kīlduk* 'мы сделали' (5); Мадж: *költürdilär* 'они доставили' (186), *oñabäläi kirdilär* 'они вошли поиграть' (20a), *javāb öttim* 'я ответил' (20a), *köldi* 'он пришел' (30a); Маҳ: *jāruttum* 'я осветил' (5); НМ: *boldunuż* 'вы стали' (646); ТМ: *tijshürdilär* 'они опустили, посадили' (976); ЧД: *kördük* 'мы видели' (696), *köldilär* 'они пришли' (766); ШН: *költürdük* 'мы привели', *bashladuk* 'мы начали' (51), *mündilär* 'они взобрались' (208).

Вариант с губным гласным встречается у слов с соответствующим вокализмом в тех случаях, когда к аффиксу прошедш-

шего „категорического“ присоединяется другой аффикс (аффикс принадлежности), образующий закрытый тип слова, ср. Б: *tapmadıl* 'я не нашел', *körmadıl* 'я не видел' (1), *ölmädük* 'мы не умерли' (228); Мадж: *bolmadı* 'он не стал' (44a), *okimaduk* 'мы не читали' (576).

Соотношение вариантов рассматриваемого аффикса с глухим и звонким начальными согласными детально проанализировано Мехди-ханом. Если конечным в основе является *t*, — пишет он, — то и аффикс начинается с *t*, например: *tumtii* (*tijmt-tii*) 'он держал'; если в конце основы *s*, *sh*, *n*, *ch* или *k*, то в начале аффикса может быть и *t* и *d*, ср.: *tökti* и *tökdi* 'он пролился'; после других согласных и гласных основы аффикс прошедшего „категорического“ всегда начинается с *d*, см.: *aldi* 'он взял', *jədi* 'он съел', *dədi* 'он сказал', *urdı* 'он ударил'.³²

В предложении форма прошедшего „категорического“ выступает только в качестве сказуемого и почти всегда самостоятельно, см. А: *ämđi bildim* 'теперь я узнал' (78), *näčä kím kæzdim* 'сколько ни бродил я' (199), *aj bækim 'ajid ołdı* 'госпожа, наступил праздник' (236); БН: *tashkî īlni nakbdin kacurdilär* 'людей с внешней стороны заставили бежать из подкопа' (43); Я: *bu cözni xüd räst ajtijq* 'ты правильно сказал эти слова' (320a).

Употребление формы на *-dī ~ -di* с связкой, выполняющей функции особого постпозитивного члена, наблюдается довольно редко, см. Л (А. 109): *çikti ýrsä* 'когда оно взошло' (1); Мадж: *coruldı ýrsä* 'когда они спросили' (57a); НМ: *költürdilär* *ýrdı* 'они принесли' (266); СҚ: *jaratte* *ýrsä* 'когда он создал' (146), *jandı* *ýrsä* 'когда он вернулся' (73б); ТМ: *itqä børđi* *ýrsä* *it jöt xaläk boldi* 'когда он дал собаке, собака съела и издохла' (114а). Подобных примеров немного больше в древнеуйгурских текстах X—XIII вв. и, напротив, значительно меньше в поздних памятниках староузбекской письменности. Такое соотношение, как нам кажется, необходимо поставить в связь с процессом все усиливающейся вербализации формы на *-dī ~ -di* и постепенной утратой ею типологических черт

³² Мабаний а-лугат, стр. 127.

имени, которые в староузбекском языке XIV—XVI вв. уже не следует принимать во внимание.

Форма будущего „неопределенного“ образуется при помощи аффикса *-бай ~ -гай ~ -ба ~ -га*, см. Б: *нёчүк јан ёлтә албајман* ‘как смогу жить (?)’ (10), *көргәйсіз* ‘увидите’ (25), *албасан* ‘возьмешь’ (205); М: *анїң улуклубин хәчкимәрса білмәгай* ‘его величину никто не узнает’ (5); Мах: *ўжідә ашралбасын кабаб кілбай* ‘в своем доме приготовит из спинок дичи жаркое’ (52); СК: *miläcä kïlu bïlïgäj* ‘если пожелает, сможет сделать’ (20a); ШН: *болбаман Mïçir улусиба конак* ‘буду гостем у народа Египта’ (75), *Ахмад бәїт ілә кәттәйләр* ‘отправятся с Ахмед-беком’ (150).

В ряде случаев форма на *-бай ~ -гай* имеет значение, близкое к значению формы предлогательно-желательного наклонения 3-го л., см. БН: *тәңрі хәч мусулмәнба бу бәләнгә бәрмәгай* ‘пусть не пошлет бог ни одному мусульманину такого бедствия’ (210).

В составе придаточного предложения, вводимого союзом *кім*, форма на *-бай ~ -гай* выражает значение цели, см. РК: *milärmän кім жазуум аз болбай* ‘хочу, чтобы у меня было поменьше грехов’ (152a); ТМ: *ана захар jibärдilär кім йәрдіштәрә бәріп халәк кілбай* ‘ему послали яд, чтобы дать Ардуширу и погубить его’ (114a); Я: *әмді маслахат олдур кім анї андак Ѯрак ташлалі кім жаңың түрін тұтія кіліп тапмаңај* ‘теперь совет таков: бросить ее так далеко, чтобы седалище лука было недоступным для нее как редкое целебное средство’ (320б).

Форма на *-бай ~ -гай* от глагола *бол-* частично утрачивает собственное значение и, выступая в сочетании с причастиями, преобразуется в служебное слово, см. ХМ: ...*замәнідін сәксән іккі жіл отміш болбай* ‘...(с того) времени прошло, должно быть, 82 года’ (56).

Употребление формы на *-бай ~ -гай*, подобно форме прошедшего „категорического“, со связкой — довольно редкое явление. Форма на *-бай ~ -гай* со связкой выражает пожелание, относимое к прошедшему или будущему времени, и некоторые другие значения, см. Б: *мәгәр ужкуда жүэйң көргәй ёрдім* ‘хотя бы во сне увидел я твоё лицо’ (39), *көрмәгай ёрдім жәмәл ара*

кашкі ‘не видеть бы мне красоты в мире’ (73); БН: *мәнің билә он он бәш жіірмә кіші болбай ёді* ‘со мной было человек десять, пятнадцать или двадцать’ (104); ШН: *Хәјә Jaxjä дәді Бабур-мірзә кашкі көлгәй ёді ошбу ара* ‘Ходжа Яхья сказал: „Хотя бы пришел вот в это время Бабур-мирза“’ (31).

Показатель отрицательной формы настоящего будущего времени — аффикс *-ман ~ -мэн*, см. А: *адамба сәні ошшата білмән* ‘не могу уподобить тебя человеку’ (23), *кіла алман* ‘не могу сделать’ (228); Б: *дәмән* ‘не скажу’ (10), *којман ёлгымдін аjak* ‘не выпущу из рук чашу’ (53), *jәргә баш چалман* ‘не преклоню голову’ (83); Л: *білмән* ‘не знаю’ (1726); НМ: *хәргәз унұтман анї* ‘никогда не забуду его’ (206); ЧД: *кілман* ‘не сделаю’ (26).

Эта же форма с личным оформлением в староузбекском языке являлась случайным и совершенно изолированным обозначением, см. МЛ: *тапманам* ‘не обнаруживаю’ (43).

Формы неполной вербальности (Деепричастия)

Формы неполной вербальности, в отличие от истинно вербальных форм, не могут сами по себе заканчивать предложение, и использование их в качестве предиката возможно только при наличии особых предикативных частиц.

Формы неполной вербальности отличаются от полных вербальных форм и в семасиологическом плане. Как правило, они передают значение относительного времени, тогда как последнее выражают модус действия, т. е. отношение говорящего к действию, и указывают на время его протекания безотносительно к каким-либо другим действиям.

В староузбекском языке встречаются следующие формы неполной вербальности, или деепричастия: на *-а ~ -ә* (после гласного — *-j*), *-у ~ -ү*, *-(i)п ~ -(i)п*, *-(i)бан ~ -(i)бән*, *-бач ~ -гәч*, *-бал ~ -вәли*. Первые из них присоединяют к себе предикативные частицы и изредка другие служебные элементы, последние же два, как и наречия, не изменяются, имея всегда одну и ту же форму.

Деепричастие на *-а ~ -ә*, именуемое деепричастием настоящего времени, или соединительным деепричастием, в большин-

стве случаев занимает место одного из компонентов составных глагольных форм, см. Б: *örgätä kör* 'смотри научи' (1); БН: *jïkïla jazdï* 'чуть не упал' (151); Мах: *ala almas* 'не сможет взять' (17); НДж: *kïla bïlmäc* 'не сможет сделать' (61а); РК: *kacha bashladïlar* 'они начали убегать' (140а), *jëtä almadï* 'он не смог настичь' (144б); СК: *çabur kïla bïldim* 'я мог терпеть' (103б); ШН: *tura alman* 'не могу стоять' (5), *kölä körsün* 'пусть попробует прийти' (30), *jibärdä bïrädilär* 'они послали' (32), *turalmadïlar* 'они не могли устоять' (31), *mölmürdä kälđi* 'он уставился' (35), *ucha almas ñädi* 'она не могла лететь' (44), *toxhatma almadï* 'он не мог остановить' (52), *atvana tursun* 'пусть отправляется' (94), *acha bïrsün* 'пусть откроет' (116), *jürütä bashladïlar* 'они начали приводить в движение' (158), *jaşa kälđi* 'шел снег' (162), *ok atïsha turdilar* 'они перестреливались' (216), *sula kälđilar* 'они увязли' (219). В ряде случаев, например, с глаголом *al-*, происходит фонетическое слияние двух компонентов и преобразование составных глагольных форм в сложные, см. БН: *tapallamaj* 'не находя' (5); НМ: *xäçkim javab bïrämädi* 'никто не мог ответить' (15б), *kölälmädim* 'я не мог прийти' (42а), *xabar kïlal-madim* 'я не мог сообщить' (85а), *tutalmasacïz* 'если не сможете сдержать' (91б); ШН: *turalmadilar* 'они не смогли устоять' (31).

Изредка рассматриваемая форма примыкает к другим глагольным формам без утраты grammaticalической самостоятельности и раздельности, см. БН: *Anđjänba jürüşmäk xajäli* *bïlä kümäk miläj* *Tashkändka xan kashiba bardim* 'думая о походе в Андижан, я направился в Ташкент к хану, чтобы просить помощи' (69), мәні *körä këldi* 'он пришел, чтобы посетить меня' (75); Л (А. 109): *köñülä ikki labiñdin shïfâ miläj këldim* 'я пришел просить исцеления сердцу у твоих губ' (142); НМ: *jarmak miläj barur ñärdi* 'он отправлялся просить деньги' (116).

Редкий случай самостоятельного употребления формы на *-a ~ -ä* указан Мехди-ханом, см. МЛ: *jaraşa këräk bolbaj* 'должно быть, годится', *oxsha(j) këräk bolbaj* 'должно быть, подходит' (38). Приведенная им конструкция, однако, кажется несколько искусственной, и нет почти никакой уверенности в том, что она действительно была распространена в староузбекском языке.

Необычным является также самостоятельное (без связки) употребление деепричастия на *-a ~ -ä* в качестве предиката, см. Л: *kämatïmni näčä kashïñ ja kïla näčä xijs otï jänïmda jakïla* 'сколько (времени) твои брови сгибают мой стан, как лук, сколько (времени) горит пламя разлуки в моей душе?!' (226а).

В составе сказуемого деепричастие на *-a ~ -ä*, если не иметь в виду единичные случаи, подобные только что упомянутому, выступает непременно в сочетании с предикативными частицами, см. Б: *körädurmán* 'вижу' (2), *xäç kïsi körmaj du-pur* 'никто не видит' (80), *bïlmäjsän* 'не знаешь' (82), *körünädsän* 'кажешься' (99); БН: *shä'r ajtasïz ja adam korkutlasïz* 'стихи читаете или пугаете людей?' (218); Л: *çikadur* 'выходит' (196а); Мадж: *okujdur ñärdi* 'он читал' (37а); Мас: *kïlmaj tururmän* 'не делаю' (135а); НМ: *bïxishtiä baradur* 'отправляется в рай' (136), *kar jabadur ñärdi* 'шел снег' (136), *çin ajtaídurmán* 'правду говорю' (25б), *mändiñ coradurlar* 'спрашивают у меня' (30б); ТМ: *tamäsha kïladur ñärdi* 'он смотрел' (106б), *kïlmajdur ñärdi* 'он не делал' (126б); ШН: *içädurlar* 'пьют' (19), *chan çaladurlar ñärdi* 'они играли на чанге' (172), *akadur ñärdi* 'они текли' (172); ЭД: *janadur* 'горит' (6), *janaman* 'горю' (7), *jara-dur* 'рассекает' (11).

Сочетание деепричастия на *-a ~ -ä* без связки с вспомогательным глаголом *ñärdi* в прошедшем времени для староузбекского языка не типично, см. ХМ: *shaharba bara ñärdi* 'он отправлялся в город' (76б).

Выполнение деепричастием на *-a ~ -ä* собственно деепричастных функций, т. е. функций зависимого сказуемого, наблюдается в редких случаях и главным образом при удвоении, см. А: *köz учidin kïja kïja shvää bïlä bakîşlarïñ* 'твои взгляды с кокетством (когда ты смотришь), косясь краешком глаза' (59); Б: *kajuzunñi çækä çökä karibduri Bâbûr* 'часто печалясь о тебе, состарился Бабур' (128); БН: *häkrëzänñi tûbi-gächä jumalana jumalana këldi* 'скатываясь, он достиг основания земляного вала' (83), *bara kölä xannî bariñ kïlldilar...* 'ходя и приходя, уговорили хана на...' (88); Мух: *bâjat zav-kdîn bat içmäs va läzämt tata tata až—až içär* 'для большого удовольствия пьет не сразу, а мало-помалу' (8), *säkiñ çub-içip mäñä tutar koş tamşij tamşij anñ kïlañ nösh* 'когда

виночерпий выпивая даст мне пару (бокалов), глоток за глотком вкушая, опустошу их' (9), ...ол ај кә *kylä kylä kïrab-*
латтї мәні '...тот месяц, который смеяясь отстранил меня'
(9); МХ: *тартїп аjak ўстїда түрлүк маләл jïkïla копа*
ўйїна бардї зäl 'с трудом передвигая ноги, падая и поднимаясь, старик отправился к себе домой' (14); СК: *андїн артук*
öltүрә тиргүэл алмабај 'сверх того, умерщвляя, не сможет оживить' (206), *ура ура* 'часто избивая' (916); ХШ: *iði atïn*
тұта ант ічті Шірін 'с именем бога (букв.: держа имя бога) поклялась Ширин' (35а).

Что касается грамматического значения формы на *-a ~ -ä*, то в составных глаголах его можно характеризовать как объектное (в этимологическом плане), в самостоятельном употреблении — как целевое. В сочетании с предикативными частицами форма на *-a ~ -ä* функционирует как именная часть составного сказуемого.

Деепричастие на *-a ~ -ä* восходит к отглагольному имени, поэтому не исключена возможность присоединения к нему некоторых морфологических показателей, например аффикса одной из форм интенсива *-rak ~ -räk*. Однако такая возможность реализуется почти исключительно в языках южной („огузской“) группы, см. МЛ: „у румийских тюрок“ *чапарак* 'часто бегая', *урапак* 'часто ударяя', *әздәрәк* 'часто уходя', *кәләрәк* 'часто приходя' (54), *качарак* 'убегая-убегая' (123).

Деепричастие на *-j* является фонетической разновидностью формы на *-a ~ -ä*.

Аффикс *-j* замещает аффикс *-a ~ -ä*, когда глагольная основа оканчивается на гласный, например: *okuj* 'читая', *miläj* 'прося', 'желая'. Поскольку отрицательная глагольная основа образуется при помощи аффикса *-ma ~ -mä*, с вокальным исходом, соответствующее отрицательное деепричастие имеет только *j*, ср.: *бармај* 'не пойдя', *окумај* 'не читая', *кïла бilmäj* 'не будучи в состоянии сделать'.

Отрицательная форма деепричастия „настоящего времени“, в отличие от положительной формы, часто обозначает зависимое, подчиненное действие, см. БН: 'аэміні баја кәltүрмäj
хәч iшni бүткäрмäj жандї 'не выполнив своего намерения (и)
не совершив ни одного дела, он вернулся' (206), *анi мунасiб*

көрмäj 'Alî Шәр-бәйгүнiң ўjlärinі та'jîn kïldilär' 'не считая его подходящим, выделили (ему) домашний "Алишер-бека" (238); Л: *сәнi*
көрмäj ölärmäñ 'не видя тебя, умру' (180); ШН: *он күн ötmäj*
жана атландї ҳан 'не прошло и десяти дней, а хан снова отправился в поход' (44). При этом, как показывают приведенные примеры, вполне возможна так называемая абсолютная конструкция, т. е. наличие в пределах деепричастного оборота собственного подлежащего, не совпадающего с подлежащим предложения. Следует заметить, что собственное подлежащее может иметь и положительную форму, см. БН: *бу јурттïн*
јарым кәçä кöçijp күн чïka Мухаммәд-Пёхнi ötüp чаштïхда
Кäхтнi чапïлдї 'отправившись в полночь из этого владения (и) пройдя на восходе солнца Мухаммед-Пех, в полдень (мы) напали на Кяхт' (181).

Особая разновидность отрицательной формы рассматриваемого деепричастия включает дополнительный элемент *-(j)iñ ~ -(j)iñ*, см. М: *kïlmajñ* 'не делая' (37), *коркмаjñ* 'не боясь' (39); МАХ: *дәмәjñ* 'не говоря' (63); ШН: *bilmäjñ* 'не зная' (13). Семантически она не отличается от краткой формы. Указанная разновидность — застывшее морфологическое образование с некогда продуктивным аффиксом орудного падежа.

Деепричастие на *-y ~ -ü*, представляющее собой архаический вариант деепричастия на *-a ~ -ä*, для XIV—XVI вв. следует рассматривать как довольно редкую и, по всей видимости, чисто книжную форму, см. М: *оjнаju jýrýp ѫrdi* 'он играл' (31); МХ: *кäfsh kïjü* 'надевая обувь' (23); С: *корка тi-
trajü* 'боясь и дрожа' (56), *jïblaju тiшäjñ* 'плача опущусь-ка' (256); СК: *titmäjü* 'башлади' 'он начал дрожать' (56а), *kïlu* *bilmäc* 'не сможет сделать' (89а), *okïju* 'башлади' 'он начал читать' (126а).

Деепричастие, образуемое при помощи аффикса *-(i)p ~ -(i)p* („деепричастие прошедшего времени“), в отличие от предыдущего, очень часто выступает в роли зависимого сказуемого и образует деепричастный оборот, см. БН: ...*Aхсi-
dïn Бухарадїн кавун кәltүртүп бïр мäjlicdä кästürlüm*
...приказав доставить дыни из Ахсы и Бухары, я попросил разрезать их на одном меджлисе' (6); МАХ: *аз аз örgänip данä*
болур катра катра jïbip darjä болур 'учась, помало-помалу

становятся мудрыми, капли, собираясь (вместе), образуют реку' (145); МХ: болма учуз алп азїр саткучи, унба кәпак сиркага су каткучи 'не будь берущим (букв.: беря) дешево, продающим дорого, примешивающим к муке отруби, к уксусу воду' (13); С: көңүл шакар бікін аззиң көрүп 'адам болді 'сердце, увидев твои, подобные сахару, уста, сникло' (186), Саккакі жибап көз жашын яз жамбурутак жабдурур 'Секаки льет слезы из своих глаз как летний дождь' (20а); ШН: чиктілар курбанің чаткулашіп 'взбрались они на крепость, порубившись (с осажденными)' (46), откәріп барчасіні дар жадін... 'проведя всех через реку...' (161); Я: бу күнгі дәгрү хәчкімәрсә түркі тілінің жаңхарін ва фәрсі алғаззиниң жаңхарін тәркіб кіліп-ок яңтиң арасында мұнаザара тартап кілмајдур 'до сих пор никто, нанизав жемчужины тюркских и персидских слов, не составил муназара, в котором противостоящими (сторонами) были бы лук и стрела' (3146).

Вместе с тем деепричастие на -(i)p ~ -(i)p широко употребляется в составе предиката и выражает перфективные значения. Однако самостоятельное предикативное употребление его, как и других форм неполной вербальности, допустимо только при наличии предикативных частиц или вспомогательного глагола ёр-, см. А: кәлтүрүптурман сәңдә жәнімні 'я принес тебе (в жертву) мою душу' (236); Б: мавә кіліпсан 'ты устроила убежище' (12), нә кіліптур 'что он сделал?' (31), ол пәрі алптур 'таperi захватила' (31), жәнімні кіліпдур су 'душу мою она растворила' (66); БН: бір мәсжід түшиптур... 'была мечеть...' (3), Ҳазрат Ҳөҗә бујуптурлар... 'Ходжа приказал...' (23); Л: төртінчи көк јэрә чиқиптур 'он взбрался на четвертое небо' (172а); Мадж: мактаба баріпмусан 'ходишь ли ты в школу?', дәдім кім баріпман 'я сказал, чтохожу' (20а), болуп турур 'он стал', 'он становится' (30б); Маҳ: кан іцибдурлар 'пьют кровь' (63); НМ: зағіф болубман 'я стал слабым' (178 а); ҲМ: мундак айтап ёрділәр 'так они сказали' (35а); ШН: сачіліп ёрді 'он рассыпался' (217), ач болуббіз 'мы голодны' (218).

В сочетании с вспомогательным глаголом бол- в составе сказуемого деепричастие на -(i)p ~ -(i)p образует оборот, выражающий ситуационную или объективную возможность, см. БН:

көпіржіктін өзің жәрдін кәчіп болмас 'другой дорогой, кроме моста (то есть кроме, как по мосту), пройти нельзя' (21).

Деепричастие на -(i)p ~ -(i)p от глагола ёт- с вопросительным местоимением нә образует застывшую форму, обладающую всеми признаками наречия, см. ШН: ҳан Хисар ўстінә нәтіп барадур 'зачем хан отправляется в Хисар?' (157).

Соответствующая деепричастная форма от глагола дә- 'говорить' преобразуется в служебное слово (союзную частицу?), выражющее целевые и причинные отношения и употребляемое для связи прямой речи с авторской, см. Б: туттум сачінің жүзін көрәй дәп 'я схватил ее (за) волосы, чтобы увидеть лицо' (46); БН: алар іккі харіф учраса бірі билә шатранж ојнат жана бірінің ётәнін тутуп олтурур ёкандур кім кәттәнгай дәп 'если встречаются ему два партнера, то с одним играет в шахматы, а другого сидит и держит за полу (халата), чтобы он не ушел' (224); М: Ћабраїл ёшік какса кім сән дәп ўн кәлді 'как только Джабраил постучал в дверь, раздался возглас: „Кто ты?“' (9).

От отрицательной глагольной основы деепричастие на -(i)p ~ -(i)p, как правило, не образуется. Подобные случаи в староузбекском языке единичны (см. например, БН, 261). Однако количество их значительно возрастает при употреблении указанной формы со связкой, см. БН: ва мән хәм хәріэз көрмәбман 'и я никогда не видел' (125), хәч тарафдін үаліб ва маъліб маълім болмабдур 'ни с одной стороны победители и побежденные не были известны' (128), віләјатлібі қалмабдур 'их автономности не осталось' (161); НМ: көрмәбдур ёрділәр 'они не видели' (116).

Деепричастие типа барібан, которое мы рассматриваем как форму древнего орудного падежа от деепричастия (исторически от глагольного имени) на -(i)p ~ -(i)p, используется преимущественно в поэтических текстах для передачи зависимого, подчиненного действия. Примеры. Б: көз алдурубан жүзін 'позволив ее лицу очаровать (букв.: взять глаза)' (110), башні алібан хәр сарі кәтмәк мүшкүл 'взяв голову, идти в любую сторону тяжело' (119); ДН: нә дәбән мән ані көздін салајн 'что сказал, я изгоню ее из глаз?' (246а), нағар салді салібан 'что сказал, я изгоню ее из глаз?' (246а), сөз араба 'она взглянула, сделав это между слов' (264а),

...башіна којубан худхуд бікін тай '...водрузив на своей голове, подобно удоду, корону' (267б); МХ: *пір табассум кілібан урді ѡш* 'старец, улыбнувшись, всколыхнулся' (22); С: *сүнбіл көрібан зулғұнуз шајда ва сәргәрдән ёрүр* 'гигант, увидев твои локоны, становится безумным и не находит пристанища' (7а); ШН: *ајлабан баблар ічә манзіл...* 'став лагерем в садах...' (58), ол *өгізден өтібан...* 'перейдя через реку...' (187).

Деепричастие, образованное при помощи аффикса *-бач ~ -гач*, всегда обозначает зависимое действие, предшествующее по времени действию основного сказуемого. Примеры. Б: *'ашік олбач көрдүм...* 'став влюбленным, я увидел...' (47); БН: *кіргач ўң жүкүндүм* 'войдя, я трижды преклонил колени' (39); Л (А. 109): *окдак мәні ол үамзә јафә бірлә түзатқач* 'после того, как подобный стреле взгляду исподтили меня мучениями' (244); НМ: *бу ҳалні көргач* 'когда они увидели это положение' (12а); ТМ: *бу ҳабардін вәкіф олбач* 'когда они узнали об этом' (101а); ШН: *ані кілбач үані* 'после того, как он сделал его богатым' (4), *ҳан Үрәтәпәдін өткәч* 'после того, как хан прошел через Уратепу' (116); Я: *чүн ол жігітнің јағынің сөзі тілімдә ва оқінің ҳајалә баштімда әгач көңілумдә кәчті кім...* 'так как, когда слова о луке этого юноши были на моих устах и когда мысль о его стреле была в моей голове, в сознании промелькнуло, что...' (314б), *ок бу сөзләрні әшияткәч кәз кәз сәкрай башладі* 'когда стрела услышала эти слова, начала прыгать' (316б).

Деепричастие на *-балі ~ -зәлі* бывает чаще всего прилагольным дополнением и выражает достигательно-целевое значение, см. А: *кәматің бәләсіна бардук тамаша кілбалі* 'мы пошли, чтобы наглядеться на беды, причиняемые твоим станом' (109), *күйдім өртәндім нәтәй ол қашу көзіні көргәлі* 'сгорел я, что сделать мне, чтобы увидеть те брови и глаза?' (124), *көзләрім дар жасидін ҳәрдам ҳајалің кәчкәлі кірпәкімнің ҳасларіндін бағламішман* салні 'чтобы через море моих глаз постоянно переправлялся твой образ, я связал из моих ресниц плот' (210); БН: *ва'далар билә мірзәба бактурбала кәлгандур* 'он пришел, чтобы обещаниями привлечь [его] на сторону миры' (31); Л (А. 109): *күн түштә көргәлі сәні*

түшті әзәлбә 'солнце, чтобы увидеть тебя во сне, стало клониться к заходу' (218); Мадж: *ојнабалі кірділәр* 'они вошли, чтобы поиграть' (20а); НМ: *алті күн та'ам тапмадук јәзәлі* 'шесть дней мы не находили пищу поесть' (68а); С: *ијл жүэй-нүзіні көргәлі жүз пәрә кілді өзіні* 'роза, чтобы увидеть твое лицо, разорвалась на мелкие части' (7а); СК: *бу та'амдін јәзәлі коркарбіз* 'боимся есть эту пищу' (52б); Я: ...*әлінә ок аліп әнінә ja саліп кабак аткалі мајдан башіңа* 'аэм кілді '...взяв в руки стрелы, надев через плечо лук, он направился на поле стрелять по тыкве' (314а).

Деепричастие типа *барбалі* обозначает также действие, являющееся начальным пределом другого действия, например, Б: *көңілумға дард кәлілә...* 'с тех пор как в мое сердце явились мучения...' (26), *көргәлі хуснунің зәр ва мұбталә болдум сәңә* 'с тех пор, как я увидел твою красоту, я стал опечаленным и умоляющим тебя' (93).

Формы лица и числа

Совершенно особая система форм лица и числа, не встречающаяся у имен, у глагола прослеживается только в повелительном (+ предлагательно-желательном) наклонении, см.:

Ед. ч.

1-е л. -(aj) ~ -(äj), -(a)jіn ~
-(ä)jіn, -(a)jіm ~
-(ä)jіm

2-е „ -біл ~ -il, -бін ~
-iñ

3-е „ -сун ~ -сүн

Мн. ч.

-(a)лің ~ -(ä)lің, -(a)лі ~ -(ä)li,
-jlіk ~ -jlik

-iң ~ -iñ, -iñлар ~ -iñläp,
-iñз ~ -iñz

-сун(лар) ~ -сүн(lär)

Примеры: *барај*, *барајін* 'пойду-ка', *баралі*, *баралің* 'пойдем-ка', *бар*, *барбіл*, *барбін* 'иди', *барің*, *баріңлар*, *баріңз* 'идите', *барсун* 'пусть идет', *барсун(лар)* 'пусть идут'.

Таким образом, формы повелительного (+ предлагательно-желательного) наклонения следует считать наиболее вербальными, или истинно вербальными, образованиями.

В условном наклонении и у формы прошедшего времени изъявительного наклонения аффиксы, выражающие лицо и число,

почти полностью совпадают с аффиксами принадлежности имени, см.:

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л. -м	-к ~ -к (-міз ~ -міз)
2-е „ -ң	-ңіз ~ -ңіз
3-е „ —	(-лар ~ -лар)

Примеры: *бардім* 'я пошел', *барсам* 'если пойду', *бардік* 'мы пошли', *барсак* 'если пойдем', *бардің* 'ты пошел', *барсан* 'если пойдешь', *бардіңіз* 'вы пошли', *барсаның* 'если пойдете', *барді* 'он пошел', *барса* 'если пойдет', *барді(лар)* 'они пошли', *барса(лар)* 'если пойдут';

ср. у имени: *ташім* 'мой камень', *ташібіз* 'наш камень', *ташің* 'твой камень' *ташіңіз* 'ваши камни', *таші* 'его камень', *ташларі* 'их (его) камни'.

Различие между теми и другими, как показывают приведенные примеры, наблюдается лишь в пределах формы 1-го лица множественного числа. Аффикс *-біз(-міз) ~ -біз(-міз)*, единственно возможный в этом лице у имен, у глаголов выступает довольно редко.

В будущем времени изъявительного наклонения и у изменяемых форм неполной вербальности личные показатели ничем не отличаются от лично-предикативных аффиксов имени, см.:

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л. -ман ~ -мән	-біз(-міз) ~ -біз(-міз)
2-е „ -сан ~ -сән	-сіз ~ -сіз
3-е „ —	(-лар) ~ (-лар)

Примеры: *барбајман* 'пойду', *бараман* 'иду', *баріпман* 'иду уже', 'я пошел', *барбајбіз* 'пойдем', *барабіз* 'идем', *баріпбіз* 'мы пошли', *барбајсан* 'пойдешь', *барасан* 'идешь', *баріпсан* 'ты пошел', *барбајсіз* 'пойдете', *барасіз* 'идете', *баріпсіз* 'вы пошли', *барбај* 'пойдет', *бара(дур)* 'идет', *баріпдур* 'он пошел', *барбај(лар)* 'пойдут', *бара(дурлар)* 'идут', *баріп(дурлар)* 'они пошли';

ср. у имени: *кішімән* 'я человек', *кішіміз* 'мы люди', *кішісән* 'ты человек', *кішісіз* 'вы люди', *кіши(дур)* 'он человек', *кіши(лардур)* 'они люди'.

Формы неполной вербальности в 3-м лице самостоятельно не употребляются.

Отрицательная форма настояще-будущего времени, имеющая только 1-е лицо единственного числа, оканчивается на *-н*, ср.: *барман* 'не пойду'. Подобный личный показатель ни к каким другим формам не присоединяется.

Совершенно очевидно, что аффиксы лица и числа, используемые в составе глагола, не образуют единой системы собственно глагольных форм, а поэтому в целом не могут быть отнесены к числу основных морфологических признаков, дифференцирующих имя и глагол.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛА

Формы отглагольного словообразования

Отглагольное словообразование глагола характеризуется образованием вторичных основ, или пород, выражающих вид, отношение говорящего к действию или различные типы отношения действия к действующему лицу: 1) действие исходит от производителя, выступающего в роли подлежащего, и направлено вовне, 2) действие исходит от производителя, выступающего в роли подлежащего и направлено на него самого, 3) действие исходит от производителя, не обозначенного в речи или обозначенного косвенно, 4) действие исходит от нескольких производителей, выступающих в роли подлежащего, и направлено вовне или от одного к другому, 5) действие исходит от производителя, обозначенного формой косвенного падежа и испытывающего активное воздействие другого производителя.

Первая порода, как уже указывалось выше, лишена специального оформления,³³ ср.: *ур-* 'быть', *бар-* 'идти', *кіj-* 'одевать', *јаз-* 'писать', например, А: *нәчә кім кәзәдім* 'сколько я ни бродил' (199); ЧД: *бай сарі көз салалі* 'обратим-ка свои взоры в сторону сада' (536).

В зависимости от возможности или невозможности сочетаться с формой винительного падежа глаголы первой породы

³³ Первичная основа играет роль исходной формы, от которой образуются все вторичные основы.

делятся на переходные и непереходные. Таким образом, фактическая или потенциальная форма прямого дополнения служит основным критерием определения переходности или непереходности. Различие переходных и непереходных глаголов прослеживается также в плане образования от них других пород. Так, например, образование второй и третьей пород от непереходных глаголов осуществляется в весьма ограниченных размерах, возможность же образования упомянутых пород от переходных глаголов почти не имеет границ.

Вторая порода образуется при помощи аффикса *-(i)n ~ -(i)h*, ср.: *урун-* 'бытьбитым (самим собой)', *кіjіn-* 'одеться (одеть самого себя)', *jүvіn-* 'умыться (умыть самого себя)'. Примеры. А: *örtändіm* 'я сгорел' (124); БН: *он алті катла чумундұм* 'шестнадцать раз я погружался в воду' (120); ДН: *уланді кәчә тәңрү ёl jібіні* 'протянулось до вечера сбороище людей' (234б); Л (А. 109): *јаfā түjәnsä нәtärsän* 'если кончится притеснение, что будешь делать?' (6); Маx: *ол јол арабаланді* 'та дорога заколдована' (124); ҲМ: *саj kіlінді* 'были приложены стяжания' (41б); ЧД: *ла'lіnba бабаланді јәnіm* 'моя душа привязалась к твоим губам' (54а); ШН: *јасансун lәshkär* 'пусть снарядится войско' (55); Э: *бу җајал 'ајаб көрүнді мәнә* 'эта мысль показалась мне странной' (330а).

Примечательно образование формы второй породы от непереходных глаголов для передачи действия с необозначенным (но обычно известным) производителем, см. БН: *Кабалін Марбінанба кәlінді* '(мы) пришли из Кабы в Маргинан' (95).

Форма второй породы, образованная от переходных глаголов, может управлять формой винительного падежа, см. БН: *мәnіn ғаніміm курбанды ёді хәм курбаніні алінді хәм ғанімні kacтурулді* 'мой противник находился в крепости; и крепость была взята, и противник был обращен в бегство' (105); Маx: *ан ўч kіsm kіlінді* 'ее сделали (она сделана) из трех частей' (8).

Третья порода образуется при помощи аффикса *-(i)l ~ -(i)l*, ср.: *урул-* 'бытьбитым (кем-то)', *баріл-* 'идти (кому бы то ни было)', *јазіл-* 'быть написанным (кем-то)'. Примеры. Б: *бузулмабай* 'не разрушится' (4), *jär kадріn bilmädіm тa jardіn aji-rlmadіm* 'не знал я цену возлюбленной, пока не разлучился

сней' (219); БН: *анік юстігә хәм барілді* 'пошли и на него' (39); *бавуjұl xәzіr чәріg кішіsі bila jасап чіkілді* 'все же построили отряд из воинов, бывших на месте, и выступили' (55); *Kәndіplik дабанасіt ашиp Aхsі тараfіbа түшүлді* 'переядя перевал Кендырылык, (мы) отправились в сторону Ахсы' (68); Мұх: *ва бу түркчада мундак дәjiliбдур* 'и это по-турецки говорят так' (10), *ајтурба мүтә'аммәl болулбай...* 'будет задумываться, чтобы сказать...' (24); Маx: *ана Maхбұb ул-кулұb ат коjілді* 'ей было дано название Махбубуль-кулуб' (8); НМ: *сәnің ўчін біr јёбә satқун алләdі* 'для тебя была куплена кольчуга' (256), *мусәfіrlардіn сорулді* 'было спрошено у странников' (40а); ҲМ: *мунча abjat істішхәдбә кәltүрүлді* 'столько стихов было приведено в качестве цитат' (64а); Ш: ...*соурұзal бәrілді* 'было дано пожалование...' (255); ШН: *ёl kіrілді барі* 'все население было вырезано' (43).

Встречается также аффикс *-ik*, см. Абушқа: *azikip* 'сбившись с дороги', 'заблудившись' (16).

Часто третья порода выступает в значении второй, см. СҚ: *кутулдуң* 'ты освободился' (114б); ТМ: *ik(k)i ўч kәlimä bila ixtiçär kіlілді* 'он ограничился двумя-тремя словами' (134а); ЧД: *бұнчa ачілді köңlіum ачілмаді* 'бутон распустился, сердце же мое не раскрылось' (38а); ШН: *ёl jібілсун* 'пусть соберется народ' (98), *jібілді bәlлар* 'собрались беки' (218).

Данная форма, подобно предыдущей, может управлять винительным падежом имени, см. БН: *ол рамазанні Xoјандта öt-kәrіldі* ' тот рамазан (мы) провели в Ходженде' (69), *барур ja-narіnі kәnashildі* '(мы) советовались относительно (продолжения) похода или возвращения' (154), *даzj јәbälләrnі ўlәshildі* 'и были поделены кольчуги' (152); Мадж: *сәбәbiн сорулді ѡрсә...* 'когда спрашивали (спрашивалось) причину...' (57а); Мұх: *түрк алфәziba даzj мулhазәні ләzіm kөrүлді* 'оказалось необходимым высказать также соображения в отношении тюркской речи' (21).

В абсолютном большинстве случаев глаголы третьей породы обозначают действие, производитель которого не указан и не очевиден (ср. у местных филологов: معنى مجهول — значение неочевидности), см. БН: *бу jіхаттіn нәчә nавbat җоjaba kiші jіbәrip соzlәshildі* 'отсюда несколько раз посыпали человека к ходже и вели переговоры' (96), *ва ба'zіnіc rәjі баріn* века к ходже и вели переговоры' (96), *ва ба'zіnіc rәjі баріn*

ёді кім кіш јавуктур філхал Ламбан барілбај ‘мнение некоторых было таково, что близка зима и теперь лучше пойти в Ламган’ (154).

Четвертая порода образуется при помощи аффикса -(i)ш ~ -(i)ш, ср.: уруш- ‘драться (в содружестве с кем-либо или между собой)’, баріш- ‘идти вместе (с кем-нибудь)’, јазіш- ‘писать вместе (в содружестве с кем-нибудь или переписываться)’. Примеры. БН: *бу јуртта әкәндә нәчә навбат ташкарідін ва ішкәрідін көңүллек jиimlар хұјабанда јағші чапкулаштілар* ‘когда они находились в этом владении, несколько раз крепко рубились в степи с горячими младодцами со стороны и из этих мест’ (50), *бір іккі катла ол тараф бу тарафдін кіліч аліштілар* ‘с той и с другой стороны раз или два скрещивали мечи’ (53); НМ: *бір бірімізгі бакіштук* ‘мы смотрели друг на друга’ (1266); ТМ: *бір бірігі жақінлаштілар* ‘они приблизились друг к другу’ (1366); ЧД: *барча бірлә көрішүп* ‘увидевшись со всеми’ (686), *көзләр камашті* ‘глаза слепило’ (776).

Пятая порода оформляется разными аффиксами:

-(i)t ~ -(i)t, см. Б: *коркутма* ‘не пугай’ (42); А: *кувлатма-бүл* ‘не заставляй прогонять’ (79); Мадж: *тіјгәттіләр* ‘они закончили’ (186); Маҳ: *јаруттум* ‘я осветил’ (5); Мұх: *кірағлатті* ‘он отстранил’, *жіблатті* ‘он заставил плакать’, *сіктатті* ‘он заставил рыдать’ (9); НМ: *ані шәjx орніба олтурттілар* ‘его посадили на место шейха’ (716), *жібладі ва әні жіблатті* ‘он плакал и заставлял плакать народ’ (1286); СҚ: *көкәртті* ‘он позеленил’ (1046);

-тур ~ -түр ~ -дур ~ -дүр, см. Б: *күйдүрмасын* ‘пусть не сожжет’ (46), *öltүрді* ‘она убила’ (33), *алдурдум* ‘я позволил взять’ (65), *кәтүрмәң* ‘не приносите’ (222); БН: *боjniba урдурді* ‘он приказал отрубить ему голову’ (37), *бу фәn бірлә сабіндурдum дәзүмні* ‘этой наукой я наскучил самому себе’ (2346); Маҳ: *кijdүрәli* ‘оденем-ка’ (168); НМ: *мәні міндүрді* ‘он подсадил меня’ (37a);

-(y)r ~ -(i)yр, см. Б: *кәчүрдүң* ‘ты провел’ (71); БН: *качурділар* ‘они обратили в бегство’ (43); А (А. 109): *jaшурма* ‘не прячь’ (29); СҚ: *сіңүріл* ‘введи’, ‘поглоти’ (776); ТМ: *ані јәргә түшүрділәр* ‘они спустили его на землю’ (976);

-кур ~ -күр ~ -бүр ~ -гүр ~ -кар ~ -кәр, см. Б: *куткардім* ‘я спас’, *әткәрдім* ‘я провел’ (29), *жәткүр* ‘донеси’, ‘доведи’ (198);

Л (А. 109): *jaзбурді ѡлдін* ‘он сбил с дороги’ (21); СҚ: *jam-курді* ‘он положил’ (42a);

-сәт, см. Б: *көрсәтті* ‘он показал’ (8);

-із ~ -із, см. Абушқа: *акізді* ‘он заставил (дал) течь’ (25); Сан: *әмізді* ‘она дала пососать молоко’ (1136), *тамізді* ‘он давал капать’, ‘он капал’ (1606);

-шур, см. ШН: *тапшурді* ‘он передал’, 49;

-бүз ~ -гүз, см. БН: *Самарканда тағтіба олтурғузділар* ‘посадили (его) на престол Самарканда’ (38); ДН: *жән кіргүзді тәнгә* ‘он ввел душу в тело’ (2486); М: *көргүзәйін* ‘показу-ка’ (11);

-ба ~ -ға, см. Абушқа: *толбаді* ‘он наполнил’ (219).

Причины разнообразия морфологических показателей глаголов пятой породы не вполне ясны. Тем не менее бесспорен, по крайней мере в ряде случаев, факт зависимости использования этого или иного аффикса от структурно-фонетических особенностей исходной основы.

Так, например, аффикс -т присоединяется преимущественно к основам, оканчивающимся на гласный или на р, ср.: *јарут-* (*јару-t-*) ‘освещать’, *жіблат-* (*жібла-t-*) ‘заставлять плакать’, *учрат-* (*учра-t-*) ‘встречать’, *судрат-* (*судра-t-*) ‘воловить’, *олтурт-* (*олтур-t-*) ‘сажать’, *кудурт-* (*кудуr-t-*) ‘приводить в бешенство’, *кәкәрт-* (*кәкәр-t-*) ‘позеленить’, *кувлат-* (*кувла-t-*) ‘заставлять гнать’, *түгәт-* (*түїә-t-*) ‘заканчивать’, *әрәт-* (*әрә-t-*) ‘растапливать’, *коркут-* (*корк-u-t-*) ‘пугать’.

Аффикс -тур ~ -дур в большинстве случаев присоединяется к основам с конечным сonorным согласным, ср.: *күйдүр-* (*күй-дүр-*) ‘сжигать’, *öltүр-* (*öл-tүр-*) ‘убивать’, *алдур-* (*ал-дур-*) ‘позволять взять’, *кәтүр-* (*кәл-tүр-*) ‘приносить’, *сабіндур-* (*сабін-дур-*) ‘наскучивать’, *кіждүр-* (*кіj-дүр-*) ‘одевать’, *міндүр-* (*мін-дүр-*) ‘подсаживать’, *урдур-* (*ур-дур-*) ‘заставлять бить’, *сорадур-* (*сора-дур-*) ‘заставлять спрашивать’, *тұттур-* (*тұт-tур-*) ‘заставлять держать’, *чалдур-* (*чал-дур-*) ‘заставлять играть’, *аттур-* (*ат-tур-*) ‘заставлять бросить’.

Аффикс -(y)r ~ -(i)yр выступает обычно с основами, которые оканчиваются на любой согласный, кроме сonorных, хотя и в этом случае есть исключения, ср. *кәчүр-* (*кәч-үр-*) ‘проводить’, *jaшур-* (*jaш-ур-*) ‘скрывать’, *түшүр-* (*түш-үр-*) ‘спускать’, *сі-*

нўр- (*cің-ўр-*) 'вводить', *тубур-* (*tub-ур-*) 'заставлять рожать', *јумур-* (*jum-ур-*) 'заставить зажмурить', *чўкўр-* (*chuk-ур-*) 'приземлять', *качур-* (*kaç-ур-*) 'обращать в бегство', *јатур-* (*jam-ур-*) 'укладывать', *ашур-* (*ash-ур-*) 'переводить'.

Труднее понять позиционные условия, в которых используется аффикс *-кур ~ -кўр...* Все же очевидно преобладание его у той группы первичных глагольных основ, которая оканчивается на *t*, ср.: *откар-* (*ot-kär-*) 'приводить', *јёткўр-* (*jët-kür-*) 'доводить', 'доносить', *куткар-* (*kut-kar-*) 'освобождать', *јаткур-* (*jam-kur-*) 'положить'.

Другие аффиксы, образующие пятую породу, встречаются чрезвычайно редко.

Когда глаголы первой породы являются непереходными, присоединение к ним какого-либо из перечисленных выше аффиксов делает их переходными. Однако принадлежность этих глаголов к пятой породе носит узко-формальный характер, так как их взаимоотношения с другими словами в составе предложения оказываются такими же, как и у глаголов первой породы с переходными значениями, ср. СҚ: *мён бир кішіні аэзурсам...* 'если я введу в заблуждение одного человека...' (716). Только присоединение второго аффикса придает непереходным глаголам собственное значение глаголов пятой породы (значение понудительности-каузативности), см. БН: *Самарканد албан маҳалда Ахсідін Бухарадін қавун кёлтүртүп бир мәjлісдә кәстүрдүм* 'взял Самарканд, я приказал доставить дыни из Ахсы и Бухары и попросил разрезать их на одном маджлисс' (6), где глагол *кёлтүртүп* включает в себя два аффикса, образующих пятую породу: *-түр* и *-т* (*кёл-* 'прийти', *кёлтүр-* 'принести', *кёлтүрт-* 'заставить принести').

При вдвойне переходных глаголах пятой породы непосредственный объект действия (объект волеизъявления действительного субъекта) выступает в форме дательного падежа, см. Б: *сәң көңілүні алдурдым* 'я позволил тебе взять мое сердце' (65); НМ: *ол ғібаснї мәңә кіждірді* 'он заставил меня (помог мне) надеть ту одежду' (219).

Сочетание двух аффиксов пятой породы с основами переходных глаголов или трех аффиксов с основами непереходных глаголов позволяет выражать втройне переходные значения,

или значения опосредованной каузативности, по типу: *јаздірт-* 'попросить одного оказать воздействие на другого с тем, чтобы этот последний написал письмо'.

Породы глагола не взаимоисключают друг друга: морфологический показатель третьей породы может присоединяться к показателю четвертой и пятой пород, показатель третьей и четвертой — к показателю пятой и т. д., см. БН: *банімін качурулді* 'враг был изгнан' (105), *сөзләшілді* 'они беседовали' (152), *Хусёйн мірзә билә хәм ошбу нав көрүшүлді* 'и с Хусейном мираой (мы) встретились точно так же' (234); ХМ: *мұнча абыт істішхәдбә кёлтүрілді* 'столько стихов было приведено в качестве цитат' (64а). Не исключена возможность сочетания в пределах одной глагольной формы трех и даже четырех аффиксов, образующих породы, см. Абушқа: *толбандуруп* (*тол-ба-н-дур-уп*) 'наполнив' (219). В подобных случаях понятие вторичной основы становится относительным.

Некоторые глаголы второй и третьей пород не соотносимы с соответствующими глаголами первой породы (последние отсутствуют в староузбекском языке XIV—XVI вв., но, возможно, существовали в языке более раннего периода), тогда как формы пятой породы этих же глаголов представляют собой неразложимые морфологические сращения, ср.: *кутул-* 'освободиться', *куткар-* 'освободить' (**kut-*); *ујал-* 'стыдиться', *ујат-* 'стыдить', (**uya-*); *їнан-* 'верить', *їнат-* 'внушить' (**yna-*); *öргән-* 'учиться', *öргәт-* 'учить' (**örgä-*); *тіріл-* 'оживать', *тіріт-* 'оживлять' (**tipi-*); *ујбап-* 'пробуждаться', *ујбат-* 'пробуждать' (**ujba-*).

Изредка оказывается возможной только форма второй породы и от нее образуются формы четвертой и пятой пород, см. ШН: *атланді* 'он отправился' (44).

Необходимо далее отметить, что глаголы разных пород могут иметь одинаковое значение, ср.: *куру-* и *куруш-* 'сохнуть', *јару-* и *јаруш-* 'светиться', *түгә-* и *түгән-* 'кончаться'.

Формы отыменного и отнаречного словообразования

От имени и наречия глагол образуется при помощи аффиксов: *-ла(n) ~ -lä(n)*, *-ла(m) ~ -lä(m)*, *-ла(w) ~ -lä(w)*, см. БН: *јара-бланіп* 'вооружившись' (*јара* 'оружие'; 86), *таја-блаттім* 'я при-

казал бить палкой' (*tajaз* 'палка'; 154), *окладлар* 'они пускали стрелы' (*ok* 'стрела'; 200), *jëbälänip* 'надев на себя кольчуги' (*jëbä* 'кольчуга'; 201), *cözläship* 'беседуя' (*cöz* 'слово'; 203); Сан: *атбуладї* 'он стрелял' (*atbu* ~ *atky* 'пускание стрел'; 29a), *авчуладї* 'он взял в горсть' (*avuch* 'горсть'; 53a); ТМ: *jüzeländi* 'он проявил себя', 'он появился' (*jüz* 'лицо'; 106a); ЧД: *bažlanđi* 'она привязалась' (*baž* 'вязка'; 54a);

-да ~ -дә, см. ДН: *ýндадім* 'я позвал' (*ýn* 'возглас', 'звук'; 268a); Маҳ: *колдадї* 'он повел' (*kol* 'рука'; 67), *јолдадї* 'он направился' (*јол* 'дорога'; 67);

-на ~ -нә, см. Л: *oјnaјin* 'поиграю-ка' (*oј* 'игра'; 46);

-ра(н) ~ -pä(н), см. Сан: *iңrädi* 'он стонал, плакал' (*iң* 'стон' — звукоподражание) (117a, ср. там же: *iңlädi*, *iңillädi*); Абушқа: *iңrändi* 'он стонал, плакал' (81);

-а ~ -ä, см. Абушқа: *atađi* 'он назвал' (*at* 'имя, прозвище'; 6); ШН: *tүnädi* 'он заночевал', 'он провел ночь' (*tүn* 'ночь'; 162);

-aj ~ -äj, см. Сан: *улбајdї* 'он вырос' (*ulub* 'большой'; 85a); -(a)p ~ -(ä)p, см. Абушқа: *жskirđi* 'он состарился' (*жskî* 'старый'; 55), *kïskardї* 'он стал коротким' (*kïska* 'короткий'; 331); Б: *саpбарdäm* 'я пожелтел' (*sařib* 'желтый'; 29); Л (А.109): *akardї* 'он поседел' (*ak* 'белый'; 10), *kökärđi* 'он зазеленел' (*kök* 'синий', 'зеленый'; 249); СК: *karapraž* 'потемнеет' (*kara* 'черный'; 17a), *kïzarđi* 'он покраснел' (**kïz* 'красный'; 124a);

-i(k) ~ -(i)k ~ -(y)k ~ -(ü)k, см. Абушқа: *јолуктї* 'он встретился' (*јол* 'дорога'; 417); БН: *jažiktї* 'он враждовал' (*jaži* 'враг'; 80); ХШ: *bïrikтi* 'он объединился' (*bïr* 'один'; 176);

-cïn ~ -cïn, см. Мұх: *jïblamcïnuru* 'плакать всхлипывая' (**jïblam* 'плач'; 9);

-kar, см. Сан: *baškarduk* 'мы направляли, управляли' (*baš* 'голова'; 123б);

НАРЕЧИЕ

Наречие — часть речи, выделяющаяся отсутствием словоизменительных форм. Последние, однако, не всегда отсутствуют вообще: многие наречия имеют какую-либо определенную словоизменительную форму, только эта форма является неподвижной, застывшей и не выражющей в данном случае те синтагмати-

ческие связи, которые присущи ей в силу вхождения в ту или иную парадигму.

Обособление имен и глаголов и переход их в разряд наречия происходит очень медленно. В этом процессе можно сравнительно легко определить крайние моменты: начало обособления и полный отрыв формы от своего парадигматического ряда. Все промежуточные этапы характеризуются и наличием живых функций, и признаками омертвления продуктивного морфологического образования, так что нередко трудно сказать определенно, имеем ли мы дело с глаголом (именем) или же с наречием.

В плане сочетаемости с языковыми единицами своего уровня наречие примечательно тем, что не может быть определяемым в определительных сочетаниях, в которых определением является имя. Примеры типа *хäp kaјda* 'всюду', разумеется, в счет не идут, так как в подобных примерах определительный член *хäp* 'весь', 'каждый' первоначально входил в сочетание не с наречием *kaјda* 'где', а с именем *kaј*, *kaјu* 'какой'. Наречие в сочетаниях с именами фактически не выступает и в качестве определения, так как те немногочисленные случаи подобных сочетаний, которые все же имеют место, не отражают специфики наречия и являются обычно следствием еще сохраняющихся связей с именем.

Наречие подразделяется на две большие группы: обстоятельственные и изобразительно-экспрессивные слова.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ СЛОВА

Поскольку обстоятельственные слова не имеют собственных форм словоизменения и представляют собой результат семантико-грамматического обособления двух других частей речи, т. е. имени и глагола, то классификация их, естественно, может быть произведена только в этимологическом плане („именные“ и „глагольные“ наречия).

Большинство „именных“ наречий — обособившиеся падежные формы имен, включая и форму основного падежа, которая преобладает у сложных наречий. Примеры:

— осн. п., см. А: *хärdam* 'постоянно', 'всегда' (*хäp* 'весь', 'каждый', *dam* 'время'; 210); Л (А. 109): *kanї* 'где' (175), *хärgäz*

‘никогда’ (гээ?; 210); М: *качан* ‘когда’ (**кач* ‘какой’, *ан* ‘момент’; 27, ср. также *хәр* *качан* ‘всегда’); НМ: *кајан* ‘куда’ (*каj* ‘какой’, *јан* ‘сторона’; 107а);

— дат. пад., см. БН: *біргә* ‘вместе’ (146);

— местн. пад., А: *канда* ‘где’ (5), *хәр кајда* ‘повсюду’ (164); БН: *мунда* ‘здесь’ (113), *кајда* ‘куда’ (119); МАХ: *кајда* ‘где’ (14); ШН: *анда* ‘там’ (82);

— исход. пад., см. НМ: *кајдін* ‘откуда’ (176);

— орудн. пад., см. АХ: *күндүзүн* ‘днем’ (324б); Б: *сөңсізін* ‘без тебя’ (49, см. также ЧД, 116); МХ: *жалбузун* ‘одиноко’ (225б); СК: *жүз түйбән* ‘ниц’, букв. ‘лицом вниз’ (416); ШН: *кәңкүрун* ‘вечером’ (438);

— древн. направ. пад., см. НМ: *соңра* ‘после’, ‘затем’ (42а).

В качестве обособившихся морфологических образований функционируют также отдельные формы с аффиксом *-лар ~ -lär*, см. БН: *јазлар* ‘летом’, *күзлär* ‘осенью’ (159); ШН: *андалар* ‘там’ (82).

Некоторые наречия данной подгруппы восходят, по-видимому, к послеложным сочетаниям, см. ШН: *түнлә ok* ‘ночью же’ (130); некоторые — к каким-то древним формам, имеющим неясные истоки, см. М: *эмди* ‘теперь’ (10); СК: *мунаjdї* ‘так’ (97б) или к непроизводным формам, см. БН: *бат* ‘скоро’, ‘быстро’ (151).

Часть ‘именных’ наречий — заимствования из арабского и персидского языков, см. БН: *бәлібә* ‘вероятно’ (6), *мукаррапан* ‘неоднократно’ (14), *алахүсүә* ‘особенно’ (23), *філжұмлә* ‘вообще’, ‘в целом’ (48), *філхәл* ‘тотчас же’ (51), *тахмәнан* ‘приблизительно’ (68), *ханұз* ‘еще’, ‘все еще’ (125), *хәлә* ‘теперь’ (128), *албаттә* ‘конечно’ (134), *філвәкі* ‘тотчас же’ (152), *тамам* ‘полностью’ (192), *дәім* ‘постоянно’ (235); МХ: *[алкىçә]* ‘одним словом’ (16); ТМ: *бабайат* ‘очень’ (92а).

Неполноденными наречиями, с точки зрения выраженности и четкости морфологических признаков, являются заимствованные формы типа *шә'рәнә*, см. БН: *казакәнә* ‘ва бәтакаллу-фәнә’ ‘по-казачески и бесцеремонно’ (133); МАХ: *шә'рәнә* ‘поэтически’ (29). Эти формы в староузбекском языке еще сохраняют способность присоединять к себе некоторые словообразовательные аффиксы имен, см. БН: *мардәнәләк* ‘храбрость’ (203), а также выполнять функции определения в именных сочетаниях,

см. БН: *мардәнә сөзләр* ‘храбрые слова’ (137), и поэтому в равной мере могут быть отнесены и к наречиям и к именам (прилагательным).

‘Глагольные’ наречия — обособившиеся полные или стяженные формы деепричастий на *-а ~ -ә ~ -у ~ -ү ~ -ї ~ -и...* Примеры. А: *јана* ‘еще’ (*јан-* ‘возвращаться’; 9); Абушқа: *јашурүн* ‘тайно’, ‘скрытно’ (*јашур-* ‘скрывать’; 403); Л: *дағї* ‘также’, ‘еще’ (*так-* ‘присоединяться’, ‘следовать’; 172б, см. также НМ, 18а); ШН: *асрү* ‘очень’ (*асір-* ~ *ашір-* ‘заставить превосходить’; 4, 14); Я: *баса* ‘еще’, ‘также’ (*бас-* ‘следовать’, ‘давать’, ‘наступать’; 319а).

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНЫЕ СЛОВА

В группу изобразительно-экспрессивных слов входят образные слова, междометия и вокативные слова. Данная группа примечательна полным отсутствием грамматической формы. Следует однако отметить возможность образования от изобразительно-экспрессивных слов имен и глаголов, ср.: *ажір-* ‘звать’, ‘кричать’.

Образные слова в памятниках староузбекского языка встречаются редко, что объясняется стремлением авторов ограничить доступ в книжный язык таких элементов, которые носят ярко выраженный разговорный характер. Примеры. Абушқа: *тім тім* ‘по капле’ (196); БН: ... *јөргә тәпсәләр* *тамам гүнбәздін лак лак* *аәвәз көлүр* ‘...если ступают на землю, из-под купола доносится хлопающий (лак лак) звук’ (59); МУХ: *Навә'i ол үйлүчүн хая жая* *јіблама* ‘о Навои, из-за той розы не плачь горько’ (*хая* *хая*; 10); МХ: *түшті ҳарәбат іцидә хая ва ху* ‘в кабаке — разные возгласы’ (*хая* *ху*; 6).

Значительно шире представлены междометия, см. А: *ах ёмди* *калмадї* *ах урбалї* *хәм кувватім* ‘ох, не осталось у меня даже сил стонать (букв. произносить „ах“)’ (135); Б: *јәмалиң* *вағфінї* *ај ај* *нәчә ёлдін* *әшітләјмән* ‘описание твоей красоты ой, ой от скольких людей я слышу’ (91), *ај вај* *мәңә вај* *мәңә* ‘о горе мне, горе мне’ (147); Л (А. 109): *вах ошул гәнжә арзүсі-дур бізни* *вајран айләгдн* ‘увы, желание этих сокровищ погубило меня’ (209а); МЛ: *ла* — междометие, выражющее сожаление.

ние (95); С: *aj vaj нўчай тарталё imläp маҳалнї 'ой, ой,* сколько еще будем влакить жалкое (букв.: собачье) существование' (256), *ах урдум 'я ахал', 'я охал'* (26а); ЧД: *ваҳ кў бу гўлшан ара гўл бўтмас ёрміш ҳарсиз 'жаль (увы!)*, что розы в этом цветнике, оказывается, не растут без шипов' (22а).

Случаи оформления междометий словоизменительными аффиксами единичны, см. Я: *мёні ахба нісбат кілп айтур* 'меня сравнивает со вздохом (букв.: с „ах“)' (319б); Л: *тағнї ёрётўр ахим* 'мои вздохи плавят горы' (166б).

К числу вокативных слов относятся слова-частицы *aj* и *jā*, см. А: *aj бўқим* 'о госпожа' (236); Б: *буrbat iирә aj кўңўл ълдин вафә істарнї кој* 'на чужбине, о сердце, не жди верности от людей' (74); С: *aj фәлак чарҳ урђил* 'о небесная сфера, вращающейся' (16а); ЧД: *jā раб* 'о господин' (67б).

ЧАСТИЦЫ РЕЧИ

Одной из наиболее важных и наиболее древних особенностей структуры тюркских языков является нахождение зависимого, подчиненного или служебного члена в положении после независимого, самостоятельного компонента соответствующей синтагматической единицы. Именно эта особенность предопределила наличие в тюркских языках послелогов и отсутствие предлогов, наличие аффиксов-суффиксов и отсутствие аффиксов-префиксолов. Таким образом, идеально, т. е. без учета тех изменений, которые произошли в структуре тюркских языков в сравнительно недавнее время чисто внутренним путем или под влиянием других языков, все частицы речи имеют довольно определенную формальную характеристику. Будучи служебными элементами, они постпозитивны в отношении частей речи.

Разумеется, староузбекский язык уже далек от того идеального типа, в котором функции различных компонентов сочетания строго определялись их соотносительным расположением. Все же указанный принцип еще сохранил свое значение и для староузбекского языка. Характерно, что те частицы речи в нем, для которых исконное формальное ограничение, отмеченное выше, не играет никакой роли (например предлоги и союзы),

являются заимствованиями из нетюркских языков или возникли в результате довольно позднего обособления некоторых собственно тюркских местоимений и деепричастий.

ПОСЛЕЛОГИ

Послелоги — служебные слова, сохраняющие в отдельных случаях тесную связь с теми частями речи, из которых они развились.

Связь отглагольных послелогов с наречиями проявляется в неизменности их оформления; что касается связи отыменных послелогов с именами, то ее можно проследить в способности послелогов сочетаться со словоизменительными морфемами падежа, числа и принадлежности, а также с другими аффиксами, см. БН: *мундїн бурунрак* '(немного) раньше этого' (39), Султан *Мас'уд мірзанї кәјініә* 'за Султан-Мас'удом мирзой' (42); М: *күшк ўзасіндә* 'на престольном месте' (13); НМ: *андїн il-тәрірәк* 'раньше него' (13б), *андїн бурунрак* 'до него', *андїн соңрапак* 'после него' (36а); СК: *бізің катіміздә* 'перед нами' (85а); Я: *бізің араміздә* 'между нами' (320а).

Когда послелоги выступают самостоятельно, граница между ними и частями речи по существу исчезает, см. Б: *кашіңба* 'к тебе' (19), *гірдіңдә* 'вокруг тебя' (30), *утрумба кёлүр* 'идет мне навстречу' (66), *кашімба көлгіл* 'подойди ко мне' (200); БН: *іңілә* 'внутрь себя' (8), *кёйінләрілін* 'за ними' (49); НМ: *утру кәліп* 'выйдя навстречу' (68б); С: *тапбуңда* 'при тебе' (86); СК: *іләйіміздін* 'впереди нас' (29б).

Послелоги, включающие в себя словоизменительные морфемы, являются либо именами, либо глаголами, употребляемыми в служебной функции и имеющими, как правило, некоторые формальные особенности. Так, например, "именные" послелоги обнаруживают максимально три падежные формы, фиксирующие основные моменты пространственных взаимосвязей: "куда", "где", "откуда", ср.: *таш алдіба* 'к камню', *таш алдіда* 'перед камнем', *таш алдідан* 'от камня (букв.: от перед камнем)'. Для "глагольных" послелогов характерно наличие одной неизменной формы, нередко выделяющейся своей архаичностью, ср.: *біздін айру* 'кроме нас', *ол күндін бәрі* 'с того дня' (*айру* и *бәрі* —

формы неполной вербальности — деепричастия на *-у*, *-и*, типичные и продуктивные для языка более древнего периода.

Неизменную форму имеют и некоторые „именные“ послелоги: *ўчүн*, *кәбі*, *башқа*, *өзгүй*, *соңра* и т. д., полностью утратившие связь с теми именами, от которых они произошли.

Послелоги с неизменной формой следует назвать истинными послелогами. Изменяемые послелоги могут быть названы служебными именами.

Послелоги — наиболее подвижный разряд частиц, в границах которого осуществляется тесное взаимодействие между самостоятельными и служебными словами. Они отражают формальную историю самостоятельных слов и консервируют отдельные ее этапы. В силу этого обстоятельства послелоги являются ценнейшим материалом для диахронического изучения языка. Именно в пределах послелогов можно восстановить общетюркскую парадигму склонения, ср., например, местно-направительный падеж на *-ра* ~ *-рә* (*соңра*, *ічрә*, *ўэрә*), орудийный на *-иң* ~ *-иң* (*ўчүн*, *кәйін*), направительный на *-кари* ~ *-кәрі* (*ташкарі*) и т. д. Анализ послелогов позволяет также выяснить соотношение и природу различных вариантов деепричастия „настоящего“ времени (ср.: *бака*, *бәрі*, *утру*, *сајїн* ~ *сајї*).

Все послелоги употребляются с именами (исключение одно: *бәрі*, ср.: *кілдабай бәрі* ‘с того времени, как начал делать’), поэтому классификация их строится на основании учета формы имен, выступающих в послеложных сочетаниях.

A) Послелоги, сочетающиеся с именами в форме основного падежа

В этой группе встречаются главным образом „именные“ послелоги, которые выражают пространственные отношения, и „глагольные“ послелоги *аша*, *бәрі*, *бака*, *сајї* ~ *сајїн*, *тәүрү*.

алдіда, *алдінда*, см. БН: *iш bіlýр kіші алдіда* ‘перед знающим дело человеком’ (104); М: ‘арш алдінда’ ‘перед престолом’ (16);

аліда, см. ДН: *хајалің аліда* ‘перед твоим образом’ (257а); Л (А.109): *јүзүң аліда* ‘перед твоим лицом’ (3); ЧД: *ај аліда* ‘перед красавицей’ (276);

ара, см. Ах: *жаләjіk ара* ‘среди людей’ (323б); Л (А.109): *үшшәk ара* ‘среди влюбленных’ (208); Мах: *әl ара* ‘среди людей’, ‘среди народа’ (76); ЧД: *бустән ара* ‘в цветнике’ (5а); ШН: *ол ара* ‘среди них’ (135), *јаңал ара* ‘в лесу’ (214); ЭД: *от ара* ‘в огне’ (10);

арасіда, *арасінда*, *арасідін*, см. БН: *намәзшам біlә намәз-жұфтан арасіда* ‘между вечерней иочной молитвами’ (40); Л (А. 109): *гүлістән арасінда* ‘среди цветника’ (213); Мах *булар арасіда* ‘между этими’ (50), *јаңшылар арасідін* ‘из хороших’ (171); НМ: *машәjіx арасіда* ‘среди шейхов’ (117б); СК: *жаләjіk арасінда* ‘среди народа’ (55а); ТМ: *іккі ач арслан арасіда* ‘среди двух голодных львов’ (125а);

астіба, *астіда*, *астінда*, см. Б: *гүl зулғі астінда* ‘под локоном розы’ (52); Мах: *ајағ астіда* ‘под ногой’ (154); НМ: *баші астіба* ‘под его голову’, *јані астіда* ‘под его боком’ (276); ШН: *сал астіда* ‘под плотом’ (158);

атрәфіда, см. БН: *бу чашмә атрәфіда* ‘вокруг этого источника’ (168);

аша, см. БН: *үч күн аша* ‘через три дня’ (303);
бабінда, см. Я: *тахаммул бабінда* ‘в отношении терпения’ (315б); БН: *мәвәләр бабіда* ‘о плодах’ (225);

бака см. БН: *Кабул сарі бака* ‘в сторону Кабула’ (157);

башіда, *башінда*, см. Л: *булак башінда* ‘у (начала) источника’ (180а); ШН: *јол башінда* ‘у дороги’ (35);

bіlә, *bіlәn*, см. Ах: *шах bіlәn* ‘шахом’ (324а); Б: *сөз bіlә* ‘словом’ (10), *көңlак bіlә* ‘с рубашкой’ (59); Қас: *ұшвайлар кіл-мак bіlә* ‘очарованием’ (I); Мб: *кудрат bіlә* ‘могуществом’ (I); ЭД: *јүjүрмәблі bіlә* ‘со скитаниями’ (3);

бікін, см. А: *гүl бікін* ‘словно роза’ (6), *зулғұң бікін* ‘подобно твоим кудрям’ (94); ДН: *худхуд бікін* ‘как удод’ (267б); МХ: *јамбұр бікін* ‘подобно дождю’ (18); С: *шакар бікін* ‘словно сахар’ (186); ТН: *Маңын бікін* ‘словно Маджнун’ (282б);

biplә, *biplәn*, см. Б: *әl biplә* ‘с народом’ (9), *бу сөзләр biplә* ‘этими словами’ (198); ДН: *алтун суjі biplәn* ‘золотой водой’ (259а); Қас: *өз колуң biplә* ‘своей рукой’ (I); Л: *kачарің biplә* ‘с твоими щеками’ (II); Мб: *кудратиң biplә* ‘твоим могуществом’ (I); ТМ: *Афрасијаб biplәn* ‘с Афрасиабом’ (96а); ШН:

ол јосун *biplä* 'таким способом' (37), *jānäm birlän* '(всей) моей душой' (43);

böri, см. А: *nażar kılbałi böri* 'с того времени, как начал созердаться' (169б);

ilä, ilän, см. А: *xusn ilä* 'красотой', 'по красоте' (106); Ах: *nawbat ilän* 'по очереди' (326б); Б: *tajıl ilä* 'со спешкой' (57), *bu köñläk ilä* 'с этой рубашкой' (158); А: *zulm ilä* 'насильно' (I); Қл: *böj ilä* 'с запахом' (I); Мб: *cıdk ilä* 'с искренностью' (I); ТН: *kärb ilä* 'с грустью' (275б); ШН: *vaçl ilä* 'встречей' (76), *bu söz ilä* 'этим словом' (124), *böz ilä* 'с беком' (150);

ilkidin, см. Б: *jān ilkidin* 'из-за души', *xıjrän ilkidin* 'из-за разлуки' (2); А: *zulph ilkidin* 'из-за локона' (201б);

içigä, içindä, içindä, см. Қ: *körk içindä* 'по красоте' (III); М: *ol döñiz içindä* 'в том море' (16); НМ: *ot içindä* 'в огне' (147б); СҚ: *gür içingä* 'в могилу' (83а); ТН: *baixr içindä* 'в море' (276б); ШН: *shaxar içigä* 'в город' (32), *kış içindä* 'зимой' (85);

içrä, içrä, см. Б: *közüm içrä* 'в моих глазах' (14), *köñül içrä* 'в сердце' (24), *burbat içrä* 'на чужбине' (55); А: *läptäfät bustanä* 'в саду прелести' (IV); Қл: *chamän içrä* 'на лужайке' (I); ТН: *tän içrä* 'в теле' (273б); ШН: *shaxar içrä* 'в городе' (32), *bäblar içrä* 'в садах' (58);

jañlib, см. Б: *xažän jafrabj jañlib* 'словно осенний лист' (29); Мах: *bu jañlib* 'подобный этому' (4); А: *jäd jañlib* 'подобный волшебнику' (194б), *sham' jañlib* 'подобный свече' (123); Мұх: *bulut jañlib* 'подобно облаку' (9); СҚ: *bu jañlib* 'таким образом' (30а); ЧД: *bu jañlib* 'как этот' (26).

jihatidin, см. БН: *baħar jažiñlarj jihatidin* 'из-за весенних дождей' (44), *ðəzbač jihatidin* 'из-за узбеков' (74);

katibä, katibä, katina, katida, katinda, katindä, см. Қ: *sham-i ruxsäriñ katindä* 'у свечи твоего лика' (II); МХ: *satikci katina* 'к продавцу' (14); СҚ: *Müsä katibä* 'к Мусе' (296); ТН: *sulṭän katindä* 'при султане', 'перед султаном' (289а); ШН: *ħan katida* 'при хане' (17), *ħan katibä* 'хану' (31);

kashibä, kashindä, kashida, kashinda, см. Б: *xıjr otii kashinda* 'перед огнем разлуки' (33), *jüzüñ kashida* 'перед твоим лицом' (60), *kyjaş kashibä* 'к солнцу' (200); Қ: *aħtar kashinda* 'перед звездой' (I); Мах: *alap kashida* 'при них' (44); ТМ: *Ärdüşir kashibä* 'к Ардашуру' (114б); ТН: *ulublar kashida* 'перед

великими' (275а); ШН: *ulus kashibä* 'к улусу' (32), *ħan kashida* 'при хане' (62);

käbi, см. А: *cən käbi* 'как ты' (159); Ах: *mən käbi* 'как я' (323б); Б: *bülbül käbi* 'как соловей' (9), *cınbül käbi* 'как гиант' (15), *kyjün käbi* 'как вихрь' (200); Мах: *xıjr käbi* 'как разлука' (7), *samanدارлар käbi* 'как саламандры' (92); ЧД: *mən käbi* 'как я' (60б); ШН: *özgä ħanlar käbi* 'как другие ханы' (13), *koj käbi* 'как овца' (79);

mukäbiläsäda, см. БН: *Xaft pajkar mukäbiläsäda* 'на (в подражание) „Хафт пайкар“' (227); Мұх: *ökürmäk mukäbiläsäda* 'напротив (рядом) с „өкүрмәк“' (9);

ortasäda, см. Мах: *alap ortasäda* 'среди них' (19); ЧД: *tijn ortasäda* 'посередине ночи' (71а);

ornida, orunibä, ornibä, ornina, см. А: *xärbir sükünçijñ ornida* 'за (вместо) каждое твое бранное слово' (10); БН: *uj ornibä* 'вместо коровы' (40), *käf orunibä* 'вместо кафа' (163), *su orunibä* 'вместо воды' (165); ДН: *shäkär ornina* 'вместо сахара' (248а);

caj, cajin, см. А: *mən cən körğän cajin* 'по мере того, как я созерцаю тебя' (135); Б: *barban caj* 'по мере того как идет (время)' (79), *körğän caj* 'по мере того, как вижу' (145); Мах: *kılbañ caj* 'по мере того, как делает' (91); ШН: *jürjürän caj* 'по мере того, как шел' (86);

car, caribä, caribä, см. Б: *Käbil cari* 'в сторону Кабула', 'в Ка-бул' (46), *Läñär caribä* 'в направлении Лангара' (122), *bu cari* 'сюда' (237); А: *kufr cari* 'в сторону вероотступничества' (III); Мах: *mäscid cari* 'к мечети' (34); СҚ: *Mækka cari* 'в сторону Мекки' (21а); ТМ: *daşt cari* 'в сторону степи' (106б); ТН: *Ta'aşşuk-nämä cari* 'в сторону Та'ашшук-наме' (275б); ҲМ: *bu fakir cari* 'ко мне' (71б); ЧД: *bäb cari* 'к саду' (53б); ШН: *Xorásan cari* 'в Хорасан' (32);

soñcha, soñcha, см. ШН: *ölçi soñcha* 'за послом' (158);

tabubüda, tabubüda, см. Я: *xuš tab'lär tabubüda* 'при добродорядочных' (314б);

toþrisibä, toþrisäda, toþrisidin, см. БН: *Tärmez toþrisibä* 'прямо к Термезу' (147), *oşbu kənt toþrisäda* 'прямо перед селением' (186), *oşbu aral toþrisidin* 'прямо от (мимо) этого острова' (187);

түйбіндә, см. МХ: *там түйбіндә* 'под стеной' (28);
тәгін, см. Л (А.109): *ок тәгін* 'как стрела' (139), ср. Л (Add. 7914): *ок бікін* (2016);

тәграсіндә, *тәграсідә*, *тәграсідін*, см. БН: *Үрәтәпәнің тәграсідә* 'вокруг Уратепа' (121), *Андіжан тәграсіндә* 'вокруг Андикана' (129), *Андіжан тәграсідін* 'из-под Андикана', 'от Андикана' (132); Мадж: *амалдарлар тәграсідә* 'вокруг чиновников' (36a); НМ: *казан тәграсідә* 'вокруг казана' (72a); ТМ: *дәйр тәграсідә* 'вокруг питеиного дома' (1376);

тәгрүй, см. ДН: *кәчә тәгрүй* 'до вечера' (2346);

үзәй, см. Б: *ғұл үзәй* 'на розе' (44); М: *бір күрсіт үзәй* 'на одном кресле' (11); С: *јүзәүм үзәй* 'на моем лице' (186); ТН: *әфләк үзәй* 'на небесах' (2746); ШН: *тахтті үзәй* 'на его престол' (36), *көк үзәй* 'на небе' (103);

үзәрә, см. Б: *ғұл үзәрә* 'на розе' (15); Л: *көз баҳрі үзәрә* 'над морем глаз' (III); ШН: *әсмән үзәрә* 'на небе' (69), *араба үзәрә* 'на арбе' (202);

үстіңдә, *үстіндә*, *үстіндә*, *үстінә*, *үстіндін*..., см. Б: *суман үстіндә* 'над жасмином' (64); ДН: *даң үстінә* 'на рану' (244a), *көк үстіндін* 'с неба' (2586); Л (А.109): *ајаң үстіндә* 'на ногах' (197); М: *мінбар үстіңдә* 'на минбаре' (15); МХ: *барча улус үстінә* 'на все народы' (10); НМ: *баш үстіңдә* 'на его голову' (306); ХМ: *ат үстіндә* 'на лошади' (326); ШН: *Хисар үстіңдә* 'на Хисар' (96);

үчүн, см. Б: *тәңрі үчүн* 'ради Бога' (47); Қас: *тәңрің үчүн* 'ради твоего бога' (I); Маҳ: *бір дірам үчүн* 'из-за одного драма' (23); Маҳ: *ол ғұл үчүн* 'из-за той розы' (10); ШН: *разм үчүн* 'для сражения' (221); Я: *бір башак үчүн* 'из-за одного колоса' (3186);

хізматібә, *хізматіда*, см. БН: *'Абдуррахман Ҙамі хізматіда* 'при Абдуррахмане Джами' (218); НМ: *улар хізматібә* 'к ним' (83a, 209б), *тір хідматібә* 'к пиру' (158a); ТМ: *атасінің хідматібә* 'к его отцу' (115a);

чаңліб, см. Б: *часча чаңліб* 'как соломинка', 'как соринка' (82); БН: *Ош чаңлік* 'как Ош', 'подобный Ошу' (4), *мунча чаңліб* 'подобный этому' (62), *мің чаңліб* 'около тысячи' (437); СҚ: *бір іт чаңліб* 'подобен собаке', 'с собаку' (196), *Jaихұн дар'ясінің чаңліб* 'как река Джейхун' (24a).

Б) Послелоги, сочетающиеся с именами в полной стяженной формах сопряженного состояния

В данную группу входят только именные послелоги, большинство из которых сочетается также с именами в форме основного падежа.

аліда, см. А: *ошибу жүзінүң аліда* 'перед этим лицом' (252); БН: *бәнімларінің аліда* 'перед их врагами' (182); Л: *анің аліда* 'перед ним' (1826);

алдіба, *алдіда*, *алдінда*, *алдідін*, см. БН: *Танбалнің алдіба* 'к Танбело' (124), *улуб ҳаннің алдідін* 'от великого хана' (132); СҚ: *'аршың алдінда* 'перед престолом' (166);

алніда, см. Дж: *dilbәrіnің алніда* 'перед своей красавицей' (I); *ара*, см. НМ: *сізің араңызда* 'среди вас' (176);

арасіда, *арасінда*, см. БН: *авләдінің арасіда* 'среди его потомства' (46); СҚ: *әлнің арасінда* 'среди народа' (17a); Я: *ок jaңің арасінда* 'между стрелой и луком' (3146);

астібә, *астіда*, *астінда*, *астідін*, см. БН: *курбаннің астідін* 'из-под крепости' (6), *ат аябінің астібә-ок* 'под ногами лошадей' (38); РК: *топракнің астінда* 'под землей' (159);

атрәфіда, см. ЧД: *хілваттің атрапфіда* 'вокруг мест уединения' (54a);

бікін, см. С: *мұнун бікін* 'подобно этому' (186);

білә, см. Б: *сәнің білә* 'с тобой' (7); Мадж: *бізнің білә* 'с нами' (20a); ШН: *анің білә* 'с ним' (3);

бірлә, см. Б: *бізің бірлә* 'с нами' (169); ТН: *сәнің бірлә* 'с тобой' (2756); ШН: *сізің бірлә* 'с вами' (51);

дәманасіда, см. БН: *табнің дәманасіда* 'у горы' (167);

ilәjіндә, см. М: *көшкнің ilәjіндә* 'перед тронным местом' (15); СҚ: *мің әвшің ilәjіндә* 'перед тысячей домов' (33a), *jігітнің ilәjіндә* 'перед юношей' (80б);

ічілә, *ічінә*, *ічідә*, *ічиндә*, см. М: *бабнің ічиндә* 'в саду' (31); Мадж: *анің ічиндә* 'внутрь его' (67); СҚ: *табнің ічиндә* 'в горе' (816); ШН: *шахарнің ічиндә* 'в городе' (31);

катіда, *катінда*, *катідін*, *катімізда*, см. М: *анің катінда* 'при нем' (13); СҚ: *бізің катімізда* 'перед нами' (85a); ШН: *анің катідін* 'от него' (36);

кашіда, *кашімда*, *кашімізда*, см. Б: *лабінің кашіда* 'перед твоими губами' (9); Мадж: *аларнің кашіда* 'при них' (216); Маҳ:

анің *кашіда* 'при нем' (13); НМ: *мәнің кашімда* 'при мне' (29а), *бізіңің кашімдә* 'к нам' (154а);

кәйінічә, см. БН: *бәзбакнің кәйінічә* 'за узбеком' (17), *Байсунбур мәрзәнің кәйінічә* 'за Байсунгур-мирзой' (47);

орніңа, см. БН: *хандакінің орніңа* 'вместо рва' (6);

ортасіңа, *ортасінба*, *ортасіда*, *ортасінда*, *ортасідін*, см. БН: *бабнің ортасіда* 'посередине сада' (58), *Кәнігілнің ортасідін ақар* 'течет через Канигил' (посередине его; 60); СҚ: *Каф тағінің ортасінда* 'посередине горы Каф', (14а);

утрусіңа, см. БН: *мәрзәнің утрусіңа* 'на миразу', 'навстречу мирзе' (48);

рұбәрүйіңа, *рұбәрүйіда*, см. БН: *мәнің рұбәрүйімда* 'напротив меня' (131);

сарі, см. ЖМ: *анің сарі* 'в его сторону' (78б); ШН: *сәнің сарі* 'в твою сторону', 'к тебе' (33);

соңтіңіча, см. БН: *бізіңің соңтіңіча* 'за нами', 'вслед за нами' (191);

төзрісідін, см. БН: *Ярінің төзрісідін* 'прямо из-под Яры' (101);

түбіндә, *түбінді*, *түбіндін*, см. БН: *тағларнің түбіндә* 'у подножия гор' (9); М: *жібачнің түбіндін* 'из-под дерева' (17), *жібачнің түбіндә* 'под деревом' (34); СҚ: *жібачларнің түбіндә* 'под деревьями' (56а); Я: *хәр бұтәнің түбіндә* 'под каждым кустом' (318б);

тәграсінгә, *тәграсідә*, см. М: *'аршнің тәграсідә* 'вокруг престола' (24); СҚ: *дун'янің тәғ(ә)расіндә* 'вокруг мира' (14а), *карінің тәграсінде* 'вокруг старика' (81б); ШН: *шахарнің тәграсінде* 'вокруг города' (39);

үзә, см. М: *сәнің үзә* 'на тебе' (19);

үстіңә, *үстіңдә*, *үстіңді*, *үстіңдә*, *үстіңмә*, *үстіңдін*, см. БН: *анің үстіңә* 'на него' (39), *мәрзәнің үстіңдә* 'на миразу' (46), *іккі пуштәнің үстіңдін* 'с двух холмов' (162); СҚ: *мәнің үстіңмә* 'на мне' (14б), *ол әшикнің үстіңдә* 'над той дверью' (55б); ТМ: *анің үстіңдә* 'на него' (136б);

үчүн, см. Б: *анің үчүн* 'для нее' (145), *бізің үчүн* 'для нас' (234); Қл: *анің үчүн* 'для него' (I); М: *мәнің үчүн* 'для меня' (2); Маҳ: *сәнің үчүн* 'для тебя' (168).

Стяженная форма сопряженного состояния в сочетании с послелогами используется редко, см. БН: *бір улуд қинарні түйбідә* 'под одной большой чинарой' (150); ЭД: *анің кашідін* 'от него' (2); ТМ: *анаң баштің ўстідін* 'с головы его матери' (119а).

В) Послелоги, управляющие именами в дательном падеже

Все послелоги, требующие дательного падежа, за исключением двух-трех, являются "глагольными".

бака, см. БН: *Ош саріңа бака* 'в сторону Оша' (82), *өзгә жәргә бака* 'по сравнению с другими местами' (87), *барбқа бака* 'в сторону запада', 'в западном направлении' (184); Мұх: *марта-басің нісбаттіңа бака* 'в зависимости от его положения' (2);

бала, см. БН: *Андијанба бола Самарқандің әліктін бәрдүк* 'из-за Андижана мы упустили Самарканда' (67);

дәйрү, *тәйрү*, см. Б: *таңба дәйрү* 'до зари' (30, 39, 67); Л (А. 109): *бу күнің тәйрү* 'до этого дня' (226); ТН: *нәчайдә тәйрү* 'до скольких' (278б); ЧД: *баштән аябүңда тәйрү* 'от головы твоей до ног твоих' (91б); Э: *бу چакка тәйрү* 'до этого времени' (330а); Я: *бу күнгә дәйрү* 'до этого дня' (314б);

дәгін, *дәгінчә*, *дәгінчә*, см. МХ: *ярім жолда дәгін* 'до половины дороги' (29); НМ: *Мәккәдін Мәдінәгә дәгінчә* 'из Мекки в Медину' (28); СҚ: *кіјаматка тәгінчә* 'до судного дня' (6а), *жәтінчі кат көккә тәгінчә* 'до седьмого неба' (8а), *маңрібба тәгінчә* 'до запада' (14а); ТМ: *Түббійтқа дәгінчә* 'до Тибета' (100б); ЧД: *кіјаматка дәгінчә* 'до судного дня' (32а);

јавукча, см. БН: *міңдә јавукча* 'около тысячи' (65);

јараша, см. БН: *аңа ѡараша* 'в соответствии с этим' (154); ШН: *хімматтіңа ѡараша* 'в соответствии с великодушием' (118);

каршу, см. Л: *бамәңдә оқиңа каршу* 'против стрелы твоего кокетливого взгляда' (196б);

көрә, см. БН: *аңа көрә* 'в соответствии с ним' (147); Мадж:

әз ұхурд ҳалібә көрә 'по своему невысокому положению' (107а);

Маҳ: *ідрәкларіңа көрә* 'в меру своего разумения' (8), *әз ҳалібә көрә* 'в зависимости от своего положения' (131), *муңа көрә* 'в соответствии с этим' (160);

тәғі, *тәгін*, см. С: *кіјаматка тәғі* 'до судного дня' (19а), *таңба тәгін* 'до зари' (28б);

утру, см. НМ: *аңа утру* 'ему навстречу' (69а); СҚ: *Дајјалба утру* 'навстречу Даджалу' (20а); ТМ: *аңа утру* 'ему навстречу' (101а), *Бахрәмба утру* против Бахрама' (136б);

Г) Послелоги, сочетающиеся с именами в исходном падеже

Среди послелогов последней группы можно встретить и "именные" и "глагольные".

ајру, см. Б: *біздін ајру* 'кроме нас' (9), *сөндін ајру* 'кроме тебя' (39); ЧД: *сөндін ајру* 'кроме тебя' (40б; см. также ШН, 185);

башка, см. БН: 'Укабајндиң башка 'кроме Укабайна' (157); ДН: *дәмәктін башка* 'кроме говорения' (271а); Мадж: *мундін башка* 'кроме того' (90б);

бурун, *бурна*, см. БН: *хабардін бурна* 'до получения известия' (282); Маҳ: *јәтмәсдін бурун* 'прежде чем он достиг' (22), *андін бурун* 'до того' (147); С: *мән әлмәсдін бурун* 'прежде чем мне умереть' (8а); ТМ: *түрәнмәсдін бурун* 'до того как закончилось' (116а); ШН: *хан кәлішідін бурна* 'перед приходом хана' (78);

бәрі, *бәріj*, см. БН: *андін бәрі* 'с того времени' (5); Мадж: *кічігін бәрі* 'с младенческого возраста' (60б); НМ: *фәлән күндин бәрі* 'с такого-то дня' (147б); РҚ: *ол күндін бәріj* 'с того дня' (140а); СҚ: *качандін бәріj* 'с каких пор' (75а);

кәjін, см. БН: *үч күндін кәjін* 'через три дня' (81); СҚ: *дәвләрдін кәjін* 'после девов' (27а);

нарі, *нарібә*, см. БН: *дәманадін-ок нарі* 'за подножье холма', 'в обратную сторону' (82), *Хојанд суjидін нарі* 'по ту сторону реки Ходженд' (132); СҚ: *Каф тағідін нарі* 'с обратной стороны горы Каф' (146), *ол бағдін нарі* 'с той стороны сада' (55б); ЧД: 'адам вілажатідін нарі' 'по ту сторону вилайета небытия' (38б); ШН: *андін нарібә* 'в обратную сторону' (176);

өзгә, см. Б: *јәнімдін өзгә* 'кроме моей души', *көңlұмдін өзгә* 'кроме моего сердца' (1); БН: *біr Самарканда* 'кроме одного Самарканда' (64); М: *андін өзгә* 'кроме него' (20); *Лұтфідін өзгә* 'кроме Лутфи' (34), *Бабурдін өзгә* 'кроме Бабура' (34);

соң, *соңра* 'затем', см. БН: *Јаҳанір мірзәнің фавтідін соң* 'после смерти Джихангира миры' (62), 'Абдуллатіф мірзәдін соңра' 'после Абдуллатифа миры' (63); Маҳ: *андін соң* 'затем' (25); СҚ: *tokuz jүэ jілдін соңра* 'после того как прошло девятьсот лет' (4а); ТМ: *алтміш jіл отқандін соңра* 'после того как прошло 60 лет' (93а); ШН: *тұтқандін соң* 'после того как взял' (142);

таш, см. ШН: *хаддін таш* 'сверх меры' (138);
ташкарі, см. БН: *Шәхрухіждін ташкарі* 'вне Шахрухии', 'за пределами Шахрухии' (39), *бабдін ташкарі* 'вне сада' (168);
 Маҳ: *jігітлік дәjrасідін ташкарі* 'вне круга молодости' (53).

ПРЕДЛОГИ

Предлоги для староузбекского языка, так же как и для других тюркских языков, не обычны и, более того, не терпимы. Тем не менее в текстах прослеживается небольшое количество предлогов, заимствованных преимущественно из персидского языка, см. БН: *бәjрі дәвәнда* 'кроме дивана' (8), *бәvүjуд-i ixtiјаj* 'несмотря на нужду' (9), *бар җіләf-i адат* ' вопреки обычаю' (23), *бәvүjуд-i бу захм* 'несмотря на эту рану' (81). См. также Маҳ, 40; Э, 333а.

СОБСТВЕННО ЧАСТИЦЫ I (ПОСТПОЗИТИВНЫЕ)

Самую большую группу внутри данного грамматического разряда образуют ограничительные и усиительно-выделительные частицы: *-біна ~ -гіна*, *-ok ~ -öк*. Примеры:

-біна ~ -гіна (ограничение > уменьшительность, ласкательность), см. Мадж: *бүбіна маcәлні* 'этот только образчик' (44б), *макбұлбіна jіltidur* 'приятный молодец' (56б), *јаxшібіна шәрләр* 'хорошенькие стихи' (57а); МЛ: *чінбіна* 'правильный', *жерікінә* 'пьянящий', *кокінә* 'голубенький' (89), *кушбіна* 'птичка', *јумрукбіна* 'кулачок', *кокісгінә* 'грудка' (120); НМ: *біr саріб іткінә* 'одна желтая (рыжая) собачка' (163б); СҚ: *мің әвгінә* 'тысяча домиков' (33а), *астабіна* 'тихонько' (88б), *кічігінә* 'малюсенький' (98б); ШН: *јашбіна* 'совсем молодой' (222), *біргінә ат сукмакі* 'одна только проторенная лошадьми до-

рога' (162). Для частицы *-бїна ~ -гїна* характерны постепенное изменение первоначального значения и специализация в плане сочетаемости с частями речи. Так, в абсолютном большинстве случаев *-бїна ~ -гїна* употребляется с именами и выражает значение уменьшительности или ласкательности;

-ок ~ -ёк (усилительно-выделительное значение), см. БН: *Султân Махмұд мірзәңба бу ҳабар жәткäч-ок...* 'как только это известие достигло Султана Махмуда миры...' (29), *ахїр пайтахт ўчүн Тәмірбәй Самарқанды-ок ىұттар кïлдї* 'в конце концов Тимур-бек решил сделать столицей именно Самарканд' (61), *бурунбїдәк-ок* 'такой же как прежде' (63); Мадж: *кабрї Мәшхәдда-ок ваки'дур* 'его могила в Мешхеде же' (216); ШН: *түнлә-ок* 'ночью же' (130), *öзләрін ҳан сарї-ок ташладї* 'народ бросился в сторону самого хана' (219); НМ: *хамул күн-ок* 'в тот же самый день' (51а), *анда-ок дағї бар* 'и иди еще туда вот' (158а).

Следующая группа — модальные частицы: *-му ~ -мїй*, *ёркän ~ ёркін ~ ёкän*, *ёrmish ~ ёmish*, *-ла ~ -lä*, *кёрақ*. Примеры:

кёрақ, см. А: *Атәjiba jämäk içmäk käräkmäс* 'Атаи не надо есть и пить' (46); НМ: *јана бір башка кітаб бітімäк кёрақ* 'надо писать еще другую книгу' (116); ТМ: *кётмäк кёрақ* 'надо идти' (114б);

-ла ~ -lä (категоричность, определенность), ср. у Нава'й: *лабің фікri баңрїмни қан кïлдї-ла* чү қан кïлдї көздін раван кïлдї-ла 'мысли о твоих губах наполнили кровью мою грудь, когда наполнили ее кровью, заставили кровь литься из глаз', *ўмрдін наұмід болдум-ла мәжнәтү хір ічиндә öldüм-lä* 'я потерял надежду жить, в страданиях и разлуке умер';³⁴

-му ~ -мїй (вопрос), см. Ах: *анїң ўчýнмї кïладурсе з фізан* 'не поэтому ли поднимаете вопли?' (328а); Б: *мәндәк јана бір барму* 'есть ли еще как я?' (66), *bilürmüsän* 'знаешь ли ты?' (116); Мадж: *мактаба барїпмусан* 'ходишь ли ты в школу?' (20а); Мах: *ол дәнә ачїбмудур* 'горькое ли то верно?' (40); СК: *сән фäлän кiши ёрүрмүсән* 'ты такой-то?' (54б), *көрдүңүзмү* 'видели ли вы?' (71б), *бу ајдаханї сәнмү öltүрдүң* 'этого дракона ты ли убил?' (94б);

³⁴ По работе: С. Муталибов. XI аср ёзма ёдгорлукларида феъл категорияси. Тошкент, 1955, б. 33.

ёркän ~ ёркін ~ ёкän ~ ёкін, *ёrmish ~ ёmish* (вероятность, неочевидность), см. А: *ёмді bïldim раст ёrmish* 'теперь я узнал, оказывается, правда' (78); Б: *мундак балалар бар ёmish* 'есть, оказывается, такие беды' (90), *козі ҳұнхар ёmish* 'глаза ее, оказывается, кровопийцы' (90), *барму ёкін* 'есть ли на самом деле?' (220); БН: *öзбäк зүр кiшiнi бука дәр ёrmish* 'товорят, что узбеки называют сильного человека „букä“' (26); Мадж: *шәрi ѡаман ёмас ёркандур* 'его стихи не плохие, оказывается' (15а); Мух: *аz ёркін* 'мало, оказывается' (24); НМ: *бу дастан(да) алтмiш бёйт бар ёркін* 'в этом дастане шестьдесят байтов' (61б), *bïldim кё анїң кашда хәч кадрим jok* ёrmish 'я узнал, что меня у нее никак не ценят' (53а); ЧД: *вах кё бу гүлшан ара гүл бүтмас ёrmish ҳарсөз жаль*, что в этом цветнике не растут розы без шипов' (22а); ШН: *бар ёmish анда камiш асру қалiн* 'есть-де там много камыша' (177), *jok ёmish* 'нет, оказывается' (183), *бар ёmish* 'есть, оказывается' (212).

Частица *ёкän*, сохраняющая связь с этимологической формой (причастие от глагола *быть*), может присоединяться к себе некоторые падежные аффиксы, см. БН: *бу кiшлакта ёканды* 'когда были в этом кишлаке (зимовке)' (87); Мух: *анїң сарт ёкänin фахм кiлур* 'поймут, что он на самом деле сарт' (7). Совершенно очевидно, что в этом случае мы имеем дело с нормальной причастной формой, используемой в собственном значении, ср. БН: ...ва Ўзгэнд кё кадим Фарбананiң пайтахт ёркандур '...и Узгенд, который был столицей древней Ферганы' (128).

Частицы *ёркän* и *ёrsä* могут выражать связь подчинительного характера между отдельными предложениями. Примеры:

ёркän 'когда' (в сочетании с формой на *-ар...*), см. СК: *bir күн ол облан ол зäхiд катiндiн чiкiп ёвiгä барур ёркän көрдi кiм...* 'однажды, когда тот мальчик вышел от того отшельника и направился к себе домой, он увидел, что...' (93а);

ёrsä 'если', 'когда', см. ДН: *jëñillik кiлдiм ёrsä...* 'если я совершил легкомысленный поступок...' (247а); ТМ: *itma бэрдi ёrsä it jëp xaläk болдi* 'когда он дал собаке, собака съела мясо и издохла' (114а); СК: *тәңri тa'älä jërní jараттi* 'ёrsä 'когда всевышний господь создал землю' (14б); ШН: *ёrsä* 'когда всевышний господь создал землю...' (124), *jëñilip кäldi ёса lашкäplär...* 'когда собирались войска...' (124).

К последней группе относятся частицы, являющиеся выразителями предикативности, в утвердительном или отрицательном аспектах. Примеры:

дўйл, *ёмас* (отрицательные частицы), см. А: *ај бўкім ошбу јўз дўйл шамс билा камармудур, ај бўкім ошбу сўз дўйл шахд билा шакармудур* 'о госпожа, этот лик не есть ли солнце с луной, о госпожа, эти слова не являются ли медом с сахаром?' (59); Л: '*ајаб дўйл* 'не удивительно' (168б); Маҳ: *ол маълум ёмас* 'это неизвестно' (92); МҲ: *кёнлак ўштанба чўлайїк дўйл* *харнё баха бирла мувабиқ дўйл* 'для рубахи и штанов не годится, какова бы ни была цена, не подходит' (13), *бар кё бу мажлиса дўйлсан хариф* 'иди, так как на этой сходке ты не товарищ' (31).

Из двух приведенных здесь отрицательных частиц первая встречается только в поэтических текстах. Она не типична для староузбекского языка, и ее использование некоторыми авторами следует объяснить тем влиянием, которое оказывала на последних суфийская поэзия Передней Азии. Примечательно, что в поэзии среднеазиатских суфьев подверглись длительной консервации и многие другие формы и частицы, чуждые общенародному языку;

-мән, -сан, -биз, -сиз, -тур(ур) ~ -дур(ур) (утвердительные частицы), см. Б: *бу нав' иш иш ёмас* 'такое дело — не дело' (14), *ташивиш бўйихатдурур* 'мучения безграничны' (18), *iтiңдурман* 'я твоя собака' (91), *будур тилдим* 'это — мое желание' (126); Л: *мәні шајда қладурдан* *бу кёнйлур* 'это сердце сделало меня безумцем' (2016); М: *Јабр'айл айтті Ҷабраїлтурман* 'Джабраил сказал: „Я Джабраил“' (6), *сан мундамусан* 'ты здесь?' (32); НМ: *чин айтадурман* 'я говорю правду' (256), *сан кимсан* 'кто ты?' (68б); ЧД: *хуш ёрмастур* 'некорошо', 'неприятно' (12а), *кёндим куйядурур* 'мое сердце сгорает' (54а); Э: *мәнің ҳассијатим* *յўзни кізартмак турур* 'мое свойство — делать красивым лицо' (336б);

-мән, -сан, -биз, -сиз — личные местоимения, употребляемые в качестве окончаний (так называемые местоименные окончания). Будучи связанными с местоимениями, эти частицы передко являются в большей мере выразителями лица, чем предикативности, и в таких случаях перед ними выступает другая предикативная частица — *-дур(ур)...*;

-дур(ур) — обособившаяся форма причастия настояще-будущего времени от глагола *тур-* 'стоять'. В староузбекском языке встречается несколько вариантов этой частицы: *-дур*, *-тур*, *-дурур*, *-турур*.

СОБСТВЕННО ЧАСТИЦЫ II (ПРЕПОЗИТИВНЫЕ)

Собственно частицы второй группы употребляются препозитивно. Таким образом, они соотносятся с частицами первой группы так же, как предлоги с послелогами. Подобно предлогам, собственно частицы препозитивного типа имеют нетюркское происхождение. Примеры:

бälкё (усилительно-выделительное значение), см. А: *ёмди билдим раст ёрмис бälкё кёрдүм кёз билा* 'теперь я узнал, оказывается, правда, я видел даже глазами' (78); Маҳ: *барини мёңдä бэрпидур бälкё артубрак* 'все мне дал, даже больше' (98) Мұх: *ёз ҳурд ахвәлдә көрә ајта алурлар бälкё ба'зи фақаҳат ва балабат билा ҳам тákallüm kíлурлар* 'могут говорить в соответствии со своим положением, некоторые даже произносят, блистая красноречием, и обнаруживают зрелость' (6);

гўjä, гўjä кё (предположительность, вероятность, неочевидность), см. БН: *оша ҳалда мёңдä андак ҳалат болди ким гўjä кё мёңдä жанки баштин ҳуда ѡян бёрди* 'тогда у меня было такое состояние, будто господь заново вдохнул в меня жизнь' (145); НМ: *ҳамд ана ким тилим ётти гўjä* 'хвала тому, кто создал, как говорят, язык' (2);

мägär (предположительность, желательность), см. Б: *мägär ужкуда ёззүн көргај ёрдим* 'хотя бы во сне я увидел свое лицо' (39); Л: *յўзүн натаг көрүп ај дәп сабинди мägär хүшу хірад мэндин кёттитур* 'неожиданно увидев свое лицо, я подумал, что это луна, наверно меня покинул рассудок' (172а); НМ: *улар ҳидматтуба ёттим дәдиләр кё мägär сэн ҹабир iчарсан* 'когда подошел к нему, он сказал: „Может быть ты пьешь вино?“, (209б); Я: *мägär карған ўхаттин ҳарф болупсан* 'разве что от старости ты выжил из ума' (319а);

кашкi (условно-желательное значение), см. Б: *кормайј ёрдим ѡамал* 'алам ара кашкi 'ах, если бы мне не видеть красоту в мире!' (73); Л: *յёрга кірсам кашкi чўн ётмас ол ајба ёлик*

'ах, если бы войти мне в землю, так как (все равно) не достает рука той луны' (193а);

хаманā (предположительность), см. НМ: *ва хаманā кё ол киши чабир ічіп ёрді* 'и будто бы тот человек пил вино' (209б);

шайд, шайд кім (предположительность), см. БН: *jүрүй бэрің шайд күтульбајсіз* 'езжайте, может быть спасетесь' (139), *тәз жүрісәніз шайд чіккајсіз* 'если поедете быстро, может быть выскочите' (139), *шайд кім мің мің бәш жүз ёзбәк ѡлді ёкін* 'возможно, что погибли тысяча или полторы тысячи узбеков' (232).

Союзы

Союзы формально отличаются от всех других служебных слов, исключая небольшую группу препозитивных частиц нетюркского происхождения, тем, что всегда занимают позицию перед словами, словосочетаниями и предложениями, которые ими обслуживаются. Как уже указывалось выше, препозиция служебных или любых зависимых элементов в отношении самостоятельных членов синтагмы необычна для тюркских языков и является следствием взаимодействия последних с нетюркскими языками.

Союзы подразделяются на две большие группы: сочинительные и подчинительные. Первые соединяют слова, сочетания или предложения, не зависимые друг от друга, вторые устанавливают зависимость одних соответствующих единиц от других.

Сочинительные союзы

Сочинительные союзы выражают в основном три типа отношений: простую связь положительного (например: *ва... ва...* 'и... и...') или отрицательного порядка (например: *нэ... нэ...* 'ни... ни...'), противительность (ср.: *аммә* 'но, однако') и полную или частичную взаимоисключенность (ср.: *ја...* *ја...* 'или... или...').

Для союзов рассматриваемой группы при выражении отношений первого и третьего типов характерна повторяемость.

Примеры употребления сочинительных союзов:

аммә 'но', см. БН: *хұб айтіп ёді аммә мән рәзі болмадім* 'хорошо? — сказал он, однако я не согласился' (139);

ва (-у, -ву, -ju) 'и', см. БН: *чөріг ёли ва тәвә ва ат бу інішдә ва таңда асру көп ёмғанділәр* 'войско, и верблюды, и лошади на этом спуске перенесли страшные мучения' (182), *хабар кәлді кім ёзи ва облі Мәккәдә ёміш* 'пришло известие, что он сам и его сын находятся в Мекке' (210); Б: *дард ва бамім* 'мои боли и огорчения' (3); Л: *налаву фарјадім ўшіттіл* 'услышь мои стоны и призывы о помощи' (1956); Маҳ: *ічмәк ва јәмәк ва ујкуда* *хұрсанд* 'рады попить, поесть и поспать' (58); С: *ол біру бар* 'он един и существует' (36); ТМ: *ölmәk кәрәк ва мүлкні жат кішігә којуп кәтмәк* 'надо умереть и оставить имущество чужому человеку' (114б);

вәлә 'но', 'однако', см. Б: *мәгәр ујкуда јүзүң көргәj ёрдім, вәлә хіjrіңдә көздін утті ујку* 'хотя бы во сне увидеть мое лицо, однако от разлуки пропал сон' (39); Мұҳ: *уәаріңні ачарба кімсанурман вәлә әл көрмәкінә кізбапурман* 'я умоляю тебя открыть покрывало, однако ревниво отношусь к тому, что будут взвирать на (твое лицо) люди' (10); Э: *мән сәні әгәрчә жаxші bilmәn вәлә жаxші bilүрмәn* 'хотя я тебя хорошо и не узнаю, все же достаточно хорошо знаком' (334б);

тәх... тәх(i) 'или... или...', см. Ах: *тәх кіліч biplä... тәх пічак biplä* 'то мечом..., то ножом' (327а); Л: *шавқ оттіда тәх пајдә тәх пінхән бртәйн* 'в огне страсти он горел то явно, то скрыто' (210б); Б: *көрсәтүр тәх тиб ва тәх ok* 'показывает то меч, то стрелу' (2); Мұҳ: *кәчәләр тәх іңрәмәкдүр* 'адатом тәх сіңрәмәк' 'по вечерам у меня заведено или стонать, или плакать' (9); ЧД: *тәх сарв ўзра тәхі түл ўзра* 'то на кипарисе, то на розе' (22а);

ја... ja..., *ja* 'или... или', см. А: *ja нішан аjläp бабірні ja jүrәknі ja мәні* 'то делает целью грудь, то сердце, то (самого) меня' (260); БН: *ja бәlігә баулар ёді ja колбә аліп jүrүр ёді* 'или он привязывал к пояснице, или носил в руке' (127); НМ: *тамам ja аксаp ѡлні jaja бармашлар* 'всю дорогу или большую часть ее они шли пешком' (208а); СҚ: *бу та'ам дун'ядін түрүр ja уjmabdiñmu түрүр* 'эта пища из земного мира или из рая?' (52а).

ја'ні 'то есть', см. БН: *афбәнлар урушмақдін аjіз болса ғанімларнің алда от tiwlan kәlүр ёміш, ja'ні мән сәнің ујуңдаурман дәгән ёміш* 'афганцы, если они не в состоянии

сражаться, подходят к своим врагам с травой в зубах, то есть (хотят этим сказать): „я твой вол“ (182);

jāxūd... jāxūd... или... или..., см. С: *ajmudur jūzūk jāxūd xūrshid-i tābān aj sənam* ‘луна ли твое лицо или сверкающее солнце, о красавица’ (316); ЧД: *jāxūd ārmāni jāxūd arap* ‘или армянин или араб’ (71а), *ātashin ǵuldīn kīzarmış bāb jāxūd* ‘от пламенеющей розы покрылся краской сад или соловей?’ (45б);

jok ərcä, jok əsä (jokjca) ‘а не то’, ‘в противном случае’, см. ШН: ...*úfkälärmän jok əsä bändä cənä* ‘...в противном случае я (твой) раб разгневаюсь на тебя’ (224); Э: *əmdî bu ҳāmxajalnî bâshîndîn çikarbîl jok ərcä...* ‘теперь выбрось из головы это легкомысление, а не то...’ (334а);

l̥ek ‘но’, ‘однако’, см. ШН: ...*l̥ek əl andîn əmästur xūshnûd* ‘...однако народ не довolen им’ (93);

l̥ekin ‘но’, ‘однако’, см. А: *nuksanî köp xär işdä bəçära lütphînîc dîlbär jämäli vasfîda l̥ekin kämäli bar* ‘много недостатков у бедного Лутфи в любом деле, однако он блещет совершенством в описании красоты возлюбленной’ (172б);

n̥...n̥ ‘ни...ни’, см. А: *n̥ fäläknîc mäxri bardur n̥ cənîc köñlündä raxm* ‘ни у тебя любви нет, ни в твоем сердце сострадания’ (6), *n̥ p̥r̥i oħšar cənä xusn ičrä n̥ unsu mäläk* ‘ни пери не походит на тебя красивой, ни ангел’ (176), *n̥ cəvüp cəndîn tojar köñlüm n̥ bakip közlärim* ‘ни сердце мое не насыщается любовью к тебе, ни глаза мои, взирая на тебя’ (176); БН: *n̥ atta maјäl kälptur n̥ kîshidä* ‘ни у лошадей не осталось сил, ни у людей’ (76); Маҳ: *n̥ kîsi ača oħšar n̥ ol kîshigä* ‘ни человек не похож на него, ни он на человека’ (106); МХ: *n̥ jūzidä n̥ur va n̥ abzidä söz* ‘ни луча на лице, ни слова на устах’ (13), *dunjâda n̥ kîzä-jü n̥ bürja n̥ suju iþrik n̥ kâphi va acä* ‘в мире у (него) нет ни горшка, ни диновки, ни воды, ни кувшина, ни обуви, ни [посоха]’ (21); ШН: *n̥ şarî'at n̥ tarîkat bar ədi* ‘ни шариата, ни тарыката не было’ (9);

xōx...xōx (xōxi...xōxi) ‘или. Или’, см. А (A.109): *cənî cəvâräm xōx ınan xâx ınanma* ‘тебя я люблю, или верь, или не верь’ (15), *xōxi bu jämäl ajnîc va xōxi cənîc ȳcijün*

‘эта красота или из-за луны или из-за тебя’ (165); Маҳ: *xōx kœchä jýrî xōx kÿndüjü* ‘или ночью или днем иди’ (133);

xäm ‘и’, см. БН: mäniç bânîm kurba-nî alîndî xäm bačmî kacurulđi ‘мои враги были в крепости; и крепость была взята и враги обращены в бегство’ (105). Нередко однако хäm в значительной мере утрачивает функции соединительного союза и совмещает их с назначением выделятельно-усилительной частицы, см. БН: *agärchä janat tumanlarî xäm bar bu mazkûr bolbanlarça əmäc* ‘хотя есть и еще несколько областей, относящихся к нему, они не такие, как те, которые упомянуты’ (62); Мадж: *köpräk ulüm va funûn xäm bilür ərdi* ‘он также был сведущ во многих областях знания и знал много наук’ (206); Мух: *ajtca xäm* ‘если и скажет’ (6); ШН: *kabasa xäm kabasun* ‘если же будет осаждать, пусть осаждает’ (52), *ot xäm ancha əmäc ərdi ȳssib* ‘и огонь-то не был очень горячим’ (85).

Подчинительные союзы

Подчинительные союзы выражают условность, причинность, уступительность, а также местные, временные, дополнительные и определительные отношения.

Особое место среди подчинительных союзов занимает союз *kîm* (кë), восходящий к вопросительно-относительному местоимению. *Kîm* (кë) сам по себе передает разнообразные отношения и, кроме того, входит в состав многих других союзов, ср.: *anîc ȳcijün kîm, n̥ ȳcijün kîm, n̥gä kë, çünkë* ‘потому что’, *tä kîm, tä kë* ‘пока’, *harçand kîm* ‘хотя’.

Примеры употребления подчинительных союзов:

anîc ȳcijün kîm, anîc ȳcijün kë, anîc ȳcijün kë ‘потому что’, см. БН: *Kâsim-хан râzî bolmadî anîc ȳcijün kîm Kara Bulakta zabt̥ va cijasat ȳcijün ýç-töröt mözünlî öltürüp ədi* ‘Касим-хан не согласился, потому что в Кара Булаке для наведения порядка и устрашения он убил трех или четырех монголов’ (121);

agär, ȳär ‘если’, А: *agär janat cıraptîn körmäk tilärsän...* ‘если желаешь увидеть изображение души...’ (155); БН: *agär mäñä baksanîz özüñizni alduurursiž* ‘если будете равняться

(букв.: смотреть) на меня, дадите возможность (противнику) захватить вас самих' (139); Л: *gär kïlmasa vafä mëñä dïlbar* 'если возлюбленная окажется неверной мне, не удивительно' (1686), *ägär jän bolmasa tändin nö xäçil* 'если не будет души, что за толк от плоти' (202a); НМ: *ägär mëñä bïr nîmä körçätsäç...* 'если мне что-нибудь покажешь...' (256);

ägärçä, gärçä 'хотя', см. БН: *ägärçä kaçabä ëmäc jaixiñäna kaçabäçadur* 'хотя (это) и не большой город, но хорошенъкий городок' (5), *jaælarï jaixiñä havaçï bar ägärçä Käbulcha joktûr* 'летом воздух в нем хорош, хотя не такой как в Кабуле' (57); Л: *mëñ gärçä jafä otïna jandïm jana alman* 'хотя я и спорел в огне притеснений, не смогу отступить (букв.: вернуться)' (167a), *gïl kashïnda xûb ëmäc gärçä jämäli bar dûrur* 'роза перед тобой не (так уж) хороша, хотя и красива' (181a); Мах: *maäsh ýji gärçä bolur tar amma xärnëçä mabälaðä kïlsan jöpri bar* 'хотя жилище тесное, все-таки есть место для увеличения' (75); Э: *mëñ sëni älärcä jaixiñä bïlmän väls jaixiñä bïlürmän* 'хотя я тебя хорошо и не узнаю, все же достаточно хорошо знаком' (334б);

bävüjûd kîm 'несмотря на то, что', 'хотя', см. БН: *bävüjûd kîm atïmñi ajttim xäm muddattni soñra tanidilar* 'несмотря на то, что я назвал свое имя, он узнал меня только спустя некоторое время' (11);

kö, kîm 'так как', 'когда', 'который', 'что', см. А: *ädamba sëni oshata bïlmän kö pörisän* 'не могу тебя уподобить человеку, так как ты пери' (23); БН: *sëşänba ñdi kîm Hojanika jëttim* 'был вторник, когда я прибыл в Ходженд' (66), *Oshdin ötkändä xabar köldi kîm muhäliflar Andijan sari barmish* 'когда проходили Ош, пришло известие о том, что противник ушел в сторону Андикана' (82); Мух: ...*Jafäsnî kö taväriñ ahlî Abû-l-tûrk bïtipräp* '...Яфеса, которого люди, занимающиеся написанием истории, называют (букв.: пишут) „отец тюрка”' (4); Мах: *dëxkän kö däna sачар* 'дехканин тот, кто сеет зерна' (46); Э: *kîsi kîm bïr sëniñ jüzüñi kördi...* 'человек, который раз увидел твоё лицо...' (335б).

Союз *kîm* (*kö*) может вводить прямую речь, см. БН: *bâz dëdilär kîm jaæba albajbîz* 'некоторые сказали: „К лету возвремен”' (102), *Xosraw-shâx maçalðin soñ öz vîlajatlarï sari*

ruhxat tilädi kîm mëñ barsam ol vîlajatlarï tamam alurman 'через некоторое время Хосрав-шах попросил разрешения отправиться в свои вилайеты (сказал): „Если я отправлюсь, то захвачу те вилайеты полностью” (192); НМ: ...*döbbür kë altmış jïllür kë imân kâltûrmâktâdurman* ‘...он сказал: „Уже шестьдесят лет, как верую”' (200a);

nö ýçün kîm (*kö*) 'потому что', см. Мух: *ägär tûrk i'bâratï adasïda ajiñzdur muhäk xäm bar nö ýçün kë tûrk alfaæ...* 'если (оны) проявляют слабость в тюркской речи, то для этого есть основания, так как тюркские слова...' (7); см. также НМ, 185a; ХМ, 156; ЧД, 156;

nöggä kë 'потому что', см. ЧД, 766;

tä, tâ kë '(до тех пор) пока', см. Б: *jär kadrin bïlmädîm tâ järðin ajiñlmadîm* 'цену подруги не знал я до тех пор, пока не разлучился с ней' (219); БН: *tä anda jëtküñçä mëniç bïlän cækiz kîsi kälip ñdi* 'пока я добрался туда, со мной осталось восемь человек' (138); МХ: *tä kë fä(l)läk cîr kïlur sâlu mäx даврïni sôrsün bu ulub pâdîshâk* 'до тех пор, пока судьба наполняет (временем) годы и месяцы, пусть здравствует этот великий падишах' (10);

xärnëçä 'сколько ни', см. БН: *mëñ  aznida xärnëçä tajas-sus kïldim bu çashmädîn xëçkim nîshan bërmädi* 'сколько я ни допытывался в Газни, никто не указал мне этого источника' (171);

xärchanä kîm 'хотя', см. БН: *xärchanä kîm väriñi xäzir jok ñdi...* 'хотя наследников при сем не было...' (9);

çû 'когда', 'как только', см. Б: *açiläi köñli çû achtîñ saçîñi Bâbûrnîç* 'открылось сердце Бабура, как только ты распустила свои волосы' (5); Л: *kötüñi xïradim bâshata çû ol kashîñi kördüm* 'рассудок покинул голову, когда я увидел те ее брови' (167б), *jërgä kîrsäm kashki çûn jëtmäc ol ajba ñlik* 'ах если бы войти мне в землю, так как не достает рука той луны' (193б), *mëñ çû ölcäm xöb unutbiñ anda xöxiñ jad kïl* 'когда я умру, хочешь — забудь меня, хочешь — вспоминай' (200а), *vafä kïlmakka kojmas çûn sëni xusn...* 'так как красота не позволяет тебе быть верной...' (212а); ШН: *çûn bu çöslärni ñşitüñi sultan...* 'когда султан услышал эти слова...' (39), *çûn çabâx olđi jïbïldi bïglär* 'когда наступило утро, собрались беки' (218);

чўнкё ‘так как’, ‘потому что’, см. С: *Мәварә’ннахр іңдә калдім чўнкё іккі јаніма көзләрімнің бірі Сајхұн бірі Ішіхұн айлағы ‘я остался в Мавераннахре, так как возле меня, с двух сторон, один мой глаз образовал Сыр-Дарью, а другой — Аму-Дарью’ (30б).*

Факультативно в качестве союза выступает также деепричастная форма *дўп* (от *дў-* ‘сказать’), ср. Б: *көрәj дўп* ‘чтобы увидеть’ (46); БН: *кәчәдүр дўп мірзә руҳсат бўрмайді* ‘мирза не разрешил, так как (было) поздно’ (43), *кәтмәгай дўп* ‘чтобы он не ушел’ (224).

Глава III

СИНТАКСИС

На протяжении последних двух десятилетий исследование синтаксиса разных тюркских языков, включая и узбекский, проводилось довольно интенсивно, и количество соответствующих работ велико. Кажется, нет ни одного вопроса, который бы не получил того или иного освещения. Сама структура разных синтаксических построений описывалась многократно и с достаточной полнотой, так что к этому трудно добавить что-либо новое. И хотя в интерпретации фактов, в создании классификационных синтаксических схем и разработке вопросов исторического синтаксиса сделано еще мало, в целом все же синтаксис является наиболее изученным разделом грамматики. Именно поэтому мы не ставим себе целью сколько-нибудь полное описание синтаксиса староузбекского языка. Очерк, посвященный этому разделу, предельно краток. Он включает в себя общую характеристику синтаксических единиц (члена предложения, сочетания, оборота, предложения) и разбор тех моментов, которые примечательны главным образом для староузбекского языка и появление которых так или иначе связано с рассматриваемым периодом (XIV—XVI вв.).

ЧЛЕН ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Членом предложения может быть любая часть речи: имя, глагол или наречие. При этом имя выступает обычно в качестве подлежащего, дополнения, определения и именной части сказуемого, глагол — только в качестве сказуемого (формы неполной вербальности употребляются со связкой), наречие — как обстоятельство. Наиболее емким в синтаксическом отношении является имя, которому в староузбекском языке присущи функции любого члена предложения.

СОЧЕТАНИЕ

Сочетания, встречающиеся в староузбекском языке, могут состоять из нескольких имен, из имени и глагола, из глагола и наречия или из наречия и имени. Они выражают атрибутивные (атрибутивно-определительные, атрибутивно-обстоятельственные, атрибутивно-объектные) и объектные отношения и построены по принципу одностороннего (субординация) или взаимного (координация) подчинения.

Сочетание имен. Сочетание из нескольких имен имеет четыре формальных разновидности или, как принято говорить в традиционном синтаксисе, обнаруживает четыре способа соединения отдельных компонентов: примыкание, частичное сопряжение, полное сопряжение, управление (согласование совершенно исключено).

Первая разновидность характеризуется отсутствием каких-либо формальных элементов соединения. Она широко используется в тех случаях, когда первый компонент сочетания является прилагательным, причастием, числительным или местоимением (исключая группу личных местоимений), а второй — существительным, например: *bir kитаб* 'одна книга', *нёча јўл* 'несколько лет', *алтї ај* 'шесть месяцев', *бу кїші* 'этот человек', *jўmlа шахлар* 'все шахи', *jўз атлар* 'сто лошадей', *kара јафраклар* 'черные листья' (возможность согласования показателей числа в подобных сочетаниях исключена), *кірган кїз* 'вашедшая девочка', *бірінчі күн* 'первый день'.

Сочетания имен могут быть трехчленными, четырехчленными и т. д., ср.: *іккїjakту гавхар* 'две блестящие жемчужины', *тöрт кічіг таш* 'четыре маленьких камня', *jўз мің фітнälар* 'сто тысяч смут', *паст бојлук булма сакаллїк коба jўзлўк танбал кїші* 'низкорослый, круглобородый, бледнолицый, толстый человек', *Нахj ул-фарадїс атлїк китаб* 'книга, называемая „Находж ал-Фарадис“', *Aхсї дўған курбан* 'крепость, называемая Ахсы', *кїші тола кёчаллар* 'улицы, заполненные людьми', *бізнік бил анда болдан кїшиллар* 'бывшие с нами там люди', *тöрт ѡлмїк азукум* 'моя четырехлетняя провизия', *Шах Махмуд дўған бир султан* 'султан по имени Шах Махмуд'.

Перестановка существительного в препозицию наблюдается в языке поэтических произведений, где порядок слов, являющийся вообще довольно строгим, как правило, нарушен, см. МН: *ајұнба 'андалібдәк хўшнаваман* 'для мира я—словно сладкоречивый соловей' (*хўшнава* 'сладкоречивый'; 173a), *назар бирла баббән сён мўқаллаф* 'с виду ты — изысканный садовник' (*мўқаллаф* 'изысканный'; 173b); ТН: *Утарида кіл дабир олди мофаззї* 'Меркурий стал щедрым письмоводителем' (*мофаззї* 'щедрый'; 273b), *Фаридун сірәт-у Ёамил мукаддам* 'Фаридун — по образцу жизни и идущий впереди Джемшид (*муқаддам* 'идущий впереди'; 275a).

Соединение в пределах данной формальной разновидности двух существительных — явление чрезвычайно редкое для староузбекского языка. Оно допустимо для устойчивых синтаксических образований, имеющих единое значение или включающих в свой состав в качестве первого компонента собственные имена, обобщающие наименования, нумеративы и детерминативы, см. БН: *бір jіңс ёрўк* 'один сорт урюка' (4), *бір нав кавун* 'один сорт дыни' (6); МН: *рајаб ај* 'месяц раджаб' (173b), *чиқкан ѡл* 'год мыши' (173b), *Мансур бакши* — имя собств. (173b); ШН: *Ханіқа ҳан* — имя собств. (87).

Вторая разновидность (частичное сопряжение, или так наз. неполный тюркский изафет) реализуется с обязательным оформлением второго компонента аффиксом принадлежности 3-го лица -(с)i ~ -(с)i. Неполный изафет представлен в сочетаниях двух существительных или в сочетаниях существительного с прилагательным, причастием, числительным и местоимением (кроме группы личных и указательных местоимений), когда последние выступают постпозитивно в отношении существительного. Примеры:

- 1) *шанба кўні* 'суббота' (кўн 'день'; букв.: день субботы), *Самарканда ёшиг* 'ворота Самарканда' (ёшик 'дверь', 'ворота'), *Мухаббат-нама китаби* 'книга Мухаббат-наме' (*китаб* 'книга'), *жёхан бунъяди* 'здание мира', 'мироздание' (бунъяд 'здание', 'творение'), *Андіжан рўдї* 'река Андижана' (рўд 'река'), *Ісфара вілайати* 'вилает Исфары' (вілайат 'вилает'), *Сейхун суї* 'река Сейхун' (су 'река'), *шарқ тарафи* 'восток' (букв.: 'восточная сторона'; *тараф* 'сторона');

2) атлар бірі 'одна из лошадей' (бір 'один'), кішиләр бар-часи 'все люди' (барча 'все'), бу кітаблар көпрағи 'большинство этих книг' (көп 'много', көпрақ 'больше').

В семантическом плане сочетания с неполным тюркским изафетом в пределах рассматриваемого материала примечательны тем, что не выражают значения собственно принадлежности (исключая единичные случаи).

Помимо тюркского изафета в староузбекском языке широко используется также персидский изафет (с определением в конечной позиции), употребление которого ограничено сочетанием существительного с существительным и существительного с прилагательным.

Персидский изафет не был принадлежностью разговорного староузбекского языка и почти совсем не встречается в языке классической прозы (однако см.: БН, 55, 73). Сфера его применения — язык поэзии, усвоивший большое количество персидских оборотов и конструкций и придавший им особое стилистическое назначение. Примеры. Қ: бүлбүл-i гүшән 'оловой цветник' (гүшән 'цветник'; I); Л: әб-i ҳајвән 'живая вода' (ҳајвән 'живность', 'животное'; IV), сарв-i ҳұшхұрам 'кипарис с нежной походкой' (ҳұшхұрам 'имеющий нежную походку'; IV); МН: бунчә-jı ҳандан 'смеющийся бутон' (ҳандан 'смеющийся'; 1616), набәт-i Міср 'египетские леденцы' (Міср 'Египет'; 1646), бүлбүл-i бустән 'оловой цветника' (бустән 'цветник'; 167a); ТН: ла'l-i Бадаҳшан 'бадахшанский коралл' (281a), мәх-i табан 'сверкающий месяц' (табан 'сверкающий'; 285a).

Показательно, что лексика, входящая в состав сочетаний, оформленных персидским изафетом, как правило, не тюркская. Таким образом, указанные сочетания выступают как неподвижные синтаксические образования, стойко удерживающие своеобразие первоисточника и вместе с тем не нарушающие норм тюркского синтаксиса.

Немногочисленны и очень специфичны примеры использования в староузбекском языке арабской конструкции с определенным артиклем у определяемого имени, структурно соответствующей персидскому изафету, см. М: Нахj ул-фарәдіс 'Дороги райских садов' (фарәдіс 'сады'; 1); Маҳ: Маҳбуб ул-кулуб 'Возлюбленный сердец' (кулуб 'сердца'; 8); Мұх: Абү-l-түрк 'Отец

турка' (түрк 'турок'; 4); СҚ: Сираj ул-кулуб 'Светильник сердец' (кулуб 'сердца'; 130a).

Третья разновидность сочетания имен — полный тюркский изафет, с оформлением первого компонента аффиксом -нї(ң) ~ -ні(ң) ~ -нуң ~ -нүң (форма сопряженного состояния) и второго — аффиксами принадлежности 1-го, 2-го и 3-го лица. В качестве первого компонента полной изафетной конструкции можно встретить местоимение и существительное, в качестве второго — все имена, кроме личных и некоторых других местоимений, ср.: БН: Абұса'їд мірзәнің кізә 'дочь Абусаида мирзы' (кіз 'дочь'; 34), бізенің жүртіміз 'наши владения' (жүрт 'владения'; 54), Бај-сунғур мірзәнің мудда'аси 'желание Байсунгура мирзы' (мудда'a 'желание'; 55); МН: әрінің аш 'пища пчелы' (аш 'пища'; 160б).

В конструкции полного изафета широко допускается разрыв компонентов и помещение между ними других имен и форм неполной вербальности. Примеры. БН: Андіјаннің шарқ ва јанубі тарағи 'восточная и южная стороны Андижана' (тарағ 'сторона'; 3), Ҳісәрнің баҳар жағінларі 'весенние дожди Хисара' (жағінлар 'дожди'; 44), Султан Ҳусёйн мірзәнің ікі катла аң kәlіп алалмај јанмаби 'двукратный приход Султан-Хусейна миры' и возвращение после того, как он не смог взять (крепость) (янмак 'возвращение'; 44); СҚ: рұзанің әввәл күніндә 'в первый день поста' (күн 'день'; 3б); ШН: ҳаннің ол марҳаматіні 'те милости хана' (42). В ряде случаев, главным образом в поэзии, разрыв компонентов конструкции полного изафета носит отпечаток искусства и служит целям метрической композиции стиха, см. ШН: јок мәнің хәч бу јәрдін кәтәрім 'я не уйду совсем отсюда' (мәнің кәтәрім 'мой уход'; 203).

Конструкция полного изафета может быть трехчленной, см. БН: Самарқанднің ба'зі акабірінің сөзі 'слова некоторых самаркандских знатных лиц' (акабір 'знатные лица', 'вельможи', сөз 'слово'; 38), мәнің анамнің анасі 'мать моей матери' (ана 'мать'; 18).

Инверсия, как и во всех других случаях, имеет место только в поэзии, см. Б: ачілді көңілі үй ачтің саңыні Бабурнің 'открылось сердце Бабура, как только ты распустила волосы' (көңіл 'сердце'; 5); ШН: турді нүкәрләрі ол бәгләрнің 'встали нукеры тех беков' (нүкәрләр 'нукеры'; 177).

Последняя разновидность представляет собой такой тип сочетания, в котором одно из имен управляет формой другого имени. Примеры. БН: ол мэндін іккі жаш улуб ёрді 'он был старше меня на два года' (мэндін іккі жаш улуб 'старше меня на два года' — именная часть сказуемого; улуб 'старший' требует постановки мён в форме исходного падежа — мэндін 'от меня', 'чем я': 11).

Сочетание глагола и наречия. Данное сочетание ограничено одним формальным типом — примыканием (наречие находится перед глаголом), ср. *сёнсізін калді* 'он остался без тебя', *хәрдам кічкірбай* 'он будет кричать постоянно', *күндізүйн көлмәді* 'днем он не пришел', *хај хај јіблама* 'не плачь горько', *ах урдум* 'я ахнул', 'я стонал', *кәэз кәэз сёкріj башладі* 'она начала прыгать раз за разом'.

Сочетание имени и глагола. Сочетание имени и глагола, имеющее атрибутивно-объектный или объектный характер, осуществляется посредством примыкания и управления (глагол занимает крайнее конечное положение). Примеры: МН: *Мұхаббат-намәні бун'јад кілдім* 'я создал Мұхаббат-наме' (*Мұхаббат-намә* — вин. пад., *бун'јад* — неоформленное имя; 160а); СҚ: *мән жабраїлдін сордум* 'я спросил у Джабраила' (*жабраїлдін* — исх. пад.; 5а).

Сочетание наречия и имени. Сочетание наречия и имени с формальной стороны ничем не отличается от предыдущего типа.

Из имен в наречно-именном сочетании обычно употребляются причастия и прилагательные, ср.: *сёнсізін көлгән кіші* 'пришедший без тебя человек', *мунда туралдурған* 'здесь стоящий', *хәр качан кара болған* 'бывший всегда черным', *асру сәміз* 'очень жирный'; редко — существительные, см. БН: *лак лак авәз* 'хлопающий звук' (*авәз* 'звук': 59).

ОБОРОТ

Когда в предикативном сочетании имени, стоящего в пре-
позиции или подразумеваемого в этом положении, и глагола
последний компонент представлен формой неполной вербаль-
ности, т. е. деепричастием, образуется особый тип синтакси-

ческой единицы — оборот. Будучи в некотором смысле изолированным, самодовлеющим, оборот все же не является законченным предикативным построением.

Подлежащее в обороте может совпадать с подлежащим предложения, в которое входит оборот, но может и не совпадать с ним, образуя так называемую абсолютную конструкцию. Примеры употребления оборота. 1) Л: сәні көрмәj ölärmäń 'не видя тебя, умру' (көрмәj 'не видя'; 180a); С: көңүl шäkär bïkïn aßzïñ körüp 'адам болдї 'сердце, увидев твои, подобные сахару, уста, сникло' (кörüp 'увидев'; 186); XШ: anï iždäjü 'aklïm käzdî afluák 'разыскивая его, мой разум обошел небеса' (iždäjü 'разыскивая'; 2a), īvuklarñiç balasö cütdin ösrüp anasï biplä ojnar tÿrä jÿgrüp 'детеныш оленя, опьянев от молока, играет с матерью, бегая вокруг' (ösrüp 'опьянев', jÿgrüp 'бегая'; 37a); ШН: ...уруш салбалï кëlmishтур ҳан '...чтобы провести сражение, прибыл хан' (уруш салбалï 'чтобы провести сражение'; 72); Я: ok bu sôzlärnî öshitkäç këz këz sôkrïj bashladï 'когда стрела услышала эти слова, она раз за разом начала прыгать' (öshitkäç 'после того как услышала'; 316б); 2) СК: pëshïn bolbaç jana uchup kôkkä çïkar ördi 'после того как наступал вечер, снова взлетев, он поднимался на небо' (pëshïn bolbaç 'после того как наступал вечер'; 53a); ШН: on kïjn ötmäj jana atländi ҳан 'не прошло и десяти дней, как хан снова отправился в поход' (ötmäj 'не пройдя'; 44).

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Основным признаком предложения является наличие предикативности, выражаемой в староузбекском языке тремя разными способами:

— простым противопоставлением имен (именное предложение), ср. ШН: *ің ва таші барі топ-тода мәл* 'внутри и снаружи все заполнено' (41), *јана атрапфіда јарлар бәзід* 'вокруг него — бесчисленные рвы' (44), *мән азалдін сәңә хідматтіман* 'я испокон веку твой слуга' (92);

— употреблением разного рода предикативных элементов —
связки, частиц,¹ общеутвердительных и общеотрицательных имен

¹ См. выше, стр. 202.

(именное предложение и квазиглагольное предложение с формами неполной вербальности), ср. Маҳ. ол *ма'лӯм ёмас* 'это — неизвестно' (128); МН: чўчак *јапракларі ѹрға түшүптур* 'лепестки цветов опали на землю' (163а), *пәрідін хұрдін хәм көркілүрәкән* 'ты красивее пери и гурии' (1676); СҚ: *түш көрәр ѩрділәр* 'они видели сон' (За); ШН: *ёз кішімдурлар ёмастур жат* 'свои люди, не чужие' (25), *бір іккі міңчай кіші бар ёміш* 'говорят, что (там) тысячи две людей' (206), *мән карібмән мәні нәттісідүр* 'я состарился, что сделает он со мной' (204), *ішіміз асру болуптур душвәр* 'дела наши стали очень тяжелыми' (204), *дәді кім Шах-заман Балх сарі кәлміш* 'он сказал, что Шахзаман пришел в Балх' (212);

— использованием форм полной вербальности, ср. МН: *фәріштә көрсә болбај сізгә мәйіл* 'если ангел увидит, пристрастится к тебе' (1676); ШН: *калділар барча ол ішдін хајран* 'все были удивлены этим' (28), *мән Самарқандні ансіз нәттәйін* 'что я поделаю с Самаркандом без него' (29), *болді хамрах аңа Шах-заман* 'с ним был Шах-заман' (208).

Выражение предикативности без связки, простым противопоставлением имен, наблюдается преимущественно в тех случаях, когда вторым компонентом предложения является причастие или когда в предикате оказывается форма сопряженного состояния, например, см. ШН: *әл болур мәл болур барча сізің түз сізің таб сізің үалja сізің* 'народ, добро — все ваше, степи — ваши, горы — ваши, (?) — ваша' (108).

В поэтических текстах вообще выражение предикативности без связки является весьма распространенным.

Предложение может состоять из одного или нескольких предикативных комплексов (соответственно простое и сложное предложения).

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В староузбекском языке должны быть выделены три композиционных типа простого предложения: элементарный (соединение элементарных синтаксических единиц), распространенный (наличие сочетаний) и обосложненный (наличие оборотов). В связи с этим уместно подчеркнуть необходимость разграничения двух планов: плана выражения и плана содержания. Многие предло-

жения с оборотами и развернутыми сочетаниями с точки зрения содержания являются сложными, однако в плане выражения, т. е. в формально-синтаксическом отношении, они несомненно простые.

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Сложное предложение, в отличие от простого, включает в себя несколько предикативных комплексов, образующих одну коммуникативную единицу.

Предикативные комплексы в составе сложного предложения объединены сочинительной или подчинительной связью. Формальное выражение и той и другой связи² осуществляется при помощи союзов, большая часть которых заимствована из иранских и других языков.

Среди сочинительных союзов важное место занимают: *ва* 'и', *нә...* *нә* 'ни... ни', *аммә* 'но', 'однако', *ја...* *ја* 'или... или', *вәлә* 'но', 'однако', *тәх...* *тәх(i)* 'или... или', *ја-хұд...* *ја-хұд* 'или... или', *ја'ні* 'то есть', *jok ёрсә* 'в противном случае', 'а не то', *lәк*, *lәкін* 'но', *хөх(i)... хөх(i)* 'или... или', *хәм* 'и'.

Примеры употребления сочинительных союзов в большом количестве приведены в соответствующем разделе морфологии. Здесь мы ограничимся указанием на то обстоятельство, что в прозаической староузбекской литературе, особенно религиозно-дидактического содержания, широко представлены древнетюркские союзы *јана*, *баса* и *так්*, восходящие к деепричастным формам, и что конструкции с такими союзами нередко сохраняют своеобразие древней паратактической структуры речи, см., например, СҚ: *таки jүз он төрт кітаб көктін пајбамбарларда інді таки ёlliг кітаб Шіс пајбамбарда інді таки отуз кітаб Ідріс пајбамбарда інді таки jілірмә кітаб Ібраһім пајбамбарда інді таки...* 'сто четырнадцать книг было спущено с неба пророкам, пятьдесят книг было спущено пророку Шизу, тридцать книг было спущено пророку Идрису, двадцать книг было спущено пророку Ибрагиму...' (36).

Сочинительные союзы служат целям соединения не только предложений, но и элементарных синтаксических единиц, а также сочетаний.

² Сочинительная связь может быть и бессоюзной.

Подчинительные союзы: *кім*, *кё* 'так как', 'когда', 'который', *анің ўчүн кім* 'потому что', *ағар*, *ғар* 'если', *ағарчай*, *ғарчай* 'хотя', *нә ўчүн кім* 'потому что', *нәгд кё* 'потому что', *тә* 'пока', *хәрнәчай* 'сколько ни', *хәрчанд кім* 'хотя', *чү* 'когда', 'как только', *чүнкё* 'так как', 'потому что'.

Наиболее примечательным является союз *кім ~ кё*, при соединяющий любое придаточное предложение, кроме условного.³

Употребление подчинительных союзов ограничено придаточным предложением. Лишь в исключительно редких случаях последние выступают в составе оборота и в составе сочетания (при сравнении и т. д.), см. БН: *тә анда жөткүнчай мәнің білән сөкіз кіши каліп әді* 'пока я добрался туда, со мной осталось восемь человек' (138); МАХ: *бутпарастлік жаҳшірак кім ҳұдпарастлік* 'идолопоклонство лучше, чем өгоизм' (107).

Широкое развитие различных форм синтаксического подчинения К. Менгес⁴ справедливо считает важнейшей чертой староузбекского синтаксиса.

ВЫРАЖЕНИЕ ПРЯМОЙ И КОСВЕННОЙ РЕЧИ

Прямая речь в староузбекском языке выражается:

а) путем простой (не выраженной формальными средствами) постановки высказывания перед глаголами *дә-* 'сказать' и *ајт-* 'говорить' или вслед за ними, а также включением высказывания в состав деепричастного оборота с *дәп* 'сказав', ср. СҚ: *кілалі дәділәр ёрса Мұсә ду'а кілді* 'когда они сказали: „Что поделаем“, — Муса совершил молитву' (296), *дархәл Іабраїл көлип ајтті жа Мұсә ағаныні дар'яза урбіл дәп...* 'тотчас же явился Джабраил и сказал: „о Муса, брось свой посох в реку...“' (296); ШН: *хан дәді бу сәңд болсун бәкі* 'хан сказал: „Это будет тебе навечно“' (25);

б) при помощи союза *кім*, см. ХШ: *бујурдї шах кім ол атнї кәлтүр* 'приказал шах: „Приведи ту лошадь“' (30а);

в) посредством разного рода комбинаций всех перечисленных выше способов, см. БН: *дабі дәді кім бу сөзләрні унутуң*. *Мірзә філхәл айтті кім қајсі сөзләрні* 'и он сказал: „Зайдите эти слова“. Мираа тотчас же сказал [в свою очередь]: „Какие слова?“' (51); СҚ: *фармән кілбаж кім құрні ҹалбыл* 'он прикажет: „Играй на флейте“' (18а); ШН: *дәді мірзә кё дәп* 'он прикажет: „Это — Шах-заман“' (205).

Косвенная речь может быть выражена только одним способом — при помощи союза *кім*.

³ Примеры см. на стр. 208.

⁴ K. H. Menges. Das Čaγatajische in der persischen Darstellung von Mīrzā Maḥdī Xān, SS. 641, 715.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТАРΟУЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА XIV—XVI вв.

Анализ большого количества текстов художественной, историко-мемуарной и религиозно-дидактической литературы, деловых документов, а также эпиграфических надписей позволяет сделать некоторые выводы относительно общего состояния староузбекского языка рассматриваемого периода. Разумеется, мы будем говорить прежде всего о литературном языке,¹ что обусловлено составом и характером источников, использованных при написании настоящей работы.

Староузбекский литературный язык XIV—XVI вв. характеризуется высокой степенью унификации отдельных форм, оборотов, синтаксических конструкций и, отчасти, фонетических особенностей, что в конечном итоге дает основание предположить о возникновении общенародной литературно-языковой нормы именно в этот период.

Ясно, что термин „общенародный“ в данном случае не имеет абсолютного значения, так как чрезвычайно слабое распространение грамотности среди широких кругов населения и отсутствие действенных средств популяризации общей нормы способствовали сохранению большой диалектной раздробленности. Термин „общенародный“ является таким образом условным, и его следует воспринимать в том смысле, что писатели и поэты, жившие в различных районах Ферганы, Мавераннахра и в других местах и представлявшие различные диалекты центральной

части Средней Азии, сознательно ориентировались на некий общий, наддиалектный язык, стоявший ближе всего к диалектам Ферганы, но безусловно отличавшийся от любого из них. Возьмем, например, сочинения Бабура, уроженца Ферганы, Наваи, родившегося и прожившего значительную часть своей жизни в Герате, и Мухаммеда Салиха — жителя Хорезма. Вряд ли может возникнуть сомнение в большой близости языка этих трех авторов, тем более, что сами они так или иначе засвидетельствовали эту близость: Бабур — указанием на то, что язык населения^{*} родного ему Андикана совпадает с языком сочинений Наваи; Навай — включением Мухаммеда Салиха в число поэтов, писавших на языке тюркӣ, т. е. на том языке, которым пользовался сам Навай.

В староузбекском литературном языке XIV—XVI вв., как, пожалуй, и во всех других литературных языках, столкнулись и глубоко отразились две тенденции. С одной стороны, несомненно стремление поддержать связи с естественной языковой средой, чтобы не сделать литературный язык совершенно искусственным, с другой стороны, дает знать о себе литературно-языковая преемственность и литературные связи в широком смысле.

Первая тенденция проявлялась с большой силой в самом начале возникновения староузбекского языка, а затем постепенно ослабевала, так что в конце концов староузбекский язык подвергся почти полной консервации. Вторая тенденция в период с XIV по XVI в. была более или менее равномерной, хотя факторы, определявшие литературно-языковое воздействие в течение всего этого периода, не были совершенно одинаковыми.

Говоря об особенностях чисто внутреннего развития староузбекского литературного языка, мы имеем в виду период его возникновения и начальный этап развития, то есть конец XIII в. и весь XIV в.

В указанный период уже образовался ряд территориальных диалектов, однако племенные языковые различия еще играли существенную роль. На территории Ферганы, в Мавераннахре и Хорезме в различных пропорциях вступали в контакт и взаимодействовали представители трех основных диалектных групп: карлукско-уйгурской, уйгуро-огузской и кыпчакской. Взаимодей-

¹ О староузбекском литературном языке см.: В. Д. Артамошина. Условия формирования и некоторые особенности языка среднеазиатских поэтов — предшественников Навои. Сб. „Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика“, М., 1960, стр. 7—29; Г. Ф. Благова. О характере так называемого „чагатайского“ языка конца XV в. Там же, стр. 30—39.

ствие этих групп и наложило свой отпечаток на периферийные литературные языки того времени. Так, в произведениях золотоордынской литературы, в зависимости от тех или иных обстоятельств, широко запечатлелись либо огузские (ср.: Мұхаббат-нәме, Та'ашшук-нәме), либо кыпчакские элементы (ср.: Ҳосраву Ширин Қутба). Например, в Та'ашшук-нәме — алан 'захвативший', вм. албан, ср. также у Атәй — сәвәнләр 'любящие', вм. сәвәнләр. В Мұхаббат-нәме встречаются дательный падеж на -а ~ -ә, винительный падеж на -и ~ -и, форма настояще-будущего времени на -icar ~ -icär; наблюдается исчезновение конечных заднеязычных в положении после узких гласных у существительных и прилагательных, ср.: татму 'сладкий', ари 'чистый', ај jijelij 'лунощая', шірін сөзеліj 'сладкоречивый' и т. д. В Ҳосраву Ширин широко прослеживаются причастие на -аси ~ -äci, деепричастие на -а ~ -ә в самостоятельном предикативном употреблении, собирательные числительные типа iкäv и другие формы, характерные для кыпчакских языков.

Взаимодействие карлукско-уйгурских, уйгуро-огузских и кыпчакских элементов не ограничилось периферийными районами, оно сыграло решающую роль и в Фергане и в Мавераннахре и, конечно, проявило себя в процессе возникновения общего литературного языка. Достаточно внимательно проанализировать текст Бабур-нәме, чтобы представить себе размеры этого взаимодействия, особенно в плане смешения карлукско-уйгурских и кыпчакских элементов. Так, в Бабур-нәме употребляются параллельно в значении настояще-будущего времени формы на -(а)р ~ -(ә)р и -а ~ -ә, выступают причастия на -миш ~ -миш и -бан ~ -гән, собирательные числительные типа ikkälä (ikkävlä) и ik(k)äv, разделительные числительные типа iккірәр и iккішәр, отглагольные имена на -бу ~ -үй и -mak ~ -мәк, формы категорического императива на -бїл ~ -зил и -бїн ~ -зін (ср. у Мехді-хана: узбеки, т. е. кочевники Приаралья, употребляют -бїн ~ -зін вместо -бїл ~ -зил во 2-м лице единственного числа повелительного наклонения)² и т. д.

Перейдем к краткой характеристике второй тенденции, а именно, к разбору факторов литературно-языкового воздей-

² См.: Сангайх, стр. 86.

ствия, также имевших большое значение в развитии староузбекского литературного языка.

Было бы неправильно игнорировать тот факт, что почти все, писавшие на староузбекском языке, в особенности поэты, хорошо владели персидским языком и, как правило, отдавали и ему дань поэтического творчества.

Подражание персидским образцам, стремление воспроизвести дух и форму персидской поэзии, как хорошо показал Навай в Мұхәкамат ал-лугатайн, составляли основную заботу абсолютного большинства тюркоязычных поэтов XIV и XV вв. Следует не забывать также и того, что многие культурные центры тимуридов находились на территории с преобладающим восточноиранским населением и что не только поэты, но и тюркское население, находившееся в тесном контакте с последним как в Мавераннахре, так и в Фергане, в какой-то своей части было двуязычным. Эти обстоятельства не могли не скаться на состоянии литературного языка. В нем нередко преобладает персидская лексика, употребляются служебные слова и целые конструкции, не свойственные тюркской речи.

Широкое распространение получают, например, персидский изафет, союзы, препозитивные частицы типа мәгәр, кәшкі, гүjә, бәлкі. Ср. у предшественников Навай (Лутфі, Қамбара оғлы, Қасима, Джавхарі и др.) — Л: ҳәк-i пәjі кім аңа зулfi тәгәр көп істәрәм 'очень желаю (прильнуть) к следам ее, которых касаются локоны' (I), алнда жән тартадурман тә мәгәр түшкәj қабул 'перед ней прилагаю старания, чтобы быть принятым' (I), көр кә нә зарду нә зәр әтті мәні савдә-jі ҳәм 'посмотри, каким бледным сделали меня несбыточные мечты' (IV); Дж: тә ҳајалі кәлді мәхмән көзі 'аэз мәхмәнба ғәх дүр-i омману ғәх ла'l-i бадаҳшән тартадур 'не успел он и подумать о возлюбленной (букв.: о гостью), а глаза уже дорогой гостье влекут то прозрачные, как жемчуг, то кровавые, как рубин, слезы' (I); Қам: dіlбәр-i пајмән шікән 'аҳдін фарәмүш äjlәdi 'не верная слову красавица забыла свой договор' (I) и т. д.

Известно также, какую роль в жизни народов Средней Азии сыграло арабское завоевание, сопровождавшееся усиленным религиозным натиском.

Укоренение ислама и мусульманской идеологии создавало благоприятные условия для проникновения во все области интеллектуальной жизни арабской культуры и арабского языка, который стал не только религиозным, но и философским языком среднеазиатских тюрок.

Влияние арабского языка было особенно заметным в жанрах религиозно-повествовательной литературы (ср.: Ми'рджа-нәме, Таҗкира-и авлий, Қысаң ан-анбия, Рәҳат ал-қулуб, Сирәдж ал-қулуб) и почти во всех поэтических произведениях.

Среди внешних факторов, проявивших себя в развитии староузбекского литературного языка, особое место занимает влияние классического наследства карлуков и уйгуров. Литературные традиции, сложившиеся в период пребывания этих крупнейших племенных объединений в составе каганата караханидов, были живо восприняты в среднеазиатских центрах, причем первоначально, как и в Восточном Туркестане, здесь явно доминировала религиозно-дидактическая тематика (ср. Хибат ал-ҳақа'иқ).

Конкретно трудно назвать те элементы, которые вошли в староузбекский литературный язык из восточнотуркестанского литературного языка, так как узбекско-уйгурские связи не были ограничены каналами литературно-книжной преемственности.

Давая общую характеристику староузбекскому литературному языку, необходимо отметить резкое отличие языка поэтических произведений от языка прозы.

У поэтов сохраняются архаичные формы, используются в максимальных размерах элементы других литературных языков: старотурецкого, караханидского. Только или преимущественно для поэтических произведений характерно употребление отрицательной частицы *дәгүл ~ дәјүл*, „стяженных“ аффиксов винительного и дательного падежей, ср.: -(j)i ~ -(j)i и -a ~ -ä, послелога *ilä*, деепричастий на -мајін ~ -мәјін и -(i)бан ~ -(i)бән, глагольных форм настоящего и прошедшего времени, развившихся из причастий на -(a)r ~ -(ä)r и -міш ~ -міш, ср.: *бармишам* 'я пошел', *істәрәм* 'я желаю', стяженной разновидности причастия прошедшего времени, ср.: *алан* 'взявшись', *кәлән* 'пришедший', и таких слов, как *тәлім*, *үкіш* 'много', *әдіў* 'хороший', *бул*- 'находить', *кол*- 'просить', *ајүн* 'мир', *дудак* 'губы', *öл* 'рука',

убан 'бог', *бікін* 'как', 'подобно', *топрак* 'почва', 'земля', *урам* 'улица', *дәлү* 'безумный', *օсрүк* 'пьяный', *јубан-* 'колебаться', *iди* 'хозяин', *көркәбай* 'красавица' и др.

Что касается размеров использования в языке староузбекской поэзии арабо-персидских элементов, то они весьма не постоянны и в каждом конкретном случае зависят от характера поэтического произведения. Чтобы показать крайние моменты использования указанных элементов, сопоставим язык Шейбани-нәме, исторической хроники в стихах, и язык касыды Мансура-баҳши, восхваляющей достоинства всевышнего. В Шейбани-нәме число арабизмов и фарсизмов находится на минимальном для староузбекской поэзии уровне (от 30 до 40%), в касыде Мансура-баҳши их, по меньшей мере, в полтора раза больше. Ниже мы приводим небольшой отрывок из этой касыды:

*Ja бїjäc-ал мостађىң барчаңа фар'јад-рас
'alîm-ул асрар-и 'алам ja 'alîm-i зўл-јалал
кудратиң бирла јараттиң 'аршу кўрсі бу қалам
хікмәтиңиң (х)укміна жёттмай турур 'аклу ҳајал.*

*Јіннү інс(ан)у ваҳшу тајру мӯру мәхір різкіні
жёттүрүрсән ѡюмләгә кудрат билә бўкіл-у-кәл.
Кім кә ічті раҳматиң дар'јасідін бир јур'аји
барча 'аламдін муназзах болді, бу болді зуллә.*

‘О покровитель всех, кто просит помощи,
наставник сокровищ мира, о величавый мудрец!
Своим могуществом ты создал престол и минбар, и
это перо,
суждений твоей мудрости не постигнет ни ум, ни
воображение.

Хлеб наущный демону, человеку, зверю, птице,
насекомому, рыбе —
всем доставляешь ты своим могуществом без шум-
ных речей.

Тот, кто выпил глоток из реки твой милости,
стал безупречнее всех миров, стал чистой, прозрачной
водой’.

В отношении количества фарсизмов и арабизмов различия между языком поэзии и языком прозы менее ощутимы, если при сравнении не принимать во внимание деловых документов и некоторых текстов объяснительной религиозной литературы, сознательно упрощенных в целях их более широкой популяризации.

Своеобразие староузбекского языка, в той части, в которой оно связано с посторонним влиянием, выразилось преимущественно в лексике и синтаксисе. В плане морфологии арабское и персидское влияние было незаметным и оставило незначительные следы.

Несомненно, что факторы внешнего воздействия не являлись определяющими ни в самом становлении староузбекского литературного языка, ни в его развитии. Каким бы ни было подражание персидским и арабским образцам, староузбекский язык все равно никогда не утрачивал своего самобытного облика и даже в том состоянии, когда он уже не развивался, представлял нечто совершенно оригинальное и привлекал к себе внимание тюркских и персидских филологов. Более того, этот язык стал своеобразным литературным койнэ и представители многих тюркских народов пользовались им как языком „изящной словесности“ вплоть до недавнего времени.

Из всего сказанного выше следует, что отношение к староузбекскому литературному языку как к языку искусствуенному, никак не связанному с развитием общенародного узбекского языка, не является обоснованным. Литературный язык бесспорно отразил основные моменты развития народного языка узбеков и результаты его изучения вполне могут быть использованы для историко-языковых исследований более широкого охвата. Последнее не означает, однако, что между староузбекским литературным языком и языком общенародным (т. е. совокупностью признаков, объединявших живые узбекские диалекты) не было никаких различий.

ОТНОШЕНИЕ СТАРОУЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА К ВОСТОЧНО-ТУРКЕСТАНСКОМУ

Как мы отметили в самом начале, „Грамматика узбекского языка XIV—XVI вв.“ является продолжением „Грамматического очерка языка текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана“.

Связь названных грамматических исследований не случайна: староузбекский язык рассматривается нами как среднеазиатская разновидность восточнотуркестанского языка более позднего (чем X—XIII вв.) периода. При этом в данном случае под восточнотуркестанским языком разумеется его карлукско-уйгурский диалект.

В данном разделе небесполезно сопоставить фонетические особенности и морфологические системы языка двух указанных периодов и сделать некоторые выводы относительно ведущих тенденций в развитии узбекского языка на протяжении шести семи столетий.

Предварительно ответим на вопрос, достаточно ли оснований считать, что восточнотуркестанский и староузбекский языки лежат в одной плоскости и связаны узами хронологической последовательности? Хотя диалектная база староузбекского языка XIV—XVI вв. значительно расширилась, по сравнению с диалектной базой восточнотуркестанского языка, за счет включения кочевников Дешти Кыпчака, есть все основания рассматривать его как высокоразвитое ответвление этого последнего, т. е. восточнотуркестанского языка (resp. карлукско-уйгурского диалекта).

В староузбекском языке наблюдаются почти все те же грамматические формы и фонетические явления, что и в восточнотуркестанском языке, с той разницей, что в первом многие из них уже являются архаичными и не охватывают системы языка в целом, тогда как в последнем они весьма продуктивны и регулярны.

Сопоставление восточнотуркестанского и староузбекского языков в плане фонетики затруднено обстоятельствами, связанными с характером письменности, недостаточно точно отражающей тюркские звуки, в особенности гласные.³ Поэтому проанализируем лишь частные фонетические явления, которые четко

³ Весьма вероятно, что фонологические системы этих языков не различались и что состав дифференциальных признаков фонем был одинаковым. Правда, в восточнотуркестанском языке еще сохранялось в какой-то мере противопоставление долгих и кратких гласных, тогда как в староузбекском такого противопоставления уже не было.

отразились в письменности и о которых мы можем говорить без риска ошибочной интерпретации графических обозначений.

Прежде всего следует остановиться на традиции так называемого *ð*-языка.

В восточнотуркестанских текстах в середине или в конце слова часто выступает звук *ð* (*ð* — в уйгурских памятниках, по причине отсутствия специального знака для *ð*), на месте которого иногда появляется *j*. В позднейших источниках, таких, как Огуз-наме, в соотношении *ð* и *j* намечается перелом в пользу *j*. В староузбекском языке *j* оказывается доминирующим звуком. Только в изолированных словах на месте межаубного *ð* в нем встречаются еще *ð*, *d* и *z*, см. А: *адак* 'нога' (27); МН (Or. 8193): *ёдгү* 'хороший' (1636; см. МН (Add. 7914): *ёjгү* (295a)); С: *iði* 'господин', 'бог' (36), *азакін* 'его ногу' (19a); ЯШ: *уд јїл(i)* 'год коровы' (255).

В восточнотуркестанском языке в исходе формы условного наклонения употребление *r* (ср.: *кёлсар* 'если придет', *алсарман* 'если я возьму' *барсар сан* 'если ты пойдешь') идет на убыль. В текстах позднего происхождения *r* полностью исчезает, и в староузбекском языке становятся обычными стяженные формы 1-го и 2-го лица типа: *алсам* 'если возьму', *барсаң* 'если пойдешь', *алсак* 'если возьмем', *алсанғиз* 'если возьмете'.

Чередование *n* и *j* на месте общетюркского **j* в обоих языках наблюдается приблизительно в одинаковых размерах. *J* явно преобладает, что примечательно с точки зрения противопоставления восточнотуркестанского и староузбекского языков древним огузским языкам, в которых **j* отразился в виде *n*. Взаимозаменяемость *n* и *j* в староузбекском языке допустима в двух наречиях, представляющих застывшие формы местного и исходного падежей от определительного местоимения *ka(j)* (< **ka(j)*) 'какой': *канда ~ кајда* 'где', *кандин ~ кајдин* 'откуда'. В наречии *кані* возможен только *n*. *ka(j)y*, *ka(j)sі* 'какой', *чибай* 'бедный', *коj* 'овца' и другие слова встречаются не иначе как с *j*.

Положение заднеязычных согласных в любой позиции характеризуется большой устойчивостью. Правда, в староузбекском языке можно обнаружить немалое количество примеров выпадения конечных заднеязычных после узких гласных или

в интервокальном положении, см. МХ: *сан-сарі* 'желтый-желтый' (< *сан-саріб*; 21); ШН: *капу* 'ворота' (< *капуб*; 119). Тем не менее эта особенность не типична для староузбекского языка и является следствием продолжительного и интенсивного кыпчакского влияния. В кыпчакских языках, как известно, утрата заднеязычных в указанных выше позиционных условиях носила всеобщий и совершенно закономерный характер.

Ассимилятивное изменение начального *b* в *m* под воздействием последующего *n* (или *h*) почти не имеет исключений ни в том, ни в другом языке, ср.: *бэн* > *мэн* 'я', *бэнү* > *мэнү* 'вечный', *буң* ~ *муң* 'печаль', *бің* ~ *мің* 'тысяча', *бәңіз* ~ *мәңіз* 'лицо', в отличие от древних огузских языков, в которых *b* сохранился без изменений.

Для восточнотуркестанского языка характерна и, более того, обязательна постановка перед аффиксами локативных падежей "вставочного" *n*, происхождение которого до сих пор вызывает споры, см.: *таши* 'его камень', *ташінба* 'к его камню', *ташіндін* 'от его камня'; *баші* 'его голова', *башінба* 'к его голове', *башіндін* 'от его головы'. В староузбекском же языке намечается тенденция к его исчезновению. Так, в произведениях Лутфий, Навай и некоторых других поэтов "вставочный" *n* — уже весьма редкое явление.

Выпадение начального *b* в глаголе *бол* 'быть', 'становиться' и переход *b* в *v* в глаголе *бёр* 'давать' необычны как для восточнотуркестанского, так и для староузбекского языков. Подобные фонетические явления наблюдаются преимущественно в поэтических произведениях, в которых они в совокупности с другими особенностями языков огузской группы, создают особую стилистическую окраску, ср., например, отрицание *дәгүл*, послелог *ilä*, глагольные формы настоящего и прошедшего времени: *истәрәм* 'хочу', *кілмішам* 'я сделал' и др.

Если о соотношении форм с протетическим *j* и без него в восточнотуркестанском языке еще нельзя сказать ничего определенного, то для староузбекского языка этот вопрос решается совсем просто. В нем оказываются предпочтительными йотированные формы, см.: *jaзбұr-* 'сбить с дороги', 'ввести в заблуждение' (~ *аzбұr-*), *jaбач* 'дерево' (*aбач* отсутствует,

ср. в языках огузского типа), *jibla-* 'плакать' (*abla-* отсутствует, ср. в языках огузского типа).

И в восточнотуркестанском и в староузбекском языках на месте общетюркского *d' (*m?), выступающего в начале слова и имеющего самые разнообразные отражения в древних и современных тюркских языках, всюду наблюдается *j*. Формы с начальным *j* из памятников X—XIII вв. обнаруживает уйгурский вариант Сказания об Огузе, в котором, однако, наряду с *j* выступает и *j̥*. При этом можно предположить, что *j̥* в оригинале не было и что он появился при составлении списка, так как в китайско-уйгурском словаре, составленном в пекинской коллегии переводчиков, в правление династии Мин, и включающем в себя всю лексику из Сказания об Огузе, джекающих форм нет.⁴ В староузбекском языке джекающие формы также необычны. Мехдий-хан приписывает их языку "узбеков",⁵ т. е. кочевников приаральских степей.

Среди частных явлений обращает на себя внимание регулярная вокализация в староузбекском языке конечных согласных у порядковых числительных, употреблявшихся в более ранний период, как правило, без гласных. Ср.: *törtinč* и *törtinči* 'четвертый', *ičinč* и *ičinči* 'второй', *böšinč* и *böšinči* 'пятый'. Краткое, невокализованное окончание порядковых числительных для староузбекского языка засвидетельствовано небольшим количеством примеров, см. Абушка: *üčiñč* 'третий' (94); ШН: *törtinč* 'четвертый' (161).

В отношении гармонии гласных можно заметить следующее: в целом это явление сохраняется на протяжении всего периода существования как восточнотуркестанского, так и староузбекского языка. Тем не менее в каждой конкретной группе форм происходили некоторые сдвиги. Так, в староузбекском языке становятся заметными морфологические образования смешанного палатально-велярного или велярно-палатального типа и намного возрастает число слов, в которых губной гласный третьего и, реже, второго слога заменяется негубным гласным, ср. *kördüñüz* и *kördiñiz*, *kördiñiz* 'вы видели', *sözümnüñ* и

⁴ См.: А. М. Щербак. Огуз-наме. Мұхаббат-наме, стр. 102—107.

⁵ Санглайх, стр. 86.

sözümnıñ 'моего слова', *sözümüž* и *sözümiz*, *sözimiz* 'наше слово', *kümüş* и *kümış* 'серебро'.

Спирантизация *k* (>*x*) охватывает приблизительно одинаковое количество слов. Она, очевидно, имела место лишь в отдельных, смежных с огузскими диалектами, говорах. В памятниках примеры спирантизации *k* единичны.

В староузбекском языке появляется новый "вставочный" звук — *sh*, ср.: *ikishär* 'по два', вм. прежнего *ikirär*, *alтишар* 'по шести', *jätishär* 'по семи'.

Восточнотуркестанский и староузбекский языки поразительно совпадают в отношении позиционного распределения согласных. Звонкие заднеязычные, увулярные и *d* в абсолютной начальной позиции присутствуют только в виде исключения. Разумеется, слова арабские, персидские и монгольские в счет не идут.

На границе разных морфологических элементов в староузбекском языке в сочетании с сонорными встречаются, как правило, звонкие шумные, ср.: *ld*, *md*, *nd*, *rd*, *rb* (в восточнотуркестанском языке чаще: *lt*, *mt*, *nt*, *rt*, *rk*). Группы с глухим смычным сохраняются лишь внутри слов, неразложимых на отдельные морфологические элементы, например; *al-tun* 'золото', *arpa* 'ячмень', и в побудительных формах глагола типа: *öltür-* 'убить', *költür-* 'принести'. В последнем случае рассматриваемые языки образуют общую линию.

Сам факт сохранения группы *lt* (*lm*) можно квалифицировать как один из весьма примечательных объединяющих признаков, ср.: *öltür-* 'убить' (в манихейских текстах X—XI вв.—*ölyr-*), *költür-* 'приносить', 'приводить' (в манихейских текстах X—XI вв.—*kälyr-*, в памятниках кыпчакского языка XIII—XVI вв.—*kätyür-* ~ *kätpir-*), *oltur-* 'садиться' (в манихейских текстах—*olur-*, в кыпчакских—*otur-* ~ *otpır-*).

Таким образом, при наличии одинаковых фонологических систем восточнотуркестанский (resp. карлукско-уйгурский) и староузбекский языки, составляющие единую языковую традицию, имеют некоторые исторически обусловленные фонетические различия.

Аналогичное соотношение наблюдается в морфологии.

Для учета преобразований в системе падежных форм приведем ниже обе парадигмы склонения:

Вост.-турк.	
Осн.	—
Вин.	-ні ~ -ні, -їз ~ -із, —
Дат.	-за ~ -гә
Напр.	-бару ~ -гәрү
Местн.	-да ~ -дә
Исх.	-да ~ -дә, -дан ~ -дән ~ -дін ~ -дін
Орудн.	-їн ~ -ін

Староузб.	
Осн.	—
Вок.	-а ~ -ә
Вин.	-ні ~ -ні, —
Дат.	-за ~ -гә
Местн.	-да ~ -дә
Исх.	-дін ~ -дін
Предел.	-бача ~ -гәчә, -ча ~ -чә

Сравнение двух парадигм показывает, что некоторые падежные формы восточнотуркестанского языка исчезли и что в староузбекском языке появились новые падежные формы и расширились или сузились функции старых падежей.

Аффикс орудного падежа постепенно утратил свою продуктивность и стал неупотребительным. В староузбекском языке его можно обнаружить в одной из групп „именных“ наречий, ср.: *күндүзүн* ‘днем’, *јүз түбән* ‘лицом вниз’, *кәскін* ‘резко’, ‘категорически’, *кішін* ‘зимой’, *јазін* ‘летом’, *сәнсізін* ‘без тебя’, *јалбузун* ‘одиноко’, *көңкурун* ‘вечером’; в некоторых последогах, ср.: *үчүн* ‘из-за’, ‘для’, *сајн* ‘по’; в отрицательных деепричастиях, ср.: *барајын* ‘не идя’, *кілмајын* ‘не делая’, в деепричастиях типа *барібан* ‘отправившись’, *кілібан* ‘сделав’ и в других формах.

Функции орудного падежа в староузбекском языке перешли главным образом к послелогу *biplä ~ bilä ~ ilä*, который в конечном итоге стал одним из наиболее употребительных послелогов.

В древних тюркских языках, о которых принято говорить со ссылкой на показания орхонских и енисейских рунических надписей, не было исходного падежа и соответствующие зна-

чения передавались формой местного падежа. В восточнотуркестанском языке дело обстоит несколько иначе: в широком масштабе устанавливается раздельное оформление местного и исходного падежей, хотя первоначальный синкретизм локативных значений, характерный для аффикса *-да ~ -дә*, еще дает знать о себе в течение продолжительного периода времени. Достаточно сказать, что в восточнотуркестанском языке указанный аффикс может выражать местное, исходное и направительное значения. В староузбекском языке функции местного и исходного падежей разграничились еще более четко, чем в восточнотуркестанском языке. Зато соотношение функций местного и дательного падежей сохраняется без заметных изменений: присоединяясь к географическим и некоторым другим наименованиям, аффикс местного падежа выражает направительное значение, см. БН: *Кундузда кәlin мәңә катілділар* ‘прия в Кундуз, они присоединились ко мне’ (11), *Хорасандын Ка-булда кәldilär* ‘они пришли из Хорасана в Кабул’ (13).

Самостоятельная форма направительного падежа с аффиксом *-барї ~ -гәрї ~ -бару ~ -гәрү* в восточнотуркестанском языке имела узкую сферу употребления. В карлукско-уйгурской диалектной группе ее не было вообще. Наличие этой формы в манихейских текстах, ср.: *үжурбару* ‘к уйгурам’ и т. д.,⁶ позволяет говорить о возможности ее достаточно широкого использования в уйгуро-огузском диалекте. Во всяком случае, в тюркских языках орхонского периода продуктивность аффикса *-барї ~ -бару*, с учетом его вхождения в состав парадигмы склонения имени, несомненна. В староузбекском языке специальная форма направительного падежа, отличная от формы на *-за ~ -гә*, отсутствует, а аффикс *-барї ~ -бару* прослеживается только в структуре трех-четырех имен, членимых этимологически, ср.: *jokarï* (*jokkari?*) ‘вверх’, *içkäri* ‘внутренняя часть (помещения)’, *taškarï* ‘внешняя часть’, *içkäriðin* ‘изнутри’, *içkäriðä* ‘внутрь’, *taškarïðin* ‘извне’, *taškarïba* ‘вовне’.

В восточнотуркестанском языке наряду с аффиксом *-ні ~ -ни* приметой винительного падежа являлся аффикс *-їз ~ -із*, быв-

⁶ См.: А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана, стр. 86.

ший продуктивным морфологическим показателем вплоть до XI—XII вв. См., например, турфанские тексты, Кутадгу билиг и т. д. В источниках староузбекского языка XIV—XVI вв. нет ни одного случая употребления аффикса *-йз ~ -из*.

В староузбекском языке, в отличие от восточнотуркестанского, парадигма склонения пополнилась тремя новыми формами, из которых одна — форма вокативного падежа на *-а* — получила ограниченное распространение (встречается в поэтических произведениях), а две другие — формы предельного падежа на *-ча ~ -чай* и *-бача ~ -гачай* — употребляются более или менее регулярно во всех текстах. Функции этих последних не были четко разграничены, хотя очевидно, что у форм, образованных при помощи аффикса *-бача ~ -гачай* преобладали значения пространственно-линейной (например: „до такого-то места“) и временной предельности. Предельные формы можно обнаружить и в памятниках восточнотуркестанского языка, однако здесь они довольно случайны и занимают положение вариантовых морфологических образований, иногда заменяющих послеложные сочетания. Впрочем, и в староузбекском языке они недостаточно проявили себя и оказались неустойчивыми.

Основной падеж на всем протяжении истории узбекского языка совмещает самые разнообразные значения, характерные для винительного, дательного и местного падежей, и в отношении основного падежа трудно сказать что-нибудь определенное о преобразованиях, которые имели место в период с XIII по XVI в.

Если отбросить падежные формы, присутствие которых в староузбекском языке было эпизодическим (т. е. формы вокативного и предельного падежей), получится парадигма, ничем не отличающаяся от парадигмы склонения современного узбекского языка. Она выделяется простотой, четкостью, отсутствием параллельных форм для выражения идентичных значений (исключение: винительный падеж). Все падежные аффиксы в ней моносиллабичны, что свидетельствует о высоком уровне их формального преобразования. Для сопоставления и разграничения последних с соответствующими аффиксами других групп тюркских языков важно отметить, что каждый из них начинается согласным.

Из этого следует, что в староузбекском языке мы имеем дело уже с новейшими формами, между которыми складываются отношения, близкие к нормам современного узбекского языка, тогда как в восточнотуркестанском языке еще продолжает существовать, хотя и в нарушенном виде, древнетюркская падежная система с такими падежами, как винительный на *-йз ~ -из*, направительный на *-бару ~ -гәрү*, орудный на *-ин ~ -ин* и т. д.

Аффиксами, образующими уподобительную форму в восточнотуркестанском языке, является *-дәк* (resp. аффикс-последлог), *-лају ~ -läjü*, *-сіб ~ -сіг*. Два последние аффикса, однако, выступают редко, и их постепенно вытесняет первый. Случай употребления в староузбекском языке аффикса *-лају ~ -läjü* (*-лајін ~ -läjіn*) — единичны, см. К: *ciәläjін* ‘подобная тебе’ (III); ТН: *Вәміклајін* ‘как Вамык’, ‘подобно Вамык’ (285б). Аффикс *-сіб ~ -сіг* отсутствует вообще.

Система средств, выражающих принадлежность, не испытывает существенных изменений.

Что касается формы сопряженного состояния, то она характеризуется в основном одинаковыми особенностями употребления. Все же следует отметить, что в староузбекском языке отношения, выражаемые указанной формой, более многообразны. При этом широко распространяется сокращенный вариант ее, совпадающий с формой винительного падежа. Наконец, в староузбекском языке можно отметить возникновение особой предикативно-притяжательной формы, развившейся из сочетания формы сопряженного состояния с относительным аффиксом *кі*, см. БН: *бізнікі* ‘наш’ (103), *бізнікі* ‘наш’ (135).

Преобразование формы сопряженного состояния в форму притяжательного падежа, происходящее в восточнотуркестанском языке, ограничивается местоимениями, ср.: *бізнің ёл* ‘наш народ’, *сәнің ат* ‘твоя лошадь’. В тех же границах оно происходит и в староузбекском языке.

Форма множественного числа как в древнейший (восточнотуркестанский), так и в более поздний (староузбекский) периоды истории узбекского языка образуется при помощи одного аффикса — *-лар ~ -läp*. Такие аффиксы множественного числа, как *-ан ~ -än* и *-т* в восточнотуркестанском языке и *-ан ~*

-än, *-at* ~ *-ät* в староузбекском, являлись принадлежностью ограниченного круга слов, которые для носителей языка в абсолютном большинстве случаев были неразложимы. Выделение подобных аффиксов обычно осуществляется путем этимологического анализа, и в системе чисто формальных противопоставлений они никакой роли не играют.

Отличительным моментом функционирования аффикса *-lar* ~ *-läp* в староузбекском языке является его участие в образовании особой группы наречий, ср.: *ämäilär* 'теперь', *андалар* 'там', *јазлар* 'летом', *kışlар* 'зимой'.

Несколько слов об именном словообразовании.

В староузбекском языке появляется ряд форм, образуемых оригинальным сочетанием обычных тюркских аффиксов, например, имя, обозначающее род занятий и отрезки времени, в которые протекают привычные действия, см. *bır aychilik jol* 'одномесячная дорога', *nakäräçilik* 'игра на барабане', *kushçılık* 'разведение птиц', *jadachilik* 'вызывание дождя', *žılilik* 'миссия посла', *alamanchılık* 'занятие грабежом'.

Широкое распространение получают аффиксы *-kun* ~ *-kjün*, *-bul* ~ *-gül*, *-l* и *-mtul*, из которых три последние восточнотуркестанскому языку были вовсе неизвестны, ср. *satkun* 'продажа', *tutbūn* 'пленик', *sakavul* 'стражник', *sojurbal* 'надел', 'пожалование', *kızm̩tul* 'красноватый', *karamtul* 'черноватый', *ja-**şımtul* 'зеленоватый'. В этом, кстати, нет ничего необычного, так как указанные аффиксы проникли в староузбекский язык из монгольского языка и, следовательно, появление их у тюрок могло иметь место только в период после монгольского нашествия, т. е., по существу, за пределами хронологических рамок восточнотуркестанского языка.

Староузбекский язык, по сравнению с восточнотуркестанским, располагает большим количеством анафорических местоимений и наречий с начальным компонентом *oш*, ср.: *oшбу* 'вот этот', *oшул*, *oшал* 'вот тот', *oшмундак* 'вот этакий', *oшанда* 'вот там', *oшмунча* 'вот так' и отрицательных местоимений композитного типа, ср.: *xäčkäm*, *xäčkämсä*, *xäčkämärsä* 'никто', *xäčnämä*, *xäčnämärsä*, *xäčnämärsä* 'ничто'.

Неупорядоченность форм собирательных числительных, прилагательная для восточнотуркестанского языка, ср.: *iğägj* // *iğäv*,

iğ(k)älä и *iğ(k)ävlä* 'двоे', имеет место и в староузбекском.

Состав субстантивных отглагольных имен оказывается довольно постоянным, тем не менее в староузбекском языке приобретают более широкие масштабы те процессы, которые берут начало в период с X по XIII в. Полностью утрачивает продуктивность отглагольное имя на *-iñch* ~ *-iñc* ~ *-uñch* ~ *-üñch*, которое преобразуется в особый словообразовательный тип существительного, охватывающий около десяти слов, см.: *korküñch* 'страх', *söküñch* 'ругательство', 'брань', *öküñch* 'раскаяние', *iñanç* 'вера' и т. д. Форма на *-mak* ~ *-mäk* становится менее употребительной, и учащаются случаи ее полной субстантивации. Напротив, отглагольное имя на *-iñsh* ~ *-iñsh* начинает занимать более важное место в системе именных форм отглагольного образования, и сфера его использования несколько увеличивается. Отглагольное имя, образуемое при помощи аффикса *-y(v)* ~ *-ü(v)*, в текстах староузбекского языка почти не встречается. Таким образом, и в пределах отглагольных имен можно обнаружить тенденцию, направленную к сокращению параллельных или очень близких по значению грамматических форм и способствующую увеличению семантико-функциональной нагрузки ведущих морфологических образований.

Количество причастных форм уменьшается приблизительно в два раза. Так, в староузбекском языке насчитывается только четыре продуктивных причастных формы — на *-ap* ~ *-är*, *-ban* ~ *-gän*, *-mïsh* ~ *-mïsh* и *-bu* ~ *-gür*, причем две последние обнаруживают признаки семантического обособления (ср., например, для *-mïsh* ~ *-mïsh* — выражение неочевидности). Функционально приведенные причастные формы разграничиваются следующим образом: причастия на *-mïsh* ~ *-mïsh* и *-bu* ~ *-gür* выполняют преимущественно предикативные функции, причастиям на *-ap* ~ *-är* и *-ban* ~ *-gän* свойственные и предикативные и атрибутивные функции. Следует отметить также, что несколько расширилось употребление пятой причастной формы — на *-bur* ~ *-gür*, тем не менее говорить о продуктивности ее в староузбекском языке нет достаточных оснований.

За счет частичной или полной десемантизации пополняется группа "пустых" имен, или нумеративов и прonomинативов, см.

БН: *bîr pârâ jol* 'часть дороги' (140), *bîr tahtâ tash* 'плита камня' (141), *ûch tâzâ nân* 'три лепешки' (141). Ср. также: *ikki navbat*, *ikki kâtla*, *ikki martabâ* 'два раза'.

Форма „категорического императива“ на *-bîl* постепенно уступает место форме на *-bîn*, большее распространение получает стяженный аффикс предлагательно-желательного наклонения 1-го лица единственного числа, например: *baraj* 'пойду-ка', *kîlaç* 'сделаю-ка', *böräj* 'дам-ка', *alaç* 'возьму-ка', вм. *baraçin*, *kîlaçin* и т. д.

Из двух форм предлагательно-желательного наклонения 1-го лица множественного числа на *-alîm ~ -älim* и *-alîñ ~ -äliñ*, характерных для восточнотуркестанского языка, в староузбекском используется только вторая, имеющая усеченную разновидность, ср.: *baralîñ ~ baralî* 'пойдем-ка', *alañ ~ alalî* 'возьмем-ка'. Форма с аффиксом *-alîm ~ -älim* употреблялась в период с X по XIII в. в уйгуро-огузской диалектной группе. В более позднее время она используется в памятниках старотурецкого языка.

В 3-м лице предлагательно-желательного наклонения утрачивается многообразие формальных наращений, зафиксированное в карлукско-уйгурских текстах, ср.: *barsunî*, *barsun* и *barsu* 'пусть идет'; в староузбекском языке — одна разновидность: *barsun*.

В изъявительном наклонении происходит дальнейшая вербализация форм прошедшего категорического и будущего неопределенного. Одним из основных признаков этого процесса является ограничение возможностей сочетания указанных форм с вспомогательным глаголом *þr-*. Примечательно, что присоединение к форме прошедшего категорического вспомогательного глагола *þr-* в соответствующей форме в староузбекском языке исключено. Можно добавить также, что в текстах XIV—XVI вв. не отмечено ни одного случая атрибутивного использования рассматриваемых форм.

Из двух личных показателей форм условного наклонения и прошедшего категорического 1-го лица множественного числа — *-mîz ~ -mîz* и *-k ~ -k* — в староузбекском языке остается один — *-k ~ -k*.

Заметно сокращается количество вариантов форм неполной вербальности (деепричастий).

Вместо трех вариантов деепричастия „настоящего времени“ (на *-a ~ -ä*, *-y ~ -ÿ*, *-i ~ -i*), выступающих в восточнотуркестанском языке, остается один (на *-a ~ -ä*). Два другие варианта встречаются редко, чаще в произведениях религиозно-дидактической литературы (см.: Сирâдж ал-қулûb, Рâhat ал-қулûb и т. д.), и их употребление носит отпечаток архаичности.

Отрицательное деепричастие „настоящего времени“ в восточнотуркестанском языке имеет три разновидности аффикса: *-maj ~ -mäj*, *-majîn ~ -mäjîn* и *-madîn ~ -mädîn*. Последняя разновидность — древнейшая: она запечатлела традицию *ð-языка*, который условно может быть назван общетюркским. Непосредственно к *-madîn* восходит *-majîn*, далее следует *-maj* — разновидность, образующаяся в результате отпадения конечного слога. В староузбекском языке преобладает последняя, новейшая разновидность, и аффикс *-majîn* встречается не чаще, чем варианты формы соответствующего положительного деепричастия.

Из обиходного староузбекского языка полностью исчезает деепричастие прошедшего времени на *-iban ~ -ibän*.

Исчезновение *n*-овых деепричастий необходимо рассматривать как одно из звеньев в процессе, вызванном изменениями древней парадигмы имени и, в частности, отмиранием орудного падежа.

И в восточнотуркестанском и в староузбекском языке деепричастие настоящего времени употребляется только со связкой, например, *baradur* 'идет'. При этом вспомогательный глагол *þr-* в прошедшем времени непосредственно с указанным деепричастием сочетаться не может, ср.: *baradur þrdi* 'он шел' (*bara þrdi* исключено).

В староузбекском языке становится более обычным и более распространенным включение в состав предиката отрицательных форм деепричастия на *-(i)p ~ -(i)p*, ср.: *körmâpsân* 'ты не видел', *bolmâpdur* 'он не стал'.

В образовании вторичных глагольных основ различия между восточнотуркестанским и староузбекским языками незначительны. Они сводятся к тому, что, во-первых, устраняется множественность формальных средств выражения так называемого страдательного залога, во-вторых, широко осуществляется использование страдательной формы для передачи действия с невыражением

женным производителем. Страдательная форма образуется в связи с этим и от непереходных глаголов, а соответствующая форма, образованная от переходных глаголов, может управлять винительным падежом.

В староузбекском языке намного усиливается процесс образования послелогов, выражающих значения причинности, обоснования и др., который охватывает прежде всего деепричастия настоящего времени, ср.: *ошанба кўрә*, *ошанба бака*, *ошанба ѡараша* 'по этой причине', 'в соответствие с тем'.

Служебные слова пополняются также большим количеством препозитивных частиц и союзов, большинство которых — заимствования из персидского языка.

Приименная отрицательная частица *ёмäс*, образовавшаяся в восточнотуркестанском языке, становится господствующим отрицательным членом и случаи замены ее другим отрицательным членом — *дäгүйл* — в староузбекском языке единичны.

Для синтаксиса примечательно постепенное и довольно интенсивное усложнение структуры предложения, происходящее главным образом под влиянием персидского языка и ограниченное рамками литературной нормы. В староузбекском литературном языке, например, встречается огромное количество придаточных предложений и представлены разные способы конструирования сложных синтаксических единиц с сочинительной связью.

Таковы некоторые моменты соотношения фонетики, морфологии и синтаксиса восточнотуркестанского и староузбекского языков.

Каковы же основные тенденции, проявившие себя в процессе развития от восточнотуркестанского языка (resp. карлукско-уйгурского диалекта) к староузбекскому?

В области фонетики могут быть отмечены: преобразования отдельных звуков (ср. *δ > j*); упрощение групп согласных, возникших при образовании новых форм; более интенсивное использование протетического *j* (ср.: *jaғач* 'дерево', *jїбла-* 'плакать'); озвончение глухих согласных в сочетаниях с сонорными (*лт > лд*, *рт > рд*, *нт > нд* и т. д.), что трудно объяснить какими-либо общими тенденциями в развитии системы звуков и фонетической структуры слова.

Изменения, наблюдаемые в морфологии, можно характеризовать, во-первых, как процесс унификации грамматических форм посредством сокращения омонимичных образований, например, винительного падежа на *-їб ~ -иž*, исходного на *-да ~ -дä*, дательного (направительного) на *-бару ~ -гарў*, уподобительных форм на *-сїб ~ -сiг* и *-лаj(y) ~ -лаj(y)*, отглагольных имен на *-бу ~ -гў*, *-иңч ~ -иңч*, *-бур ~ -гўр*, предлагательно-желательного наклонения 3-го лица на *-сунї ~ -сўнї* и *-су ~ -сiў*, деепричастия на *-їбан ~ -ибän* и т. д.; и, во-вторых, как следствие проявляющейся в пределах аффиксальных морфем тенденции моносилабизма (т. е. сокращения отдельного морфологического показателя до одного слова), ср. аффикс собирательных числительных *-абу ~ -агү > -ав ~ -äv*, аффикс формы предлагательно-желательного наклонения 1-го лица единственного числа *-ајїн ~ -äjїн > -aj ~ -äj*, аффикс отрицательной формы деепричастия настоящего времени *-мајїн ~ -мäjїн > -maj ~ -mäj* и т. д.

ОТРАЖЕНИЕ ДИАЛЕКТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ В ПАМЯТНИКАХ СТАРОУЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

В целом произведения староузбекской литературы характеризуются отсутствием сколько-нибудь значительных и совершенно определенных фактов, указывающих на их принадлежность к тому или иному диалекту. Поэтому вопрос об отражении диалектных особенностей в памятниках староузбекского языка кажется на первый взгляд неуместным. Однако при детальном исследовании каждого из текстов все же обнаруживаются данные, позволяющие констатировать их связь с той или иной диалектной группировкой и дающие возможность установить некоторые признаки диалектного расслоения носителей тюркской речи на территории Мавераннахра и Ферганы в XIV—XVI вв.

К числу таких диалектных данных относится джекание, отмеченное Мехдий-ханом в Санглайхе (*jүң* вм. *jүң* 'шерсть') как особенность языка 'узбеков'.

Джекание не было характерным ни для одного из городских говоров, и следы его обнаруживаются лишь в документах и эпиграфических надписях кочевников Дешти Кыпчака. Таким

образом, произношение *j* вместо *j* в начале слова имеет кыпчакские истоки, и распространение этого диалектного признака связано с многократными передвижениями кыпчаков из районов Приаралья в центральные районы Средней Азии.

Черной, свойственной кыпчакским диалектам, является также выпадение *l* (*l*) в группе *лт* (*lm*).

У многих староузбекских авторов выпадение *л* (*l*), ср.: *отурдї* вместо *олтурдї* 'он сел', *кётүрдї* вместо *кёлтүрдї* 'он принес', не являлось результатом процессов, происходивших в их диалектах, а было привнесено извне и служило целям литературно-языковой стилизации. Однако в таких памятниках, как Шейбаний-наме, упрощение группы *лт* несомненно отражало реальные произносительные нормы тех диалектов, носителями которых являлись авторы соответствующих произведений.

В кыпчакских диалектах раньше, чем в каких-либо других, обнаруживается нарушение губной гармонии гласных, например, в Хосраву Шайрён: *коркінч* 'страх', *умінч* 'надежда' и т. д. В связи с этим можно высказать предположение о том, что постоянные переселения кочевников из Дешти Кыпчака на земли Мавераннахра и Ферганы способствовали усилению процесса делабиализации вторых и третьих слогов⁷.

Следующая диалектная особенность — употребление категорического императива на *-бїн* ~ *-гїн* и формы предлогательно-желательного наклонения 1-го лица множественного числа на *-(a)jik* ~ *-(ä)jik*.

Категорический императив на *-бїн* ~ *-гїн* в XV в. укореняется настолько глубоко, что проникает в язык произведений большинства живших в это время писателей и поэтов. Тем не менее диалектные источники этой формы совершенно прозрачны. Использование аффикса *-бїн* ~ *-гїн* возрастает по мере продвижения на север, и не случайно Мехдий-хан рассматривает его как отличительную черту опять-таки языка „узбеков“.

Форма на *-(a)jik* ~ *-(ä)jik* встречается, пожалуй, только в Бабур-наме и Шейбаний-наме и притом не более двух-трех раз; см. ШН: *кёрә(j)lik* 'увидим-ка' (160). Столь незначительное распространение ее может быть объяснено большой устойчивостью старой карлукско-уйгурской формы предлогательно-желательного наклонения на *-алї* ~ *-äli*. И эта форма — кыпчак-

ского происхождения. Контаминация ее с карлукско-уйгурской формой положила начало образованию нового морфологического типа, ставшего господствующим в современном узбекском языке — на *-(a)jlik* ~ *-(ä)jlik*. Ср. в памятниках, сохранивших значительные следы влияния языков огузского типа (Қысаç ал-анбия Рабғузӣ, Қысса-и Баҳрам и др.): *баралїк* 'пойдем-ка', *кёрәlik* 'увидим-ка', *кәлтүрәlik* 'приведем-ка', *барајлук* 'пойдем-ка', *кїлајлук* 'сделаем-ка'.⁷

Известны и другие особенности фонетического и морфологического характера, выделявшие группу кыпчакских диалектов. И все же в анализируемых текстах они немногочисленны, что обусловлено ориентацией литературного языка исключительно на городские говоры, резко противопоставляющиеся говорам кочевых узбеков.

Особенности огузских диалектов в языке староузбекских литературных источников занимают значительное место, но только немногие из них⁷ и у ограниченного числа авторов появились непосредственно из живой диалектной среды.

Одна из таких особенностей — утрата начального *б* в глаголе *бол* 'быть', 'становиться' и переход *б* в *в* в глаголе *бэр- давать*.

Проявлением связи с огузскими диалектами можно считать кроме того, употребление порядковых числительных, образованных при помощи аффикса *-ланчї* ~ *-länci*, прослеживаемое в текстах хорезмского 'происхождения', например, в Сал-наме. Диалектная среда, в которой бытовала указанная форма, не имела путей для широкого влияния на литературный язык, и поэтому использование аффикса *-ланчї* ~ *-länci* на протяжении всего классического периода и в последующее время было предельно ограниченным. Напомним, что из более ранних памятников, несомненно связанных со староузбекским языком, рассматриваемую форму обнаруживает тифсир из Карши, исследованный А. К. Боровковым. Причем и в этом памятнике очевидно наличие особенностей огузского происхождения.

Следующая черта, имеющая огузское происхождение, — использование форм предлогательно-желательного наклонения

⁷ См.: C. Brockelmann. Osttürkische Grammatik, S. 229.

1-го лица единственного числа на *-байм ~ -байн* и 1-го лица множественного числа на *-балым ~ -балык ~ -бал* (преимущественно в произведениях золотоордынского цикла), формы настояще-будущего времени типа *барурам* 'иду' и прошедшего — типа *бармашам* 'я пошел'.

Более частными диалектными признаками являются переход *п* в *ф*, отразившийся в Сәл-нәме и, по-видимому, имевший место в хивинском говоре, и появление придыхательного *х* в начале слова перед гласными.

Последняя особенность заслуживает большего внимания, так как представляет один из моментов реализации весьма характерной для всех тюркских языков, но неодинаково проявляющейся в них, инкурсии. Оформление инкурсивного элемента в качестве самостоятельного звука допустимо для любого из диалектов староузбекского языка, однако письменное отражение подобного процесса зафиксировано только в памятниках Хорезма, см. МН: *хүэйәј* 'будет плавать' (1706), *хур* 'бей' (1736).

Среди частных особенностей следовало бы отметить далее переход *а* в *ї*, упоминаемый в Мабани' л-лугат, см. МЛ: *ал ~ ӱл* 'брать' (142). Связь этого перехода с определенной диалектной группой остается пока невыясненной.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

СИСТЕМА СТАРОУЗБЕКСКОГО СТИХОСЛОЖЕНИЯ

Абсолютное большинство источников староузбекского языка, относящихся к периоду с XIV по XVI в. — поэтические произведения, чтение, правильный разбор и понимание которых, в силу ряда обстоятельств, затруднительны без знания метрической структуры стиха. В качестве примера приведем один бейт из Маҳзан ал-асрар Мир Ҳайдара (Брит. Музей, Add. 7914/IV, л. 121а):

توقىچىان ڦمۇمه حېدري
تولدى صدا گىپىد نېيلوغرى

Первое и казалось бы единственное возможное чтение приведенного бейта: —

туттى җахан ڦامڙام ҳايدارى
толдى ڦادا گۈنباڈ ٽىلۇفراى

Хайдар гармоничных песен пленил мир,
(его) мелодии наполнили своды вселенной, —

оказывается неправильным, искажающим смысл. Только учет особенностей использованного размера позволяет избежать весьма вероятный в данном случае языка и обеспечивает безошибочное толкование стиха, ср. первую строку:¹

туттى җахان ڦامڙام-ji ҳايدارى
гармоничные песни Хайдара пленили мир.

Подобные неопределенности встречаются почти в каждом стихе и от выбора того или иного варианта, который, разумеется, никогда не может быть произвольным, зависит правильная интерпретация содержания поэтического текста.

Староузбекское стихосложение основано на арузе — количественном метре арабо-персидской поэзии, применение которого находится в тесной связи с разделением гласных и, соответственно, слогов на долгие и краткие,

¹ Дело в том, что слово *ڦامڙام*, как и любое другое имя в подобном написании, может иметь двойное чтение: без изафета (*ڦامڙام*) или с изафетом (*ڦامڙام-ji*). Точно так же во второй строке — *گۈنباڈ-i*.

что вытекает из самой природы арабского и персидского языков. В староузбекском языке указанное разделение отсутствует, и поэтому приспособление к нему количественного метра несколько изменило те просодические условности, которые существовали в арабской и персидской поэзии.

Долгота или краткость слога по природе определяется природой гласных или структурой самого слога.

По природе гласных долгими являются открытые слоги с долгими гласными, краткими — открытые слоги с краткими гласными. Поскольку же, как указывалось выше, разделение гласных на краткие и долгие староузбекскому языку не свойственно, разделение по этому принципу слогов в староузбекской поэзии не является обязательным,² см. у Лутфий в Гюлю Наврӯз (Add. 7914/III, 58б):

بیویردی کیم بو کل فصلینیدا درحال
کل و نوروزنینک افسانه‌سین سال

В приведенном стихе первые слоги первой и второй стоп (جو), а также первый слог последней стопы (ل) — краткие, несмотря на то, что они открыты и условно содержат долгие гласные. Ср. у Ходжейд в Латāфат-нāме (Add. 7914/V, глава لطافت نامه):

تیلارمین سیمیدین ای کان ملاحت
که برسانک سوز بیلان جانیم قه راحت

В конце стиха **и**, **и**, **и** всегда рассматриваются как долгие и в собственно тюркских словах.

Что касается деления слов в зависимости от структуры, то все закрытые слоги — долгие, при условии, если за кратким гласным не следует ч.

Понятно, что для тюркских стихов ограничения, связанные с **н**, условны, так как слог, закрытый последним в собственно тюркских словах, практически можно интерпретировать как угодно, ср. в одной из газелей Бабура (Б, 39):

منینک یوقتوور مزادیم سندیین ایرو

где سندین сэндин на границе второй и третьей стоп выступает как сочетание долгого и краткого слогов, سـن с кратким гласным — долгий слог и

² Маловероятно также, чтобы со скандировкой староузбекского стиха, опирающейся на тот или иной размер количественного метра, совпадало его действительное произношение.

³ Считая справа налево; над транскрипцией — слева направо.

«**ئىن**» с долгим гласным — краткий (правда, последний слог открывается по следующим!). См. еще в *Дах-наме* (Add. 7914/VII, 2286):

نکول قن فی ارا سلطان یراتتی

где первый слог первой стопы (كون *kön*) — краткий, а третий (تن *tän*) — долгий.

Слог с кратким гласным, закрытый двумя согласными, из которых первый не ч, и слог с долгим гласным, закрытый одним любым согласным, исключая ч, могут быть более, чем долгими, и могут восприниматься как слоги долгого с кратким (—), см. у Бабура (Б, 38):

اولتو زور کرجہ مینی کفتارینک

В приведенной строке (полустихии) полуторным является первый слог первой стопы: **أول** öl (—). Слоги, закрытые двумя согласными, путем интродукции гласного преобразуются в сочетания, состоящие из двух слогов, имеющие склонности ту же просодическую норму (см. МН, 1726): **لـهـمـ** хусун из

хусн (—).
длительными или краткими в конце слова являются & 1

По требованию стиха долгими или краткими в ^{важных} (в этой позиции у староузбекских поэтов они взаимозаменямы), ^и (турецкий и персидский изафеты и любое сочетание согласного с ^и в тюркских словах) и ^и (союзы, ^و, ^چ и любое сочетание согласного с ^و в тюркских словах). ^{Было} также использование вариантических форм.

Требованием стиха обусловлено также использование вариантных форм, в пределах которых благодаря удвоению согласного краткий слог превращается в долгий,ср. у Хорезмї (МН, 164а): شکر shäkkär (—); (МН, 164б): شکر shäkkär (—); (МН, 168б): قدی kaddī (—).
Слова произносятся либо с хамзой (ء), не позво-

Гласные в начале слова произносятся либо с хамзой (خَمْزَة), являющей соединять их с предшествующим словом, либо с васлой (فَسْلَة), допускающей такое соединение. В последнем случае долгие слоги открываются начальным гласным следующего слова и становятся краткими, см. у Ҳодженди в Латғат-наме (Add. 7914/V, глава ۳۰۰: سبب نظم لطافت نامه).

سینى شاعر قىب آيتورلار خلايدىق

См. также в одном из тююгов Лутфӣ (изд. А. Н. Са мойловича):

تىنگىرى اوجون مۇندىين آرتقۇق قىلىما زار
.тәң-рі-й-чүн-мун-дї-нар-түк-кїл-ма-зар

Основанием арабо-персидской системы стихосложения является учение об элементах стопы (в связи со структурой слога). Приято различать три

структурных типа: *сабаб* (سبب), *ватад* (وتد) и *фәсила* (فاصلة). Первый из них объединяет слова-части стоп, состоящие из одного огласованного и одного неогласованного согласных, так наз. „легкий сабаб“ (سبب خفيف), например: *ای aj*, *او ol*, *کل ijl*, *کیل käl*, *می میین män*, *ماј maj*, *شیش tšř*, *تیش tar*; или из двух огласованных согласных — „тяжелый сабаб“ (سبب ثقيل), например: *خطی xat̪i*, *قدی qid̪i*, *کادی käd̪i*.

Ватад (وتد)، подобно сабабу, имеет две разновидности: „собранный ватад“ (وتد مجموع) — слова-части стоп с двумя огласованными и одним неогласованным согласными, ср.: شجر شەجەر، ختن خەتن، самар ۋەسەمەر، и „разобщенный ватад“ (وتد مفروق) — слова-части стоп, в которых из трех согласных не огласован средний, ср. داردى دەردى، كىلدى كەلدى. Навай' включает в группу „разобщенного ватада“ слова типа خامى خەما، ناما نەما, ئاكا ئەفا, فاكا فەفا, в которых разобщенность следует понимать как различие в характере огласовки.⁶

Первая разновидность фäсила — слова с тремя огласованными и четвертым неогласованным согласными, ср.: **میراکیم міrakim**, **بامیدین бамидін**; вторая разновидность — слова с четырьмя огласованными согласными и одним без огласовки, например: **یاشامەن jashamañan**, **کىسىمەن kisimän**, **خەداماڈىم خەдамадим**.

На основе сочетания указанных выше элементов могут быть образованы восемь различного вида столов:

1)	فعولن	фа'ұлун	5)	فاعلاتن	фа'иләтүн
2)	فاعلن	фә'илүн	6)	مفاععلتن	муфә'илатүн
3)	مفاعيلن	мафә'йлүн	7)	متفاعلن	мутафә'илүн
4)	مستفعلن	мустафә'илүн	8)	مفعولات	маф'ұләтү

Из этих стоп, как отмечает Наваи,⁷ в персидском и староузбекском стихосложении обычно встречаются только пять (1, 3, 4, 5, 8), причем каждая стопа имеет, в свою очередь, большое значение.⁸

Сочетанием разных стоп (в той или иной последовательности) образуются размеры. Основные размеры, приведенные в частности в Часть 2,

⁴ Здесь и ниже мы приводим отдельные примеры и некоторые общие сведения, почерпнутые из сочинения Нава'й Мизан ал-авзан. См.: Алишер Навоий. Мезонул авзон. Критик текст тайёрловчи Иzzат Султонов. Тошкент, 1949. См. также: А. Н. Самойлович. Извлечения из трактата Мир Али Шира Невайи „Мизану-ль авзан“. Восточный сб., I, Л., 1926, стр. 105—114.

⁵ Алишер Навоий ук. сон. стр. IX.

6 Разобщенность в обычном смысле в указанных примерах возможна только при произношении альфа с хамзой.

⁷ Алишер Навоий, ук. соч., стр. X

⁸ Подробно об этом см.: Алишер Навоий и его сын, стр. XI–XVII.

⁹ Там же, стр. XVII.

Основные размеры и их разновидности по характеру стопы, общему составу стоп и порядку их расположения группируются в разряды-сфера (*حاجز*), которых в традиционной системе четыре, а у Навай — семь.¹⁰

Общее количество основных размеров, как видно из приведенного выше перечня, велико,¹¹ однако некоторые из них в староузбекском стихосложении почти неизвестны (*بسیط*, *مددید*, *طوبیل*, *وافر*, *کامل*), многие другие малоупотребительны и только 4—5 размеров встречаются очень часто.

Использование того или иного размера не предопределено содержанием стиха, тем не менее практически размеры различаются и по этому признаку. Так, **هُزْج** и **رَمْل** характерны для лирики, — **مِتْقَارِب** — для лидактических произведений.

Наиболее употребительными в староузбекской поэзии размерами являются
متقارب، بجز، مصل، هنـز.

Основная четырехсложная стопа хазаджа (هزج) строится по типу **مغايلن** (— — —), она состоит из одного начального краткого слога и трех последующих долгих. Стих, написанный хазаджем, включает в себя шесть (هزج مثمن) или восемь стоп (هزج مسدس), при этом последняя стопа бывает усеченной по типу **مغقولون** (مقصور) **مغايلن** или по типу **محذوف** (محذف). Четырехсложная стопа хазаджа типа **مغايلن** может чередоваться с четырехсложной стопой типа **مكفوف** (مكفوف) и трехсложной стопой типа **مغقول** (مغقول) **مسدس** (مسدس) **مكفوف** (مكفوف) **هزج مثمن** **آخر** **آخر**.

Размером хазадж (هزج مسدس مقصور) на-
писаны эротические поэмы золотоордынского цикла: Хосраву Ширин Құтба,
Мұхаббат-нәме Ҳөрзәмі, Та'ашшүк-нәме Сиди Аҳмеда, а также Даҳ-нәме
Әмирі, Латәфат-нәме Ҳодженді, стихи в мунәззара „Состязание лука и
стрелы“ Яқыні, поэма Гюлю Наврүз Лутфі, Фархаду Ширин Навай, многие
газели и месневи Лутфі, Атай, Саккакі, Бабура, Навай и других поэтов,
ср. Латәфат-нәме (Add. 7914/V, глава لطافت نامه):

محبت جامی دین ایحسان ک شد، ادی

محبت نامه‌غا ایسانک جوابی

¹⁰ Там же, стр. XIX—XXIV.

11 Мы не останавливаемся на характеристике каждого из размеров, так как подробные сведения о них изложены в работах, посвященных персидскому стихосложению. См. например: Ф. Е. Корш. Очерк персидского стихосложения. М., 1901.

My-χab-bat-ja-mi-din-iç-səñ-şa-ra-bi
му-хаб-бат-на-мә-бә-ај-саң-ја-ва-би.

Дах-нәме (Add. 7914/VII, 2286):

سپاس و شکر انکا کیم جان یرانتنى
کونکول تىن تى ارا سلطان یرانتنى
ci-pas-у-шүк-р-ан-га-кім-jan-ja-pat-ti
көн-iyl-tän-ni-a-ra-suł-tan-ja-pat-ti.

Мунәҗара Яқыны (Add. 7914/X, 321a):

يقيىنى نىينك روانىن شاد قىلغىاي
دعا خىير بىرسلان ياد قىلغىاي
Ja-ki-ni-niñ-к-ра-ва-niñ-shad-kil-бaj
ду-а-ji-хэjр-бир-läñ-jad-kil-бaj.

Гюлю Наврӯз Лутфӣ (Add. 7914/III, 586):

ترجم قىلىدى اوز ايسىگى قولىنە
نظر قىلىدى نواسىيىز دىلىنىنە
Ta-rax-хум-кіл-ді-öz-ëc-ki-ку-лі-на
на-зар-кіл-ді-на-ва-сїз-бўl-бў-лі-на.

Употребительность и популярность хазаджа объясняется его напевностью и частичным соответствием своеобразию древнего тюркского стиха.

Основная четырехсложная стопа следующего размера (рим) (---○—). Первый слог в ней долгий, второй краткий, два последующих долгие. Рамаль, подобно хазаджу, бывает шестистопным или восьмистопным, полный или с усеченной последней стопой типа (фаулан) (مقصورة) (фаулен), или же типа (محذوف).

Рамалем (رمالم) (رمى مىشىن مقصورى), (رمى مىشىن محذوف) (رمى مىشىن مقصورة) написаны Маҳзан ал-асрар Мир Ҳайдара, Ҳайрат ал-асрар Навәй и огромное число мелких поэтических произведений предшественников Навәй, самого Навәй, Бабура и т. д. Так, например, по подсчетам А. Н. Самойловича,¹² в диване Бабура, рамаль — на втором месте, после размера, используемого в رباعى. Этим размером написано 75 газелей,

¹² А. Н. Самойлович. Собрание стихотворений императора Бабура, стр. 16.

отдельных двустиший, четверостиший. В диване Атә'й рамаль — на первом месте.¹³ Ниже см. примеры использования рамала.

Маҳзан ал-асрар (Add. 7914/IV, л. 141б):

سوغە باليق اوتقە سمندر كىپواك
غمغە محب دردغە حيدر كىپوك
—○— ○— ○— ○—
Су-бә-ба-лїк-от-ка-сман-дар-кә-рәк
—○— ○— ○— ○—
бам-бә-мух-хаб-дард-бә-хај-дар-кә-рәк.

Диван Бабура (изд. А. Н. Самойловича, газель 42-я):

بربرى هرگز قولاق شعرىنگە اول كل سالمادى
كل كا ذى پروا كه يوز فرياد قىلىسىمە عندىلىپ
—○— ○— ○— ○—
Ba-бу-ра-خәр-تәз-ку-لак-шә-рің-бә-ол-иyl-сал-ма-дї
—○— ○— ○— ○—
iyl-ىd-نې-пар-ва-كې-جۈز-فار-جا-د-كېل-سا-ان-دا-لې.

Диван Бабура (изд. А. Н. Самойловича, месневи 188-е):

اوچونك ايتى كوب يمان بارا منكا
مرهم لطفونك بىلە يارا منكا
—○— ○— ○— ○—
o-куң-әт-ми-көп-ја-ман-ја-ра-мән-ىا
—○— ○— ○— ○—
мәр-хә-ми-лут-фүң-бى-lä-ја-ра-мән-ىا.

Диван Эмйрӣ (изд. А. Н. Самойловича, № 4):

كر ديسام باغ وصالىنك ناري بار
آلمه دىب اچىغلاب آجىتور ناري بار
—○— ○— ○— ○—
iär-дў-сам-ба-бى-ви-са-لېң-на-рې-бар
—○— ○— ○— ○—
ал-ма-дә-ба-чиң-ла-бај-тур-на-рې-бар.

Основная трёхсложная стопа мутақәриба (متقارب)، (فعولن) — (متقارب) (فعولن), которая сама по себе или в сочетании с усеченной стопой типа (فقول) образует несколько его разновидностей.

Полный восьмистопный мутақәриб (سالم) (متقارب سالم) и восьмистопный мутақәриб с усеченным слогом в каждой нечетной стопе (فقول مىشىن مقصورة) (متقارب مىشىن مقصورة) можно встретить у Бабура (изд. А. Н. Самойловича, 51-я газель):

¹³ См.: А. Н. Самойлович. Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе, IV. Чагатайский поэт XV века Атая, стр. 261.

ياريم كيجهلار كيلور ايردى بىزرون
بو تون كيلمادى او ياريم قانى
ja-rim-käy-chä-läp-r-käy-lüp-äp-di-bi-rün
бу-түн-кәл-мә-ди-х-я-рим-ка-нї.

Там же (75-я газель):

سین کیبی پرکار شیوهسى جسیار
بیلمادى اى يار هیچ کیشى ياد
cäñ-käy-bi-pär-tär-shä-wä-si-bis-jär
bil-mä-di-aj-jär-xäç-ki-shi-jad (?) .

См. также Шейбани-наме Мухаммеда Салиха.

Модель основной стопы раджаза — مستغلن (رجز) (———). Другие четырехсложные стопы имеют форму مفتغلن (مفتغلن) (———) и مفعلن (مفعلن) (———). У некоторых разновидностей раджаза последняя стопа усеченная, по типу مفعولن (مفعلن).

Относительно часто встречаются размеры، مجتث (مجتث)، خفيف (خفيف)، مضارع (مضارع).

Для четверостиший, плохо укладывающихся в метрическую систему аруза, были выработаны особые размеры (всего 24).

Все стихи, написанные с использованием 'аруза, непременно рифмуются. Рифма выступает как эвфоническое средство и как средство композиции строфы и стиха в целом (ср. в газели). Весьма большое композиционное значение рифмы способствовало ее тщательной разработке и созданию специальной теории рифмы в системе 'аруза.

Рифма в староузбекской поэзии, как и в арабско-персидской, делится на основную (أصل) (اصل) и дополнительную (رديف) (ردیف).

Основная, или настоящая, рифма охватывает долгий или краткий гласный с согласным, реже согласный с долгим гласным; иногда же она ограничивается гласным, как правило, долгим. Ср. (примеры из Мухаббат-наме, Та'ашшук-наме и Хайрат ал-абрар Навай):

ن (ن) ساز	(ا) ظاهر	(ا) احسن	(ا) زائر
ان (ان) سكسان	(ا) آخر	(ا) آخرين	(ا) آغاز

Пределы качественных различий для рифмующихся гласных (и согласных) устанавливаются дифференцированно. Так, для персидского стихосложения отсутствует возможность параллельного включения в рифму *i* и *ä*. Существует также строгое разграничение *واو معروف*, *بای معروف*, *واو معروف*, *بای معروف* („*i* и *ä* — известные“), с одной стороны, и *واو مجهول*, *بای مجهول* („*i* и *ä* — неизвестные“, т. е. *e* и *ö*), с другой, опирающееся на различие этих гласных у древних персов. В староузбекской поэзии последнее разграничение является менее строгим, хотя гласные *i*, *y*, *o*, *e* (*ö*) в староузбекском языке

несомненно различались.¹⁴ Для староузбекской поэзии не существует также строгих ограничений в рифмовке гласных твердого ряда и мягкого ряда. Отсутствуют полностью или предельно ограничены рифмы на гласный с *ش*, *ض*, *ط*, *ظ*, *ص*, *ض*.

Рифма может быть смежной (aa, bb, cc или aaaa, bbbb, cccc), перекрестной (abab), смешанной (aabba или aaab) и прерывистой, простой (ab, cb, db) или сложной (aaba, bbcb, cedc).

Посредством комбинирования рифм и строф создаются разные поэтические формы:

месневи (مشنوي) — двустишие со смежной рифмой;

газель (غزل) — форма, в которой первое двустишие имеет смежную рифму, переходящую в прерывистую, т. е. повторяющуюся в каждом четном полустишии (ср. aa, ba, ca, da);

касыда (قصيدة) — то же, что и газель, но с количеством стихов более 12;

кыт'a (قطعة) — газель без начального стиха, имеющего смежную рифму (см. в Мухаббат-наме);

тарджи'банд (ترجیح بند) — сложное поэтическое произведение из нескольких строф с рифмой как у газели (aa, ba, ca, da...) и с повторяющимся припевом — стихом (بند) с новой рифмой типа ff. Тарджи'банд встречается редко не только в староузбекской, но и в персидской поэзии. Он используется для выражения основных положений суфийского учения Он используется для выражения основных положений суфийского учения (وحدت الوجود (способственный пантезис). Пока можно назвать только два староузбекских тарджи'банда. Один из них, принадлежащий неизвестному автору, издан Е. Э. Бертельсом;¹⁵ его припев:

کیم دل و دین و عقل و جان و جهان
جسم ایورو بارجا جان ایورو جانان

другой написан Муқімій и упоминается у Навай;¹⁶ его припев:

سن سن اصل وجود هر موجود
سن سن اوْزکا وجود نه وجود

таркиб банд (?);

туюг (تودوغ) — четверостишие со смешанной рифмой типа aaba, реже aabb, и омонимичными рифмующимися словами или грамматическими элементами.¹⁷ В туюгах преобладает одиннадцатисложный стих (resp. полустишие), размер — *دعا* (دعا).

14 См.: А. К. Боровков. 1) К вопросам фонетического анализа стихов Навоя, стр. 5—12; 2) Произношение в стихах Навоя, стр. 211—221.

15 Е. Э. Бертельс. Чагатайский тарджи'банд неизвестного автора. ДАН—В. Л., 1927, стр. 46—51.

16 مجالس الشفائيں

17 Туюг — широко распространенная, типичная староузбекская поэтическая форма. О туюгах у староузбекских поэтов см. А. Н. Самойлович:

кушук — четверостишие, отличающееся от рубаи наличием постоянного размера (رمل; см. „кушулар“ в рукописном сборнике XV в., Or. 8193, л. 176а);

рубаи — четверостишие с рифмой типа аава и особым метром; тарана, или рубаи тарана — четверостишие с рифмой типа аава.

Далее следуют такие формы, характерные для староузбекской поэзии, как: мустазад — стихотворение, в котором каждый стих имеет наращение с самостоятельной рифмой, мухаммас — стихи с пятиричными строфами, мусадас — стихи с шестиричными строфами, мусамман — стихи с восемиричными строфами.¹⁸

Дополнительная рифма (ردیف) охватывает все то, что следует за рифмой основной или настоящей (فایه), включая и созвучия, на почве которых возникает искусство таджника (تجنیس) — игры слов, см. в Та'ашшуқ-наме (изд. А. Н. Самойловича, стр. 37):

نکارا آلدی کونکلوم یوزونك آلى
قیلادور قصد جان هم کوزونك آلى

Румянец (آل) твоего лица, красавица, покорил мое сердце,

хитрость (آل) глаз твоих покушается на (мою) душу,
где وز — рифма, а остальное редиф с созвучием и игрой слов:

یوزونك آلى
کوزونك آلى

ПРИЛОЖЕНИЕ II

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ГРАММАТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В АРАБСКИХ, ПЕРСИДСКИХ И ТЮРКСКИХ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ, ПОСВЯЩЕННЫХ СТАРОУЗБЕКСКОМУ ЯЗЫКУ

ابدال

— замена, перестановка звуков, „переводование“; ср. ابدال замена „алифа“ буквой „ха“.

اختلاف

— расхождение, колебание; اختلاف حرکت расхождение в огласовке, ср. афф. -лїк и -лук.

ادغام

— слияние, ассимиляция.

ارق

— узкий (о гласном).

1) Четверостишия-туйуги Неваи, стр. 3—15; 2) Из туюгов чагатайда Эмири, стр. 75—77); 3) Чагатайские туюги Лютфи, стр. 78—80.

¹⁸ Подробно о поэтических формах староузбекской поэзии см. у Наваи (МА, LXVII—LXX).

استعمال قلیل استعمال ограниченное употребление (формы);

استفهام — вопрос.

استقبال — будущее время.

اسماء اسماء مصدر (اسماء) — (мн. ч. اسماء) отлагольное имя; اسماء اشاره — предметные имена; اسماء اشاره ترکیب — указательные имена (местоимения); اسماء جوامد — производные формы указательных местоимений; اسماء فاعل — первообразные, непроизводные имена; اسماء مفعول — причастие действительного залога; اسماء صفات — причастие страдательного залога; اسماء کیفیت — качественные имена.

اشباع — тщательное произношение, отделка; наиболее закрытое произношение гласного.

اشتقاق صیغ — производство, образование; اشتقاق صیغ — производство формы.

اضافه — изафет, „присоединение“.

آفاده — выражение, изложение.

آلت معنی آلت — значение орудности.

الف — альф, — название буквы ا; الف ممدوده — „алиф“, имеющий знак мадда (۱); الف مقصور — „алиф“ без мадды, укороченный алиф.

امر امر و نھی — запретительный императив, например: امر و نھی 'не ходи'; امر غایب — повелительное наклонение, 3-е лицо.

اما لاء الرومية — правописание, орфография; اما لاء الرومية — письмо „румий-цев“, т. е. малоазиатских тюрок.

انتساب — отношение, принадлежность.

انتها معنی انتها — значение предела.

انفعال — страдательный и возвратный залоги.

ب

با بـ — „ба“, название буквы بـ با; بـ بـ — „ба“, название буквы بـ با.

تا تـ — „та“, — название буквы تـ.

ابدال تبدیل تتمہ — см. ابدال.

تفہمہ — дополнение; تتمہ علامت صیغ — дополнительное формальное

наращение.

تحفیف — „облегчение“, например, переход удвоенного согласного

в обычный, выпадение звука, сокращение слова.

ترکیب در صورت ترکیب — состав, составление; در صورت ترکیب — в составе чего-л.,

в производной форме.

ترکیب کلمات — словообразование.

تشددید تخفیف — усиление, удвоение, ср. تخفیف.

تصغير	— уменьшение, уменьшительность; معنی تصغير значение уменьшительности; علامت تصغير уменьшительный аффикс.
تعدیه	— обращение глагола из непереходного в переходный.
تضیل	— сравнительная степень прилагательных.
تکرار	— повторение, редупликация.
تكلم	— речь.
تلفظ	— произношение.
تفصیص	— уменьшительность.
توانایی	— возможность; معنی قدرت توانایی; значение возможности.
تیل	— язык, речь.

ج

جامد	— (мн. ч.) جوامد) первообразный, непроизводный.
جحد	— отрицание.
جمع	— множественное число.
جیم	— „джим“, название буквы جیم عجمی ج; персидский „джим“, т. е. ج.

خ

حال	— „ха“, название буквы خ.
حذف	— (мн. ч.) احوالها) обстоятельство-наречие.
حرف	— отсечение, сокращение, отбрасывание.
حرکت	— (мн. ч.) حروف استفهام буква (звук), аффикс, частица; حرف تعیدیه частица, выражающая вопрос; حرف وصلیه дополнительный или соединительный звук; حرف شرط аффикс условного наклонения.
خ	— „харакат“, знак над буквой или под буквой, обозначающий гласный или отсутствие его.

خ

خاص	— „ха“, название буквы خ.
خصوصیت	— собственный, свойственный; معنی خاص значение.
ـ	— особенность.

د

ـ	— „дал“, название буквы د.
دقیق	— узкий (о гласном).

ر

روابط	— „ра“, название буквы ر (также میهمان). — (ед. ч.) رابطه отношения, связи, словоизменительные морфемы; روابط تعیدیه отношения переходности (управление); روابط مفعول дополнение; روابط ترکیب производные формы словоизменительного порядка.

زا	— „за“, название буквы ز (также: زای هۆز); значение персидское, т. е. ز.
زیان	— язык, речь.
زواید	— „излишки“, некоторые формальные нарушения.

س

ساکن	— буква без огласовки, со знаком „сукун“ (س); согласный.
سقوط	— выпадение.
سکون	— „сукун“, надстрочный знак, обозначающий отсутствие огласовки (س).
سلب	— „лишение“ (отрицание).
سماعی	— узаконенный практикой, устойчивый.
سوز	— слово.
سین	— „син“, название буквы س (также: سین مهمله).

ش

شاهد	— (мн. ч.) شاهدو) пример, цитата.
شرط	— условие, условное (наклонение).
شین	— „шин“, название буквы ش (также: شین معجم).

ص

صاد	— „сад“, название буквы ص (также: صاد مهمله).
صرف	— морфология; صرف و نحو грамматика (морфология и синтаксис).
صیغه، صیغه	— форма; صیغه مفعاله производная форма; صیغه مشتقة форма совместно-взаимного залога, نفی отрицательная форма глагола; صیغهای ماضی Formы прошедшего времени; صیغهای نفی Jحدд отрицательные формы причастий и деепричастий.

ض

ضمایر متصله	— (мн. ч.) ضمایر متصله местоимение; ضمایر منفصله аффиксы; ضمایر منفصلе самостоятельные местоимения.
ضاد	— название буквы ض.
ضمه	— „дамма“ („замма“), надстрочный знак, обозначающий лабиализованный гласный (ض).

ط

طا	— „تا“, название буквы ط; طای حطی تا слабый (эмфатический).
ظرف	— „за“, название буквы ظ. — наречие; مکان наречие времени и места, имя в местно-временных падежах.

عبارة

عربى

علامت

عين

غايد

غين

ف

فارسى

فاعل

فتحة

فعل

قابلية

قاعدہ

قاف

قدر

قياسى

كاف

كسوة

كلم

كونك

گاف

ع

- выражение, фраза, слово.
- арабский.

- формальный элемент — аффикс; **علامت جمع** аффикс множественного числа; **علامت مركبة** сложный аффикс; **علامت مصدر** аффикс отглагольного имени.
- „айн“, название буквы **ع**.

غ

- 3-е лицо.
- „тайн“, название буквы **خ**.

ف

- „фа“, название буквы **ف**.
- персидский.
- действительное причастие; **اسم فاعل** причастие действительного залога; **فاعل منفى** отрицательная форма причастия.
- „фатха“, надстрочный знак, обозначающий широкий нелабиализованный гласный (**ـ**).
- глагол в повелительном наклонении; **فعل أمر**; **فعل ماضى** отрицательная форма настояще-будущего времени, отрицательный „аорист“; **فعل ماضى** глагольная форма прошедшего времени.

ق

- способность; **معنى قابلية** значение способности (намерения).
- правило.
- „каф“, название буквы **ق**.
- см. **مقدار**.
- свободный, неустойчивый, правильный.

ك

- „каф“, название буквы **ك**; **كاف عجمى** персидский „каф“, т. е. арабский „каф“, т. е. „каф“ без надстрочной черты.
- „кесра“, подстрочный знак, обозначающий узкий нелабиализованный гласный (**ـ**).
- (мн. ч.) слово; **كلمات مركبة** сложные слова; **كلمات مفردة** простые слова.
- мысль, мышление.

گ

- „гаф“, название буквы **گ**.

ل

- „لام“, название буквы **ل**.
- язык, речь.
- язык, лексикон; **لغت اتراب روم** язык (лексикон) малоязычных тюрок; **لغت ترك** тюркский язык (лексикон); **لغت چغتاي** чагатайский язык (лексикон); **لغت عرب** арабский язык (лексикон); **لغت فرس** персидский язык (лексикон).
- (мн. ч.) слово, морфологический элемент.

م

- прошедшее время; **ماضى مجهول** прошедшее неочевидное и прошедшее безличное (например, в страдательном залоге).
- буква, снабженная надстрочным или подстрочным знаком, огласованная буква; гласный.
- синонимичный, синоним.
- периферийные, зависимые формы.
- каузатив.
- 1-е лицо; **متكلم وحدة** глагольная форма 1-го лица единственного числа; **متكلم مع الغير** глагольная форма 1-го лица множественного числа.
- метафора; **مجازى** фигурализованный, метафорический.
- безличный, неочевидный; **واو مجهول**; **ـ يـاـيـ مـجهـولـ** о (**ö**).
- 2-е лицо; **محبـد مـخـاطـب** глагольная форма 2-го лица единственного числа; **جمع مـخـاطـب** глагольная форма 2-го лица множественного числа.
- стяженный, сокращенный, упрощенный.
- „мадда“, знак долготы над алифом.
- синоним.
- сложный, составной.
- сложные, составные слова.
- парный.
- будущее время.
- не имеющий огласовки.
- см. **صـائـلـتـ**.
- сообщество, соучастие; **معنى مـشـارـكـتـ** значение соучастия.
- удвоенный (согласный).
- (мн. ч.) отглагольное имя, масдар; **مسـدـدـ** чистые масдари.
- общеупотребительный.
- настояще-будущее время, „аорист“.
- с „даммой“, имеющий в качестве диакритического знака „дамму“ (**ـ**).

مضمون
مع الغير
المعروف

معنى
معنیت
مخایب

مفعاًله
مفتوح

مفرد
مفردات
مفعول

مقدار

مكان
مکور
مکتوب
مکسور

صلحق
صلفوظا
سمائلت

منصرف
منفی

میامل
میم

ذجو
نسبت
نفی
نهايد
ذھبی
نون

واو
وجه

— содержание, значение.
— см. متكلم.
— известный, очевидный; يای معروف (i).
— واو معروف (j).
— y (j).

— значение.
— сопровождение, собирательность.
— 3-е лицо; مفرد مخایب глагольная форма 3-го лица единственного числа; جمع مخایب глагольная форма 3-го лица множественного числа.

— совместно-взаимный залог.
— с „фатхой“, имеющий в качестве диакритического знака „фатху“ (—).

— единственное число.
— простые (элементы).
— винительный падеж, страдательное причастие; مفعول منصرف изменяющееся, склоняемое причастие.

— количество; معنی قدر значение количества;
— معنی مقدار значение меры и степени.

— место; مكان значение места.
— см. تکریر.

— письменно, на письме.
— с „кесрой“, имеющий в качестве диакритического знака „кесру“ (—).

— присоединенный.
— на словах, в устном произношении.
— сходство; معنی مماثلت و مشابهات значение сходства и подобия.

— изменяемый, склоняемый.
— отрицательный; ماضی منفی отрицательная форма прошедшего времени;
— مصدر منفی مصدر منفی отрицательный масдар.
— неупотребительный, вышедший из употребления.

— „мим“, название буквы م.

ن

— синтаксис.
— отношение.
— فعل نفی отрицательная форма глагола.
— предел; معنی نهایت значение предела.
— запретительно-отрицательный императив (также: امر و نهایت).
— „нун“, название буквы ن; نون ساکند نون“ с сукуном.

و

— „вав“, название буквы و.
— (мин. ч. وجوه) вариант, разновидность, наклонение; وجوه صیغ модусы (разновидности) формы.

وحدة
وزن
وضع

— см. متكلم.
— мера; وزن معنی وزن значение меры.
— установление, производство.

ها
همزة

— „ха“, название буквы ه (также: های هوز).
— хамза; همزة همزة хамза с маддой.

ي

يا

— „яа“, название буквы ي اي относительных
— ياي مصدرى ياي اضافه изафета, ياي مصدري ياي мас-
имен; ياي اضافه الدارа.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

ТАБЛИЦЫ СОЧЕТАЕМОСТИ АФФИКСОВ СТАРОУЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

ИМЯ

А. АФФИКСЫ, КОТОРЫЕ НЕ МОГУТ ПРЕДШЕСТВОВАТЬ АФФИКСУ -ЛАР (МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО)¹

-а	-ї + -(н)ðа
-їа	-ї + -(н)ðача
-їча	-ї + -(н)ðача
-да	-ї + -(н)ðін
-даїн	-ї + -(н)ї
-дїн	-ї + -(н)ча
-ї	-їм +
-ї +	-їм + -а
-ї + -(н)а	-їм + -їа

¹ Разделение именных морфологических показателей на аффиксы, которые не могут предшествовать аффиксу -лар, и аффиксы, которые не могут находиться после него, в общем соответствует традиционному разделению их на словоизменительные и словообразовательные аффиксы. Значения отдельных аффиксов даны в морфологическом указателе. В таблицах помечены один гармонический тип — твердорядный нелабиализованный, и в тех случаях, когда в начале аффикса возможны и глухой и звонкий согласные, приводится только вариант с глухим. Знак + означает, что данный аффикс присоединяет к себе другие аффиксы. Отсутствие знака + свидетельствует о невозможности дальнейшего присоединения каких-либо аффиксов.

-їм + -бача	-їң + -ї
-їм + -да	-їң + -нї
-їм + -дїн	-їң + -ча
-їм +	-їңїз +
-їм + -нї	-їңїз + -а
-їм + ча	-їңїз + -їа
-їмїз +	-їңїз + -бача
-їмїз + -а	-їңїз + -да
-їмїз + -бა	-їңїз + -дїн
-їмїз + -бача	-їңїз + -ї
-їмїз + -да	-їңїз + -нї
-їмїз + -дїн	-їңїз + -ча
-їмїз + -ї	-лајїн
-їмїз + -нї	-нї
-їмїз + -ча	-нї +
-їң +	-нї + -(н)кї ²
-їң + -а	-нїң +
-їң + -бა	-нїң + -да ³
-їң + -бача	-нїң + -дїн
-їң + -да	-нїң + -ча
-їң + -дїн	-ча

Б. НАИБОЛЕЕ УПОТРЕБИТЕЛЬНЫЕ ИМЕННЫЕ АФФИКСЫ, КОТОРЫЕ НЕ МОГУТ ВЫСТУПАТЬ ПОСЛЕ АФФИКСА -ЛАР

-бан + ⁴	-їў + -чї + -лїк +
-бан + -лїк +	-їш +
-бү +	-їш + -лїк +
-бү + -лїк +	-їш + -мак +
-бү + -(н)чї +	-лїк +
-бү + -(н)чї + -лїк +	-лїк + -чї +
-їў +	-мак +
-їў + -лїк +	-мак + -лїк +
-їў + -чї +	-мак + -чї +

² Вообще допустимо и присоединение аффикса -лар к аффиксу -нїкї, однако в староузбекском языке XIV—XVI вв. подобные примеры отсутствуют.

³ Сочетание падежных аффиксов с формой сопряженного состояния наблюдается только в пределах местоимений.

⁴ В данном случае конечный знак + указывает на допустимость присоединения к приведенным аффиксам почти любого аффикса из таблицы А.

В. ИМЕННЫЕ АФФИКСЫ, ВЫСТУПАЮЩИЕ И ПОСЛЕ -ЛАР И ПЕРЕД НИМ

-дајї +	-лар + -дајї +
-дајї + -бә	-лар + -дајї + -лар +
-дајї + -бача	-лар + -дајї + -лар + -бача
-дајї + -да	-лар + -дајї + -лар + да
-дајї + -дїн	-лар + -дајї + -лар + -дїн
-дајї + -нї	-лар + -дајї + -лар + -нї
-дајї + -ча	-лар + -дајї + -лар + -ча
-лар +	лар + -сајз + -лар (?)

ГЛАГОЛ

А. АФФИКСЫ, ОБРАЗУЮЩИЕ ВТОРИЧНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ОСНОВЫ

о + -бә + 5	о + -кар +
о + -бә + -н +	о + -кур +
о + -бә + -н + -тур +	о + -т +
о + -бүз +	о + -тур +
о + -бүз + -ул +	о + -тур + -бүз +
о + -(и)з +	о + -тур + -т +
о + -(и)л +	о + -тур + -ул +
о + -(и)н +	о + -уз +
о + -(и)н + -тур +	о + -ур +
о + -(и)ш +	о + -ул + -бүз +
о + -(и)ш + -л +	о + -ур + -ул +
о + -(и)ш + -тур +	

Б. АФФИКСЫ, ПРИСОЕДИНЯЕМЫЕ К ЛЮБОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ ОСНОВЕ

о + -а (~ -j, после гласного)	о + -ајїк
о + -ај	о + -ајїн
о + -ајїм	о + -аљї

⁵ В данном случае о — первичная положительная или отрицательная основа. Знак + в самом конце указывает на возможность дальнейшего присоединения почти любых глагольных аффиксов из следующей таблицы. Наличие скобок означает, что соответствующий гласный может быть также широким (а) или лабиализованным (у).

o + -алің	o + -(i)ңiз
o + -бай	o + -(i)p
o + -балі	o + -(j)лiк
o + -бач	o + -(j)y
o + -біл	o + -ман
o + -бін	o + -са
o + -ді +	o + -са + -k
o + -ді + -лар	o + -са + -лар
o + -ді + -м	o + -са + -м
o + -ді + -міз	o + -са + -міз
o + -ді + -ң	o + -са + -ң
o + -ді + -ңiз	o + -са + -ңiз
o + (i)бан (к отри- цательной основе не присоединяется)	o + -сун
o + -(i)ң	

УКАЗАТЕЛЬ АФФИКСОВ, РАССМАТРИВАЕМЫХ ИЛИ
УПОМИНАЕМЫХ В РАБОТЕ

a, ä

-a ~ -ä — отыменн. словообр. глагола 184
 -a ~ -ä — отглаг. словообр. имени 132
 -a — вок. пад. 103, 104
 -a ~ -d — дат. пад. 35, 106, 226
 -a ~ -d — деепр. 55, 167, 168, 169,
 170, 224, 241
 -av ~ -äv — собир. числит. 139
 -авла ~ -ävlä — то же 139
 -авул — отглаг. словообр. имени 128,
 129
 -аған ~ -äğän — прич. 149
 -ағач ~ -äğäç — отглаг. словообр.
 имени 128
 -ағу ~ -äğü — собир. числит. 21, 139
 -aj ~ -äj — предлаг.-жел. накл. 1 л.
 ед. ч. 156, 160, 175, 240, 243
 -aj ~ -äj — отыменн. словообр. гла-
 гола 184
 -ajik ~ -äjik — предлаг.-жел. накл.,
 1 л. мн. ч. 157, 244
 -ajim ~ -äjim — то же, 1 л. ед. ч. 175
 -ajin ~ -äjin — то же, 156, 160, 175,
 240, 243
 -a(j)lïk ~ -ä(j)lik — предлаг.-жел.
 накл. 1 л. мн. ч. 175, 245
 -ajak ~ -äjäk — прич. 151
 -ak ~ -äk — форма уменьш. 125
 -ала ~ -älä — собир. числит. 139
 -алан ~ -älän — разделит. числит. 139
 -алі ~ -äli — предлаг.-жел. накл. 1 л.
 мн. ч. 156, 157, 160, 175, 240, 244
 -алим ~ -älim — то же 240
 -алің ~ -älin — то же 157, 175, 240
 -ам ~ -äm — отглаг. словообр. имени
 127
 -амук ~ -ämük — отыменн. словообр.
 имени 126
 -ан ~ -än — отглаг. словообр. имени
 127
 -ан ~ -än — мн. ч. 120, 237
 -ан ~ -än — прич. 35, 149, 224, 226
 -ар ~ -är — отыменн. словообр. гла-
 гола 184

-ap ~ -äp — прич. 55, 145, 146, 147,
 224, 239
 -ap ~ -äp — разделит. числит. 139, 140
 -aram ~ -äräm — наст.-буд. вр. 1 л.
 ед. ч. 146, 226, 231, 239, 246
 -aci ~ -äci — прич. 35, 224
 -am ~ -äm — отглаг. словообр. имени
 127
 -am ~ -äm — мн. ч. 120, 238
 -ac ~ -äc — форма уменьшит. 125

b

-бан ~ -bän — деепр. 15, 35, 77, 173,
 174, 226, 241, 243

b

-в — субстант. отглаг. имя 145
 -ву — отглаг. словообр. имени 128,
 129

б, ә

-б ~ -i — отглаг. словообр. имени 131
 -ба ~ -iä — буд. вр. 3 л. ед. и мн. ч.
 166, 167
 -ба ~ -iä — дат. пад. 105, 106
 -ба ~ -iä — отглаг. словообр. глагола,
 5-я пор. 181
 -бай ~ -iäj — буд. вр. 3 л. ед. и мн. ч.
 55, 166, 167
 -байм ~ -iäjim — предлаг.-жел. накл.
 1 л. ед. ч. 21, 157, 246
 -байн ~ -iäjin — то же 21, 157, 246
 -бак ~ -gäk — отглаг. словообр. имени
 128
 -балі ~ -iäli — деепр. 174, 175
 -балім ~ -iälim — предлаг.-жел. накл.
 1 л. мн. ч. 21, 157, 246
 -балің ~ -iälin — то же 21, 157, 246
 -бан ~ -iän — прич. 148, 155, 224, 239
 -вари ~ -iäri — напр. пад. 235, 237
 -вару ~ -iärr — то же 235, 237, 243
 -бач ~ -iäc — деепр. 174

-бач ~ -тäч — отглаг. словообр. имени
127
-бача ~ -тäчä — предельн. пад. 109
-бï ~ -и — отглаг. словообр. имени
128
-бï ~ -и — отыменн. словообр. имени
123
-бïл ~ -ил — категорич. императив
77, 154, 155, 175, 224, 244
-бïн ~ -ин — то же 155, 175, 224, 244
-бу ~ -иü — прич. 55, 149, 150, 224,
239, 243
-буз ~ -иüз — отглаг. словообр. гла-
гола, 5-я пор. 75, 181
-бул ~ -иüл — отглаг. словообр. имени
128, 238
-бул ~ -иüл — категорич. императив 77
-бун ~ -иüн — отглаг. словообр. имени
127
-буp ~ -иüp — прич. 150, 151, 239
-буp ~ -иüp — отглаг. словообр. гла-
гола, 5-я пор. 180
-буч ~ -иüч — отглаг. словообр. имени
127

ð

-да ~ -дä — местн. пад. 106, 107
-да ~ -дä — отыменн. словообр. гла-
гола 184
-даї ~ -дäї — отыменн. словообр.
имени 124
-даїн ~ -дäїн — уподобит. форма 112
-дак ~ -дäк — отглаг. словообр.
имени 128
-дан ~ -дäн — исх. пад. 234
-даш ~ -дäш — отыменн. словообр.
имени 125
-дäк — пов. накл. ед. и мн. ч. (?) 158,
159
-дäк — уподобит. форма 111
-дï ~ -ди — прош. вр. 3 л. ед. и мн. ч.
55, 78, 164, 165
-дïк ~ -дïк — то же, 1 л. мн. ч. 164,
165
-дïм ~ -дïм — то же, 1 л. ед. ч. 164,
165
-дïн ~ -дïн — исх. пад. 77, 108
-дïн ~ -дïн — прош. вр. 2 л. ед. ч.
164, 165
-дïнз ~ -дïнз — то же, 2 л. мн. ч.
76, 164, 165
-дуб ~ -дïу — прич. 117
-дум ~ -дïм — прош. вр., 1 л. ед. ч.
74, 164, 165
-дук ~ -дïк — то же, 1 л. мн. ч. 74,
164, 165

-дүн ~ -дïн — то же, 2 л. ед. ч. 74,
164, 165
-дунз ~ -дïнз — то же, 2 л. мн. ч.
76, 164, 165
-дунуз ~ -дïнуз — то же 76, 164, 165
-дур ~ -дïр — отглаг. словообр. гла-
гола, 5-я пор. 75, 180, 181
-дурк ~ -дïрк — отыменн. слово-
обр. имени 125

i, i

-ï ~ -i — форма принадл. 3 л. ед. и
мн. ч. 78, 115, 116, 213
-ï ~ -i — вин. пад. 35, 105, 226
-ï ~ -i — деепр. 241
-ïз ~ -iz — отглаг. словообр. имени
131
-ïз ~ -iz — вин. пад. 235, 237, 243
-ïз ~ -iz — отглаг. словообр. глагола,
5-я пор. 181
-ik ~ -ik — то же, 3-я пор. 179
-ik ~ -ik — отглаг. словообр. имени
127
-il ~ -il — отглаг. словообр. глагола,
3-я пор. 178, 179
-im ~ -im — форма принадл. 1 л. ед. ч.
115, 116, 117
-imz ~ -imz — то же, 1 л. мн. ч. 116
-имтул ~ -imtül — интенсив 131, 238
-ин ~ -in — оруди. пад. 234
-ин ~ -in — отглаг. словообр. имени
127
-ин ~ -in — отглаг. словообр. глагола,
2-я пор. 178
-ин ~ -in — разделит. числит. 140
-инч ~ -inч — субстант. отглагол. имя
144, 239
-инч ~ -inч — порядк. числит. 21, 139,
232
-инч ~ -inч — то же 138, 139, 232
-ïн ~ -iñ — пов. накл. 2 л. ед. и мн. ч.
155, 175
-ïн ~ -iñ — форма принадл. 2 л. ед. ч.
116, 117
-ïн ~ -iñ — форма сопряж. состояния
35
-инз ~ -inз — форма принадл. 2 л.
мн. ч. 76
-инз ~ -inз — пов. накл. 2 л. мн. ч.
55, 155, 175
-ip ~ -ip — деепр. 55, 171, 172
-ip ~ -ip — прич. 145, 146, 147
-iscap ~ -iscap — наст.-буд. вр. 3 л.
ед. ч. 23
-it ~ -it — отглаг. словообр. гла-
гола, 5-я пор. 180

-ish ~ -iš — то же, 4-я пор. 180
-ish ~ -iš — субстант. отглаг. имя
143, 239
-i — перс. изафет 214

j

-j — деепр. 170
-ji ~ -ji — вин. пад. 105, 226
-ji — перс. изафет 214
-jim ~ -jim — предлаг.-жел. накл. 1 л.,
ед. ч. 21
-jin ~ -jin — то же 156, 160, 175, 240,
243
-(j)lik ~ -(j)lik — то же, 1-ое л. мн.
ч. 175, 245
-jy ~ -jy — деепр. 21

k, k

-k ~ -k — отыменн. словообр. глагола
184
-k ~ -k — отглаг. словообр. имени
127
-ka ~ -kä — дат. пад. 105, 106
-ka ~ -kä — отглаг. словообр. имени
128
-kak ~ -käk — то же 128
-kal — то же 129
-kar ~ -kär — отыменн. словообр. гла-
гола 184
-kar ~ -kär — отглаг. словообр. гла-
гола, 5-я пор. 180, 181, 182
-kac ~ -käç — деепр. 174
-kacha ~ -kächä — предельн. пад. 109
-ki ~ -ki — отыменн. словообр. имени
123
-kic ~ -kic — отглаг. словообр. имени
127
-kun ~ -kün — то же 127, 238
-kyp ~ -küp — отглаг. словообр. гла-
гола, 5-я пор. 180, 181, 182
-kuch ~ -kük — отглаг. словообр. имени
127

l

-a — отглаг. словообр. имени 129
-a ~ -l — отглаг. словообр. глагола,
3-я пор. 178, 179
-laïjn ~ -läjän — уподобит. форма 112,
237
-laýj ~ -läjy — то же 237, 243
-lak ~ -læk — отыменн. словообр.
имени 123
-la(n) ~ -lä(n) — отыменн. словообр.
глагола 183, 184

-ланч ~ -lanchi — порядк. числит. 245
-лар ~ -lär — мн. ч. 77, 118, 119, 156,
238
-la(m) ~ -lä(m) — отыменн. словообр.
глагола 183, 184
-la(w) ~ -lä(w) — то же 183, 184
-li ~ -li — предлаг.-жел. накл. 1 л.
мн. ч. 156, 157, 160, 175, 240, 244
-li ~ -li — относит. форма судц. 125
-liß ~ -lis — абстр. и относит. форма
судц. 120, 121, 122, 124
-lik ~ -lik — то же 120, 121, 122, 124
-lim ~ -lim — предлаг.-жел. накл. 1 л.
мн. ч. 21, 157, 240
-ly ~ -ly — относит. форма судц. 125,
224
-lyub ~ -lüy — абстр. и относит. форма
судц. 75
-lyuk ~ -lük — то же 75

M

-m — форма принадл. 1 л. ед. ч. 115,
116, 117, 176
-ma ~ -mä — то же 127
-ma ~ -mä — отриц. афф.-инфлекс 141
-mak ~ -mäk — субстант. отглаг. имя
143, 144, 224, 239
-man ~ -män — наст.-буд. вр. 1 л. ед.
ч. 35, 167
-манам — то же 167
-mas ~ -mäs — прич. 147
-mac ~ -mäç — отглаг. словообр.
имени 128
-miz ~ -miz — форма принадл. 1 л.
мн. ч. 77, 115, 116, 176
-mish ~ -mish — прич. 77, 147, 148, 224
-misham ~ -mishäm — прош. вр. 1 л.
ед. ч. 35, 148, 224, 231, 246
-mtul ~ -mtül — интенсив 131, 238
-myuk ~ -mük — отыменн. словообр.
имени 126
-myur ~ -müp — отглаг. словообр.
имени 128

N

-n — вин. пад. для формы принадл. 3 л.
ед. и мн. ч. 77, 104
-n — отглаг. словообр. глагола, 2 пор.
178
-na ~ -nä — отыменн. словообр. гла-
гола 184
-ni ~ -ni — вин. пад. 104

-*н̄і* ~ -*н̄і* — стяж. форма сопряж. сост. 113
 -*н̄ің* ~ -*н̄ің* — форма сопряж. сост. 76, 112, 113, 114, 115
 -*нұң* ~ -*нұң* — то же 76, 112, 113, 114, 115
 -*н̄і* — субстант. отглаг. имя 76, 144, 239, 243
 -*н̄ің* ~ -*н̄ің* — порядк. числит. 139

у

-*ң* — пов. накл. 2 л. ед. и мн. ч. 155
 -*ң* — форма принадл. 2 л. ед. ч. 75, 115, 116, 117, 176
 -*ңіз* ~ -*ңіз* — пов. накл. 2 л. мн. ч. 155
 -*ңіз* ~ -*ңіз* — форма принадл. 2 л. ед. ч. 75, 115, 116, 117, 176
 -*ңуз* ~ -*ңүз* — то же 76, 115, 116
 -*ңуз* ~ -*ңүз* — пов. накл. 2 л. мн. ч. 155

н

-*п* — деепр. 172

р

-*р* — отыменн. словообр. глагола 184
 -*р* — прич. 55, 145, 146, 147, 224
 -*рак* ~ -*рәк* — интенсив 123, 125, 130, 131
 -*рап* ~ -*рәр* — разделит. числит. 233
 -*ра(н)* ~ -*рә(н)* — отыменн. словообр. глагола 184
 -*ри* — отглаг. словообр. имени 131
 -*руб* ~ -*рүз* — то же 128
 -*рук* ~ -*рүк* — то же 128

с

-*са* ~ -*са* — усл. накл. 3 л. ед. и мн. ч. 21, 161, 162, 163
 -*сак* ~ -*сәк* — то же, 1 л. мн. ч. 161, 162, 163
 -*сам* ~ -*сәм* — то же, 1 л. ед. ч. 161, 162, 163
 -*саң* ~ -*сәң* — то же, 2 л. ед. ч. 161, 162, 163
 -*саңіз* ~ -*сәңіз* — то же, 2 л. мн. ч. 161, 162, 163
 -*сар* ~ -*сәр* — то же, 3 л. ед. и мн. ч. 230
 -*сат* ~ -*сәт* — отглаг. словообр. глагола, 5-я пор. 181
 -*сі* ~ -*си* — форма принадл. 3 л. ед. и мн. ч. 115, 116, 213

-*сіб* ~ -*сіи* — уподобит. форма 237, 243
 -*сіз* ~ -*сіз* — форма именн. привативности 76, 122
 -*сін* ~ -*сін* — отыменн. словообр. глагола 184
 -*су* ~ -*сү* — предлаг. жел. накл. 3 л. ед. и мн. ч. 240, 243
 -*суз* ~ -*сүз* — форма именн. привативности 76
 -*сук* — отнаречн. словообр. имени 132
 -*сун* ~ -*сүн* — предлаг.-жел. накл. 3 л. ед. и мн. ч. 55, 75, 157, 158, 160, 175, 240
 -*сүні* ~ -*сүні* — то же, 3 л. ед. и *мн. ч. 243

т

-*т* — отглаг. словообр. глагола, 5-я пор. 181
 -*такі* ~ -*тәкі* — отыменн. словообр. имени 124
 -*таш* ~ -*тәш* — то же 125
 -*тәк* — уподобит. форма 111
 -*ті* ~ -*ти* — прош. вр. 3 л. ед. и мн. ч. 55, 78, 164, 165
 -*тім* ~ -*тім* — то же, 1 л. ед. ч. 164, 165
 -*тін* ~ -*тін* — исх. пад. 77, 107, 108
 -*тің* ~ -*тің* — прош. вр. 2 л. ед. ч. 164, 165
 -*тук* ~ -*түк* — отыменн. словообр. имени 125, 164, 165
 -*тук* ~ -*түк* — прош. вр. 1 л. мн. ч. 74, 164, 165
 -*түм* ~ -*түм* — то же, 1 л. ед. ч. 74, 164, 165
 -*туң* ~ -*түң* — то же, 2 л. ед. ч. 74, 164, 165
 -*тур* ~ -*түр* — отглаг. словообр. глагола, 5-я пор. 180, 181

ү, ў

-*ү* ~ -*ү* — деепр. 171, 241
 -*ү* ~ -*ү* — пов. накл. 2 л. ед. ч. (?) 152, 153, 154
 -*ү(а)* ~ -*ү(а)* — субстант. отглаг. имя 145
 -*үз* ~ -*үз* — отглаг. словообр. имени 131
 -*ук* ~ -*үк* — отыменн. словообр. глагола 184
 -*ул* ~ -*үл* — отглаг. словообр. глагола, 3-я пор. 75, 178

-*ум* ~ -*үм* — отглаг. словообр. имени 127
 -*ум* ~ -*ўм* — форма принадл. 1 л. ед. ч. 75, 127
 -*уміз* ~ -*үміз* — то же, 1 л. мн. ч. 77
 -*умтул* ~ -*ўмтул* — интенсив 131

-*ун* ~ -*ўн* — отглаг. словообр. глагола, 2-я пор. 75, 178
 -*ун* ~ -*ўн* — отглаг. словообр. имени 132
 -*унч* ~ -*ўнч* — порядк. числит. 139
 -*унч* ~ -*ўнч* — субстант. отглаг. имя 76, 144, 239

-*унч* ~ -*ўнч* — порядк. числит. 76, 78

-*үң* ~ -*ўң* — форма сопряж. сост. 35
 -*үң* ~ -*ўң* — пов. накл. 2 л. ед. и мн. ч. 75

-*үңіз* ~ -*ўніз* — форма принадл. 2 л. мн. ч. 76

-*үңуз* ~ -*ўнүз* — то же 76

-*үңуз* ~ -*ўнүз* — пов. накл. 2 л. мн. ч. 155

-*уп* ~ -*ўп* — деепр. 75, 76

-*ур* ~ -*ўр* — прич. 75, 112, 145, 146, 147

-*ур* ~ -*ўр* — отглаг. словообр. глагола, 5-я пор. 180, 181

-*ут* ~ -*ўт* — то же 180

-*уш* ~ -*ўш* — отглаг. словообр. глагола, 4-я пор. 75, 180
 -*уш* ~ -*ўш* — субстант. отглаг. имя 143

Ч

-*ча* ~ -*чә* — предельн. пад. 109, 110

-*чак* ~ -*чәк* — отглаг. словообр. имени 127

-*чак* ~ -*чәк* — отыменн. словообр. имени 125

-*chan* ~ -*чән* — отглаг. словообр. имени 128

-*чі* ~ -*чі* — отыменн. словообр. имени 124

-*чіл* ~ -*чіл* — интенсив 131

Ш

-*ш* — субстант. отглаг. имя 143

-*ш* — отглаг. словообр. глагола, 4-я пор. 180

-*шар* ~ -*шәр* — разделит. числит. 139, 140, 233

-*шил* ~ -*шил* — интенсив 131

-*шур* — отглаг. словообр. глагола, 5-я пор. 181

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Сокращения	3
Предисловие	6
Введение	9
История изучения староузбекского языка	9
Краткая характеристика узбекского языка рассматриваемого периода	12
Исторические обстоятельства образования узбекской народности и формирования староузбекского языка	16
Краткий обзор источников	19
Произведения художественной и историко-мемуарной литературы	20
Золотоордынский цикл	20
Предшественники Нава'й	25
Нава'й, Бабур и их современники	36
Произведения религиозной и дидактической литературы	46
Памятники делового языка, эпиграфические тексты	49
Словари, грамматики, филологические трактаты	52
О принципах отбора источников	61
Глава I. Фонетика	64
Гласные	66
Краткие гласные	70
Долгие гласные	72
Гармония гласных	73
Распределение гласных	78
Согласные	79
Простые согласные	79
Долгие, или удвоенные, согласные	88
Распределение согласных	89
Фонетические явления в области гласных и согласных	91
Фонетическая структура слова	95
Особенности восприятия заимствованных слов	96
Глава II. Морфология	98
Части речи	99
Имя	99
Словоизменение имени	99
Формы падежа	100
Уподобительная форма	111
Форма сопряженного состояния	112

Формы лица-принадлежности	115
Формы числа	117
Словообразование имени	120
Собственно имена	123
Существительное	123
Формы отъименных образований	123
Формы отглагольных образований	126
Прилагательное	130
Формы отъименных образований	130
Формы отглагольных образований	131
Формы отнаречных образований	132
Местоимения	132
Личные местоимения	132
Указательные местоимения	133
Возвратно-усилительные местоимения	134
Определительно-обобщающие местоимения	134
Отрицательные местоимения	135
Неопределенные местоимения	136
Вопросительные и относительные местоимения	136
Числительные	137
Количественные числительные	137
Порядковые числительные	138
Собирательные числительные	139
Разделительные числительные	139
Обобщенно-утвердительные и обобщенно отрицательные имена	140
„Пустые“ имена	141
Отглагольные имена	141
Субстантивные отглагольные имена	143
Причастия	145
Глагол	151
Словоизменение глагола	151
Формы полной вербальности	152
Формы повелительного и предлагательно-желательного наклонения	152
Форма условного наклонения	161
Формы изъявительного наклонения	164
Формы неполной вербальности (Деепричастия)	167
Формы лица и числа	175
Словообразование глагола	177
Формы отглагольного словообразования	177
Формы отъименного и отнаречного словообразования	183
Наречие	184
Обстоятельственные слова	185
Изобразительно-экспрессивные слова	187

Частицы речи	188
Послелоги	189
Предлоги	197
Собственно частицы I (постпозитивные)	199
Собственно частицы II (препозитивные)	203
Союзы	204
Сочинительные союзы	204
Подчинительные союзы	207
Гла́ва III. Синтаксис	211
Член предложения	211
Сочетание	212
Оборот	216
Предложение	217
Простое предложение	218
Сложное предложение	219
Выражение прямой и косвенной речи	220
Заключение	222
Общая характеристика староузбекского языка XIV—XVI вв.	222
Отношение староузбекского языка к восточнотуркестанскому	228
Отражение диалектных особенностей в памятниках староузбекского языка	243
Приложения:	
I. Система староузбекского стихосложения	247
II. Краткий словарь грамматических терминов	256
III. Таблицы сочетаемости аффиксов	263
Имя	263
Глагол	265
Указатель аффиксов	267

Александр Михайлович Щербак
ГРАММАТИКА СТАРОУЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Утверждено к печати
Институтом языкоznания Академии Наук СССР

Редактор Издательства А. А. Эзрин. Художник Д. С. Данилов. Технический редактор Н. А. Крутикова. Корректоры К. И. Видре и В. А. Пузиков

Сдано в набор 10 января 1962 г. Подписано к печати 26 июня 1962 г. РИСО АН СССР № 26—105В. Формат бумаги 60 × 90 $\frac{1}{4}$. Бум. л. 8 $\frac{5}{8}$. Печ. л. 17 $\frac{1}{4}$ =17 $\frac{1}{4}$ усл. печ. л. Уч.-изд. л. 15.56. Изд. № 1538. Тип. звук. № 509. М-42153. Тираж 1800.
Цена 1 р. 03 к.

Ленинградское отделение Изд. Акад. наук СССР. Ленинград, В-164, Менделеевская л., 1
1-я тип. Издательства Академии наук СССР. Ленинград, В-34, 9 л., 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

В МАГАЗИНАХ КОНТОРЫ «АКАДЕМКНИГА»

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

Аворин В. А. Грамматика нацайского языка.

Том I. Фонетическое введение и морфология именных частей речи. 1959. 282 стр. Цена 1 р. 69 к.

Том II. Морфология глагольных и наречных частей речи, междометий, служебных слов и частиц. 1961. 294 стр. Цена 1 р. 71 к.

Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. Том II. Фонетика и морфология. Часть 1. Части речи и словообразование. 1952. 542 стр. Цена 80 коп.

Бокарев Е. А. Це́зские (диодойские) языки Дагестана. 1959. 292 стр. Цена 1 р. 39 к.

Будагов Р. А. Этюды по синтаксису румынского языка. 1958. 233 стр. Цена 82 коп.

Вопросы башкирской филологии. Сборник статей. 1959. 160 стр. Цена 92 коп.

Вопросы грамматики и истории восточных языков. 1958. 244 стр. Цена 96 коп.

Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. 1961. 283 стр. Цена 1 р. 47 к.

Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. 1957. 240 стр. Цена 1 р. 14 к.

Зарубин И. И. Шугнанские тексты и словарь. 1960. 386 стр. Цена 1 р. 81 к.

Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского языка. 1960. 446 стр. Цена 2 р. 08 к.

Майзель С. С. Изает в турецком языке. 1957. 186 стр. Цена 86 коп.

Микаилов Ш. И. Очерки аварской диалектологии. 1959. 512 стр. Цена 2 р. 30 к.

Миллер Б. В. Талышский язык. 1953. 266 стр. Цена 1 р. 28 к.

Младописьменные языки народов СССР. Сборник статей. 1959. 503 стр. Цена 2 р. 09 к.

Некоторые вопросы китайской грамматики. 1957. 128 стр. Цена 79 коп.

Пахалина Т. Н. Ишкешимский язык. Фонетика. Грамматика. Тексты и словарь. 1959. 256 стр. Цена 1 р. 40 к.

Расторгуева В. С. Очерки по таджикской диалектологии.

Вып. 1. Варзобский говор. 1952. 206 стр. Цена 77 коп.

Вып. 2. Северные таджикские говоры. 1952. 324 стр.
Цена 1 р. 02 к.

Вып. 4. Южноферганские говоры и говоры Ура-
Тюбинской группы. 1961. 223 стр. Цена 67 коп.

**Севортын Э. В. Фонетика турецкого литератур-
ного языка.** 1955. 150 стр. Цена 74 коп.

Скорик П. Я. Грамматика чукотского языка.
Часть 1. Фонетика и морфология именных частей речи.
1961. 448 стр. Цена 1 р. 97 к.

Соколова В. С. Бартангские тексты и словарь.
1960. 196 стр. Цена 1 р.

**Соколова В. С. Рушанские и хуфские тексты и
словарь.** 1959. 336 стр. Цена 1 р. 59 к.

**Соколова В. С. Очерки по фонетике иранских
языков. Часть II.** Осетинский, я gnobский и памирские
языки. 1953. 243 стр. Цена 1 р. 03 к.

Соколова В. С. Фонетика таджикского языка.
1949. 166 стр. Цена 1 р. 26 к.

**Щербак А. М. Грамматический очерк языка тюрк-
ских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана.**
1961. 204 стр. Цена 74 коп.

**Яковлев Н., Ашхамаф Д. Грамматика адыгейского
литературного языка.** 1941. 462 стр. Цена 2 р. 97 к.

**Яковлев Н. Ф. Грамматика литературного кабар-
дино-черкесского языка.** 1948. 372 стр. Цена 2 р. 79 к.

Ваши заказы на книги просим направлять по адресу:

Москва, К-12, Б. Черкасский пер., 2/10.

Контора „Академкнига“, отдел „Книга—почтой“
или в ближайший магазин „Академкнига“

Адреса магазинов „Академкнига“:

Москва, ул. Горького, 6 (магазин № 1); **Москва**, 1-й Ака-
демический проезд, 55/5 (магазин № 2); **Ленинград**, Ли-
тейный проспект, 57; **Свердловск**, ул. Белинского, 71в;
Киев, ул. Ленина, 42; **Харьков**, Горянинский пер., 4/6;
Алма-Ата, ул. Фурманова, 129; **Ташкент**, ул. Карла
Маркса, 29; **Баку**, ул. Джапаридзе, 13.

При получении заказа — книги, как имеющиеся в на-
личии, так и печатающиеся (по поступлении их в про-
дажу), будут направлены в Ваш адрес наложенным плате-
жом. Пересылка за счет заказчика.

Предварительные заказы на книги принимаются
также местными магазинами книготоргов и потреби-
тельской кооперации.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стра- нича	Строка	Напечатано	Должно быть
16	2 снизу	пāјтаҳт	пāјтаҳтї
17	4 "	стр. 37	стр. 73
39	12 "	1488	1498
56	13 сверху	جور	جور
63	2 "	jān	jān
140	6 снизу	нав' јінсіјат	нав' јінсіјат
220	11 "	кілалї	нёчүк кілалї

А. М. Щербак.